

Ասակի Մգեղադե

ՏՏԱԼԻՆ

ԿԱԿԻՄ Ե ԱԵՂ ՅՆԱԼ

ՏՐԱՆԻՑԻ ԿԵԱՎՆԵՂՈ ԲՐՈՏԼՈՂՈ

АКАКИЙ МГЕЛАДЗЕ

СТАЛИН. КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ.

СТРАНИЦЫ НЕДАВНЕГО
ПРОШЛОГО

საქართველოს ეროვნული
ბიბლიოთეკა

6/8 2001

საქართველოს
ეროვნული ბიბლიოთეკა

329.150.1 (092 უფმბ) + 894631

УДК 9[47+57]
М40

Сталин, И. В.

Автор книги "Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого" Акакий Иванович Мгеладзе на разных этапах своей жизни являлся высоким партийным руководителем, а так же занимал различные должности на хозяйственной работе в период существования Советской Социалистической Республики Грузия.

Книга -это рассказ о многочисленных личных встречах со Сталиным, неизвестных в мемуарной литературе, а так же о встречах с выдающимися представителями науки, культуры и литературы.

799
3
T

К ЧИТАТЕЛЮ

Я долго колебалась прежде, чем опубликовать записи моего отца, оставшиеся после его кончины.

Жизнь стала иной и течет в ином русле. Изменилось мировоззрение многих людей и многие явления получили новую оценку.

Заинтересуют ли наших современников “дела давно минувших дней”?! Найдут ли они для себя в этой книге что – то новое, неизвестное им до толе, или же недоуменно пожмут плечами.

И все же, считая, что любые воспоминания являются крупицей, помогающей воссоздать, вылепить лицо эпохи, которая, кому – то нравясь, а кому – то нет, как это обычно бывает, все же была став ~~се~~ составной частью истории и оставив в ней свой след, я решилась на этот шаг.

В каждый период живут и творят личности не менее достойные, чем люди других времен. Они выполняют свое предназначение в отведенном им судьбой месте. Это не боги и ничто человеческое им не чуждо. Но если человек пришел в этот мир с честными намерениями и ему дано многое, то в любых социально – исторических условиях, использовав свой дар и талант, он может помочь людям стать хотя – бы немножко счастливее, сделав для этого все что в его силах, и даже больше...

...Ниже следуют воспоминания моего отца о главных вехах в его жизни, о его встречах со Сталиным и многими интересными людьми его времени.

Прошу особо обратить внимание на заголовок “Сталин. Каким я его знал”. Невозможно объять необъятное. Невозможно знать все и вся. Умные люди никогда не делят жизнь и ее проявления только на черное и белое. Каждый человек многогранен и природа его бесконечно разнообразна. Особенно если это выдающаяся личность.

В воспоминаниях нет прямых оценок. Это просто описание фактов и каждый волен их воспринимать сообразно своей точки зрения.

И все же... Слушающий, да услышит! Понимающий да поймет!

* * *

Мы приносим извинения тем семьям, честь которых может быть невольно задета в Воспоминаниях, а также просим снисхождения у грузинского читателя, в том что книга вышла на русском языке. Отец прекрасно владел русским, грузинским, сванским, мингрельским, а также абхазским языками. Но, его супруга, моя мать, Эмилия Хелман, которая стенографировала под его диктовку, расшифровывала и корректировала записанный материал, прекрасно зная разговорный грузинский, не посмела взять на себя ответственность за правильность стилистических тонкостей и особенностей грузинского литературного языка.

Натела Мгеладзе

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Мгеладзе Акакий Иванович родился в 1910 году в селе Мелекедური Озургетского района (Грузия). Вскоре его родители переехали на постоянное местожительство в Гудауга. Отец – кустарь – сапожник и земледелец, мать – домохозяйка. Трудовую жизнь начал с раннего детства в семье, помогая отцу дома и в поле.

Самостоятельно начал работать с 1925 года. Параллельно в 1930 году окончил Гудаугтскую девятилетку, поступил в Московский Строительный институт, но был отозван на комсомольскую работу. В 1949 году окончил Всесоюзный юридический заочный институт. С 1927 года – член ВЛКСМ, а с 1932 года – член ВКП(б).

С 1930 года работал зав. орг. отделом Гудаугтского РКЛСМ, зав. массово – экономическим отделом Абхазского обкома ЛКСМ Грузии, зав. Орг. отделом и вторым секретарем Абхазского обкома ЛКСМ Грузии, первым секретарем Абхазского обкома ЛКСМ Грузии, первым секретарем ЦК ЛКСМ Грузии (1934 – 1937), зав. Молодежным Отделом ЦК ВЛКСМ (г. Москва, 1937 – 1938). Осенью 1938 года находился под домашним арестом. Затем был назначен Управляющим треста “Грузнефть” (1938 – 1942). С августа 1942 года по февраль 1943 года был военкомом Управления тыла Закфронта в звании старшего батальонного комиссара, Заместителем Начальника Тыла Закфронта по политической части в звании подполковника.

С 1943 года до 1951 года работал первым секретарем Абхазского обкома и Сухумского горкома КП Грузии. С ноября 1951 года был первым секретарем Кутаисского обкома КП и первым секретарем Кутаисского ГК КП Грузии.

С марта 1952 года по апрель 1953 года работал первым секретарем Центрального Комитета КП(б) Грузии. Одновременно являлся членом Военного Совета Зак. В.О.

С апреля по август 1953 года находился в распоряжении ЦК КП Грузии, а затем был назначен директором строящегося Самгорского виноградарского совхоза Гаре – Убанского района. С мая 1954 года был переведен на работу директором Бебнисского совхоза – питомника Карельского района, в тяжелые климатические и бытовые условия, что практически означало ссылку.

После почти девятнадцати лет работы в названном совхозе

с 1973 года его назначаются управляющим треста овинного-молочных совхозов Грузии, затем Председателем Аппарата промышленно-торгового объединения Министерства сельского хозяйства Грузии и одновременно заместителем министра сельского хозяйства Грузии.

После выхода на пенсию в 1978 году являлся консультантом упомянутого объединения.

Скончался в 1980 году.

За время работы был награжден следующими наградами:

1. два Ордена Ленина – 1941г., 1949г.
2. Орден Трудового Красного Знамени – 1944г.
3. Орден Отечественной Войны I – й степени – 1946г.
4. Орден Красная Звезда – 1943г.
5. Два Ордена "Знак Почета" – 1942г., 1971г.
6. А также: военным медалями, значками, почетными грамотами
7. Бронзовой, Серебряной и Золотой медалями ВДНХ СССР.

В период работы неоднократно избирался делегатом областных конференций и съездов Комсомола Грузии. Был делегатом X съезда ВЛКСМ, Всемирного Конгресса Молодежи в борьбе за Мир, состоявшегося в Женеве в 1936 году и Конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи, а также делегатом областных конференций Абхазской Организации КП(б) Грузии, съездов Коммунистической партии Грузии, XIX съезда ВКП(б). Являлся депутатом Верховного Совета СССР, Грузинской ССР, Абхазской АССР, Тбилисского и Сухумского городских советов многих созывов.

В кругу своих друзей, я не раз говорил, что никогда не буду писать воспоминаний, ибо это — дело незанятых людей, а в наше время только надо работать и работать. Теперь — же когда я пребываю в совхозе — питомнике Бебниси, жизнь внесла некоторые коррективы.

Приступая к написанию страниц прошлого, я ставлю перед собой главной целью — занять себя определенным делом, столь необходимым когда пребываешь в одиночестве в довольно неуютной комнате совхозного дома

Картина станет более ясной и полной, если добавить, что «в один прекрасный день» позвонил мне председатель Карельского райисполкома и сказал, что с сегодняшнего дня электрического освещения в совхозе не будет из — за нехватки электроэнергии в районе. Это означает, что невозможно будет слушать радиопередачи, а о телевидении здесь в ста километрах от Тбилиси еще и не слышали. Что же остается делать в эти длинные зимние вечера при маленькой керосиновой лампе?! Может быть заняться страницами прошлого?!

* * *

Не будучи литератором, я рассчитываю на снисхождение тех, кто когда — либо прочтет мой скромный труд.

Родители мои были выходцами из Гурии, впоследствии переехавшие на постоянное местожительство в Абхазию, Гудаута.

Отец, Иванэ Мгеладзе, по профессии сапожник работал у частного предпринимателя рабочим — обувщиком, одновременно владея десятью десятинами земли, а на склоне лет — в сапожной артели "Советская Грузия" в Гудаута.

Мать я потерял когда мне было два года.

Вспоминаю, что отец пользовался авторитетом и уважением у окружающих, которые часто обращались к нему за советом. Он был внимателен к людям, обладал огромной силой воли и был честнейшим человеком в округе. Грамотный, но без образования, он был толков и умен по природе. Работал не покладая рук по 16—17 часов в сутки с понедельника до субботы. И хотя мы жили в трудных условиях, благодаря упорному труду, отец вместе со своим братом, построил собственный дом из шести комнат в котором и провел всю свою жизнь.

По субботам или воскресениям, если позволяли экономические возможности, приглашали гостей. Отец одевался в праздничную одежду, принимал друзей, или сам шел к ним. Они вместе проводили время за обеденным столом, пели, танцевали, развлекаясь ездили на фаэтонах с органом. На одном фаэтоне лежали их шапки "бохохис куди", а на другом — сидел отец с друзьями.

Подрастая я стал прислушиваться к их беседам и тостам, которые произносились в нашем доме — в основном это были добрые пожелания друг другу, которые всегда были связаны с любовью к Родине, дружбой, героизмом. Часто в тостах давался критический обзор истории Грузии. Говорили о ее прошлом, о мужественной борьбе грузинского народа за свою независимость, о ее высокой древней культуре, о том, что несмотря на трудности и испытания грузины сумели сохранить себя.

Космополитизм считали злом. Родину должен любить каждый, и каждый должен помнить, что Родина без нас обойдется, а мы без нее — нет. Поэтому каждый должен посвятить себя ее служению...

Отец был строгим человеком. Я любил его, восхищался

его мужеством, но и побаивался. Такую особенную любовь можно объяснить тем, что матери я лишился в раннем возрасте. Ее я не помню, но родственники рассказывают, что Ольга Шарадзе была высокой, стройной, красивой женщиной, достаточно развитой для своего времени. Говорят, что между моим отцом и матерью в культурном отношении была заметная разница.

Отец очень любил мою мать (которую, кстати, похитил). Он устроил ей пышные похороны, и потом на протяжении многих лет почти ежедневно бывал на могиле в одиночестве оплакивая ее.

Но время шло. Нас осталось двое детей без матери и отец несколько лет спустя женился.

Я и мой брат высоко ценили нашу мачеху, так как она много трудилась для нас.

О религии в детстве у меня было смутное представление. Отец был атеистом. Правда, по традиции меня крестили, да и мачеха нас часто водила в церковь и учила молиться.

В детстве я был два раза крепко наказан отцом и помню это по сей день. Впервые — за то, что уделял мало внимания своему младшему брату. Второй раз, когда я с плачем пришел к нему жаловаться на мальчишек, которые побили меня. Я ждал, что отец меня пожалеет, но он высек меня за то, что я сам не задал должное этим мальчишкам.

Из прошлой детской жизни мне запомнился еще один эпизод. В нашем небольшом хозяйстве была корова. По утрам мачеха ее доила, а затем я ее гнал на пастбище. Вечером я пригонял корову обратно. Однажды, мне было тогда тринадцать лет, я направился в сторону пастбища и на дороге нашел пять рублей. Пригнав корову домой, я показал отцу найденные деньги. Отец отобрал их, и мы вместе обошли всех живущих людей на той улице. Выяснилось, что деньги там никто не терял.

Утром отец вновь обошел всех соседей, объявив, что если кто — нибудь будет искать деньги, пусть их направят к нам домой. Проходили дни и месяцы, но никто не появлялся. Деньги, несмотря на нужду, которую мы испытывали, лежали нетронутыми.

Прошел год и как — то мачеха вспомнила об этих деньгах. Тогда отец, в один из воскресных дней, взяв меня в город, зашел в книжный магазин и купил мне на эти деньги книги: И. Чавчавадзе — "Квата гагади", Ак. Церетели — "Гамзрдели" и "Како — качаги", А. Казбеги — "Элгуджа". Книги, видимо были подобраны

отцом не случайно, они воспитывают в человеке высокие моральные качества.

Отец много работал, чтобы дать образование своим сыновьям.

Когда мне исполнилось шесть лет, меня отдали в школу. Окончив грузинскую двухлетку, я поступил в русскую среднюю школу (так как грузинская была только двухклассная). При этом я потерял год – к сожалению двухклассное грузинское образование не давало возможности успевать в русской школе по всем предметам, и к тому же я совершенно не владел русским языком. Но я очень старался и уже через три года был в числе первых учеников и школу окончил на отлично.

В 1921 году в политической жизни Грузии произошел еще один исторический поворот – была установлена Советская Власть.

В нашей семье имели смутное представление об этой власти, хотя дядя был “политически образованным” и симпатизировал меньшевикам. Думаю, это было характерным для многих грузинских семей. Страх перед тем, что государственной независимости Грузии вновь грозит опасность и вновь будут подавляться ее национальные особенности, вызывал настороженность. Но большевики своей пропагандой легко развеяли эти опасения.

Началась новая эра в жизни Грузии.

Как я понимаю сейчас, в то время партия развернула интенсивную работу по укреплению коммунистической идеологии, организации и воспитанию молодежи посредством коммунистического союза молодежи и пионерской организации.

И вот я вступил в пионерские ряды. Родители не протестовали против этого шага.

В пионерской организации велась оживленная работа. нас многому обучали, водили на экскурсии, раздали красные галстуки и купили новый барабан. Было весело и хорошо. Пионервожатые следили за тем, как мы учились в школе, воспитывали в нас положительные моральные качества. У нас был свой хорошо оборудованный клуб, где было много самодеятельных кружков – хоровой, технический, естествознательный и др. Мы твердо знали, что пионер не курит, не пьет и не ругается. Это нравилось родителям детей и они с легкой душой отпускали их в пионеры. Единственное, что их смущало, это было то, что нас постепенно

вовлекали в антирелигиозную работу. Дети, родители которых были верующими, не знали что делать, но пионерская организация оказывала свое влияние и оно брало верх над их колебаниями.

Мой отец был неверующим и для меня религия не имела значения. Но, так как я стал безбожником, мачеха горячо молилась богу, чтобы он простил мне мои грехи.

В школе, где я учился, был замечательный педагог математики — некто Кусонский, генерал от артиллерии, ушедший в отставку после революции и поселившийся на постоянное местожительство в Гудаута. Это был высокообразованный культурный человек. Очевидно, замечая мои незаурядные математические способности, он обращал на меня особое внимание, беспощадно требуя, в моих же интересах, все новых и новых достижений. Он считал, что мне непременно нужно поступить в артиллерийское училище. А я мечтал стать инженером. Об этом мечтали мои родители и даже родственники.

Но судьба распорядилась иначе. Я не стал ни артиллеристом, ни инженером, и даже никогда не пришлось использовать мой диплом юриста.

В школе я очень много читал художественную и политическую литературу грузинских, русских и западно-европейских писателей. Не могу сказать, что в то время меня особенно увлекала политическая литература. Читал я в оригинальных условиях. Семья жила скудно и экономили на всем, в том числе и на керосине. Недалеко от нашего дома стоял большой газовый фонарь. И вот после школьных занятий и работы на гудаутском винокуренном заводе я выкраивал время и примостившись под фонарем с увлечением зачитывался книгами.

Был я также членом ЧОН (части особого назначения), так как среди сверстников выделялся большим ростом. Наш командир имел винтовку с патронами, а все остальные — винтовки без патронов, ибо патронов просто не хватало. Некоторое время спустя наши винтовки кому — то понадобились и их у нас отобрали, оставив одну командиру. Нам же вручили бамбуковые палки.

Чем же занимались эти части особого назначения?! Мы ходили по ночам по тем кварталам и улицам, которые были закреплены за нами и следили за порядком. Если появлялся какой — то незнакомец, мы требовали документы. Следили за тем, чтобы не было грабежей и поджогов. Вообще, поддерживали

порядок и как тогда говорили "охраняли Советскую Власть". Делали мы это с увлечением, были всегда наготове и нам казалось, что с нашими бамбуковыми палками мы сможем устроить мировую революцию.

В 1927 году я вступил в ряды комсомола, но особой активностью не отличался.

В 1930 — ом я закончил среднюю школу, отослал свои документы в Московский строительный институт, откуда получил извещение о том, что принят. Какое счастье! Я стану студентом, да еще и в Москве!

В это время в Гудаута проходила районная конференция молодежи, в которой я участвовал в качестве делегата. На конференции с докладом выступил секретарь райкома. Затем на трибуну поднялся делегат, выступление которого вызвало крайнее возмущение у большинства присутствующих. Он высмеял тех, кто носит галстук и ходит с книгой в руках. Я не выдержал и попросил слово. Моя речь прозвучала приблизительно так: "Надо чтобы наша молодежь одевалась чисто, читала и упорно училась. Нет ничего зазорного в том, чтобы носить галстук и держать в руках книги. Мы должны учиться у друзей и у врагов, а кичиться неряшливостью и отсталостью, это значит тормозить прогресс."

Мое выступление получило горячее одобрение и тем самым "погубило" меня. Ни в какую Москву меня непустили, а ввели в состав райкома комсомола, избрав зав. орг. отделом и зам. секретаря. Моим настойчивым просьбам никто не внял, а ведь я собирался стать инженером, получить высшее техническое образование, а затем, не забывая совет моего преподавателя математики, закончить артиллерийское училище, чтобы стать хорошим военным инженером.

Увы, пришлось подчиниться комсомольско — партийной дисциплине и я с энтузиазмом, в надежде на лучшее будущее, приступил к работе...

...Потом будут Сухуми, Тбилиси, Москва и вновь Тбилиси, и работа с полной отдачей на благо Родины и моего народа.

“СТАЛИН. КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ”

За время моей работы на руководящих постах Грузии и ВЛКСМ, а затем, на хозяйственной работе — Управляющим Треста “Грузнефть”, в годы Великой Отечественной войны Комиссаром Закфронта, а затем, на посту первого секретаря Сухумского горкома и Абхазского обкома партии, Кутаисского горкома и Кутаисского обкома партии, первым секретарем ЦК КП(б) Грузии и Членом Военного Совета Зак.ВО, а также будучи делегатом ряда съездов ЛКСМ Грузии и ВЛКСМ, двух Мировых Конгрессов Молодежи, съездов КП(б) Грузии и XIX — го Съезда ВКП(б) мне не раз приходилось встречаться с И. В. Сталиным. Все эти встречи проходили лично для меня (и думаю, что не только для меня) при особой внутренней собранности, вызванной сознанием важности дела и чувством высокой ответственности.

Я всегда записывал об этих встречах, но некоторые слишком конфиденциальные моменты из наших бесед, я просто забывал и периодически восстанавливал их в памяти, чтобы не забыть.

Однако, после смерти И. В. Сталина, когда его саркофаг поместили в Мавзолей и траурный митинг был закончен, меня вызвал к себе в кабинет в Кремле Берия и совершенно неожиданно для меня, начал поносить Сталина. Это было началом.

Затем, начали рассправляться со Сталинскими кадрами. В этом деле главенствующую роль играли Хрущев, Маленков и Берия. Рассправу с грузинами поручили грузину Берия и последний взялся за это с особым рвением — хотел отличиться и выслужиться (что все же не спало его). Он обрушился на меня сам и натравил весь аппарат НКВД СССР. Сфабриковал клеветнические материалы, спешно убрал меня из руководства. Путем опроса вывел из состава ЦК КПСС и т.д.

Когда стало очевидным, что взят курс на мое не только политическое, но и физическое уничтожение, я счел нужным сжечь свои записи, так как в них были зафиксированы эпизоды, о которых Берия, Хрущев и Маленков предпочли бы не вспоминать.

Я был удален из руководства и мне было предложено сидеть дома.

Однажды ко мне на квартиру по поручению Министра

Деканозова пришел его работник некто Давидов, который предложил сдать имеющееся у меня оружие, включая и личные подарки.

В аппарате ЦК КП Грузии усиленную деятельность по фабрикации на меня компрометирующих материалов вел С. Мамулов. В НКВД меня допрашивал Кобулов. Я отмечаю эту характерную деталь потому, что когда Берия справлялся с руководящими кадрами Грузии, он не поручал это дело грузинам, видимо считая, и это был один из методов его работы, что другая национальность является более твердой гарантией успеха.

За время моего домашнего ареста борьба за власть в верхних слоях постепенно накалялась, вскоре сам Берия оказался за решеткой и через несколько месяцев был расстрелян (июнь 1953 года).

После того как с Берия было покончено, я начал восстанавливать прежние записи и думаю, что мне это полностью удалось.

Кто дерзнет утверждать, что знает о таком великом человеке, как Сталин, решительно все? О нем были написаны статьи, воспоминания, созданы поэтические творения и эпические кино — ленты, военачальники посвятили ему лучшие страницы своих мемуаров.

Даже его политические противники и непримиримые враги высказывались о нем следующим образом:

“Бенеш^X по дороге в Лондон, в Алжире в беседе со мной обрисовал Сталина как человека сдержанного в речах, но твердого в намерениях, имеющего в отношении каждой из европейских проблем свою собственную мысль, скрытую, но вполне определенную...”^{XX}

...“На конференции происходившей в Тегеране в декабре 1943 года, Сталин разговаривал как человек, имеющий право требовать отчета, не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки, согласно его требованиям.”^{XXX}

“Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавлял гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии с нестигаемой силой воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому я, воспитанный здесь в британском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин прежде всего обладал чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила в Сталине была настолько велика, что он казался неповторимым среди руководителей государства всех времен и народов.

X) Чешский буржуазный государственный деятель

XX) Шарль де Голь. Военные мемуары, изд. Инст. Лит., М., стр. 239

XXX) Там же, стр. 235 — 236.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непоколебимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одиноково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям.

Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который врага своего уничтожал своими же врагами.

Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее оснащенной атомным и ракетным оружием" ...^x

И, все – таки, если бы можно было соединить в единую книгу все, что написано о Сталине, были бы раскрыты далеко не все грани этой незаурядной личности, человека, возвышающегося над многими из тех, кого время подняло на пьедестал истории. Каждое новое поколение будет интересоваться им по своему. И каждой эпохе он будет открываться по – новому.

Тот, кто хоть раз читал написанное Сталиным, ему не приходилось долго размышлять над тем, кому принадлежит текст. По глубине мысли лаконичной, как математические формулы, он сразу определял автора.

Тот, кто хоть раз слушал выступления Сталина, чувствовал, как оно захватывало всех, кто сидел в зале, затаив дыхание, боясь пошевелиться, боясь упустить хоть слово. Поражался чеканной отточенности каждой фразы, умению говорить просто и ясно о самых сложных вещах, с предельной лаконичностью излагать мысль. Вы от души, искренне хохотали, когда Сталин саркастически высмеивал недругов Советского Союза, чувствуя, что сила его сарказма подобно бомбовому взрыву.

Сейчас многие пишут в своих мемуарах, что Сталин обладал редкой способностью обвороживать собеседника. Известные политические, государственные и военные деятели, именитые писатели и поэты покорялись силе обаяния – отражению его мудрости. Но разве такое дано каждому? Не есть ли это штрих его величия.

X) Британская Энциклопедия, из речи У. Черчилля на заседании английского парламента 21 декабря 1959 года в связи с восьмидесятилетием И.В. Сталина

Не один десяток лет я провел в руководящих органах Коммунистического Союза Молодежи, на военных постах, на хозяйственной и партийной работе. За эти годы я познакомился с сотнями, тысячами интереснейших людей — рабочих, крестьян, интеллигентов. Мне довелось встречаться с выдающимися деятелями коммунистической партии и советского государства, с лидерами коммунистических и рабочих партий, руководителями национально — освободительного движения таких стран мира, как Франция, Италия, Германия, Китай, Польша, Румыния, Венгрия, Албания, Корея, Вьетнам. И я часто задумываюсь над вопросом: кого из руководителей коммунистического мира можно сравнить с И. В. Сталиным? И каждый раз отвечаю: никого. Хотя среди лидеров коммунистического движения, среди руководящих деятелей нашей партии и советского государства было не мало выдающихся талантливых, даже великих людей, тем не менее — никого.

Сталин был титаном человеческой мысли и я всегда поражался, — как можно, что бы в одном человеке вместились столько знаний, притом знаний разносторонних, охватывающих не только общественно — политическую, но и научно — техническую области.

Для меня было величайшим счастьем, счастьем незабываемым, встречаться с Иосифом Виссарионовичем Сталиным в те благословенные годы, когда мне довелось работать под его непосредственным руководством.

Тончайший политик, глубокий ученый, не имеющий себе равных организатор, величайший стратег и тактик. И, при всем этом, человек удивительного обаяния, открытый и понятный всем — от рабочего и крестьянина до ученого философа.

Таким представал передо мной И. В. Сталин при каждой нашей встрече в официальной ли обстановке или — в домашней, когда он находился на отдыхе.

Сталин почти не знал личной жизни, все годы он трудился на благо людей, весь — сгусток энергии, живое воплощение борьбы воинственной и непримиримой. Простой, доступный, он был тесно связан с народом, учился у народа, работал для народа.

Неиссякаемым источником энергии Сталина служила его вера в победу. Он всегда достигал поставленной цели. То, что многим казалось невероятным, для него становилось возможным. Пусть на пути к цели были тысячи срывов — он их не боялся, а добивался своего. Всегда. И во всем.

Сталин умел быть беспощадным, не зная снисходительности в борьбе. Его карающий меч, занесенный над врагом — внешним и внутренним — всегда был отточен.

И, в то же время, он был гуманистом, великим гуманистом с головы до пят.

Сталин, как никто другой, умел сосредотачиваться на главном, одновременно ничего не упуская и не забывая ни о ком. В тяжелые годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 г.г., генералиссимус Сталин, выполнявший, как известно, нелегкие обязанности Верховного Главнокомандующего, был целиком поглощен заботами о разгроме фашистских захватчиков. И, несмотря на это, он выкраивал время, чтобы подумать о будущем, принять решение о восстановлении освобожденных от оккупантов районов, побеседовать с писателями и подумать о будущих кинофильмах, поговорить о задачах коммунистов других стран, о войне и послевоенном мире, принять иностранных корреспондентов и ответить на их вопросы, увидеться с друзьями детства.

Его пылкий ум синтезировался с духовными богатствами многих эпох. Окидывая взглядом полки личной библиотеки И. В. Сталина, я поражаюсь многоплановости его интересов.

Около кровати Сталина, на стуле, всегда лежало два десятка книг: философских, экономических, художественных. Однажды я увидел среди них книгу по выделыванию кожи. Иосиф Виссарионович заметил мое удивление и спросил:

— Что Вас удивляет?

Я ответил:

— Я мог предположить, что Вы читаете древних и современных философов, выдающихся экономистов, но книга о технологии обработки кожи...

И. В. Сталин погладил свои усы и, улыбнувшись, сказал:

— А хорошую обувь Вы носить хотите?

Для редких минут досуга предназначались античные классики, любимый Гоголь, Тургенев, Толстой, Пушкин, Лермонтов, сборник китайских поэтов, томики Максима Горького и Демьяна Бедного. Особенно неравнодушен Сталин был к поэзии.

И. В. Сталин учился всю жизнь и его главным учителем была книга.

Но больше всего он учился у людей. Жить жизнью масс, понимать их, знать их настроение, говорить народу только правду,

ничего от него не утаивая, не боясь "выносить сор из избы" — этого правила твердо и непреложно придерживался он сам. Эти требования ставил перед всеми партийными и государственными работниками сверху донизу, считая, что только так можно завоевать доверие народа к партии.

И. В. Сталин старался всегда быть в курсе общественного мнения, особым чутьем угадывал малейшие колебания политической атмосферы.

Об авторитете коммуниста, особенно партийного руководителя, Сталин проявлял особую заботу. При выдвижении работника на руководящий, ответственный пост в правительстве он всегда интересовался, пользуется ли этот человек авторитетом в партии и в народе. Нужно ли говорить об авторитете самого Сталина!

Особенно восторжено к нему относилась революционная молодежь. Для нее он был символом нового мира.

Сталин бессмертен и мне кажется, что каждый, кому посчастливилось встречаться с ним, должен оставить людям свои свидетельства очевидца об этом удивительном, гениальном человеке.

Вот почему я решил написать эту книгу.

Я не предлагаю читателю монументальный труд о Сталине, о сталинском руководстве и его эпохе. Я ставлю перед собой скромную задачу рассказать лишь о том, каким я его знал.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

1936-ой год застал меня на посту первого секретаря Центрального Комитета Комсомола и кандидата в члены бюро Центрального Комитета Компартии Грузии.

В феврале мы отмечали пятнадцатилетие установления Советской власти в республике и на празднества к нам прибыл народный комиссар Обороны СССР маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов. На вокзале, разукрашенном и иллюминированном сотнями сверкавших разноцветными огнями лампочек, ему устроили торжественную встречу.

Климент Ефремович выглядел прекрасно, был очень весел. Когда он вышел с перрона на привокзальную площадь, трудящиеся восторженно приветствовали его как посланца ЦК ВКП(б) и Советского правительства.

24-го февраля в Тбилисском оперном театре им. Палиашвили состоялась юбилейная сессия ЦИК Грузинской ССР с участием представителей военных организаций, посвященная 15-летию со дня установления Советской власти в Грузии. Были на наших торжествах и представители всех союзных республик страны, многих областей Российской Федерации. Все они, разумеется, присутствовали в этот вечер в оперном театре. После содержательного доклада, который сделал председатель Совнаркома Грузии Герман Мгалоблишвили, на трибуну поднялся Климент Ефремович. Его бурно приветствовали. От имени Центрального Комитета ВКП(б) и Советского Правительства он передал Председателю Президиума ЦИК Грузии Филиппу Махарадзе Орден Ленина, которым была награждена Республика за успехи, достигнутые в области промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, и пожелал ее труженникам дальнейших успехов.

Как было принято на торжественных заседаниях, выступили ораторы, вслед за этим состоялся большой концерт мастеров грузинского искусства и был дан банкет, который устроили в ресторане гостиницы, носившей тогда название "Ориант". На банкете присутствовали руководители Грузии и все делегации Союзных республик, прибывшие на торжества. Было произнесено много хороших тостов: за свободолюбивый грузинский народ, за коммунистическую партию и ее вождя Иосифа Виссарионовича Сталина, за Советское Правительство во главе с товарищем Молотовым, за непобедимую Красную Армию и нашего гостя легендарного командарма Климента Ефремовича Ворошилова.

К. Е. Ворошилов произнес ответный тост. Держа в руках бокал вина, он коротко охарактеризовал историю Грузии, высоко отозвался об ее революционных традициях и выразил благодарность грузинскому народу, давшему мировому коммунистическому движению великого Сталина.

Присутствующие встретили эти слова бурной овацией.

Произносились и другие речи, но они мне как-то не запомнились.

На следующий день, 25 февраля в 10 часов утра, в Тбилиси состоялся военный парад грузинских национальных частей РККА в честь празднования 15-летия установления Советской власти в Грузии. Парад принимал Климент Ефремович Ворошилов. На

трибуне стояли председатель ЦИК Грузии — Ф. Махарадзе, председатель СНК — Г. Мгалоблишвили и секретарь ЦК КП Грузии Л. Берия.

После парада состоялась демонстрация трудящихся прошедшая с большим подъемом.

В дни торжеств, в особенности во время военного парада и демонстрации, я очень близко познакомился с К. Е. Ворошиловым. Мы стояли на трибуне и он часто подзывал меня к себе, беседовал со мной, расспрашивал то о том, какая проходит колонна, то о делах молодежи республики.

Когда торжества закончились К. Е. Ворошилов и Л. П. Берия выехали в Батуми и другие районы западной Грузии, затем возвратились в Тбилиси и отправились в нашу древнюю столицу Мцхета, откуда Климент Ефремович должен был отбыть через Баку в Москву. Все члены и кандидаты в члены бюро ЦК КП(б) Грузии прибыли в Мцхета, чтобы проводить тов. Ворошилова. Он с каждым из нас тепло попрощался и сел в свой вагон...

Этот маленький экскурс я совершил не случайно.

Через два месяца после празднования 15-й годовщины установления Советской власти в Грузии — 11 апреля 1936 года — в Москве состоялся X съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. На съезде я возглавлял грузинскую делегацию комсомола.

Делегаты собрались в большом Кремлевском зале задолго до открытия съезда, каждая делегация распевала песни на своем родном языке, то здесь, то там вспыхивали танцы — у всех было отличное настроение.

Наконец наступил ответственный момент: Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев открыл съезд.

Затем приступили к выбору руководящих органов съезда. А. В. Косарев попросил избранных товарищей занять места в президиуме. Вместе с другими занял свое место и я, поскольку меня избрали членом Мандатной Комиссии.

Один из делегатов внес предложение избрать в почетный Президиум X съезда ВЛКСМ товарищей Сталина, Молотова, Калинина, Кагановича, Ворошилова и других членов политбюро. В зале вспыхнули овации и председательствующий долго не мог успокоить восторженных делегатов. Когда ему это, наконец, удалось, он сказал:

— Думаю, что Почетный Президиум займет свое место в Президиуме съезда.

И тут — же мы увидели входящих на сцену политбюро ЦК ВКП(б). Среди них был И. В. Сталин. Он шел к столу президиума не впереди других, а вместе с другими, и на эту, казалось бы, незначительную деталь обратили внимание многие делегаты съезда. Во время перерыва, мы долго говорили об этом между собой: всем нам очень понравилась простота и скромность Сталина.

Члены Политбюро заняли места в президиуме съезда среди нас, и радости нашей не было предела.

Зал ликовал. Казалось, что от громовых аплодисментов обрушится потолок...

Впервые я видел так близко И. В. Сталина. На душе у меня было радостно. Наконец — то, осуществилась моя мечта. Я смотрел на Сталина очень внимательно, стараясь разглядеть каждую черточку его внешности, его манеру держаться. Одет он был в полувоенную форму и сапоги. Таким мы его обычно видели на многих фотографиях. Когда раньше говорили о великом Сталине, мне представлялся эдакий богатырь. А тут рядом сидел обыкновенный человек среднего роста и вначале я даже был немного разочарован.

Когда Почетный Президиум занял свои места, И. В. Сталин встал, подошел к Косареву и что — то ему сказал. Косарев кивнул, затем обратился к залу:

— Есть предложение избрать в Почетный Президиум Эрнста Тельмана.

Зал вновь взорвался аплодисментами. А Сталин встал, поднял руки выше головы и горячо зааплодировал. Нам стало ясно, что сказал Косареву Сталин, и какое значение он придавал Германской коммунистической партии и ее вождю товарищу Тельману.

Затем секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Салтанов предоставил слово для отчетного доклада Центрального Комитета комсомола А. В. Косареву.

Сталин внимательно слушал доклад А. В. Косарева. Он оживлялся, с довольным видом поглаживал свои усы и в глазах у него загорались искорки, когда Александр Васильевич рассказывал о трудовых подвигах молодежи. Чувствовалось, что Сталин гордится

советской молодежью и ее успехами. Когда же Косарев критиковал нездоровые явления, имеющиеся в некоторых звеньях комсомола, Сталин становился особенно серьезным и погружался в глубокое раздумье.

Я не отрывал восторженного и внимательного взгляда от Сталина. Я смотрел на него и думал: "Вот, этот человек, которого Ленин назвал Пламенным Колхидцем, какая нелегкая ноша лежит на его плечах!"

Вскоре А. В. Косарев закончил отчетный доклад, в котором он доложил партии и съезду об огромной работе, проделанной Ленинским Комсомолом, о стоящих перед ним задачах, сердечно поблагодарил Центральный Комитет партии и великого вождя, лучшего друга советской молодежи И. В. Сталина за отеческую заботу о молодом советском поколении.

Когда Косарев сошел с трибуны, представители делегаций комсомольских организаций среднеазиатских республик поднялись в Президиум съезда и преподнесли И. В. Сталину большой букет цветов. Сталин поблагодарил и тут же с нежностью передал этот букет А. В. Косареву. Мы, делегаты, увидели в этом проявление внимания и любви к нашей молодежи.

Когда был объявлен перерыв, ко мне подошел молодой человек в штатском и сказал:

— Вас просит Нарком Ворошилов.

Я последовал за ним, он завел меня в одну из комнат и я увидел всех членов Политбюро, а также Георгия Димитрова и Александра Косарева.

Ворошилов подошел ко мне, взял за плечо и, подведя к Сталину, сказал: "Коба, вот тот Мгеладзе, вожак грузинского комсомола, о котором я тебе говорил."

Сталин протянул мне руку.

- საქენ საიდან ხართ?^x—спросил он меня по грузински
- სოფელ მელექედურთან, ოზურგეთის რაიონიდან^{xx}—ответил я
- მაშ გურუელი ხარ?^{xxx}
- დიახ^{xxxx}

Затем, обращаясь к Ворошилову, Сталин сказал:

X) — Откуда Вы родом? (груз.)

XX) — Из села Мелекедури Озургетского района.

XXX) — Значит. Ты гуриец?

XXXX) — Да.

— Клим, он гуриец, а все гурийцы занимаются политикой. Там беспартийных нет. И неграмотных тоже. Читать и писать умеет каждый и каждый читает газеты. Все они занимаются политикой — повторил он. — Когда два гурийца собираются вместе, они обязательно ведут дискуссию о "Капитале" Маркса.

Сталин вел себя просто, говорил тихим, спокойным, немного глуховатым голосом. Обращаясь ко мне, спросил:

— Сколько Вам лет?

— Двадцать пять.

— А когда Вас избрали секретарем ЦК комсомола Грузии, сколько Вам было лет?

— 24 года.

— Молод, — сказал товарищ Сталин.

Ворошилов возразил:

— Наше поколение, Коба, было еще моложе, когда становилось на революционный путь. Ты не помнишь, сколько тебе тогда было лет?

Сталин улыбнулся. Я тихо проговорил:

— Борис Дзnelадзе был моложе меня, когда его избрали первым секретарем ЦК комсомола Грузии. Ему было 22 года.

Сталин сказал:

— Да, были времена. — Помолчал, потом продолжил: — Но сейчас трудности, если не большие, то и не меньшие. Изгнать царя было нелегко, конечно, но закрепить завоевания революции и построить социализм — это очень сложно, очень трудно, и нашей молодежи придется сильно поработать, чтобы донести знамя старшего поколения до победного конца.

— Посмотри, Коба, какая пламенная молодежь, — показал Ворошилов в зал. — Они сделают все. На них можно положиться.

Сталин обратился ко мне:

— А как думает товарищ Мгеладзе?

— Я уверен в этом, товарищ Сталин, — сказал я. — Молодежь сделает все и сделает так, что старшему поколению не придется за нас краснеть.

Иосиф Виссарионович улыбнулся, сказал:

— Хорошо.

Затем спросил:

— Чем сейчас занята грузинская молодежь?

— Мы взяли шефство над строительством Рионской и Храмской гидроэлектростанций. Объявили поход за Советскую Флориду.

– Поход за Советскую Флориду? – переспросил Сталин. – Что это значит?

– Это значит, что мы будем бороться за то, чтобы Черноморское побережье в цветущий край субтропиков.

– Да, это важное дело, – согласился Сталин. Я продолжал:

– Мы организуем изучение молодежью прошлого нашей страны, нашего города, чтобы еще больше любить настоящее.

Сталин заметил:

– Значит, изучать прошлое, чтобы любить настоящее? Тоже хорошо.

В разговор вмешался Ворошилов.

– Товарищ Коба, – сказал он, – я видел грузинскую молодежь. Здорово работает и на предприятиях, и в совхозах, и в колхозах. Комсомольцы затеяли много интересных дел. Мне об этом рассказывал т. Мгеладзе, когда я был в Грузии.

Сталин вновь обратился ко мне:

– Не чувствуется ли у вас влияние меньшевиков и так называемых молодых марксистов?

– Их влияние, товарищ Сталин, можно сказать, полностью устранено, – ответил я.

– Устранено, значит? Хорошо! – улыбнувшись, сказал он.

В это время к Сталину подошел военный и что – то шепнул ему на ухо. Товарищ Сталин извинился, сказал, что он вынужден оставить съезд на некоторое время, и ушел.

Съезд длился около десяти дней, но Сталин больше не присутствовал. Он появился на заключительном заседании вместе с членами Политбюро – Л. М. Кагановичем и А. А. Андреевым.

Закрывая комсомольский съезд, А. В. Косарев заверил Центральный Комитет ВКП(б), что молодежь оправдывает доверие, будет и впредь верным помощником партии на всех участках социалистического строительства. Все в зале и Президиуме поднялись со своих мест, грянула буря аплодисментов, Сталин горячо аплодировал вместе со всеми, а потом, высоко подняв руки, произнес:

– Да здравствует Советская молодежь! Ура!

В ответ мы снова зааплодировали и звонкие возгласы “Ура!” еще долго слышались под сводами Кремлевского дворца.

Так произошла моя первая встреча с Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

В 1939 году, в конце декабря, я был вызван в Москву, в Наркомат нефтяной промышленности СССР, с отчетом по итогам года. Так как в это время я был управляющим трестом Грузнефть, мой доклад о работе треста в 1939 году заслушала Коллегия Наркомата. И члены Коллегии, и Нарком тов. И. К. Седин положительно отозвались о нашей деятельности. Годовой баланс треста был принят с оценкой "отлично"

В аппарате Наркомата составлялись предложения по выполнению планов 1940 года и мне вместе с другими товарищами пришлось задержаться. Новый год я встречал в Москве.

В начале января нас неожиданно вызвал к себе нарком. Он был в приподнятом настроении — мы это сразу заметили, едва переступили порог его кабинета.

— Завтра в 11 часов утра, — сказал Иван Корнеевич, сияя улыбкой, — товарищ Сталин приглашает начальников комбинатов и управляющих трестами на совещание. Оно будет посвящено вопросу дальнейшего развития нефтяной промышленности в стране.

Нечего говорить о том, как нас обрадовало и взволновало это сообщение.

Возвратившись от наркома в гостиницу, я стал готовиться к предстоящему ответственному совещанию.

На другой день мы все во главе с нашим наркомом отправились в Кремль. Там нас встретили и проводили в кабинет Иосифа Виссарионовича Сталина.

В кабинете висел большой портрет Карла Маркса, а в стеклянном футляре стоял бюст Владимира Ильича Ленина. Простота и скромность обстановки бросалась в глаза, и разглядывая кабинет, мы невольно думали о том, что у некоторых наркомов в республиках кабинеты обставлены куда пышнее.

Сталин стоял возле длинного стола и курил папиросу. Меня это немного удивило, ведь мы привыкли видеть Иосифа Виссарионовича со своей легендарной неизменной трубкой. Возле него на столе стоял стакан с чаем, а рядом лежал лимон. Позднее, во время совещания, он изредка выжимал лимон в чай и отпивал

два — три глотка. Письменный стол стоял в отдалении.

Когда мы вошли, товарищ Сталин поздоровался с нами. За длинным столом — я сразу их увидел, — сидели Молотов, Берия и Вознесенский.

Началось совещание. Первый вопрос, который задал нам товарищ Сталин, был:

— Что вам мешает в работе? Что нужно сейчас для дальнейшего подъема нефтяной промышленности?

Все ответили:

— Трубы — обсадные, бурильные, нефтепроводные.

Тогда Иосиф Виссарионович подошел к письменному столу, поднял телефонную трубку.

— Дайте Тевосяна, — попросил он. Видимо, Тевосян ответил, потому что Сталин сказал:

— Если у вас есть время, прошу зайти ко мне.

Спустя несколько минут нарком Черной Металлургии СССР был в кабинете Сталина.

— Для развития нефтяной промышленности, — обратился к нему И. В. Сталин, — нефтяникам надо будет дать больше труб. Можно это сделать, товарищ Тевосян?

Тевосян ответил:

— Да, можно, товарищ Сталин, и я это сделаю.

Сталин сказал Тевосяну, чтобы он представил предложения: что для этого нужно Наркомату черной металлургии, и обратился к нам:

— Вопрос о трубах решен.

Затем товарищ Сталин начал слушать каждого из начальников комбинатов и управляющих трестами. Они докладывали о мерах по дальнейшему развитию нефтедобычи.

Слушал Сталин внимательно, иногда спрашивал: — Что нужно? Какая помощь требуется?

Первым докладывал начальник Азнефтекомбината, за ним — начальники Грозненского и Майкопского комбинатов, управляющие трестами. Наконец, очередь дошла до меня. Нарком тов. Седин сказал:

— Сейчас управляющий трестом Грузнефть т. Мгеладзе доложит о том, что требуется для развития нефтедобычи в Грузии.

Товарищ Сталин повернулся в мою сторону и стал внимательно слушать. Я доложил, сколько у нас бурящих станков,

на каких площадях ведется нефтеразведка, какова себестоимость метропроходки, какие у нас имеются трудности. Если в прошлом продолжил я, добыча нефти составляла 1 — 1,5 тонны в сутки, но сейчас она увеличилась, но все же добываем мы нефти мало, да и то, что добываем, некуда складировать; из — за отсутствия емкостей приходится нефть сливать в открытые ямы, а это ведет к потерям нефтепродуктов, к снижению их качества. Нужно строить емкости для хранения нефти, а для переработки и перекачки — нефтеперерабатывающие заводы и нефтепроводы, но нет труб, нет средств. Имеются окантуренные площади, но не хватает бурильных станков, нет подсобного хозяйства, нет механических мастерских...

Тут Сталин спросил:

— Сколько вы сейчас добываете нефти?

Я ответил:

— Мало.

— А, все — таки, сколько?

— 139 тонн в сутки.

Сталин улыбнулся и сказал:

— Не мало. За такое количество нефти Англия и Франция давно бы передрались между собой.

Это вызвало оживление среди присутствующих. Всем было понятно, какое придает значение товарищ Сталин каждой тонне нефти.

— Нефтедобычу в Грузии можно было бы резко поднять, — продолжал я, — но мы нуждаемся в большой помощи.

Сталин сказал:

— Поможем.

Я изложил план увеличения добычи нефти в Грузии, показал на цифрах его обоснованность. Мы имеем окантуренную площадь, где можно пробурить свыше полутора тысяч скважин, — докладывал я Сталину, — и если считать на каждую скважину полторы — две тонны в сутки, то это составит до двух с половиной — трех тысяч тонн. И уж, во всяком случае, тысячу тонн эта площадь может нам гарантировать, а это уже солидная добыча. Такое количество нефти полностью удовлетворит потребность Грузии в нефтепродуктах и смазочных материалах. Да не только Грузии, но и Армении а, если понадобится, их можно подвозить и на границу Турции.

— Это хорошо, — одобрительно отозвался о нашем плане Сталин.

— Товарищ Сталин, — сказал я, — Вам, конечно, известно, что в свое время поляки развили нефтяную промышленность на территории недавно воссоединенной Западной Украины. Почти из трех тысяч скважин они добывали 1200 — 1500 тонн нефти в сутки. А ведь наши возможности гораздо лучше.

По всему было видно, что Сталин остался доволен моим докладом.

За все время совещания Молотов, Берия и Вознесенский не сказали ни слова, только делали заметки в своих блокнотах.

После того, как Сталин выслушал нас всех, он выступил с краткой речью. Она запомнилась мне своей удивительной деловитостью. Ни одной лишней фразы, ни одного лишнего слова. Я воспроизвожу эту речь по памяти.

"Для увеличения добычи нефти, — сказал Сталин, — надо увеличить план бурения. Чем больше будет нефтеносных скважин, тем больше получим нефти. А насчет труб не беспокойтесь, трубы будут. Вы знаете, что наша партия слов на ветер не бросает.

Надо усилить и разведку на нефть. Всюду — от Урала до Галиции — везде залегает нефть, только на разных глубинах. Надо бурить как можно глубже.

Здесь говорили о том, продолжал Сталин, что в Баку бурится одна скважина на глубину трех тысяч метров. Но одна скважина в Баку — это очень мало, да и глубина небольшая. Мы оставили ударное бурение далеко позади, и роторное оставим позади — перейдем на более усовершенствованное бурение. И чем скорее усовершенствуем бурение, тем быстрее продвинется вперед наша отечественная нефтяная промышленность.

Нужно лучше заниматься и эксплуатацией скважин на существующих нефтепромыслах, и больше внимания уделять компрессорной добыче нефти, — советовал Сталин. Нужно повседневно внедрять в нефтяной промышленности достижения науки, техники и передовой практики".

Далее Сталин говорил о необходимости улучшить работу нефтеперерабатывающих заводов. "В этом отношении, — отметил он, — мы отстали от Америки и Германии. Технология переработки у них лучше нашей. Мы должны ликвидировать это отставание. Немцы уже получают из твердого жидкое топливо.

ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР примут решение о дальнейшем развитии нефтяной промышленности страны, сказал товарищ Сталин в заключение. — Пожалуйста, внимательно просмотрите проект постановления и, если что либо упущено или не доработано, скажите, доработайте, примите участие, чтобы решение получилось исчерпывающим.”

После речи Сталин спросил, нет ли больше желающих выступить? Желающий был — начальник Грозненского нефтекомбината. Сталин терпеливо выслушал его, затем вынул из кармана часы и показал нам. Мы поняли: время заканчивать совещание.

Нас всех пленило, как просто, дружески и с каким глубоким знанием дела Сталин вел совещание. Никто из нас не чувствовал себя скованно, напряженно.

Сталин не навязывал своего мнения. И хотя нефть он знал отлично (еще в молодые годы ему приходилось работать в Бакинской городской партийной организации, среди Бакинского пролетариата), мы заметили, что Сталин готов был учиться у работников нефтяной промышленности.

На совещании Сталин не дал нам почувствовать, что он стоит выше нас, или что знает больше нас. Наоборот, его скромность и простота всех поразили. Мы были окрылены и почувствовали такой прилив творческих сил и энергии, что готовы были сдвинуть горы.

Это совещание у товарища Сталина и последовавшее за ним решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по вопросу о развитии нефтяной промышленности страны сыграли огромную роль. Успехи в нефтяной промышленности были, поистине, грандиозны: Советский Союз твердо занял второе место в мире по добыче нефти и газа. Многого добились и грузинские нефтяники. Объем бурения скважин в республике увеличился в три раза, а суточная добыча нефти в июле — августе 1942 года достигла 320 — 330 тонн.

В НАШУ ЖИЗНЬ ВТОРГАЕТСЯ ВОЙНА

В мае 1941 года я был приглашен в ЦК КП(б) Грузии, к первому секретарю ЦК К. Н. Чарквиани. Он спросил, как я смотрю на то, чтобы разработать пятилетний план развития нефтяной промышленности Грузии и представить его на

рассмотрение Наркомата нефтяной промышленности СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР.

Я ответил: — Дело стоящее.

— Тогда займитесь этим делом, — предложил Чарквиани, — и мы поедем в Москву. Заберите с собой группу специалистов.

Через пять дней все было подготовлено. А в начале июня мы выехали в Москву. Со мной отправились главный геолог треста И. П. Карасев и начальник геологической службы А. С. Лалиев.

В Наркомате наши предложения поддержали и подготовили все материалы для доклада Центральному Комитету ВКП(б) и совнаркому СССР — т.е. И.В. Сталину.

Кандид Несторович Чарквиани сказал, что нас примет товарищ Сталин. Мы нетерпеливо ждали, но проходили дни, а вызова все не было.

В стиле работы И. В. Сталина такого не бывало. Мы хорошо знали, что если Сталин назначал время, то точно его придерживался. Но шел июнь 1941 года, пора была напряженная, международная обстановка накалена и мы понимали, что, очевидно, у Сталина просто — на просто нет свободного часа, чтобы обсудить с нами вопросы развития нефтяной промышленности в Грузии. Мы набрались терпения и продолжали ждать.

Я и Иван Петрович Карасев решили пойти в МХАТ на спектакль "Анна Каренина". В кармане у нас лежали билеты на 22 июня.

Утром мы побрились, позавтракали и отправились из гостиницы "Москва", в которой мы жили, на улицу Горького — побродить, подышать воздухом. Слышим, диктор объявляет, что по радио будет передано важное правительственное сообщение. О чем сообщение? — спрашивали мы друг друга, — да еще правительственное, да еще важное? Польский вопрос к тому времени считался решенным, с Финляндией все урегулировано, нет ли каких либо осложнений с Турцией?

А диктор все чаще и чаще повторял, что ожидается важное сообщение и напряжение наше все нарастало. Но вот начал говорить Вячеслав Михайлович Молотов. Мы сейчас же узнали его голос. Все москвичи остановились и стали слушать.

В.М. Молотов сообщил о вероломном нападении

гитлеровской Германии на Советский Союз и закончил свою речь такими словами: "Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!"

В тот день мы забыли о билетах в театр — было не до того. Я зашел к Чарквиани и спросил, как нам быть? Он сказал:

— Надо возвращаться в Тбилиси.

Затем я отправился в гостиницу, а вскоре мне позвонил Кандид Несторович и предложил пообедать вместе в ресторане "Арагви"

После обеда мы решили немного прогуляться по городу. Было заметно, что москвичи взволнованы, взбудоражены, все говорили о войне, о нападении Германии на Советский Союз, но мы не слышали в их словах пессимистические ноты. Наоборот, с гневом отзываясь о вероломстве Гитлера, они высказывали уверенность в победе. Мы то и дело слышали:

— Сталин с нами. А со Сталиным нам ничего не страшно.

— Где Сталин, там победа.

— За Сталиным любой из нас пойдет в огонь и воду.

Мимо нас, по улице Горького, проехала машина германского посла фон Шуленбурга. Толпа загородила ей путь. Шуленбург возмутился: как, мол, вы смеете останавливать машину посла, у меня дипломатическая неприкосновенность. Собравшиеся ответили:

— Если ваш Гитлер мог порвать договор и выбросить его в мусорный ящик, нам гитлеровского посла останавливать не зорно. Подумаешь, блюститель закона!

Появился патруль, проверил документы Шуленбурга и отпустил машину.

Кандид Несторович сказал, что поедет к себе и предложил завтра в назначенное время быть на Курском вокзале.

Я возвратился в гостиницу. Главный геолог и начальник геологической службы треста были уже там. Наступил вечер, затем ночь, но нам не спалось. И мы решили зайти в наркомат, повидаться с товарищами.

Туда мы добрались часов в двенадцать ночи. Нарком был в своем кабинете и я зашел к нему.

— Ну, что же, товарищ Мгеладзе, — сказал Иван Корнеевич, едва я переступил порог его кабинета, — мне Вам говорить не приходится, сами понимаете, как нужно сейчас работать. Каждый килограмм добытой нефти для нас играет исключительную роль.

Вы ведь знаете, какое значение этому придает Иосиф Виссарионович Сталин.

— Понимаю, — ответил я. — И можете быть уверены, мы сделаем все, что в наших силах. Мы внесем свой вклад в развитие нефтяной промышленности. Хотя вам известно, что возможности у нас скромные.

— Скромнык, говорите? — возразил нарком. — А помните, что сказал товарищ Сталин, когда вы докладывали, что добываете 139 тонн нефти в сутки? Он сказал: за такое количество нефти англичане и французы давно бы передрались между собой.

— Мы намерены дать больше. Месяца через два — три будем добывать 200 — 300 тонн.

— Вот это я понимаю! — воскликнул И. К. Седин.

Мы с товарищами ушли из наркомата в гостиницу, легли, но спали плохо. Утром выехали на Курский вокзал. Поезд увез нас в Тбилиси.

По дороге мы все время слушали сообщения Совинформбюро о положении на фронте, но они были неутешительны. Наши войска отступали, а гитлеровская армия продвигалась вглубь страны. От этих сообщений щемило сердце. И, все — таки, уверенность в том, что в конечном счете победим мы, ни на минуту не покидала нас. Мы не сомневались, что советский народ и его вооруженные силы под руководством И.В. Сталина одержат верх над гитлеровскими ордами, что сбудутся слова В. М. Молотова, обращенные к советским людям: "Враг будет разбит, победа будет за нами!"

В ЯРОСЛАВЬ, ЗА ЧЕРТЕЖАМИ

Прошел год в напряженной работе. Тресту Грузнефть удалось значительно увеличить добычу нефти. Мы перевыполнили план бурения, страна получала из Грузии намного больше горючего, чем предусматривалось.

Казалось бы, все идет хорошо. Но однажды — это было в феврале 1942 года — меня вызвал первый секретарь ЦК Компартии Грузии К. Н. Чарквиани и сказал, что ему звонили из Москвы и что мне нужно собраться в дорогу.

— Военные действия складываются так, — пояснил Кандид Несторович, — что для нашей армии сейчас имеет особое значение

каждый килограмм горючего. Поэтому очень важно не только постараться еще больше увеличить добычу нефти, но и организовать ее переработку на месте. Короче говоря, нужно построить в Грузии небольшой крекинг — завод.

По правде говоря, нас, грузинских нефтяников, этот вопрос давно волновал. Существовавший в ту пору небольшой нефтеперерабатывающий завод на нефтепромысле Мирзаани (Цители — Цкарройский район) не мог удовлетворить всех потребностей грузинских нефтедобытчиков. А тут речь шла о еще большем увеличении добычи нефти. Ясно, что строить крекинг — завод в Грузии нужно не откладывая, немедленно.

— Такой завод в свое время был построен с помощью американцев в Сусанинском районе Ярославской области, — продолжал К.Н. Чарквиани. — Вам придется поехать туда. Но сначала отправляйтесь в Москву к наркому нефтяной промышленности Ивану Корнеевичу Седину. От него вы получите инструкцию и начнете действовать.

Я спросил:

— Когда выезжать?

— Чем скорее, тем лучше.

— Завтра же выеду, — пообещал я.

— Вот и отлично, — сказал Кандид Несторович, пожимая мне на прощание руку.

Выезжали мы вдвоем: я и главный механик треста С. Челидзе. Железнодорожные билеты в Москву нам помогли достать работники ЦК.

Ехать пришлось обходным путем, через Сталинград, поэтому до Москвы мы добирались целую неделю. Наш поезд часто останавливали то по тревоге, то для того, чтобы пропустить воинские эшелоны.

В Сталинграде я решил "размяться", вышел на перрон, прошелся по привокзальным улицам. Город и его жители были по-военному подтянуты — и не подозревали, что им придется пережить одну из решающих битв за свободу родины "Сталинградскую битву".

К нашему общему удивлению через каких — либо 40 минут трижды прозвенел станционный колокол, вагоны лязгнули буферами и мы снова оказались в дороге.

От Сталинграда до Москвы мы ехали три дня. На

московских улицах лежал снег, он падал большими хлопьями, в снегу были дома и люди ... После тбилисского тепла нам такой холод показался в диковину...

Прямо с вокзала мы направились в наркомат нефтяной промышленности. Я справился у секретарши, здесь ли нарком.

— Конечно, здесь, — ответила она. — Он из наркомата отлучается только по делу. У него даже кровать стоит в кабинете.

Иван Корнеевич Седин встретил меня очень тепло, расспросил, как добирался, как идут дела у грузинских нефтяников. Потом сказал, что он в курсе цели моего приезда, что директору ярославского завода товарищу Крысину даны соответствующие указания и что мы можем отправляться в Ярославль. Для нас уже взяты билеты.

— Вы получите там все чертежи, — сказал нарком. И добавил тоном гостеприимного хозяина:

— А теперь давайте выпьем чаю. Только сахара мало, будем пить вприкуску.

Иван Корнеевич позвонил и нам принесли чай. Отпивая мелкими глотками, он начал рассказывать, что пережила Москва в октябре прошлого, 1941 года.

— Самый трудный для столицы день, — вспоминал он, — был 13 октября — тогда тревожное положение достигло кульминационной точки. В этот день, утром, собрался московский партийный актив, на нем с докладом выступил секретарь ЦК и МГК партии А. С. Щербаков. Говорил он с коммунистами предельно откровенно. Над Москвой, заявил он нам, нависла смертельная опасность и не надо на это закрывать глаза. Щербаков призвал партийный актив, всех коммунистов Москвы, всех москвичей еще шире развернуть строительство оборонительных сооружений на подступах к столице, резко увеличить производство вооружения и боеприпасов.

— После актива, — рассказывал Иван Корнеевич, — все мы почувствовали себя бойцами. Создавались не только ополчения, но и коммунистические отряды. В воинов превратились и все сотрудники нашего наркомата. Они и работали, и боролись против "зажигалок"^х во время налета фашистской авиации. Была объявлена жесточайшая война нарушителям дисциплины,

Х) Так в дни Великой Отечественной войны называли зажигательные бомбы.

паникерам, трусам, дезертирам, распространителям ложных слухов. Я слушал, затаив дыхание: нарком говорил о судьбе Москвы, она была мне также дорога, как любому москвичу, и я боялся упустить хоть слово в его рассказе. От Ивана Корнеевича я узнал, что 12 – 13 октября было решено немедленно эвакуировать на восток (в Куйбышев и другие города) значительную часть аппарата ЦК ВКП(б) во главе с Андреем Андреевичем Андреевым, ряд наркоматов, в том числе частично и наш, весь дипломатический корпус, находившийся в Москве. Были эвакуированы Академия Наук СССР, столичные театры и многие другие учреждения.

Конечно, не обошлось и без паники, а порой и дезертирства, но к счастью, этим порокам оказались подвержены немногие. И хотя единичные, но были даже случаи взлома продовольственных магазинов.

Но подавляющее большинство населения сплотилось под руководством московской партийной организации, вокруг Центрального Комитета нашей партии, вокруг товарища Сталина. Они были готовы разделить судьбу родного города. Днем и ночью Москва воевала и работала.

– В самые критические дни Сталин оставался в Москве. Как Верховный Главнокомандующий, он лично руководил обороной столицы. Забрал из Ленинграда Жукова, назначил его командующим фронтом, поручил важнейший участок Рокоссовскому. Военные товарищи рассказывали, что Верховный руководил обороной Москвы не только через Жукова. Когда обстановка требовала этого, он связывался даже с командирами полков. Сталин сохранил необходимые резервы для обороны Москвы – и живую силу, и военную технику. Коротко говоря, тем что Гитлер не вошел в Москву, мы обязаны Сталину.

Я напомнил о том, что в свое время Наполеон вошел в Москву. Известно, чем это закончилось, но тогда сам факт ее захвата не имел такого значения, как сейчас. Москва – не большая деревня, какой ее считали когда – то. Это огромный город, столица Социалистической Родины. И если бы Москва пала . . . Трудно даже представить, что означало бы это для советских людей. Мало того, мы потеряли бы крупный промышленный центр. Падение Москвы подействовало бы угнетающе на наш народ, на трудящихся мира – ведь все свои надежды они связывают с нашей столицей. Да и союзники начали бы смотреть на

Советскую страну, как на второстепенное государство. Не напрасно Сталин бросил на оборону Москвы все свои силы.

А дальше события развивались так —

— В Москве началась была паника. Но вот 17 октября А. С. Щербаков объявил по радио, что Сталин не покинул столицу, Сталин в Москве. И обстановка сразу изменилась. Словно по мановению волшебной палочки воцарился порядок. С этого момента каждый москвич твердо уверовал, что Москва не будет слана. Через два дня было введено осадное положение . . .

Нарком рассказывал мне, как его вызвал И. В. Сталин и обсуждал с ним вопрос об увеличении выпуска бензина с более высоким количеством октана. Нынешняя война, сказал при этом Сталин наркому, это война моторов, а моторы без горючего не приходят в движение. "Наша авиация сейчас очень нуждается в бензине с большим количеством октановых величин", — подчеркнул Иосиф Виссарионович.

— Вообще — то Сталин меня всегда вызывает, если обсуждаются вопросы авиационной и танковой промышленности, — заметил нарком. Во время этих встреч я убедился, как тщательно и с каким знанием дела Сталин занимается авиацией, танками. Не говоря уже о нефтяной промышленности — тут Верховный, как рыба в воде. Он напомнил мне, что каждый новый авиационный мотор, каждый новый мотор для танков связан с горючим, при том качественно более высоким, чем обычное, и нефтяники, должны воспринять это как директиву Ставки, как личное требование товарища Сталина.

Я спросил наркома:

— Как он выглядит теперь? Я не видел его с прошлого года, с тех пор, как у него в кабинете проходило совещание нефтяников.

— Выглядит товарищ Сталин очень уставшим, — ответил Иван Корнеевич. — Поседел. Но день и ночь бодрствует. — Нарком помолчал в задумчивости и добавил: — Откуда у него столько энергии, не пойму... Попрежнему спокойно и уравновешенно ведет заседания, никогда не повышает голоса в беседах. Однажды я наблюдал, как Сталин говорил с командующими фронтами. Он принимал от них информации, давал указания, и во всем его облике, в том, как он говорил с ними, было столько уверенности, столько внутренней силы, такая железная воля! ... Лично я ни на

секунду не сомневаюсь, что Сталин выпотрошит кишки Гитлеру.
Иван Корнеевич, сам русский казак, любил крепкие словечки.

Нарком рассказал мне о том, как в этой трудной обстановке Москва праздновала 24-ю годовщину Октябрьской революции. Традиционное торжественное заседание состоялось вечером 6-го ноября. Его провели на станции метрополитена "Маяковская".

Мы все сидели на станции, — вспоминал Иван Корнеевич, — когда остановился поезд и из него вышли товарищ Сталин и члены Политбюро. Участники заседания встретили Сталина и его соратников очень сердечно. Мы устроили им горячую овацию. О том, каким был доклад товарища Сталина, Вы, конечно, знаете. Читали его. Но нас, присутствовавших на этом необычном торжественном заседании, поразила не только глубина сталинского мышления. Нас поразило и то, что в этой тревожной обстановке, когда судьба Родины висела на волоске, Сталин говорил также спокойно и уверенно, как в мирные годы. Он сказал, что молниеносная война уже провалилась, и немецкие захватчики вскоре почувствуют на себе удары Красной Армии. Они хотят вести истребительную войну с народами СССР, что же, они получают ее, — заявил Сталин. — Отныне наша задача будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до одного, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве оккупантов. Никакой пощады немецким агрессорам!

— Когда Сталин, заканчивая доклад, произнес: — Наше дело правое, победа будет за нами! — мы все поднялись и горячо зааплодировали...

Многие из нас, в том числе и я, в тот вечер не знали, что на другое утро — 7-го ноября на Красной площади состоится военный парад. Для нас, понимавших, в каком отчаянном положении находилась Москва, это событие было не только неожиданным (представить себе только — военный парад в осажденном городе!), но оно послужило всем советским воинам своеобразным эликсиром бодрости, придало каждому из нас больше уверенности. Только мужественный Сталин мог решиться на то, чтобы провести этот парад. Я убежден — ему будет суждено занять важное место в истории Великой Отечественной войны советского народа против немецких захватчиков.

Я попросил наркома рассказать подробнее о параде на Красной площади.

— Он был прекрасно организован, — ответил Иван Корнеевич, — и прекрасно проведен. Говорят, что войска для парада были стянуты к Москве отовсюду, даже с фронтовых участков. Прямо с парада воины шли на фронт.

Это событие потрясло мир, а в каждом советском человеке еще больше укрепило веру, что победа непременно будет за нами.

...В тот вечер я засиделся в кабинете наркома. Мы долго говорили о Сталине. О его величии, как Верховного Главнокомандующего. О величии нашего народа, нашей Красной Армии, наших полководцев, воспитанных Сталиным. О том, что весь мир признает это и нет ничего удивительного в том, что Черчилль и Рузвельт отдают должное сталинскому полководческому гению и шлют ему приветствие за приветствием. Говорили мы и о том, что Сталин постоянно предупреждает нас: ни малейшего самоуспокоения, враг еще силен и предстоит понести немало жертв, чтобы уничтожить немецко — фашистских захватчиков. И в тылу придется много потрудиться, помогая нашей Армии бить фашистов.

Товарищ Сталин возлагает большие надежды на нас, нефтяников, — сказал нарком. — Помните его слова о том, что союзники в прошлой войне пришли к победе на волнах нефти? В каждой беседе со мной он напоминал, как велика наша роль. Как бы ни был хорош самолет, не раз говорил мне Сталин, без бензина он врага бомбить не сможет. Поэтому давайте как можно больше высококачественного бензина...

Я сказал наркому, что грузинские нефтяники не пожалеют — ни сил, ни времени, — чтобы выполнить это требование товарища Сталина.

— Не сомневаюсь, — ответил нарком. — Ну, а теперь по поводу вашей поездки в Ярославль к товарищу Крысину. Ехать вам придется сегодня. Продукты на дорогу получите. Я распорядюсь, чтобы дали хлеба, колбасы, а вместо водки спирт. Прежде, чем пить, будете развлекать водой.

Я сказал:

— Спасибо за заботу, но я спирта не пью.

— Ты что, только кахетинское пьешь? — улыбнулся нарком, неожиданно переходя на "ты". — Но у нас его нет и ты, наверное, не привез.

— Не привез, — подтвердил я. — Сейчас не до этого.

Я получил в наркомате все предписания и в тот же вечер

вместе с Челидзе отправился на вокзал. Мы уехали в Ярославль, а оттуда в Сусанинский район, на крекинговый завод. Только сошли на перрон, ко мне подошел молодой человек, спросил:

— Вы будете товарищ Мгеладзе?

— Да, — ответил я. — А вы, вероятно, директор завода товарищ Крысин?

— Бывший, сказал он. — Бывший директор. Вчера немецкая авиация разбомбила наш завод.

Я был ошеломлен. Мне показалось, будто подо мной разверзлась земля.

— Как же теперь быть? — спросил я так тихо, будто вопрос этот был адресован мне самому. Но Крысин услышал его.

— Как быть? — повторил он мой вопрос и ответил:

— Чертежи сохранились. Завод мы скоро восстановим.

Нас очень взволновала весть о гибели Сусанинского завода, но вместе с тем мы были озабочены выполнением задания, ради которого сюда приехали. Вероятно, Крысин угадал о чем мы думали, потому что сказал:

— Не беспокойтесь, чертежи мы вам дадим. А больше ничего и не требуется.

Он пригласил нас в столовую позавтракать. Несмотря на жестокую, суровую войну, завтрак был хороший — мясное блюдо, жареный картофель, хлеб. Мы обратили внимание на то, что официантки приносили тем, кто завтракал, кружки, очевидно с водой.

И нам тоже принесли по кружке. Я решил выпить воды, но сразу же захлебнулся: оказалось, что это водка. Я смущенно посмотрел на Крысина, он улыбнулся и сказал, что если бы они не пили водки, то замерзли бы. Я ответил, что водки не пью, а остальные выпили.

Целый день мы провозились с чертежами и документацией. А на завтра радушный директор уже не существующего крекингзавода отправил нас на заводском газике в Москву. Оттуда, снова обходным путем, добирались мы до Тбилиси. Ехали не то восемь, не то десять дней.

Вернувшись в Тбилиси, доложили о результатах нашей поездки Центральному Комитету Компартии Грузии и приступили к строительству крекингового завода на окраине города, в районе Навтлуги.

В этой маленькой главе мне хочется объединить три эпизода, происшедшие в разное время: первый — в феврале 1943 года, второй — в октябре — ноябре, третий — в конце войны. И хотя эпизоды как — будто, не похожи друг на друга, да и несвязаны между собой ни временем, ни по фактам, я увидел в них нечто общее. Уверен, что и читатель, познакомившись с ними, согласится со мной и сделает такой — же вывод.

Речь пойдет о трех телефонных звонках. Но сначала — небольшое отступление.

Недолго довелось мне руководить трестом "Грузнефть". Вскоре меня мобилизовали в ряды Красной Армии и назначили комиссаром тыла Закавказского фронта. А спустя некоторое время, точнее в феврале 1943 года, я был отозван из армии и избран первым секретарем Абхазского обкома и Сухумского горкома Компартии Грузии.

Мое избрание произошло 17 — го февраля, а через три дня, 20 — го февраля, в 2 часа 10 минут по тбилисскому времени, мне позвонил товарищ Сталин.

— Здравствуйте, товарищ Мгеладзе, — раздался в трубке голос Иосифа Виссарионовича. — Как Вы себя чувствуете на новом месте?

Я ответил, что чувствую себя неплохо, но из армии в такой момент мне уходить не хотелось.

— Да, — сказал Сталин, — товарищ Щербаков^x тоже был против вашего отъезда из армии. И, все — таки, вопреки его возражениям, Политбюро решило направить Вас в Абхазию. Это решение принято не случайно. Дело в том, что Краснодарский край, Ставрополье, Украина и Крым, где возделывали культуру табака, оккупированы немцами. Теперь основной поставщик табачного листа — Абхазия. Между тем, в Абхазии урожайность табака резко снизилась. Сколько заготовили в прошлом году?

— 2 тысячи 800 тонн, — ответил я.

— Видите, как мало, — сказал Сталин. — Нашим солдатам нечего курить. Нет табака, нет махорки. А на фронте табак очень

X) А. С. Щербаков был в то время начальником Политуправления Красной Армии и секретарем МК и МГК ВКП(б).

нужен. Дошло до того, что распаривают ватники, которые мы посылаем и курят вату, а без теплых вещей солдату не обойтись. Вы должны быть, понимаете, что это значит?

Я ответил, что понимаю и сделаю все, что в моих силах.

— Табак сейчас становится очередь важным фактором на войне, — заметил Сталин. — Побольше давайте табака. Наши солдаты скажут вам за это спасибо. Вы ознакомились с состоянием табаководства?

— Да, товарищ Сталин. Мы уже приняли ряд мер, которые должны обеспечить в условиях военного времени увеличение урожая табака, по крайней мере, в два раза.

Сталин одобрительно ответил:

— Это неплохо.

И уточнил:

— Значит, Вы обещаете дать, примерно, пять с лишним тысяч тонн табака, если не больше?

— Обещаем, — подтвердил я. — Нам, конечно, потребуется помощь, чтобы поднять табаководство, но об этом не время говорить. А когда дела немножко поправятся, мы наверняка попросим Вас о помощи.

— Посмотрим, что можно будет сделать к концу года, — ответил на это Сталин. Несколько секунд он молчал, потом продолжил: — Раньше, когда убирали листья, то стебли оставляли на поле или выкорчевывали и выбрасывали. Сейчас так роскошествовать не придется. Эти стебли нам тоже пригодятся. Специалисты говорят, что с их помощью можно наладить производство махорки попеременно с табаком.

— Будет сделано, товарищ Сталин.

— Имейте в виду, солдата нельзя оставлять без табака.

— Мы думаем о том, чтобы получить два урожая.

— Это хорошо, — сказал Сталин. — Но как вы думаете этого достигнуть? Я не помню, чтобы в Абхазии когда либо собирали два урожая.

Я объяснил:

— К сентябрю закончим уборку табачных листьев, срежем и стебли, но корни оставим, при наших осенних теплых днях эти корни дадут еще новые побеги и мы успеем убрать их в ноябре. Если сушку производить в открытом помещении не удастся, то используем для этого сарай. Правда, качество будет не таким, как

с первого урожая, но и такой табак нам пригодится.

— Разумно, — одобрил Сталин. — Теперь, я вижу, Вы поняли, что вам поручено дело не менее важное, чем на фронте. Желаю успеха. До свидания.

Я всю ночь находился под впечатлением этой беседы и думал о том, что сделать, чтобы выполнить обещания, данные товарищу Сталину и повысить производство табака.

На другой день я собрал секретарей райкомов Абхазской партийной организации и рассказал им о моей беседе с товарищем Сталиным, о том, какую задачу поставил он перед нами. Эту задачу мы довели до каждого жителя Абхазии, каждого табаковеда. Мы сказали им: товарищ Сталин заботится о том, чтобы солдаты на фронте не нуждались в табаке. Давайте работать, не жалея сил.

Прошло немного времени и производство табака было увеличено в два с лишним раза.

* * *

Как — то поздней ночью раздается звонок по телефону ВЧ. Поднимаю трубку, телефонист предупреждает:

— С Вами будут говорить.

И сразу слышу голос Сталина:

— Здравствуйте. Как Ваше самочувствие?

Я ответил на приветствие, поблагодарил за внимание.

Сталин сказал:

— К вам едет на лечение товарищ Калинин. Он серьезно болен. Врачи сказали, что ему остается прожить еще месяц — полтора, не более. Я ему посоветовал поехать в Сухуми и он согласился. Может быть ваше тепло и красивая природа немного продлят ему жизнь . . . Я знаю, у Вас сейчас много работы, идет война и вам приходится напрягать все силы. Тем не менее, проявите к товарищу Калинин у максимум внимания. Лично бывайте у него. Все — же надо понимать, что Калинин есть Калинин.

Спустя некоторое время Михаил Иванович прибыл в Сухуми. Он приехал в сопровождении своего помощника Юдина, стенографистки, врача профессора Очкина и дочери. Мы тепло встретили его, сделали все возможное по тому времени для лечения и отдыха. Я выкраивал время, часто бывал у Михаила Ивановича. Состояние у него было неважное, но он никогда не терял чувства юмора, часто шутил.

Михаил Иванович сетовал на то, что в период такой

страшной войны, вместо того, чтобы быть на фронте, он находится на лечении в Сухуми. Мы все успокаивали его, говорили, что он скоро выздоровеет и опять сможет ездить на фронт.

Бывало, наши охотники убьют в горах дикую козу, или рыболовы вернутся с рыбалки с уловом. Эту добычу мы посылали Михаилу Ивановичу и его от души радовало наше внимание.

Михаил Иванович мало ходил. Выйдет, походит около дома и возвратится в комнату. Но мы с радостью убеждались, что день ото дня ему становится все лучше.

Спустя некоторое время Сталин опять позвонил поздно ночью и спросил, как чувствует себя Калинин. Я ответил, что он понемногу поправляется. На это Сталин сказал:

— И у меня имеются такие сведения. Постарайтесь его больше вывозить на свежий воздух. Может быть, съездите с ним на рыбную ловлю? У вас ведь сейчас солнечная погода, а Михаилу Ивановичу такая поездка пошла бы на пользу. Надо подбодрить нашего молодого старика.

М. И. Калинин пробыл у нас в Сухуми более трех месяцев и все это время товарищ Сталин регулярно справлялся о его здоровье.

Во время пребывания Михаила Ивановича в Сухуми мы часто беседовали с ним. И не один раз мне довелось слышать от "Всесоюзного старосты": "Сталин был на переднем крае в годы гражданской войны, он помог перенести периоды индустриализации и коллективизации, выведет он и на сей раз. Коба крепкий и дальновидный. Его враги не перехитрят. Свернет он шею и Гитлеру и Муссолини. Теперь уже дело идет к победе. — И мечтательно добавлял: — Дожить бы до этого . . .

...Он дожил до дня победы над гитлеровской Германией. Сталин оказался прав, когда предсказывал, что Калинин проживет еще не один месяц...

* * *

А этот телефонный звонок раздался от Сталина в конце 1944 года, часов в десять утра. Товарищ Сталин, как всегда, поинтересовался, как мое самочувствие, как работается, затем сказал:

— Я обращаюсь к вам вот по какому поводу. Директором Горьковского артиллерийского завода работает товарищ Ельян. Он хороший директор и многое делает для войны. Его пушки метко бьют немцев. Товарищ Ельян заболел, у него увидели туберкулез. Мы хотим его направить к Вам в Сухуми. Думаю, что не будете возражать.

Я ответил.

— С удовольствием примем.

Гость из Горького действительно был бледен, видимо, от бессонных ночей. Было заметно, что он очень устал, силы его иссякли. Мы приняли его в том же доме отдыха, где лечился в свое время Михаил Иванович Калинин и постарались, чтобы он побыстрее восстановил подорванное здоровье.

Тов. Ельян, человек по возрасту молодой, был известен, как очень толковый хозяйственник. С ним было интересно беседовать. Он быстро шел на поправку.

Характерно, что Сталин почти каждую неделю звонил и спрашивал о состоянии здоровья Ельяна, просил, чтобы я выкраивал время и чаще бывал у него, чтобы я советовал ему больше бывать на воздухе, ездил с ним по красивым местам Черноморского побережья Грузии. Когда через некоторое время я сообщил товарищу Сталину, что Ельян чувствует себя хорошо, Иосиф Виссарионович был очень доволен. Он сказал:

— Я так и думал. Ельян у вас быстро поправится. Но пока пусть побудет в Сухуми еще месяц, чтобы окончательно окрепнуть, так как впереди у него большая работа — надо будет освоить и вводить в артиллерию кое — что новое.

* * *

Как я уже сказал, эти три эпизода произошли в разное время и с разными людьми. Но, несмотря на свою внешнюю несхожесть, они, если вдуматься, говорят об одном и том же: о сталинской чуткости к людям, о том, что у товарища Сталина забота о людях была на первом месте. Даже в годы Великой Отечественной войны, когда на его плечи легла огромная ответственность за судьбу Родины, когда ему приходилось в качестве Верховного Главнокомандующего руководить военными действиями наших войск на фронтах, протянувшихся на тысячи и

тысячи километров, Сталин находил время подумать о табаке для солдата, об отдыхе директора завода, о лечении старого большевика и выдающегося государственного деятеля. Об этом мне и хотелось сказать. Потому я и объединил эти три эпизода в одной главе.

МОСКВА СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

В начале ноября 1943 года меня вызвали в Центральный Комитет ВКП(б). Я вылетел из Сухуми в Москву специальным самолетом. Мы летели на большой высоте, подо мной проплывали Кавказские горы и пушистые серые облака, но вся эта красота не будоражила моего воображения – другие мысли одолевели меня. Я думал: скоро увижу Москву, какая она теперь, на третьем году войны? Мне довелось видеть столицу в день объявления войны, я был в Москве и весной 1942 года, ну, а сейчас? Как выглядит она сейчас?

И вот, бетонная дорожка московского аэродрома. У трапа меня встретил работник ЦК ВКП(б), отвез меня в гостиницу "Москва". – Отдыхайте и ждите звонка, – сказал он, прощаясь.

Я вышел на улицу.

Москва повеселела. Столице уже не угрожала бомбежка: Красная Армия не только отогнала фашистские полчища от Москвы, но и готовилась изгнать их с советской земли; на всех фронтах шли наступательные операции. В городе стало больше света, но хотя москвичи больше не опасались, что могут раздаться тревожные звуки сирены, окна попрежнему были залеплены полосками бумаги.

Я ходил по Москве, осматривал места, которые бомбили немцы, но особых следов бомбежек не замечал – было ясно, что москвичи быстро расчищали развалины, приводили в порядок разрушенные участки, наводили "косметику" на раненые дома. Оживилась торговля, хотя, конечно, с товарами и продуктами было все еще трудно.

Я прислушивался, о чем говорят вокруг. Шли разговоры о том, что в Москве сейчас проходит Конференция, на которую прибыли министр иностранных дел Англии Энтони Иден и Государственный Секретарь США Кардел Хэлл, что вместе с товарищем Молотовым они обсуждают вопросы войны и мира.

Говорили и о том, что, может быть, в ближайшее время соберется "Большая Тройка" — этого очень хотят и Черчилль и Рузвельт. Но больше всего говорили о Сталине. Это имя было у всех на устах, его произносили с особенной сердечностью и теплотой.

Мне встретились знакомые военные грузины — они приезжали в Ставку и очень торопились, потому что в тот же день должны были возвращаться на фронт. Их рассказ был коротким: дела на фронте идут хорошо, но Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин требовал не ослаблять бдительности, так — как враг еще силен и самоуспокоение может оказаться роковым.

"Дела на фронте идут хорошо" — это радовало, поднимало настроение...

Звонок, который я ждал, раздался утром 4 ноября. Меня просили приехать к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову.

— Иосиф Виссарионович Сталин поручил мне поговорить с Вами, — сказал Георгий Максимилианович. — Не согласитесь ли Вы работать первым секретарем Чечено — Ингушского обкома ВКП(б)?

Это предложение было для меня больше, чем неожиданным — ведь я совсем недавно начал работать в Абхазии и пока еще ничего не успел сделать.

Я ответил Г. М. Маленкову, что готов выполнить любое задание Центрального Комитета — работать там, куда сочтет нужным направить меня партия, но я в Абхазии недавно и мне хотелось бы там еще поработать. Однако, добавил я, этот вопрос я предоставляю решать товарищу Сталину, как он скажет, так пусть и будет.

Мне показалось, что Г. М. Маленков улыбнулся и сказал:

— Ну что же, я так и передам товарищу Сталину.

Прощаясь со мной, тов. Маленков предложил:

— Оставайтесь в Москве на Октябрьские праздники. Мы Вам пришлем пропуск в Кремль на торжественное заседание. Товарищ Сталин будет выступать с докладом.

И вот, 6-го ноября, примерно, в половине шестого, я вышел из гостиницы и направился в Кремль. В моем кармане лежал пропуск. Я был очень доволен тем, что мне представилась возможность присутствовать на торжественном заседании и вновь увидеть Сталина, послушать его доклад. Сильно ли он изменился за эти трудные годы?

По дороге в Кремль меня ослепил салют. Я знал, что салют этот в честь освобождения Киева — по радио уже передавали сообщение о том, что наши войска освободили украинскую столицу от гитлеровских войск. Читал сообщение диктор Юрий Левитан, читал с таким душевным подъемом, что и без того брызжащая через край радость становилась безмерной.

Когда я подошел к Кремлю, салют все еще гремел и звезды, взрываясь в московском небе, падали на город разноцветным дождем. Хорошо начинался праздник 26 — ой годовщины Великого Октября.

Я вошел в Кремлевский дворец, в Андреевский зал. Там уже собралось немало людей, приглашенных на торжественное заседание. Все оживлены, у всех приподнятое настроение. И говорят все об одном и том же. Слышу вокруг: "Победа". "Сталин". "Сталин". "Победа"...

Вдруг зал взрывается громкими рукоплесканиями. Оборачиваюсь в сторону двери и вижу: в зал входят товарищи Молотов, Маленков, Каганович, за ними Сталин и другие члены Политбюро. Я тоже зааплодировал и стал пристально разглядывать Сталина. С тех пор, как я его видел в последний раз, он заметно поседел, осунулся, но держался попрежнему так, будто усталость, обыкновенная человеческая усталость, над ним не властна. У меня создалось впечатление, что Сталин стал за эти годы еще мужественней, еще более окрепла его воля, что его сильный характер еще больше закалился.

Аплодисменты вспыхнули с новой силой. Сталин тоже стоя аплодировал.

Наконец, зал затих, председательствующий объявил торжественное заседание Московского городского Совета депутатов трудящихся открытым и предоставил слово для доклада Председателю Государственного Комитета Обороны Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Что тут началось! Мы снова поднялись со своих мест и устроили товарищу Сталину такую бурную овацию, что казалось, вот — вот рухнет потолок. Сталин стоял на трибуне, терпеливо ждал, но овация все усиливалась. Тогда он вынул из кармана часы и показал на циферблат: дескать, теряем время на аплодисменты...

Прошло немало минут, пока зал затих и Сталин начал

доклад. Говорил он, как всегда, спокойно, уверенно, чеканя каждое слово. И когда я слушал его, мне казалось, что это говорит вся партия, весь героический советский народ, вся наша могучая победоносная Армия, изгоняющая лютого врага с родной земли.

Сталин говорил серьезно, вдумчиво, но иногда его речь пересыпалась шуткой, меткой половицей, и в зале раздавался дружный смех. А Сталин улыбался себе в усы, терпеливо ожидая, пока мы успокоимся. В этот миг каждому из нас становилось теплее от этой скупой сталинской улыбки.

Мы слушали доклад, затаив дыхание. И.В. Сталин сделал обзор военных событий, назвав 1943 год годом коренного перелома в ходе войны, высоко оценил успехи Красной Армии на фронте, труд рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции в тылу. Он положительно отозвался об усилиях союзников в деле разгрома гитлеровской Германии. В этом году, сказал Сталин, удары Красной Армии по немецко-фашистским войскам были поддержаны боевыми действиями наших союзников в Северной Африке, в бассейне Средиземного моря в южной Италии. Вместе с тем союзники подвергали и продолжают подвергать основательной бомбардировке важные промышленные центры Германии. Конечно, нынешние действия союзных армий на юге Европы не могут еще рассматриваться как второй фронт, но открытие настоящего второго фронта в Европе – не за горами. И когда оно произойдет, это значительно ускорит победу над гитлеровской Германией. Фашистский блок трещит по швам, разваливается на глазах. Сообщники гитлеровской Германии по грабежу начинают предпринимать попытки вырваться из объятий Гитлера, смотрят в сторону кустов, выбирая момент, чтобы улизнуть из разбойничьей шайки.

И.В. Сталин сказал, что гитлеровская Германия и ее вассалы стоят накануне своей катастрофы, что война идет к окончательной развязке, но советским людям не пристало упиваться своими успехами, нельзя самоуспокаиваться, надо помнить, победа не дается без борьбы и напряжения, она берется с боем. Мы должны напрячь все силы, чтобы добить врага.

Доклад И. В. Сталина окрылил каждого, кому посчастливилось быть на этом торжественном заседании. Мы почувствовали себя обновленными и каждому из нас казалось, что он может сдвинуть горы.

Сталинское слово вдохновило не только нас, участников торжественного заседания, но весь советский народ, всю Красную Армию, все прогрессивное человечество. Этот вечер в Андреевском зале Кремля, конечно, никогда не изгладится в моей памяти.

8-го ноября я снова был вызван в ЦК ВКП(б) к Г.М. Маленкову. У него в кабинете находился Берия. Маленков мне сказал:

— Товарищ Сталин лично хотел побеседовать с Вами, но он очень занят сейчас. Вы конечно, понимаете.

— Понимаю.

Я доложил товарищу Сталину о нашем разговоре, — продолжил Маленков, — и товарищ Сталин сказал: "Мгеладзе прав, он, действительно, работает в Абхазии только с февраля, поэтому переводить его на другую работу рановато. Давайте удовлетворим его просьбу, а в Чечено — Ингушетию подыщите другую кандидатуру. Пусть Мгеладзе сейчас поработает в Абхазии, а потом возьмем его основательно". Это слова товарища Сталина, он просил Вам все это передать.

Маленков взглянул на меня: доволен ли я услышанным? — и улыбнулся. Я поблагодарил его и стал прощаться. Пожимая мне руку, Георгий Максимилианович сказал, что готов специальный самолет и я могу хоть сейчас вылететь в Сухуми.

Вскоре за мной в гостиницу заехали двое военных товарищей и мы отправились на Внуковский аэродром.

Летели мы на "Дугласе". Вечером прибыли в Сухуми. Я пригласил экипаж самолета на ужин, летчики приняли приглашение и, поужинав, тотчас вылетели обратно в Москву.

В ГОСТЯХ У АКАДЕМИКА КОМАРОВА

Расскажу еще об одном звонке Иосифа Виссарионовича Сталина. Это было весной 1944 года, в четвертом часу утра. Я сидел у себя в кабинете в Абхазском обкоме партии и работал. Уже был намечен план на наступающий день, просмотрены последние бумаги, переданные мне секретарем на подпись, и я собрался было уходить, но зазвонил правительственный телефон. Поднял трубку, дежурная сказала:

— Молния.

Я знал: "Молния" означает, что сейчас будет говорить Сталин. Усталость как рукой сняло.

— Здравствуйте, — услышал я голос Иосифа Виссарионовича. — Так поздно работаете?

— Да, товарищ Сталин, меня немножко задержали дела.

— Вам никто не сообщил, что академик Комаров приезжает к Вам на отдых и лечение?

— Нет, товарищ Сталин. В первый раз слышу.

— Так, вот, он у нас немножко прихварывает. Приедет, позаботьтесь о нем.

— Все будет сделано, товарищ Сталин.

— До свидания.

Я тут — же поручил своему секретарю соединить меня по телефону с начальником курортного управления Лаврентием Курсуа. Видно, он крепко спал, я извинился, что пришлось разбудить, попросил его приехать ко мне и сказал, что моя машина сейчас подъедет к его дому.

Через пятнадцать минут Курсуа был у меня в кабинете. Я сказал ему, что на днях к нам приезжает академик Комаров, надо его принять, подготовить дом, в котором он будет жить. Понимаю, добавил я, что сейчас идет война, у нас большие трудности, но мы должны сделать все возможное в нынешних условиях, чтобы академик смог отдохнуть.

— Когда он приедет и Вы устроите его, сообщите. И в дальнейшем постоянно информируйте о состоянии его здоровья.

Мы обговорили все детали приема ученого. Около пяти часов утра начальник курортного управления уехал. Вечером он уже докладывал, что все готово, а спустя несколько дней сообщил, что академик Комаров прибыл с женой, доволен приемом, только жалуется на большую усталость.

— Он бледен, — рассказывал Курсуа, — врачи констатируют чрезмерное переутомление.

Я попросил посоветоваться с врачами, когда мне можно навестить академика.

— Они считают, что сейчас не нужно его беспокоить, — ответил Курсуа. — Уход за ним обеспечен, пусть пока останется с женой.

Через неделю врачи разрешили мне приехать к нему. Я

позвонил в Дом отдыха в Гаграх, где находился В.Л. Комаров, расспросил Владимира Леонтьевича о самочувствии. Он сказал, что чувствует себя куда лучше, врачи неустанно следят за его здоровьем, он окружен теплотой.

— Право, я смущен таким вниманием, — добавил ученый с присущей ему скромностью.

— Мне хотелось бы проведать Вас, — сказал я. Владимир Леонтьевич ответил:

— Когда у вас будет время, я и моя жена будем очень рады видеть Вас у себя.

Договорились, что я приеду на следующий день.

Утром я выехал в Гагра. По дороге, размышляя о предстоящей встрече, я подумал, что Владимир Леонтьевич будет интересоваться не только положением на фронте, ему, ботанику, вероятно, будет интересно узнать в каком состоянии находится наш знаменитый Ботанический сад, поговорить о живописной природе Грузии.

Сухумский Ботанический сад мне был знаком с юных лет. Впоследствии, когда меня избрали первым секретарем Сухумского горкома и Абхазского обкома партии, я бывал в нем не раз и принял ряд мер для наведения в саду порядка. Так что мне было о чем рассказать ученому.

В. Л. Комарову выделили отдельный особняк в Доме отдыха. Расположен он в очень живописном месте, в Старых Гаграх. Оттуда открывается прекрасный вид на море, весь курортный городок, как на ладони.

Дверь мне открыл сам Владимир Леонтьевич, рядом стояла его жена. Мы сердечно поздоровались.

После обычных расспросов о здоровье, о самочувствии, после первых фраз о путешествии из Москвы на Черноморье (Владимир Леонтьевич заметил, что хотя поезда опаздывают и обслуживание на железной дороге не такое, каким оно было до войны, но все же ездить можно), разговор сразу же перешел на тему, которая судя по всему, больше всего интересовала ученого — ботаника. Владимир Леонтьевич спросил:

— Как выглядит Сухумский Ботанический сад? Удалось ли его сохранить?

Я улыбнулся: так и знал, что с этого начнет! И стал подробно рассказывать о саде, сказал, что сохранить его удалось, но многие деревья испортили военные.

— Ох, уж эти военные! — воскликнул Владимир Леонтьевич. — Что же они сделали?

Я рассказал, что по прибытии на работу в Абхазии застаю Ботанический сад в тяжелом положении. Военные провели в саду линию связи и на многих соснах, кедрах и эвкалиптах укрепили ее гвоздями. Это меня возмутило, пришлось пригласить в обком партии генерала, который командовал воинской частью, дислоцировавшейся в районе Сухуми. Я высказал ему свое возмущение таким поведением его подчиненных и попросил, чтобы он немедленно дал указание вести линию связи таким способом, чтобы не подвергать деревья, растущие в Ботаническом саду, опасности гибели.

Представьте себе, Владимир Леонтьевич, — продолжал я, — генерал был удивлен такой постановкой вопроса. "Что Вы, товарищ секретарь! — сказал он мне. — Сейчас идет война, какой там Ботанический сад! Причем тут деревья, какое имеет значение, пострадают они или нет? Как лучше, так и будут воинские части вести связь.

Я ему возразил, что так поступать нельзя, ведь этот Ботанический сад посещал народ из всех уголков нашей страны, и будет посещать после войны, сюда будут приходить и генералы, и маршалы, и солдаты. Но генерала пронять не удалось. Он не только настаивал на своем, но и продолжал удивляться, как это я в военное время говорю о сохранении каких — то там деревьев. Я ему говорю:

— Что же получается? Больше века назад этот Ботанический сад был заложен по приказу генерала Раевского. Это был царский генерал, а советский генерал уничтожает его.

И это довод не помог. Тогда я сказал, что буду вынужден обратиться к Командующему Закавказским фронтом генералу армии И.В. Тюленеву.

К великому сожалению, поддержки от Командующего я тоже не получил. Тюленев сказал, что сейчас идет война и нам не до сада. Я ответил командующему, что война идет не в Сухуми, а на подступах к Берлину. Если бы военные действия шли здесь и обстановка того требовала, то, как это ни горько, но, возможно, пришлось бы срубить деревья на брусья, чтобы строить укрепления, но сейчас... Ведь это же уникальный сад, его надо беречь. Все равно генерала Тюленева не удалось убедить.

— Неужто, они этого не понимают?

И пришлось мне, — продолжил я, — в такую пору беспокоить Иосифа Виссарионовича Сталина. Я позвонил ему. Тогда Сталин дал распоряжение немедленно убрать не только связь, но и генерала — дурака. Ну, насчет командующего фронтом Туленева я ничего не сказал, просто стыдно было докладывать товарищу Сталину, что генерал армии проявил такое же невежество.

— Когда же переведутся эти глупые люди? — не переставал возмущаться Владимир Леонтьевич. И добавил: — Выходит, Сухумский Ботанический сад своим спасением обязан Иосифу Виссарионовичу?

— Да, — согласился я, — если бы не товарищ Сталин, то, конечно, трудно было бы справиться с тупым генералом.

Здесь мне хочется сделать небольшое отступление от беседы с академиком Комаровым.

Когда я решил обратиться к Сталину с просьбой воздействовать на генерала и спасти сухумский Ботанический сад я заранее знал, что встречу у него поддержку. Наделенная удивительными чертами характера, всесторонне одаренная личность, Сталин был буквально влюблен в природу. Я убеждался в этом каждый раз, когда он проводил свой отпуск на Черноморском побережье. Мне часто приходилось прогуливаться вместе с И. В. Сталиным по садам и паркам, и я видел с какой любовью он оглядывает каждый куст, каждое дерево, будь то гималайский кодр или дуб, лимонное или апельсиновое дерево, розы или декоративные кустарники. Интересовало его все.

Видимо, любовь к природе, к растениям у И.В. Сталина не случайна. Ведь он родился и провел свое детство в садах Картли.

Ново-Афонская дача, на которой Сталин отдыхал, расположена в очень живописном месте. Место безветренное, все в зелени. Сталину нравилось здесь.

Помню, однажды в конце ноября 1949 года я был приглашен к И.В. Сталину на завтрак.

— Подумайте только, какое роскошное солнце! — сказал он, встречая меня на своей даче. Затем показал рукой на Кавказский хребет: — Там снег, а здесь столько роз и как обильно они цветут! Грузию часто сравнивают со Швейцарией, но я не стал бы этого делать.

— И я бы не сравнивал. У нас лучше. Весной здесь совершенно другие краски и другой аромат.

К сожалению, — сказал Сталин, — весной мне не приходится бывать в этих местах. Поскребышев^x мне говорил, что когда мы приезжаем сюда осенью, он пьянеет от прозрачного воздуха Абхазии и его клонит ко сну. Поскребышев говорит: тут гулять, да спать! — Сталин улыбнулся в усы: — Гулять и спать, конечно, хорошо, но...

Прогулки по садам и паркам были лучшим отдыхом для И.В. Сталина.

Да, Сталин любил природу. Я знаю на Афонской и Холоднореченской дачах несколько хвойных и эвкалиптовых деревьев, посаженных лично Сталиным. В. М. Молотов как — то рассказал мне, что даже в ссылке Сталин любовался природой, часто отправлялся в лес. В поселении, где ему пришлось отбывать ссылку, он посадил несколько сосен.

И. В. Сталин одобрял нашу работу по озеленению города Сухуми. Однажды он осмотрел Сухумский нагорный парк, восхитился им и в присутствии Поскребышева и генерал — полковника Власика^{xx} сказал мне:

— Здорово ты, Волков,^{xxx} озеленяешь город. Думаю, что Сухумский нагорный парк будут посещать все, кто побывает на Кавказе.

Как — то при встрече с Лазарем Моисеевичем Кагановичем я рассказал ему о нашей работе в области зеленого строительства и о том, как одобрительно отнесся к ней И.В. Сталин. На это Лазарь Моисеевич ответил:

— Это в сталинском стиле. Вы знаете, Акакий Иванович, Сталин много занимается озеленением столицы. Он лично дает архитекторам указания, как вести зеленое строительство в Москве, по его предложению на улицах и площадях высаживаются большие липы, высадка взрослых деревьев в Кремле производилась также по указанию И.В. Сталина — это был первый опыт высадки в Москве больших деревьев с комом. Сталин сказал, что Москва должна быть более зеленым городом, чем Лондон с его Гайд — парком, Париж с его Люксембургским садом и Булонским лесом

X) А. Н. Поскребышев — Зав. Особым сектором ЦК КПСС

XX) Генерал — полковник Власик — начальник охраны И. В. Сталина

XXX) Волков — русский перевод фамилии Мгеладзе.

и даже Вена с ее живописным Рингом. "Вы имеете возможность озеленить Москву, опираясь на опыт зеленого строительства в лучших городах мира, — говорил он архитекторам и озеленителям. Мы вас в этом поддержим" ...

Теперь, пожалуй, уместно возвратиться к моей беседе с Президентом Академии наук СССР И.Л. Комаровым. Когда я сказал Владимиру Леонтьевичу, что Сухумский Ботанический сад обязан своим спасением Иосифу Виссарионовичу, он тут же напомнил, какое колоссальное внимание уделяет Сталин Ботаническому саду в Москве и Ботаническим садам страны.

— Удивительный это человек! — восхищенно говорил И.Л. Комаров. — И откуда у него берется время, чтобы заниматься даже Ботаническими садами, откуда столько знаний! Вы не можете себе представить, как много Сталин занимается Воробьевыми горами.

Слушая Комарова, я вспомнил, как, отдыхая здесь на побережье, Сталин однажды сказал мне:

— Закладывайте лесные эвкалиптовые массивы там, где болота, в низменных местах, где водятся комары. Эвкалипты, во — первых, облагораживают эти места, во — вторых, уничтожат комаров, в — третьих, они, как хороший насос, будут выкачивать воду из почвы и осушать эти места. В Австралии, — говорил Сталин, — прежде чем построить какой — либо завод, его территорию озеленяют эвкалиптами. Колоссальные возможности для выращивания эвкалиптов имеются в Грузии, особенно в ее западной части...

Никто так не любил природу, как И.В. Сталин. Его отношение к природе — прекрасный пример того, как человек должен любить и беречь ее, приумножать ее богатства.

...Наша беседа с академиком незаметно перешла в другое русло.

— Сталин сейчас очень занят, — сказал Комаров. — Ему приходится руководить военными операциями на фронтах, руководить тылом, неустанно следя за тем, чтобы фронт был обеспечен и оружием, и продовольствием, принимать дипломатов и выступать в качестве дипломата... Столько работы, столько дел и забот, а он ничего не упускает; даже находит время помочь Академии наук, заниматься вопросами культуры. Поистине, неиссякаемая энергия у этого человека! Сам бог послал нам его в такую трудную пору. Страшно даже подумать, каков был бы исход этой войны, если бы не Сталин.

Я заметил, что в Европе, видимо, война идет к концу, немцы скоро потерпят поражение.

— Да, это так, — согласился Владимир Леонтьевич, — но боюсь, что немцев начнут жалеть, а их не надо жалеть, слишком много бед принесли они нашей стране.

— Но в Германии, — возразил я, — есть и наши друзья.

— Да, сказал Комаров, — есть. Я помню последнюю речь товарища Сталина, в которой он говорил, что надо отличать немецкий народ и немецкое государство от Гитлера и гитлеровцев.

Я ответил:

— Это марксистское положение и оно нам, коммунистам, по духу.

— Это вроде и так, — задумчиво откликнулся Комаров, — но все же немцы зверствовали, бесчинствовали, они проявляли преданность гитлеризму, воюя против нашей страны. Я тоже коммунист и разделяю положение о необходимости отличать немецкий народ от гитлеровцев, но злоба моя на немцев так велика, что мне трудно с собой что — нибудь поделаться..

— У нас часто бывает не легко пробить бюрократическую стену, — произнес Владимир Леонтьевич, — и вот приходится беспокоить Сталина. Он не терпим ко всякого рода бюрократам — Сталин великий новатор, у него развито чувство нового, он поддерживает все новое растущее. Это позволяет мобилизовать все ресурсы страны для отпора врагу.. Владимир Леонтьевич снова заговорил о немцах.

— Теперь, когда война идет на немецкой земле, — сказал он, — немцы, наверное, почувствовали, что это такое. Но я повторяю, что немцев будут жалеть и, прежде всего, пожалеет их товарищ Сталин. Он твердый, требовательный, несокрушимой воли человек, но он великий гуманист. — Комаров помолчал, задумался. После паузы добавил: — немцам повезло, что во главе нашей страны стоит такой человек, как Сталин.

Разговор переметнулся на другие темы. Владимир Леонтьевич спросил, есть ли в Абхазии видные ученые. Я ответил немного смущенно, что видных ученых абхазов пока нет, но у нас есть видные поэты, такие, как народный поэт Абхазии Дмитрий Гулиа, есть видный абхазский педагог Андрей Чочуа, которого мы сравниваем с грузинским Гогешвили.

— Как это понять — равный? — удивился Комаров. — Ведь

абхазы, если разобраться в их древней истории, это одно из многочисленных племен грузинской нации, они же христиане, те же грузины, и если бы не нашествие турок и других магометан

— Владимир Леонтьевич! Это, к сожалению, в Абхазии не все понимают. Иные абхазы считают себя как — бы самостоятельной нацией.

— Видимо, грузинские историки не поработали как следует, иначе сомнений в том, что абхазцы — те же грузины, ни у кого не возникло бы.

Я согласился.

— Мне не довелось читать ни Дмитрия Гулиа, ни Андрея Чочуа, сказал Владимир Леонтьевич. — Может быть, Вы мне пришлете их книги?

— С удовольствием.

Академик Комаров интересовался экономикой Абхазии, нашими курортами. Спросил меня, встречаюсь ли я с президентом Академии Наук Грузии Н.И. Мухелишвили, бывает ли он в Сухуми. Сказал, что грузинская Академия Наук, хотя и молодая (она основана только в 1941 году), но завоевала известность уже хотя бы потому, что в ней состоят такие крупные ученые, как Н.И. Мухелишвили и И.С. Бериташвили. Таких ученых немного на земном шаре.

Я ответил, что мы гордимся нашими грузинскими учеными.

— Не только Вы, — заметил Комаров. — Ими гордятся все ученые мира. Я люблю Грузию, а с грузинскими учеными у меня большая дружба.

— Вы, наверное, приложили руку к организации грузинской Академии Наук? — спросил я. Комаров улыбнулся.

— Да я докладывал товарищу Сталину, что следует организовать Академию Наук в Грузии и в Литве, и товарищ Сталин принял это предложение. А потом Академии Наук были созданы и в других республиках. Что же в этом удивительного? Наука в нашей стране шагает вперед такими темпами, что, думаю, скоро мы займем подобающее в мире место во всех ее областях.

Жена Владимира Леонтьевича присутствовала при нашей беседе, но не обмолвилась ни словом, если не считать ее реплики о том, что Владимиру Леонтьевичу здесь нравится и отдых проходит у него хорошо.

На меня академик Комаров произвел очень большое впечатление. Больше всего поражала в нем широта его взглядов,

его блестящие знания, покоряла простота, с которой он себя держал. Это был прекрасный собеседник и сердечный человек, но беседовать с ним было нелегко, ибо он требовал, чтобы его собеседник знал предмет разговора, не терпел высокогядства. Он обладал талантом о самих сложных вещах рассказывать просто и ясно.

Встреча с большим ученым, который всегда стремился покорить новые высоты в науке, запомнилась мне на долгие годы. На всю жизнь.

ПОБЕДА!

Первый день войны застал меня в Москве, а День Победы — в Сухуми. С утра 9 мая по городу распространились слухи о том, что Германия безоговорочно капитулировала, мы, руководящие партийные работники, знали, что слухи эти верны, но не подтверждали и не опровергали их до тех пор, пока о капитуляции не объявят официально. Слухи все больше росли и, наконец, по радио раздался голос Левитана: он сказал, что будет передано важное правительственное сообщение. И по тому, как сказал это Левитан, ни у кого в городе не оставалось сомнения, что "важное правительственное сообщение" сулит большую радость нашему народу.

Тогда в Сухуми был только один радиорупор — он висел на улице Ленина, и вскоре вся улица была запружена людьми.

По радио выступал товарищ Сталин. Обращаясь к народу, он сообщил о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Нужно было видеть реакцию людей в те минуты. Хотя Сталин говорил по радио, они аплодировали ему, кричали "Ура", "Да здравствует спаситель нашего народа и Отечества", как будто вождь находился здесь, рядом; они, совсем незнакомые друг другу люди, целовались, бросались друг другу в объятия, поздравляли с победой, принимались качать всех, кто был одет в военную форму. Повсюду слышалось: Сталин принес победу. Где Сталин, там победа. Об этом только и говорили. Говорили все — и стар, и млад.

Стихийно появлялись то там, то здесь колонны демонстратов, они шли по улицам города, и над их головами шелестел шелк знамен, и Гимн Советского Союза, партийный гимн "Интернационал", суровые и озорные песни военных лет звучали под голубым сухумским небом.

Я вырос в Сухуми. Я хорошо знал этот город и сухумцев, бывал на многих демонстрациях, но не берусь сравнить ни одну из них с ликованием народа 9 мая. Оно продолжалось до поздней ночи. Повсюду, распевали революционные песни — я помню их с тех далеких времен, когда был еще пионером — "За власть Советов", "Пушки, пушки грохотали", "Молодая гвардия", "Мы кузнецы", и это было понятно, потому что разгром гитлеровской Германии означал спасение завоеваний великой Октябрьской социалистической революции.

Слова ликующих сухумцев о том, что Сталин принес нам победу в тот день с благодарностью произносил каждый советский человек.

После войны мне доводилось встречаться с Главным маршалом артиллерии А.В. Вороновым, маршалом Ф.И. Толбухиным и другими советскими военачальниками.

С Вороновым встреча произошла сразу — же после войны. Он был проездом в Сухуми, позвонил мне в обком и сказал:

— Если Вы не заняты, я хочу к Вам заехать.

— Пожалуйста, — ответил я. — Буду рад.

Мы встретились с ним как встречаются однополчане. Говорили о многом и беседа наша была теплой, непринужденной, откровенной. Александр Владимирович рассказал, что был в Азербайджане, охотился там и охотой остался очень доволен. Разговор зашел о недавно закончившейся войне, коснулся Сталинградской операции.

Именно в ней, — сказал главный маршал артиллерии, — прежде всего раскрылся военный гений Сталина. Вам известно, что план этой операции составил Сталин? Да, да, — повторил маршал, — лично. Конечно, он предварительно узнал мнение Генерального штаба, работников ставки, получил от командования Сталинградского фронта полную информацию о состоянии военных действий. Командующего фронтом товарища Еременко и других военачальников Сталин сам подобрал для этой операции. Мне посчастливилось командовать на Сталинградском фронте артиллерией. Я все видел своими глазами. И не переставал поражаться, как тщательно была спланирована операция, как были в ней учтены все детали... Возможно какую — то роль сыграло и то, что Сталин хорошо знал Царицын^{х)} еще со времен гражданской

Х) Царицын — старое название Сталинграда

войны. — Воронов на минуту задумался. — Возможно... Но независимо от этого, никто не станет отрицать, что победа на Сталинградском фронте была победой Советского Союза и его Вооруженных Сил над фашистской Германией и ее армией, это была победа Сталина над Гитлером.

— Вы скромничаете, — возразил я, — и, наверное, поэтому не упоминаете о Вашей роли в Сталинградской операции, о роли Командующего фронтом товарище Еременко и других военачальников. А, между тем, общеизвестно, что в Сталинграде во всей полноте раскрылись таланты советских полководцев.

Я не спроста возразил Воронову, и отюдь не желание польстить ему руководило мной, когда я сказал о роли советских полководцев. Мне не раз доводилось слышать рассказы сведущих людей о деятельности Ставки и Генерального штаба, и я имел некоторое представление об этом сложном военном организме. В Отечественной войне участвовали многомиллионные армии и огромная масса боевой техники. Планирование операций в подобных условиях было процессом невероятно трудным. Оно под силу только большому коллективу. Сталин, конечно, хорошо это понимал и в своей повседневной работе опирался на Ставку, Генеральный штаб, начальников родов войск, военные советы фронтов. Сам Сталин был человеком ищущим и дерзающим, умеющим направить и воодушевить людей. Вместе с ними он прикидывал и оценивал многие варианты, стараясь определить, как может обернуться дело на практике. В совместных поисках Ставка приходила к правильным решениям, определяла наиболее верные пути к успеху.

Вот почему я сказал Воронову, что он преуменьшает роль военачальников и что их таланты раскрылись в Сталинграде во всей полноте.

Воронов улыбнулся:

— Да, конечно. Но если бы не Сталин, мы не выиграли бы Сталинградскую битву. Все мы по сравнению с ним пигмеи. Поверьте, я не преувеличиваю. Когда Сталинград был в огне и дыму, Верховный видел нашу победу. Он был великим знатоком современного военного дела. Вспомните его приказы, новшества, которые Сталин ввел в военные уставы. Это такой вклад в военную науку, который можно отнести к числу бессмертных.

Хочу заметить, что инициатива беседы о Сталине

принадлежала Воронову. Он начал этот разговор. Я не мешал ему высказаться. Он говорил. Я больше слушал.

Затем мы потолковали о делах Абхазии, о положении в мире. Я пригласил его пообедать. Он посмотрел на часы:

— Мне надо в путь. В следующий раз воспользуюсь Вашей любезностью и съем два обеда.

Мы тепло расстались.

Сразу же после Отечественной войны командующим Закавказским военным округом был назначен Маршал Ф.И. Толбухин. Вскоре он посетил войска, дислоцирующиеся на побережья Черного моря в Грузии, был в Сухуми и я пригласил его на правительственную дачу. С маршалом приехали сопровождающие его товарищи. Прибыли и члены Бюро Абхазобкома. Пока готовился обед, все зашли в билиардную. Маршал Толбухин же и я решили прогуляться по саду. Он все восхищался пейзажем Нового — Афона, рассматривал каждое дерево с интересом — гигантские кедры, стройные пирамидальные кипарисы, цитрусовые плантации, оливковые рощи.

Мы, сегодня попробуем урожай с этих плантаций, — сказал я, — Многие тут сделали монахи, — сказал Толбухин.

— Да, на монахов не приходится обижаться, — продолжал я, — даже первые кусты цитрусовых насаждений были завезены ими из Японии.

— И море сегодня прекрасно, — сказал Толбухин.

— Знаете, — сказал я, — ранним утром, когда ясная погода, отсюда можно увидеть наши грузинские земли, все еще находящиеся в руках Турции, и это длится несколько веков.

Он улыбнулся и посмотрел на меня.

— Знаете, сказал он, — Вы человек серьезный и занимаете такое положение в партии, что с вами можно говорить откровенно. Когда под моим командованием наши войска вошли в Болгарию, я позвонил товарищу Сталину и сказал, что могу в двадцать четыре часа освободить грузинские земли, находящиеся на территории Турции. Он сразу сказал — нет, этого нельзя делать по политическим соображениям. Меня все время беспокоил этот вопрос и я думал, что может быть удастся уговорить тов. Сталина, получит его согласие. Сооблази большой, Вы знаете, у нас у военных есть такая черта. Я вновь позвонил товарищу Сталину и он ответил —

перестаньте об этом думать. Это будет политическая авантюра.

Если бы товарищ Сталин разрешил, я бы эти земли освободил за двадцать четыре часа, но Сталин видит иначе, а Сталин и ему виднее.

— Да, это правильно. Сталину виднее, но когда же теперь предоставится возможность устранить эту несправедливость. Хорошо получилось с Украиной, Белорусией, а вот грузинские земли все еще не собраны в единое национальное государство. Но, будем надеяться, что это случится.

— Да. Будем надеяться, — подтвердил маршал Толбухин.

Затем, беседа перешла на другую тему.

За обедом разговор, естественно, крутился, вокруг только что закончившейся войны. Толбухин рассказал много интересных эпизодов. Он подчеркнул, что Сталин в этой войне показал себя непревзойденным полководцем. Человек величайшего мужества и железной воли, — говорил маршал, — Сталин в первый же день войны взвалил на свои плечи огромную ответственность: стал председателем Государственного Комитета Обороны, возглавил Вооруженные Силы страны, возглавил их именно тогда, когда и армия и флот находились в критическом положении... А сталинская речь и военный парад 7-го ноября 1941 года на Красной площади! Ведь в то памятное утро немецкие генералы видели Москву в бинокль. В этот критический момент Сталин спас Москву, а немцы получили первый удар, который развеял миф о непобедимости гитлеровской армии.

— Впрочем, — добавил маршал, — это теперь всем известно. Сталинская сила воли превратилась в легенду. Но есть у Сталина еще одна черта, которая всегда поражала нас, командующих фронтами. Это — его стремление быть в курсе всего, что делается в войсках, его удивительная осведомленность. Иной раз о положении на нашем фронте Сталин знал лучше, чем мы...

Толбухин рассказывал о том, каким был Сталин требовательным и одновременно внимательным к военным кадрам. Даже в разгар войны он отзывал с фронта командующих, в том числе и его, Толбухина, и посылал на кратковременный отдых одних — в Цхалтубо, других на подмосковные дачи...

— Никто лучше Сталина не понимал, как много зависит от кадров, от отношения к ним, от их подбора и расстановки, — сказал Толбухин. — Вспомните начало войны. Нужно было вывести

Красную Армию из критического положения, завершить эвакуацию военных заводов, наладить производство вооружения и боеприпасов, обеспечить армию и тыл продуктами, а промышленность сырьем. Поставить на каждый участок боевых, энергичных, умелых, знающих людей – вот о чем в первую очередь позаботился Сталин. Могу сказать, как это происходило в армии. Там критерием при назначении на высшие командные посты больше не служили старые заслуги. Принимались во внимание лишь дарование и умение, проявленные на поле боя. Люди не отвечающие требованиям дня, люди бездарные заменялись немедленно, даже высокопоставленные чины. В прошлом хваленые командиры Красной Армии вынуждены были уступить место молодым талантливым военачальникам, хорошо проявившим себя в ходе военных действий. Это было похоже на военную чистку командного состава, но в этом крутом отношении к кадрам была одна из многих великих заслуг Сталина перед Отечеством.

Мои встречи и с главным маршалом артиллерии Вороновым и с маршалом Толбухиным не были официальными, наши беседы происходили в узком кругу, никто не принуждал их славословить Сталина, говорить о его полководческом гении, они сами и с восхищением рассказывали об этом.

Позднее мне довелось встречаться и с другими военачальниками – маршалами, генералами, офицерами. Все они очень высоко ставили военное дарование Генералиссимуса Сталина, но впоследствии подчиняясь веянию времени, приспособившись к обстоятельствам, некоторые из них в своих официальных выступлениях сделали крутой поворот. Хотя, при личных встречах они продолжали утверждать, что остаются прежнего мнения о Сталине.

Бог с ними, держащими нос по ветру...

ОСЕНЬЮ СОРОК ШЕСТОГО

Весной 1946 года, впервые после Отечественной войны проходили выборы Советского парламента. С програмной речью, определившей послевоенные задачи партии и народа, выступил перед избирателями Иосиф Виссарионович Сталин. Прошли выборы, и первая сессия Верховного Совета СССР нового созыва

приняла пятилетний план по восстановлению и развитию народного хозяйства страны. Таким образом партия и народ получили конкретную задачу действий.

Страна поднималась из руин, залечивала раны. Военный фронт прекратил свое существование, но возник не менее тяжелый — трудовой. Все, от мала до велика, понимали как он важен. Разумеется, понимали это и трудящиеся Абхазии. Мы работали без усталы, и когда осенью 1946 года я встретился с И. В. Сталиным мне было о чем ему доложить.

Сталин приехал в наши края в ноябре. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) он получил отпуск и проводил его на черноморском побережье Грузии, в Гагра.

Осень в Абхазии всегда хороша, но в 1946 — она выдалась особенно прекрасной. То была, воистину, золотая осень — солнечная и теплая. В один из таких осенних вечеров у меня на квартире зазвонил "ВЧ". Поднял трубку, слышу голос Л. П. Берия:

— Здравствуй Акакий. Где сейчас твои ребята?

Я спросил, кого он имеет в виду. Берия назвал министра Госбезопасности К. Гагуа, Председателя Президиума Верховного Совета М. Делба и Председателя Совета Министров Абхазии А. Мирцхулава. Я сказал, что мы только что расстались в обкоме. Берия предложил позвонить им и всем нам, вместе с нашими супругами приехать к нему на дачу. Я поблагодарил за приглашение, созвонился с Гагуа, Делба и Мирцхулава. Не прошло и получаса, как вновь раздался звонок по "ВЧ". Л. П. Берия сказал, что, пожалуй, лучше сначала приехать нам, а жены пусть подъедут позднее. "Я знаю, как долго одеваются женщины", — добавил он.

Примерно, к 7 часам вечера мы были на даче Берия. В гостинной нас встретил министр Госбезопасности Грузии Д. Рапава, вслед за ним вошел хозяин дачи. Он поздоровался с нами и пригласил в столовую. Там, неожиданно для себя, мы увидели Сталина. За большим обеденным столом вместе с Иосифом Виссарионовичем сидели артист Спартак Багашвили с женой, министр Внутренних дел Грузии Г. Каранадзе и супруга Берия — Нина Теймуразовна.

Я не видел И. В. Сталина с 1943 года. Иосиф Виссарионович был одет в форму Генералиссимуса — таким мы привыкли видеть его на портретах. Он заметно постарел, поседел. Чувствовалось, что он устал, переутомлен.

Руководил столом Сталин. Он провозглашал тост за каждого из присутствующих по очереди, невзирая на ранг, при этом говорил мало — желал нам здоровья и шил из маленького рюмки, недопивая до конца.

Примерно, через час приехали наши супруги и, конечно — же, они были приятно поражены, увидев так близко Сталина. Иосиф Виссарионович тепло поздоровался с ними и продолжал вести стол. Поднимая бокал, он подходил к каждому и чокался. Когда очередь дошла до Спартака Багашвили, Сталин, провозглашая заздравную сказал, что Спартак один из талантливых киноактеров, созданные им образы любимы и популярны и что он, Сталин, надеется, что в будущем Спартак создаст много новых образов, которые доставят эстетическое удовольствие не только советским людям, но и зарубежным зрителям.

Багашвили встал, подошел к Сталину и поцеловав его в грудь, исполнил монолог Отелло, затем монолог Уриэля Акоста. Иосиф Виссарионович с удовольствием слушал.

Мы знали, что Спартак Багашвили тяжело болен. Когда он вышел из столовой, Сталин сказал, что надо сделать все, чтобы вылечить его и что он поручит в Москве заняться его лечением. Затем он предложил тост за здоровье жены Багашвили Нино Чхеидзе, тоже артистки, и пожелал ей успехов в творчестве.

За столом Сталин говорил о самых обыденных вещах, был остроумен, весело шутил. Говорил он неторопливо, тихо, четко отделяя одну фразу от другой, не выпуская из рук свою легендарную трубку. Когда она не горела, он разглаживал тонким ее концом усы. Грузинский акцент был очень заметен. По правде говоря, где — то в глубине души я этим гордился.

Но еще больше я восхищался другим. Вот, думал я, сидит рядом со мной такой простой, такой человечный человек, а ведь этот человек, неторопливо рассказывающий о самых обычных вещах, повел наши войска на разгром гитлеровской армии, спас родину от фашизма. С именем этого человека бойцы бросались на вражеские танки, прикрывали амбразуры ДОТ — ов своим телом ...

... Вернулся Спартак, кто — то завел песню — "Гапринди шаво мерцхало", "Нетави гого мэ да шен", "Цаикванес Тамар кали Абхазетши" ... песни сменяли друг друга. Сталин пел вместе со всеми. Говорят, что в молодости у него был хороший голос...

... Тосты продолжались. Дошла очередь до Берия. Сталин

сказал, что полюбил его за то, что тот смело, не боясь, писал правду о положении дел в Грузии и Закавказье. Больше — ни слова. На лице Берия промелькнула тень — видимо, он надеялся услышать из уст Сталина что-то большее. Но тут же он взял себя в руки и сделал вид, что доволен этими словами.

Все выпили за Берия. Наши тосты были в общем похожи. Диссонанс внес только Каранадзе, сказав: — “Припоминаю, Лаврентий Павлович, когда я как-то был у Вас на квартире, мы пили за здоровье товарища Сталина и Вы сказали, что Сталину трудно, ему надо помочь”.

Я посмотрел на Сталина, а затем на Берия, оба они сделали вид, будто не придали значения словам Каранадзе. А сам Каранадзе же повидимому остался доволен своей речью.

Вскоре Рапава провозгласил тост за тамаду. Он был немногословен. Подчеркнув величие Сталина, он пожелал ему здоровья. Каждый, кто сидел за столом последовали его примеру.

Последним поднял тост Берия. Он говорил пространно, пышными, часто непонятными, фразами. Впрочем, одна фраза была весьма ясной. “Пусть будет здоров товарищ Сталин, — сказал он, — а для меня около Сталина всегда найдется место”. Сталин посмотрел на Берия, отвернулся и, улыбаясь, разгладил трубкой усы.

А между тем, Берия продолжал: “Я впервые лично познакомился с товарищем Сталиным в 1926 году, когда вместе с Орджоникидзе приехал к нему”. Сталин сказал, что этого не помнит. Берия смутился, наступило неловкое молчание. Оно продолжалось недолго, уже через несколько мгновений мы услышали заискивающий голос Берия: “Зато я помню”.

Думаю, что Берия был уже и не рад, что пригласил нас к себе.

Когда все мы выпили за здоровье Сталина, он сказал: “Спасибо” и сел. Затем взглянул на часы: “Половина первого, пора ехать”. Мы поднялись из-за стола. Кто-то принес его пальто, хотел подать ему, но Сталин воспротивился: “Я сам, это у меня давнишнее правило”.

Машина подъехала к подъезду. Берия взял меня за руку, посадил в машину и сел сам. Сталин сел около водителя, что делал очень редко.

Машина мчалась в сторону Холодной речки. Когда мы проезжали Гагра, я сказал: “Вы видите, товарищ Сталин, Гагра —

это небольшой морской берег и горы. Лучшего курорта, чем Гагра в Союзе нет, а штормы каждый год разрушают морской берег и курорт гибнет. Следовало бы построить вдоль берега, от села Сихарули до санатория "Украина" подпорную стену". Сталин ответил:

— Подготовьте предложения, мы их рассмотрим.

Забегая вперед, скажу, что благодаря товарищу Сталину решение о строительстве подпорной стены вдоль всего курортного берега было принято.

У входа на государственную дачу Сталин попрощался с нами. Берия и я поехали обратно.

Должен заметить, что к Берия я относился хорошо, был с ним искренен и по простоте душевной считал, что он отвечает мне тем же. Уже позднее я имел случай убедиться — и не один раз! — в том, какой это двуличный человек. Но в ту ночь, когда мы, проводив товарища Сталина, остались вдвоем в машине, мне, конечно, ничего подобного не могло придти в голову. Поэтому разговор, который повел со мной Берия, оставил у меня неприятный осадок.

— Акакий, — шепотом сказал он, наклонившись к моему уху, — я хотел оставить на моем месте, первым секретарем ЦК Грузии, тебя, но не вышло. Ты должен об этом знать.

Я ничего не ответил. Только подумал: зачем ему нужно об этом мне говорить? Ведь секретарь ЦК избран, работает. Не похоже ли это на мелкую интригу?

Когда мы вышли из машины и пошли пешком, я сказал:

— Лаврентий Павлович, Чарквиани хорошая кандидатура. А что до меня, то я доволен своей судьбой и дай бог справиться с той большой работой, которую мне доверила партия...

Возле дома отдыха меня ждала моя жена Эмилия, вместе с другими мы сели в машину и выехали в Сухуми.

Я был благодарен Берия за приглашение к себе на дачу, когда у него в гостях был Иосиф Виссарионович. И сейчас, когда пишутся эти строки, я благодарен ему за эту встречу, какую бы цель он не ставил, приглашая нас.

ВСТРЕЧИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ

После войны Сталин часто отдыхал на Черноморском побережье Грузии. Однажды — было это осенью 1947 года — он пригласил меня на холоднореченскую государственную дачу. Осень стояла бархатная, роскошная, было тепло и воздух казался прозрачным.

Сталин встретил меня у входа. Выглядя он помолодевшим. Усталость, которую я с огорчением видел на его лице в 1946 году, словно рукой сняло.

— Какая у Вас отличная погода! — с восхищением сказал Сталин. — Не случайно здесь столько долгожителей. Вы недавно представили Джону Пристли вашего Мамсира Киуга, которому исполнилось 150 лет, помните, как удивлялся этот английский писатель? — и добавил, улыбаясь в усы: — Если бы я постоянно жил здесь, наверное, тоже прожил бы полтора века.

Мы вошли в сад. Гуляя, Сталин ступал по земле уверенно, твердо. Он был бодр, хорошо настроен, и был ко мне удивительно внимателен и прост.

Хочу заметить: всегда, когда мне предстояло выезжать к Сталину, к радости предстоящей встречи примешивалось какое-то внутреннее напряжение, и я ничего с этим не мог поделать. Но стоило встретиться с ним и напряжение исчезало словно бы его и не было. Все дело в непринужденной обстановке, которую создавал Сталин. Кто бы не был его гость, Сталин разговаривал с ним как равный с равным. Простота и ровное отношение к собеседнику действовали успокаивающе.

Была у Сталина еще одна характерная особенность: в беседах он предоставлял инициативу собеседнику, давал ему возможность высказаться до конца. Искусство терпеливо слушать — сложное искусство. Оно для людей с железной выдержкой и крепкими нервами. Сталин владел им в совершенстве.

Как у Вас дела? — спросил меня Иосиф Виссарионович, когда мы вошли в дом.

Я кратко рассказал о том, чем жила в те дни Абхазия. Это был небольшой, но конкретный обзор состояния промышленности, сельского хозяйства, национально — культурного строительства автономной республики. Обзор без прикрас: я ничего в нем не преувеличил и не преуменьшил. Сталин слушал, молча попыхивая трубкой. Когда речь зашла об абхазских курортах и, в частности, о Гагра, Сталин сказал:

— Гагра — хороший курорт.

— Да, хороший, — подтвердил я. По своим климатическим и бальнеологическим данным он не уступает другим курортам мира. Но...

Сталин вынул трубку изо рта, повернул ко мне голову, прищурил глаза.

— Но, товарищ Сталин, — продолжал я, — Гагра без электричества. На всем курорте один небольшой движок — дизель с допотопных времен. Ночью свет гаснет по три — четыре раза. Вот в каком положении находится хороший курорт.

Сталин засмеялся и вдруг, неожиданно, оборвал смех, сделался серьезным.

— Почему об этом мне никто не говорил? — спросил он. — И почему до сих пор не поставили этот вопрос? Я всегда утверждал, что грузинские руководители не могут ставить вопросы. Что — же это получается? Люди приезжают на отдых с Урала, из Москвы, Ленинграда — со всех уголков Советского Союза, но вместо того, чтобы отдохнуть, треплют себе нервы: свет то гаснет, то зажигается. Безобразия! — Поднес спичку к погасшей трубке, и, раскуривая ее, осведомился: — У Вас есть конкретные предложения?

— Есть. Здесь в Гагрском районе, течет речка и если на ней построить небольшую ГЭС, то этого будет вполне достаточно, чтобы удовлетворить потребности Гагра в электроэнергии. ГЭС можно построить быстро и без особых затрат.

Сталин подумал.

— Что — же, — сказал он, — подготовьте предложения. Я позвоню в Москву, попрошу, чтобы их обсудили. И, как один из член Совета Министров СССР, поддержку Вас.

Вскоре вышло постановление Совета Министров СССР о строительстве Багнарской ГЭС. Строительство это было поручено Грузгидроэнергострою. Абхазская партийная организация оказывала ему всяческую помощь. ГЭС сооружалась быстрыми темпами и уже через два года курорт Гагра засверкал электрическими огнями.

...Ободренный поддержкой товарища Сталина в сооружении ГЭС для курорта Гагра, я заговорил и о других нуждах этого города.

— В Гагра, — заметил Иосиф Виссарионович, — новое строительство ведется плохо. В Сочи сделано куда больше.

— Это верно, — ответил я. — Но Сочи дают деньги на строительство и реконструкцию. Там за одно только мацестинское ванное здание можно купить весь курорт Гагра.

— А Гагра денег не дают?

-- Нет.

-- Почему?

-- Говорят, что нет средств.

-- Это неправда, — возмутился Сталин. — Для такого курорта, как Гагра, средства всегда найдутся. Это не значит конечно, что рубли не надо считать. Вложения в Гагра с лихвой окупятся. Ведь таких курортов в Советском Союзе немного, на них отдыхают и лечатся советские люди, а забота о советских людях — партийная забота. И она должна выражаться не в болтовне и декларативных резолюциях, а в конкретных делах. В данном случае, если хотите знать — в благоустройстве Гагра. Мы должны, — Сталин разрубил трубкой воздух — создать нашим трудящимся во всяком случае не меньший комфорт, чем создают капиталисты для себя.

Я тут — же выложил все нужды курорта Гагра. Поставил вопрос о строительстве водопровода и канализации, так — как воды не хватало, а канализация имелась только в отдельных домах отдыха, о возведении сооружения, регулирующего воды Жоквара, — эта речка после обильных дождей разливалась так сильно, что все уносила с собой, о строительстве капитального моста через реку Жоквару — тот, который функционировал, был примитивным и не безопасным для проезда автомашин.

Сталин слушал, не перебивал.

— В Гагра приезжают десятки тысяч отдыхающих, — продолжал я, — но город не имеет ни театра, ни кинотеатра. Правда, есть в парке летний кинотеатр и концертная раковина, но разве этого достаточно для такого курорта? Может быть можно на первых порах соорудить хотя бы здание кинотеатра?

Выслушав меня, Сталин сказал:

— Что — же, Ваши требования скромны, их можно полностью удовлетворить. Надо только представить обоснованную записку.

— За этим дело не станет, товарищ Сталин, — обрадованно ответил я.

Позднее я рассказал об этом разговоре с товарищем Сталиным первому секретарю ЦК Компартии Грузии К.Н. Чарквиани, обоснованная записка была подготовлена и отправлена в Совет Министров СССР.

...Разговор зашел о чайных плантациях. Я рассказал товарищу Сталину, какая трудоемкая культура чай, сказал, что сбор чая длится с конца апреля по ноябрь, и процесс этот очень нелегкий.

поскольку чай приходится собирать вручную.

— Для наших сборщиц это прямо несчастье, — сказал я. Часто с ними случаются механические аборт, не говоря о том, что женщины Западной Грузии потеряли свою былую красоту — ведь на протяжении семи месяцев с раннего утра до позднего вечера им приходится собирать чай в полусогнутом состоянии. Если не предпринять серьезные меры, это может привести к вырождению нации: ведь Грузия невелика. Да и независимо от этого такое положение женщины недопустимо в социалистической стране.

Товарищ Сталин спросил:

— Что предпринято, чтобы исправить дело?

— Пока ничего реального, — ответил я.

— Надо помочь грузинским чаеводам, — сказал Иосиф Виссарионович. — Привлечь лучших специалистов не только Грузии, но и всей страны к созданию чаеуборочной машины. Уверен, что если оказать помощь грузинской технической интеллигенции, она скажет свое слово. И машина будет.

Иосиф Виссарионович встал, вышел в другую комнату, и спустя несколько минут возвратился. Я не знаю, записал он, или кому либо позвонил, но после этого разговора было создано несколько конструкторских бюро по созданию чаеуборочной машины.

... Беседа наша подходила к концу, когда к нам подошла девушка из обслуживающего персонала.

— Товарищ Сталин, — сказала она, — ужин готов.

— Вы, наверное, тоже проголодались, — обратился ко мне Иосиф Виссарионович. — Поужинаем вместе. Позовем нашего главнокомандующего и выберем его тамадой.

“Главнокомандующим” Сталин в шутку называл Александра Николаевича Поскребышева. Так как многие годы жизни и деятельности Сталина связаны с этим человеком, постараюсь в меру моих скромных возможностей нарисовать его портрет.

Был Поскребышев с виду невзрачен, во всяком случае он внешне ничем не привлекал. Небольшого роста. Продолговатое, словно вытянутое лицо. Под низким лбом быстро бегающие глаза.

Чувствуется: и хитер, и умен, и вдумчив.

Очень подвижный, походка быстрая.

До Отечественной войны одевался в штатское, иногда носил

полувоенный костюм, а в военные годы ему присвоили звание генерал – майора и он ходил в генеральской форме.

Официально А.Н. Поскребышев занимал должность заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б), но он все время был при Сталине. И днем, и ночью, в Кремле и на отдыхе. Неотлучно.

Чтобы попасть к Сталину на прием, надо было пройти через кабинет Поскребышева и когда наступало время приема, он неизменно говорил посетителю:

– Сталин Вас ждет.

Его отличали предельнейшая аккуратность, умение расположить материал и доложить почту наилучшим образом, так, чтобы не расплыться и не растратить зря ни минуты. Это было особенно ценно, если к тому же учесть, как дорого было время для Сталина, сверх всякой меры перегруженного работой. Докладывая, Поскребышев располагал отдельно партийные решения, решения правительства, Указы Президиума Верховного Совета, дипломатические, военные и другие документы.

Он умел хранить секреты. Никто от него не слышал лишнего слова: Если кто –нибудь из высокопоставленных лиц, вызванных к Сталину, прежде чем войти к нему, спрашивал Поскребышева:

– Вы не знаете, по какому вопросу я вызван? – следовал неизменный ответ:

– Я знаю столько же, сколько и Вы.

Даже в те редкие дни, когда Сталин отдыхал на Черноморском побережье, Поскребышев не оставлял его, был рядом с ним и выполнял свои функции, ибо Сталин работал и на отдыхе, может быть с меньшей нагрузкой, но работал. Те же вызовы и посещения ответственных деятелей партии и государства, доклады, почта, которая доставлялась ему на самолете.

Я заметил, что часто, когда Сталин завтракал или обедал, Поскребышева за столом не было. Или же он незаметно исчезал, так как завтрак, обед обычно затягивались – велись беседы, – а потом вдруг появлялся. Сталин спрашивал его:

– Ну, что верховный главнокомандующий?

– Да, ничего, – отвечал Поскребышев, – пришел, чтобы повидать Вас и гостей.

Сталин и вида не подавал, что появление Поскребышева означает необходимость выслушать его срочный доклад. Но спустя

несколько минут он вставал из — за стола, извинялся перед гостями, говорил, что скоро вернется и уходил в другую комнату.

Гости, в том числе и я, не придавали этому никакого значения. Только спустя несколько лет я узнал от самого Поскребышева, когда в последний раз встретился с ним (было это в 1953 году, на Сессии Верховного Совета СССР), что его появление в комнате, где завтракал или обедал Сталин, всегда было связано с работой.

— Мои “внезапные” появления, — смеясь говорил мне Александр Николаевич, — вовсе не были внезапными. Они служили как бы условным сигналом. Когда я получал особо важное сообщение, обязан был немедленно доложить о нем Сталину. Обязан, понимаете? Поэтому, стоило мне лишь показаться, Сталин тотчас поднимался и уходил ко мне, независимо от того отдыхал он, или обедал, или беседовал с гостями. Этот порядок установил сам Сталин. Он рассматривал вопрос, давал указание и возвращался к гостям.

Коротко о Поскребышеве скажу так. Он был кристально чистым человеком, преданным членом партии, хорошим помощником Сталина. Несмотря на это (а, может быть, именно поэтому), в высших кругах, даже среди членов политбюро, находились недовольные им люди (я имею в виду, в первую очередь Берия и Хрущева). Почему? Думаю, потому, что Александр Николаевич Поскребышев ничего не утаивал от Сталина. И если поступала жалоба на кого —нибудь из них, он обязательно докладывал ему.

После смерти И.В. Сталина “недовольные” его убрали, и сейчас, когда я пишу эти строки, мне неизвестно ни где он, ни что с ним.

... И так, Сталин предложил мне поужинать с ним.

— Позовем нашего главнокомандующего, — сказал он, — и выберем его тамадой.

Втроем мы вошли в столовую. Ужин был подан на открытой веранде.

Где — то недалеко послышался звон колокольчиков.

— Что это? — спросил Иосиф Виссарионович.

Я объяснил:

— Осенью на побережье много перепелов, на них охотятся. Наверное, охотник потерял ястреба, а к его ножке привешен шнурок с колокольчиком. Ястреб сидит где — то здесь недалеко на дереве

и не может улететь, потому что зацепился шнурком за ветку. Он вырывается из "плена" и колокольчик звенит.

— А что абхазы охотятся на перепелов с ястребами? — спросил Сталин

— Да.

Он стал вспоминать, что рассказывал об абхазах Серго Орджоникидзе. Вспомнил, и улыбка не сходила с его лица.

— Серго рассказывал мне, — неторопливо, с расстановкой говорил Сталин, сощутив смеющиеся глаза, — что абхазы любят охоту, да так, что готовы ради нее бросить даже самую неотложную работу.

— А в "Огоньке" мне довелось прочесть об абхазах и не такое, — заметил я. — Автор статьи попросту назвал их лентяями. Статья возмутила меня.

— И Вы не послали в журнал опровержение? — спросил Сталин.

— Хотел, но раздумал: не стоит опровергать всякую нелепость. Я, товарищ Сталин, родился не в этих краях, но здесь рос, здесь вступил в комсомол, работал, здесь меня принимали в партию. Я знаю абхазов, они не только страстные охотники, но и отменные труженики. Как они обрабатывают свои поля, какие высокие урожаи получают! В этих местах живет колхозник Темур Тарба. Он снимает с каждого гектара 1300 пудов кукурузы. И он не один такой.

— Да что Вы говорите? — с деланным удивлением воскликнул Сталин.

— Я мог бы назвать Вам многих. Например, виноградарей, снимающих по 100 — 150 центнеров винограда с гектара. Абхазы отстают в получении высоких урожаев тех культур, которые им не знакомы. Да и это отставание — до поры, до времени, пока освоят новую культуру. Так получилось с табаком. Было время, когда армяне получали более высокий урожай, а теперь абхазы их обогнали ... Да и вообще, абхазы люди хорошие, гостеприимные и вежливые.

Сталин рассмеялся, погладил трубкой усы и сказал:

— Я вижу, ты патриот Абхазии. В твоём лице абхазы имеют хорошего защитника... Теперь выберем тамаду. Я предлагаю нашего верховного главнокомандующего.

Поскребышев стал отказываться:

— Тут находится хозяин Абхазии, — сопротивляясь Александр Николаевич, — пусть он и будет тамадой.

Но Сталин не поддержал его и ему ничего не оставалось как согласиться.

Тосты были короткие. Первый — Поскребышев провозгласил за товарища Сталина. Что было бы с Советским Союзом, сказал он, если — бы правые — Бухарин, Рыков, Томский и их единомышленники победили, когда они выступали против развития тяжелой индустрии и социалистической реконструкции сельского хозяйства? Мы вступили бы в войну без пушек, а наши поля остались бы без тракторов.

Сталин вспомнил, что когда на заседании Политбюро обсуждался вопрос о строительстве Горьковского автомобильного завода, Рыков выступил против, говоря, что не нужно строить завод, что лучше покупать готовые машины за границей, а уж если строить, то такой, который выпускал — бы в год 15 — 20 тысяч машин. Когда об этом предложении рассказали американцу Форду, с помощью которого сооружался наш первый автомобильный завод, он рассмеялся: "Вот, большевики хотят построить завод с годовым выпуском 15 — 20 тысяч машин. Да ведь кроме убытка это ничего не даст!"

— Действительно, — продолжил Сталин, — ленинская линия на развитие тяжелой индустрии была единственно правильной. — Теперь это для всех ясно. Как видите, прав наш тамада.

Сталин подчеркнул, что автомобилестроение и вообще индустрию надо развивать на основе новой техники. Старую нужно заменять новой, а новую новейшей. — Теперь это наиважнейшие вопросы, — сказал он.

Тамада объявил:

— Теперь выпьем за мое здоровье.

Мы выпили за здоровье Александра Николаевича. Много шутили, смеялись. Сталин рассказал один смешной эпизод из батумского периода своей революционной деятельности.

— Когда я работал в Батуми, — рассказывал он, — мы печатали прокламации и другие политические документы. Часть этих документов надо было отправить в Тифлис. Со мной работало много гурийцев, были и карталинцы — уроженцы Гори. Я позвал гурийца и карталинца, — говорю: надо эти прокламации переправить в Тифлис. Как вы это сделаете? Карталинец предлагает:

— У меня есть старый хурджин, я туда их спрячу.

Гуриец говорит:

— Нет, Коба, я сделаю иначе. Здесь греки продают обжаренные буханки хлеба. Внутренность хлеба я выну, туда вложу прокламации, положу буханку около себя в вагоне и все будут думать, что я беру хлеб. Карталинец возражает: — Для чего вкладывать столько труда? А гуриец ему отвечает: — Если жандармы поймают тебя, или из твоего хурджина выпадут прокламации, что ты будешь делать?

Было принято предложение гурийца. За два дня до выезда в Тифлис гуриец решил съездить домой в Чохатаури и взять с собой карталинца. Когда они вернулись, карталинец сказал, что очень доволен гостеприимством гурийца. Они съездили в Тифлис и выполнили задание. В следующий раз, отправляясь снова в Тифлис с заданием, карталинец попросил разрешения сойти вместе с гурийцем в Гори и побыть у него до вечернего поезда. Я разрешил. Карталинец привел домой гостя и говорит жене:

- სტუმარი მოგვყვანე. ქალო.

- რა სტუმარი?

- მოდი დედაკაცო და ნახე.^{xxx}

Гуриец вежливо поздоровался с хозяйкой и она собралась готовить обед. Возилась хозяйка долго. Гуриец терпеливо ждал. Наступил вечер, а обед все не был готов. Гуриец заявил, что должен уходить. Хозяин стал его удерживать:

— Видишь, обед готовим.

Но гость напомнил, что ночью они должны быть в Тифлисе. Тогда карталинец обращается к жене и говорит:

- დედაკაცო, სადღისო მზად არი?^{xxxx}

А жена в ответ:

- მუცელი გავისკდა. ცოტა ხანი დაიცადე.^{xxxx}

Вернулись два друга из Тифлиса, смотрю, мой карталинец что — то скучный.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Какой горячий этот гуриец! Пока моя жена готовила обед, он уехал. Не смог я его угостить обедом.

Иосиф Виссарионович рассказывал эту историю на

X) Гостя привел, жена

XX) Что за гость?

XXX) А, жена, посмотри.

XXXX) Жена, обед готов?

XXXXX) Чтоб у тебя живот лопнул. Подожди немного

грузинском языке, с каким — то особенным акцентом и мы от души смеялись.

В Батумской подпольной организации, — продолжал уже серьезно, — было много гурийцев. Это были бесстрашные революционеры и хорошие конспираторы, смысленные, оперативные люди. Помню, как однажды, во время политической демонстрации, которой я руководил, гурийцы запретили мне идти впереди, но я все — же вырвался вперед, тогда они создали вокруг меня семь кругов, и когда царские жандармы стреляли по демонстрантам, на место раненого становился другой: кольцо невозможно было прорвать.

Мы теряли товарищей, но побеждали... Сколько сейчас гурийцев в Грузии? — спросил меня Сталин.

Я ответил:

— Около двухсот тысяч.

— Как они живут?

— Куда лучше, чем раньше. Канули в прошлое те времена, когда гурийцы выезжали на заработки в Потийский, Батумский и Туапсинский порты...

Сталин предложил тост за мое здоровье и здоровье Поскребышева. Мы поблагодарили и выпили. Сталин лишь пригубил бокал.

Все встали из — за стола, немного прогулялись по саду, я попрощался и уехал к себе в Сухуми.

* * *

В том же году, во время новой встречи, Сталин сам заговорил о благоустройстве курорта Гагра. Он обратил внимание и на то, что гагринский порт очень примитивен, не отвечает современным требованиям.

— Надо изучить также вопрос о строительстве нового порта, подготовить проект постановления и внести его в Союзное Правительство, — сказал он.

Подпорная стена, благоустроенное Жокварское ущелье и многое, многое другое, что может сейчас увидеть каждый, кто приезжает в Гагра — это плод заботы товарища Сталина об отдыхе людей.

... Разговор наш касался многих вопросов. В частности, хода строительства СухумиГЭС. Я доложил товарищу Сталину, что Сухуми до сих пор не обеспечен электроэнергией, строительство ГЭС, начатое еще в 1930 году, тянется непоправимо долго.

И.В. Сталин обещал поручить министру строительства электростанций усилить помощь СухумиГЭС. Спустя несколько месяцев мы почувствовали действенность сталинских мер.

Была еще одна встреча, оставившая след в моей памяти. Она произошла в один из ноябрьских дней 1947 года.

Вечером я, как обычно, работал в своем кабинете в Абхазском обкоме партии. Раздался звонок по ВЧ. Поднимаю трубку, слышу знакомый голос:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

— Как у Вас дела?

— Все в порядке, товарищ Сталин. Год завершаем успешно.

— Это хорошо. Если у Вас есть время, приезжайте ко мне и захватите с собой премьер — министра.

Сталин находился на государственной даче, неподалеку от Сухуми. Через полчаса я и председатель Совета Министров Абхазии Михаил Константинович Делба подъехали к даче. Навстречу нам вышел начальник личной охраны Сталина генерал Власик. Он проводил нас в кабинет Сталина.

Иосиф Виссарионович принял нас радушно. Завязалась беседа. Разговор велся на разные темы: о нашем народном хозяйстве, об урожае цитрусовых, о послевоенном устройстве мира. Когда беседа подходила к концу, Сталин сказал, что ему прислали новую, только — что вышедшую послевоенную политическую карту мира.

— Если не возражаете, — предложил он, — давайте посмотрим ее.

Он повел нас в смежную комнату и попросил Поскребышева распорядиться, чтобы принесли карту.

Поскребышев принес карту сам. Мы попытались разложить ее на столе, но она не уместилась. Иосиф Виссарионович сказал, что нужно ее повесить на стену. Принесли

молоток и гвозди, я поднялся на стул, стал прибивать карту к стене, а Сталин поправлял ее снизу.

Когда карта была повешена, Иосиф Виссарионович спросил нравится ли мне она. Я ответил: очень.

Мне казалось, что Сталин не слышал моего ответа. Он стоял у карты задумчивый, сосредоточенный, молчаливый, глаза его уставились в одну точку — где он был, о чем думал в эти секунды?

Вдруг Сталин улыбнулся своим мыслям и стал раскуривать трубку. Взглянул на нас прищуренным взглядом, ткнул трубкой в территорию Украины, сказал:

— Теперь она едина.

Обвел границы Белорусии:

— Тоже едина.

Показал на Молдавию, спросил:

— Она раньше называлась Бессарабией?

— Да, было время, — отозвался я, впадая в сталинский тон.

— И Сахалин тоже был разделен, — сказал Сталин, — а теперь един. И Кенинсберг — не замерзающий порт на Балтийском море — наш ...

Сталин вел по карте трубкой, его комментарии были коротки и точны, он словно бы размышлял вслух.

— Вот Китай. Великая победа одержана в этой стране. Успехи революционного Китая несомненно окажут большое влияние на народы Азии и Африки. А здесь, в Монгольской Народной Республике, замечательно прошел плебисцит. А вот Волга, а это — Дунай — колоссальные водные артерии. Теперь нам с Молотовым придется заботиться о судоходстве не только на Волге, но и на Дунае...

Сталин помолчал, затем добавил:

— Славяне с нами.

Это был настоящий урок географии. Думаю, урок не только для нас.

Чувства Сталина в эти минуты не трудно было прочесть на его лице: оно как бы светилось изнутри — радостью, удовлетворением.

— Не плохой итог, — сказал он. — Границы социализма расширились. Народы всех континентов мира узнали, кто их истинные друзья. — И повторил: — не плохой итог.

Делба спросил:

— А как будет с Турцией?

Сталин никак не реагировал на его вопрос.

Зашел Поскребышев и сообщил, что звонит Молотов.

Сталин вышел в другую комнату, а когда вернулся, сказал, что Вяче (тогда я впервые узнал, что Иосиф Виссарионович так называл Молотова) собирается приехать и что он, Сталин, всегда рад его видеть. — Наш Вяче, — добавил он, — умный человек. В годы войны дипломат — тот же полководец, и надо отдать Молотову должное: он показал себя блестящим и мужественным дипломатом.

Через некоторое время мы распрощались и уехали.

Когда я вернулся домой, дверь мне открыла жена.

— Ты ничего не знаешь? — спросила она. — Тебе товарищ Сталин прислал в подарок карту.

Я сразу узнал ее. Это была та самая политическая карта мира, которую мы осматривали у товарища Сталина.

ВСТРЕЧИ С МОЛОТОВЫМ

В один из ноябрьских солнечных дней, меня пригласил товарищ Сталин пообедать на Ново — Афонской даче. Когда я приехал, он приветливо встретил меня и я увидел, что у него в гостях находятся В. М. Молотов, Г. М. Маленков и Л. П. Берия.

У Сталина было очень хорошее настроение и он был рад гостям. Обращаясь к Молотову, он называл его Вяче, а тот в свою очередь, называл Сталина Коба.

Старые испытанные друзья, — подумал я, глядя на них. К Маленкову и Берия, Сталин обращался, как обычно.

Вскоре Сталин предложил: — давайте пообедаем. Он нажал электрическую грушу над столом и появилась хозяйка.

— Найдите Верховного, будем обедать, только стол накройте на веранде.

Когда стол был накрыт, все сели. Сталин предложил мою кандидатуру для тамады. Я попытался отказаться, но из этого ничего не вышло. Пришлось подчиниться.

Из напитков, на столе стояли: коньяк, хлебная водка,

Хванчкара, Чхавери и грузинское шампанское.

Сталин выбрал шампанское, я последовал его примеру, Молотов и Берия предпочли Хванчкара, Маленков же — водку.

Надо было приступить к исполнению обязанностей тамады. Недолго раздумывая я решил, что поскольку Молотов находится в гостях у Сталина, и в Грузии он впервые, первый тост я должен произнести за него. Так и поступил.

Вдруг я почувствовал, что кто — то нажимает мне на ногу. Вначале я не обратил внимания. Затем, кто — то стал тянуть меня за карман пиджака. Наконец я заметил, что за пиджак меня тянет Маленков, а на ноги нажимает Берия. Сначала я не понял в чем дело. Берия ухмыльнувшись сказал, — за Сталина надо. Маленков кивнул головой. Но я решил продолжать по своему. Заметив, что меня дергают за пиджак, Сталин сказал: "Кому — то придется купить Волкову новый костюм, так как его пиджак наверняка будет изорван" — и улыбнулся.

Я начал свой тост. Помню дословно, что я тогда сказал, тем более, что тост мой был короткий: "Впервые я видел Вас Вячеслав Михайлович и слышал в 1933 году на Торжественном Пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 15 — летию основания Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Вы выступили тогда с речью, а мы все сидели и записывали то, что Вы говорили, не отдавая себе отчета в том, что на второй день эта речь будет опубликована в "Комсомольской Правде".

Слушали все внимательно и старались не пропустить ни одного слова.

Вас, как видного партийного деятеля очень любит наша молодежь и это имеет свое объяснение, прежде всего потому, что Вы принадлежите к числу тех профессиональных революционеров, которые революционной борьбе учились у Ленина. Наше поколение по хорошему завидует Вам.

За Ваше здоровье, Вячеслав Михайлович!"

Все осушили бокалы. Молотов поблагодарил.

Затем я выпил за здоровье Сталина.

В. М. Молотов произнес тост, на мой взгляд, блестящий. (У себя дома я записал четыре главных момента из него):

1. Если бы не Сталин, я не исключая победу троцкизма.
2. Если бы не Сталин, итоги второй мировой войны для Советского союза не были бы такими, т.е. победоносными.

3. Посмотрите на карту мира. Какие социальные и политические изменения произошли во многих странах. И все это связано с именем Сталина.
4. Благодаря Сталину мы решили труднейшую проблему атомной энергии. У нас сейчас есть и атомная бомба и многое другое.

Потом было выпито за здоровье Маленкова и Берия.

Сталин произнес короткий тост: "За великую партию Ленина, которой мы обязаны своими успехами!, За Великий советский народ — богатырь, перенесший неимоверные лишения и трудности, сломивший хребет германским и японским агрессорам!".

На этом обед закончился...

С Молотовым я встречался не раз.

Помню как — то, в одной из бесед, Вячеслав Михайлович рассказал о Сталине следующее:

Сталин иногда, видимо скучает по Грузии. Наверное, сидя в Москве в Кремле, он представляет себе свою родину, вспоминает свои юные годы. Он очень любит грузинские песни. Как — то я зашел к нему. Он был один и отдыхая слушал музыку. Приоткрыв дверь, я услышал очень приятную мелодию. Когда я спросил, что эта за песня, он встал, улыбнулся и сказал: "послушай — это грузинская песня Цицинатела".

Я грузинского языка не знаю, но мне очень приятно было ее слушать. Сейчас эту песню распевают по всей России, называя ее "Светлячок".

Затем товарищ Сталин поставил другую пластинку — "Мухамбази". Затем, еще одну, очень трудно исполнимую гурийскую, с "криманчули", объяснив мне потом, что это такое.

Мы послушали еще несколько песен, а затем Сталин долго рассказывал о богатой песенной культуре Грузии и о том, что когда — то в молодости сам пел в хоре. Вдруг он засмеялся и сказал: "Если бы не Ленин, то я пел бы в церкви и довольно неплохо, не зря же я семинарист".

Сталин давно уехал из Грузии, рос, мужал и формировался в Петрограде, Москве и в Сибири, был великим интернационалистом и глашатаем дружбы народов, но, он все же оставался грузином, любил свою Родину и культуру своего народа.

“КАЦИСТАВА”

Слыхали ли Вы о груше Кацистава, — спросил однажды меня Сталин, — она растет в Гурии, имеет колоссальные размеры и созревает осенью. Было время, когда меня угощали этими грушами и меня всегда поражал их размер. Кацистава, в переводе на русский язык означает “человеческая голова”. Вы не знаете, сохранился ли сейчас и культивируется ли в Гурии этот сорт?

— Товарищ Сталин, — ответил я, — я видел и сам ел эту грушу, но как сейчас обстоит дело я право не знаю. Думаю, что специально не культивируется потому, что ни в одном решении, где перечислялись сорта груш, которые развиваются в Грузии, сорт “Кацистава” не упоминается. Думаю, отдельные экземпляры имеются на личных приусадебных участках в районах Гурии.

— Надо обратить внимание, может быть и не стоит заниматься промышленным развитием такого сорта груш, но в ассортименте все же следует иметь. Она поражает своими размерами и если выставить ее на Сельскохозяйственной Выставке, то она привлечет всеобщее внимание. А гурийцы, по моему любят этот сорт груш и не может быть, чтобы ее не было в Гурии, — сказал товарищ Сталин.

Далее беседа коснулась вина сорта Чхавери.

— Чхавери очень хороший сорт, только он не имеет большого распространения, так как этот сорт винограда можно разводить только на отдельных микроучастках да и то только в Гурии, когда — то гурийцы угощали меня этим вином. Я до сих пор отдаю ему предпочтение. Вы наверное в этом убедились, оно часто бывает у меня на столе. Только я предпочитаю вино крестьянского приготовления. “Чхавери” на вкус очень приятное и имеет естественный газ, — сказал Сталин.

— Какому вину Вы еще отдаете предпочтение товарищ Сталин? — спросил я.

— Из красных вин — “Хванчкара”, но тоже крестьянского приготовления, — ответил Сталин.

— А, вот, говорят, что Вы якобы любите вина из Горийского района — “Атенури” или “Хидистави”, — задал я вопрос Сталину.

— Да, я слышал об этом, но это вино привозят в Кремль для Молотова. Когда он бывает у меня в гостях, я тоже угощаю его

этим вином, — засмеялся в ответ товарищ Сталин, — в особенности он любит “Хидистави”.

При наших встречах Сталин об этом говорил мне в первый раз.

Я видел, что довольно часто у Сталина на столе бывало шампанское, которое он наливал себе в небольшой высокий бокал. Я спросил, — а шампанское Вы тоже любите?

— Зависит от того, какой стол накрыт, но шампанское, приятный напиток.

— Товарищ Сталин, — спросил я, — почему советское шампанское, которое делается на грузинском виноматериале и на Тбилисском шампанском заводе называется Советским Шампанским, а не грузинским?

— А разве это имеет значение? — спросил Сталин.

— По моему имеет, — ответил я.

— Тогда проявите инициативу, — сказал Сталин и назовите его грузинским шампанским. Хотя, шампанское берет начало из Франции от названия департамента “Шампань”, но я думаю, не будет грубым нарушением национальной политики, если оно будет называться советским шампанским.

— Думаю, что правильнее было бы назвать его грузинским шампанским, — заметил я.

— Чхавери и Хванчкара — это лучшие вина, тем более если они крестьянского приготовления, — повторил Сталин, — надо было бы больше обратить внимание на развитие этих сортов, максимально использовать почвенно-климатические условия и где только возможно разводить их. Гурийцы и рачинцы любят эти сорта виноградной лозы и они с удовольствием будут их размножать, только нужно им помочь финансами.

— Вы в Гурии бываете, — спросил меня Сталин.

— Сейчас очень редко.

— Хорошие подпольщики и революционеры гурийцы. Они стойки и преданы в бою. Удивительный народ, смотришь, — крестьянин, а беседуешь с ним, выясняется, что он даже “Капитал” Маркса читал. Все гурийцы занимаются политикой. По моему, беспартийных гурийцев нет, — сказал Сталин засмеявшись, — да, они не раз спасали мне жизнь от жандармов и царских сыщиков, прятали и кормили меня. Слово “нена” у меня и сейчас звучит в ушах. Когда гурийки приносили мне еду, то приговаривали словами

“нена, швило”^X. Наверное и сейчас эти слова бытуют там.

— Да, товарищ Сталин. Провинциальный говор не так легко изживается, — ответил я.

— Сколько рассказов существуют о гурийцах не только в Грузии, но и в России. Они дошли и до слуха Бухарина и он специально заинтересовался гурийцами. Действительно это остроумные и талантливые люди, но по моим данным медленно размножаются. Надо посмотреть в чем дело, обратить на это внимание.

Во второй раз, в беседе со мной, товарищ Сталин вспомнил о гурийцах.

По возвращении в Сухуми, я послал работника со специальным письмом к секретарю Чохатаурского райкома партии тов. Ш. Чануквадзе и просил, чтобы он прислал несколько штук хороших груш “Кацистава”. Разумеется, в этом письме я не написал о разговоре, который состоялся у Сталина. Время было осеннее и груши были созревшими. Ш. Чануквадзе немедленно прислал мне эти груши и я привез их товарищу Сталину. Он с большим интересом рассмотрел их, затем позвал Поскребышева и начальника охраны генерал — полковника Власика. Те очень удивились, говоря, что в первый раз видят такие колоссальные груши.

Сталин объяснил им, что впервые он увидел эти груши в Гурии.

Затем, Сталин пригласил весь обслуживающий персонал, включая повара, всем отрезал по кусочку, чтобы они попробовали ее на вкус. Сам Сталин тоже съел кусочек и был рад, что ему принесли эти груши.

Кто знает, что вспомнил Сталин, глядя на них.

X) Сынок

Однажды, приехав на дачу, где в то время отдыхал И. В. Сталин, я не застал его. На мой молчаливый вопрос охранник указал рукой в сторону моря.

Сталин прогуливался по берегу, рядом с ним были начальник его охраны генерал Власик и Поскребышев. Иосиф Виссарионович то и дело останавливался, подбирал на берегу камушки, забрасывал их в воду, с мальчишечьим озорством наблюдал, как прыгали они по морской поверхности.

Гулящие неподалеку отдыхающие узнали Сталина и вскоре, к неподдельному испугу Власика, Иосиф Виссарионович оказался в плотном кольце людей.

Думаю, что начальнику охраны не следовало так пугаться. Конечно, тайные недруги Советского государства не бездействовали и органы государственной безопасности должны были это учитывать, они обязаны были всеми силами оберегать вожда от любых неожиданностей. Но, во – впервых, наши чекисты не бездействовали: там, где находился Сталин, образно говоря, чуть ли не каждый куст был настороже. А, во – вторых, в те годы народная любовь к Сталину была столь велика, что, случись что – нибудь, сам народ прикрыв бы его собой.

Разговор с отдыхающими, окружившими Сталина, был непринужденным. Спрашивали:

– Как Вы отдыхаете, товарищ Сталин? За время войны Вам досталось больше всех. Уж очень велика была ноша.

– Во время войны кому не доставалось? – отвечал Сталин. – Разве мало досталось вам всем? А Ленинград! Только питерцы могли выдержать такое.

Кто – то задал вопрос:

– Гарри Трумен очень хорохорится. Не опасно ли это, товарищ Сталин?

– Нет, – отвечал Сталин. – Он только хорохорится и все.

Спрашивали о многом. Интересовались, не кратковременная ли компания – снижение цен на промышленные и продовольственные товары и Сталин разъяснил, что снижение цен ведет к повышению реальной зарплаты и жизненного уровня

людей, что оно укрепляет рубль и что правительство решило снизить цены ежегодно.

Один из присутствовавших заметил, что восстановление хозяйства, разрушенного войной, идет полным ходом, вся страна в строительных лесах.

— Верно, — согласился Сталин, — сейчас страна походит на строительную площадку. Но к этому следует добавить, что восстановление идет на качественно новой основе, с учетом достижений современной науки.

— Что Вы считаете наиболее трудным и отстающим участком? — спросили Сталина.

Он ответил: — Сельское хозяйство. Партии и народу придется много трудиться, чтобы добиться изобилия продуктов земледелия.

Были среди окружавших Сталина людей и пожилые, и молодые. Иосиф Виссарионович обратил внимание на мальчика, смотревшего на него, не отрывая восхищенных глаз. Спросил:

— Ты учишься в школе?

— Да, товарищ Сталин, — ответил паренек.

— А кем ты хочешь быть?

Парень, не задумываясь, заявил:

— Покрышкиным.

Тогда Сталин стал расспрашивать других ребят. Одни отвечали, — что хотят стать танкистами, другие — артиллеристами, третьи — разведчиками.

— А инженером, строителем, агрономом, зоотехником, учителем никто не хочет быть? — спросил молодых парней Сталин. — Эти профессии тоже почетны. А главное — они нужны стране. — Иосиф Виссарионович улыбнулся слушателям и добавил: — Соглашайтесь, не то мы останемся без жилья, хлеба и молока.

Одна из женщин сказала:

— Самый изнурительный труд — работа по хозяйству. Он и утомительный, и неблагоприятный. Нам, женщинам, достается.

— Достается, — кивнул Сталин. — Женщины показали себя настоящими героинями и на фронте, и в тылу. Теперь мы должны позаботиться, чтобы им стало полегче. Нужно освободить их от

Х) Покрышкын — маршал авиации, 4-ды герой СССР

кухни и стирки, создать бытовую технику, покрыть страну первоклассными ресторанами, столовыми, чтобы люди могли ходить туда семьями и принимать там гостей.

Раздались аплодисменты. Сильнее всех аплодировали, конечно, женщины.

Народу вокруг Сталина становилось все больше, вскоре весь берег был запружен людьми.

— Я не знал, что мы встретимся на берегу, — пошутил Сталин, — а не то пришел бы сюда с карандашом и бумагой и записал бы все, о чем вы говорили.

— А я уже все записал, Иосиф Виссарионович, — сказал Поскребышев.

Сталин поднял руку, тепло попрощался со всеми, посмотрел в нашу сторону и мы поняли, что пора ехать...

ЧЕРТЫ ЕГО ХАРАКТЕРА

А теперь отдохнем немного от встреч, тем более, что мне еще предстоит о них рассказывать.

Порассуждаем.

Сталин был государственным деятелем нового типа. Его авторитет был непререкаем. Не только в Советском Союзе, но во всем мире.

Это во — первых.

Это была сильнейшая личность. Если вы, в первые встречались со Сталиным лицом к лицу, то сразу замечали, как он излучает ум и волю. Беседуя с ним, вы убеждались в том, что немного найдется во всем мире людей равного Сталину по силе выражения человеческой личности, воплощения в единстве черт характера и интеллекта.

Во время беседы с ним можно было увидеть чуть заметную улыбку, прикрытую усами. Эта улыбка, отнюдь не являлась выражением, подчеркивающим его превосходство, а тем более, пренебрежение к собеседнику, это было подтверждением спокойной уверенности в себе и полноты самообладания.

Сталин всегда говорил партии и народу правду, какая бы горькая она не была.

Он был самокритичен и мужественно признавал свои ошибки. И это было одной из самых сильных его черт.

Сталин был очень энергичен, обладал чувством нового, деятельность его носила творческий характер. Он как никто другой умел преодолевать трудности, не терялся, не хныкал, невозможное делал возможным, всегда добивался успехов и победы.

По существу, Сталину в наследство досталась отсталая Россия, а оставил он могучее государство, без которого не решался ни один вопрос в мире.

Те три десятилетия которые он возглавлял Советский Союз, стоили иных веков в истории России.

Его считали величайшим авторитетом... Все, о чем он говорил, бралось на вооружение не только единомышленниками, но и недругами. Никому, даже самым сильным оппонентам из враждебного лагеря, не удавалось победить его в полемике. Сам Уинстон Черчилль, большой политик, преклонялся перед неотразимой силой сталинской аргументации не находя возможности что — нибудь ей противопоставить. В сущности, ни одной акции в мире невозможно было совершить без руководящего участия Сталина.

Сталин не был словоохотливым человеком. Ему, конечно, было, что сказать собеседнику, но он предпочитал больше слушать, чем говорить. Часто, глядя на него, я думал: разве не парадоксально, что человек выучивается говорить за каких — нибудь 2 — 3 года, а научиться молчать не может всю свою жизнь.

Сталин умел молчать. Он мог часами слушать других, не проронив ни слова. А когда дело касалось международных вопросов, он мог молчать месяцы, а иногда годы. Сначала я удивлялся этому качеству Сталина, потом понял: мудрость молчалива. Нужно иметь особый дар, чтобы обладать искусством молчания. Этим даром был наделен Иосиф Виссарионович Сталин.

Он не любил предаваться воспоминаниям, рассказывать эпизоды из своей прошлой революционной деятельности и если случалось, что его вынуждали на такие воспоминания, он был скуп на слова и говорил не о себе, а о других. Если же кто — нибудь из собеседников принимался вспоминать революционную работу Сталина, восхвалять его, он морщился, как от зубной боли, и тотчас переводил разговор на другую тему.

Сталин, естественно, знал себе цену. Но при этом был скромн. Предельно скромн.

Он никогда не упоминал о своей роли в свершении Великой Октябрьской революции, в гражданской войне, но всегда подчеркивал величайшую роль Владимира Ильича Ленина в установлении Советской власти, говорил, что Ильич был нашим знаменем и под этим знаменем стояли большевики. Очень высоко

отзывался он о легендарных героях гражданской войны М. Фрунзе, Н. Подвойском, К. Ворошилове, С. Буденном, А. Тимошенко. О себе — ни слова.

Если разговор касался строительства социализма в нашей стране, индустриализации и реконструкции сельского хозяйства, культурной революции — Сталин с особой теплотой говорил о выдающейся деятельности М.И. Калинина, В.М. Молотова, Г.К. Орджоникидзе, С.М. Кирова, Л.М. Кагановича — называя их мастерами партийной работы. И снова — ни слова о себе.

Если затрагивались вопросы внешней политики, Сталин с уважением называл имена таких советских дипломатов, как Г. Чичерин, М. Литвинов, В. Молотов, А. Вышинский, но при этом отмечал, что у них бывают и взлеты, и падения. "Так же, как и у полководцев, — любил он говорить. — Иногда наши дипломаты выигрывают сражения, иногда проигрывают".

Если беседа касалась минувшей Великой Отечественной войны, он вспоминал Ворошилова, Буденного, Тимошенко, называя их представителями старой гвардии, и молодых, выдвинувшихся в ходе войны полководцев — Шапошникова, Жукова, Василевского, Мерецкова, Рокоссовского, Толбухина, Еременко, Говорова и других, высоко оценивал их талант, стратегические и тактические действия, подчеркивал их умение и смекалку. Но никогда никто не услышал от него и слова о деятельности Верховного Главнокомандующего. Он подчеркивал большую роль в победе над немецкими и японскими агрессорами Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля. А о себе, о своей роли — ни слова как всегда. И хотя всем известно, каким отъявленным врагом коммунизма, а следовательно, и его личным врагом, показал себя Черчилль, особенно в речи в Фултоне, это не помешало Сталину назвать его выдающимся деятелем капиталистического мира, понявшим необходимость разгрома гитлеризма.

Но нельзя представить дело так, будто Сталин только хвалил своих соратников и людей, с которыми ему приходилось встречаться. Он воздавал им должное, а в критике их недостатков был беспощаден и неумолим. Но одновременно Сталин и поддерживал их, и создавал им должный авторитет.

Не подчеркивать свою персону — характерная особенность Сталина. Она особенно бросалась в глаза, когда мне доводилось встречаться и беседовать с некоторыми членами Политбюро, которые всеми силами старались создать впечатление, будто они являются вершителями всех дел и без них страна не сделала бы и шага вперед.

Вспоминаю, как хвастал Берия, что в конце войны вооружений и боеприпасов оказалось в изобилии только благодаря его усилиям, что ему лично пришлось заниматься этим делом, что "всех этих министров" он крепко держал в руках, что И. В. Сталин правильно поступил, послав его в Закавказье, иначе немецкие войска заняли бы и Тбилиси и Баку со всеми его нефтяными богатствами, и тогда войну было бы трудно выиграть^X. А. И. Микоян при каждом удобном случае упоминал, что ему удалось завезти из США и Англии много стратегического сырья и что этому способствовали его личные связи с деловыми людьми Запада. Н. С. Хрущев восторгался собой, рассказывая, что ему удалось довести урожай свеклы чуть ли не до 500 центнеров с гектара. Он, вероятно, забыл, что задолго до этого, когда на Украине у руководства стояли И. Коссиор и П. Постышев, Мария Демченко снимала с гектара 500 центнеров свеклы и ее опыт получил распространение не только на Украине, а по всему Советскому Союзу. Хвастливо отзывался он и о своем участии в Отечественной войне, критиковал командующих, говоря, что они ничего не умели делать, только его вмешательство помогало правильно разрешать как тактические, так и стратегические вопросы ведения войны... Примерно в таком духе вели разговор Берия, Микоян и Хрущев, когда приезжали к И. В. Сталину и мы вместе с Поскребышевым и Власиком прогуливались по парку.

Скромность Сталина проявлялась и в быту. В его кабинете, в кремлевской квартире, на дачах не было ничего лишнего, никакой роскоши — только то, что необходимо. Впрочем, об этом в свое время очень подробно написал французский писатель Анри Барбюс в своей книге "Сталин", которая, к сожалению, предана забвению.

Каждое утро И. В. Сталин ел простоквашу из буйволиного молока, а во время сбора винограда "Изабелла" любил выпить

X) Думаю, что Сталин знал истинную цену Лаврентию Берия. Вспоминаю такой штрих. Маленков, Берия и я были в гостях у Сталина и когда наступило время уходить, мы стали прощаться, И. В. Сталин попрощался с Маленковым и Берия, а мою руку задержал в своей и сказал: — "Товарищ Волков, подождите, выпьем чайку". Когда гости уехали, мы прошли в столовую. Сталин, улыбаясь, спросил: Вы ведь владеете мингрельским языком и знаете песню "Чким Лаврентий Берия". И. В. Сталин мингрелским языка не знал. Я ответил: есть такая песня. Сталин нахмурился, но ничего не сказал.

стакан молодого вина — мачари. За обедом он обычно выпивал две — три рюмки этого вина, доставленного из Гудаутского района, так как в этом районе, в особенности в селе Дуриинши "Изабелла" обладает особо хорошим букетом. На этом микроучастке этого солнечных лучей и почвенно — климатические условия способствуют тому, что виноград набирает много сахара, вино становится игристым и немного щиплет язык. Его приятно пить.

Часто у Иосифа Виссарионовича бывали гости, обедали вместе с ним. После смерти Сталина его недруги, преследуя грязные цели, распространяли всякого рода вздорные, глупые истории о том, что обеды у Сталина превращались в попойки. В этом нет ни грана правды. Действительно за обедом произносили тосты, но и Сталин, и его гости неизменно пили из крошечных рюмок, при этом Сталин почти в каждом случае делал лишь маленький глоток, а иногда вместо водки пил воду, о чем знал очень узкий круг людей. Гостей всегда изрядно угощали, но пить никого не заставляли, да и сами гости пили в меру.

Вообще вздорных напраслин на Сталина возведено много. Известна, например, ложь о его болезненной подозрительности и якобы связанной с этим перемене отношения к партийным, военным и хозяйственным кадрам. Наоборот И. В. Сталин был чутким и внимательным, глубоко человечным. Это проявлялось не только тогда, когда у него бывали гости, но и на работе — в Кремле, на съездах, на пленумах ЦК, везде и всюду. Если он замечал у своего собеседника, или у человека, которого он принимал, который пришел к нему с докладом, или вызван для того, чтобы ему дали поручение, — озабоченность, осунувшееся лицо или усталость, он сейчас же спрашивал, в чем дело, если нужно было оказывал необходимую помощь и лишь устранив всякие сомнения, приступал к делу.

Исключительно сердечным бывал Сталин, когда кто — либо находился у него в гостях. Не знаю, чем это объяснить. Может быть тем, что после 1933 г. он остался без жены и угощая он выполнял роль хорошей хозяйки. Даже ассортимент вин, которые он предлагал своим гостям подбирались с учетом того из какого края, или Республики был тот или иной гость. Каждый чувствовал себя у Сталина свободно, не натянуто. Может быть первые несколько минут гости чувствовали волнение, но оно быстро проходило.

Это испытал я и на себе не раз.

О том, как Сталин относился к кадрам, могу судить по себе. Я уже писал, что бывал у Сталина много раз, всегда, перед каждой встречей очень волновался. Даже сейчас, через столько лет, не могу объяснить причины. Однако, это волнение продолжалось лишь в первые минуты. Потом я успокаивался, а уезжал от него, полный впечатлений, окрыленный, готовый сдвинуть горы. В Кремле — ли это было, в рабочем ли кабинете, на даче, где Сталин отдыхал и работал, на совещании или в личной беседе, я всегда свободно высказывал свое мнение. Я знал: если ты настоящий, а не лакированный коммунист, работаешь честно, преданно, если то, что говоришь и обещаешь Сталину, глубоко продуманно и твое слово не расходится с делом, можешь рассчитывать на его неизменное доверие, на его полную поддержку.

Но не завидовал я тем, кто поверхностно и легкомысленно готовился к докладу, вносил на рассмотрение непродуманные предложения, кто подводил, или лгал ему, кто проваливал работу в результате бездеятельности, неумения руководить, или, что еще хуже, — оказавшись на высоком посту, разложился, — таким не было пощады. И.В. Сталин был очень требователен. Ради дела он не считался ни с чем. Если руководитель начинал отставать от жизни, не понимал новой обстановки, И.В. Сталин, несмотря на знакомство и многолетнюю дружбу, не колеблясь ставил вопрос о замене такого руководителя новым, энергичным, талантливым, растущим работником.

Среди тех, кому доводилось встречаться с И.В. Сталиным, находились и такие, которые стремились угадать по выражению его лица, в каком направлении вести доклад. Ох, как часто они попадали впросак! По выражению лица И. В. Сталина совершенно невозможно было заметить, что ему нравится и что нет, хотя слушал он внимательно. Сталин органически не переносил тех, кто стремился не к истине, а лишь к тому, чтобы приноровиться к его мнению и беседуя с такими людьми, делался непроницаемым.

Не любил он и подхалимствующих людей. Помнится, во время одной из бесед некто, желая угодить Сталину, сказал:

— Кахетинцы помнят, когда Вы, товарищ Сталин, вели там революционную работу в подполье. Старики и сейчас с удовольствием вспоминают это время.

Сталин холодно взглянул на него и ответил:

— К сожалению, я в Кахетии не бывал и не вел там подпольной работы.

Я часто задумывался над вопросом, почему все же в свое время был обвинен Лениным в грубости, о чем он написал в своем завещании?

По рассказам старых большевиков, мне известно, что Сталину решением Политбюро было поручено наблюдение за тем, чтобы строго проводились в жизнь предписания врачей, лечащих Ленина. Они запретили Ленину работать и даже читать газеты, не говоря уже о всякого рода посещениях. Сталин, этот запрет строго соблюдал. Но супруга Ленина, Надежда Константиновна Крупская сама уже пожилая женщина часто нарушала сама и способствовала нарушению этого режима другими. Сталин неоднократно просил Надежду Константиновну не делать этого, напоминая ей, что Ленин не только ее муж, но и вождь революционной партии, и решением Политбюро ему лично, Сталину, поручено следить за проведением в жизнь предписания врачей. Надежда Константиновна обещала ему не нарушать режима, но продолжала вести себя в том же духе. Однажды Сталин пришел проведать Ленина (иногда, приходя, он даже не заходил к нему, чтобы не нарушать режима), он застал там Надежду Константиновну, ее подругу и родственников, которые вели с Лениным "милую" беседу. Сталин сильно разгневался,

И обиженная Крупская начала внушать Ленину, что Сталин груб, невыносим. Больной Ленин, который находился уже в почти неизменяемом состоянии, написал в своем завещании, о том что Сталин груб.

В своих рассказах старые большевики отмечали, что это не соответствует действительности, Сталин требовательный, волевой человек и одновременно очень теплый и очень внимательный.

У Сталина слово никогда не расходилось с делом. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Казалось, что прежде, чем произнести фразу он мысленно взвешивает ее. Меня всегда поражало, как умел этот человек несколькими словами, одной короткой фразой сформулировать большие и сложные мысли.

Русским языком Сталин владел прекрасно. Нечасто можно встретить человека, который изучил бы не родной язык столь блистательно. Вообще хочется отметить, что в маленьком, скромном кабинете на Ново-Афонской государственной даче ключом была неумная энергия этого неутомимого человека. Живя жизнью

своей страны, Сталин работал без устали. Я, часто бывавший его гостем, могу это засвидетельствовать.

Люди старшего поколения знают, как редко Сталин выступал. Но уж если выступал, его речь тотчас становилась событием. О ней говорили, ее изучали. Из сталинских выступлений народ черпал уроки жизни. А жизнь у советских людей в ту пору была нелегкая, они шли через голод, неустроенность, получали хлеб по карточкам, ходили в обносках, отрывали от себя последние деньги и подписывались на государственные займы, почитали за неслыханную роскошь изолированную комнату, радовались паре сандалий, полученных по ордеру ... Всякое бывало. И все невзгоды народ переносил стойчески. Ибо знал, во имя чего идет на все это. Ибо безоглядно верил Сталину.

Да, Сталин умел — и еще как! — обращать людей в свою веру, подчинять их своей воле. Он обладал ясным, аналитическим умом и поразительным видением будущего. Он никогда не обманывал надежд своего народа. Что же удивительного в том, что народ отвечал ему верой и любовью? Если кому — нибудь заблагорассудилось назвать это культом личности — пусть называет...

Я уже сказал в предисловии, что ни одному художнику, писателю, историографу не удавалось нарисовать во всей полноте сложную, подчас противоречивую натуру Сталина. Читателю понятно, что и я не пытаюсь решить эту непосильную задачу. Я делюсь лишь отдельными штрихами характеризующими И. В. Сталина сохранившимися в моей памяти.

Однажды (было это осенью 1951 года), я приехал по приглашению Иосифа Виссарионовича к нему на Ново — Афонскую дачу. Сталин имел обыкновение встречать меня, но на этот раз навстречу мне вышли Александр Николаевич Поскребышев и генерал — полковник Власик. Я спросил:

— Где товарищ Сталин?

— Он работает в саду и просил передать, что не рассчитал время, поэтому послал нас.

Мы пошли по саду и я увидел И.В. Сталина. Он окапывал лопатой дерево. Я поздоровался и сказал:

— Может быть помочь Вам, товарищ Сталин?

— Нет, — ответил Сталин. — Я уже заканчиваю.

Он передал лопату генералу Власику и показал плоды своего труда: два обработанных дерева хурмы и три — лимона.

— Это отличная хурма — шоколадная, — стал объяснять Сталин, — а это медовая. А вот лимон Новогрузинский. Широко улыбаясь он обратился к нам:

— Был бы хороший председатель колхоза, объяснил он, записал бы мне один трудодень. Как вы думаете?

— Один трудодень — это много, — отозвался я в тон Сталину. — Полтрудодня куда ни шло.

На Сталине были брюки на выпуск, суконный китель, мягкие сапоги.

Мы прошлись по саду, непринужденно беседуя, затем Сталин ушел в свою комнату, чтобы переодеться. Вернулся он в маршальской форме, хотя был в звании генералиссимуса. Он всегда носил маршальскую форму, в форме генералиссимуса я почти никогда его не видел.

Работа в саду была давнишним и любимым занятием Сталина. Помню, как задолго до встречи на Черноморском побережье мне довелось застать его в саду так называемой "ближней дачи" в Кунцево с мотыгой в руках. Сталин рассказывал, что привычка обрабатывать сад и огород осталась у него с юных лет и теперь он, стоит лишь ему найти свободную минуту, с удовольствием работает в саду, что после физической работы он чувствует себя бодрее.

Цветы были слабостью Сталина. Он любил розы, гвоздики, но больше всего ему по душе была мимоза. До сих пор — будто это было вчера — слышится мне сталинский голос: "Это же предвестники весны, один из самых ранних цветов. Видели бы вы, как москвичи любят мимозу, какие очереди выстраиваются перед цветочными магазинами, когда ее привозят из Сухуми... Подумайте, каким образом ее вырастить больше. Я это прошу ради москвичей..."

Мы, разумеется, приняли меры. Была расширена территория насаждений, заметно улучшен уход за деревьями. Мы посадили мимозы по всей Кутаисской улице: по ней И. В. Сталин не раз поднимался на Сухумскую гору...

И. В. Сталин был очень аккуратен и точен во всем. Он всегда во время начинал все совещания, заседания Политбюро и пленумы ЦК ВКП(б), а затем и ЦК КПСС и заседания съездов. Минута в минуту. Если он приглашал кого либо к себе по вопросам, связанным с работой, то разумеется, нельзя было опаздывать, он

принимал в точно назначенное время. Но, нельзя было приезжать и раньше назначенного срока, допустим, на полчаса или больше, ибо это означало, что ты растрачиваешь напрасно драгоценное время, не ценишь этот фактор. Надо было приходиться за пять, максимум за десять минут раньше. Об этом знали все.

И.В. Сталин часто повторял, что — раньше говорили, время золото, а мы говорим, — упустишь, не вернешь. Минуты иногда решают все, в особенности на войне.

Сталин также считал, что не следует терять время на аплодисменты, и поэтому, он часто показывал часы аудитории, которая бурно ему аплодировала.

Ко мне не раз обращались люди, которые интересовались жизнью и деятельностью Сталина, с вопросом, — говорят, что Сталин в последние годы своей жизни, к старости очень изменился. Я отвечал, что это неверно, я не только не согласен с этим, но и категорически отвергаю. Когда, впервые я встретился со Сталиным, мне шел двадцатьшестой год, ему же было 57 лет. С тех пор, периодически, я встречался с ним, а периодические встречи дают больше оснований заметить какую — либо перемену в характере, внешности и поведении человека.

И.В. Сталин не менялся, он оставался таким же ровным, спокойным, рассудительным, с уникальной памятью и невероятной работоспособностью. Он все больше интересовался философией, политической экономией, литературой, искусством, новой и новейшей техникой, умело и правильно руководил строительством нового мира, Коммунистической партией Советского Союза, советским государством и мировым коммунистическим движением, повседневно занимаясь внешней и внутренней политикой советской страны, старался все глубже проникнуть в тайны жизни, в то же время, оставаясь простым, доступным человеком, хорошим гостеприимным хозяином.

Чем больше я вспоминаю о своих встречах с И.В. Сталиным, тем ярче раскрывается передо мной немеркнущий образ этого человека.

Многих, удивляет, как Сталину удавалось решать самые различные вопросы глубоко, кардинально, со знанием дела? Для ученых он был ученым, для инженеров — инженером, для военачальников — военным теоретиком... Ведь не секрет, что многочисленные деятели науки, техники, культуры, беседовавшие

со Сталиным, уходили от него, приятно пораженные сталинской компетентностью.

Ответ, по моему, нужно искать в стиле его работы. Сталин знал своего будущего собеседника, представлял примерный круг вопросов, который будет затронут в беседе. И серьезно готовился к встрече: знакомился с литературой, анализировал ее, консультировался со специалистами, при этом ничего не беря на веру.

Хочу подчеркнуть, что главными сталинским советчиком были книги. Они всегда приходили ему на помощь, в них черпал он пищу для многих размышлений.

Находясь у руля партии и страны, Сталин никогда не передавал его другим. Он крепко держал руль в своих руках, да и что греха таить! — ему хотелось и нравилось в бурю, шторм, ураган стоять на капитанском мостике и вести корабль к цели. Он умел быстро и решительно устранять задержки на намеченном пути. Всякая задержка, вызванная медлительностью или нерасторопностью, расценивалась им как величайшее зло. Он обрушивал весь свой гнев на тех партийных руководителей и членов Правительства, которые, бюрократившись, плохо выполняли возложенные на них обязанности, не заботились об укреплении Советского государства и были не чуткими к рядовым людям. А Сталин умел гневаться...

Повседневно заботясь о нуждах народа, Сталин интересовался всем, что непосредственно связано с улучшением жизни людей. Народ это чувствовал. Поэтому рядовые люди обращались к Сталину со своими нуждами, горестями, радостями. Связывали лучшие свои мечты и чаяния с его именем. А. Н. Поскребышев рассказывал мне, что количество писем, приходивших на имя Сталина, исчислялась сотнями, а иногда и тысячами в день, и что если в них содержались просьбы, Иосиф Виссарионович максимально их удовлетворял. Рядовые люди знали, что если кто бы то ни было, даже министр, допустил незаконный поступок, порочащий Советское Правительство, то об этом можно сообщить Сталину, он примет надлежащие меры. Не один и не два министра слетели со своих постов в результате сигналов об их неблагоприятных действиях, сообщенных Сталину рядовыми людьми страны.

Так Сталин приобрел немало врагов среди правителей.

Но Сталин всегда был с народом, в этом была его сила. Это признавали даже его отъявленные враги. Критикуя так называемый "культ личности Сталина", они вынуждены были признать, что при жизни Сталина против него нельзя было выступить потому, что народ поддержал бы только его.

Я уже писал о том, что у Сталина была неумолимая логика, он был очень начитан, умел мыслить оригинально, не поддавался ни чьему влиянию, обладал живым умом и — при внешнем спокойствии — огромной внутренней страстью. Идейные враги побаивались его логики и избегали дискуссий с ним, а он, полный сознания собственной силы, всегда готов был дискутировать и в любом споре оказывался победителем.

Он был принципиален, строг к другим, и особенно строг к себе, обладал быстрой реакцией, не терпел абстрактных рассуждений, мыслил конкретно, а придя к какому — либо решению, добивался его осуществления любой ценой. С его волей ничто не могло сравниться, перед ней ничто не могло устоять.

Бесстрашный революционер, он никогда не терял над собой контроля. В ответ на всякие провокации и шантаж лидеров международного империализма и его агентуры, Сталин со свойственным ему спокойствием и выдержкой любил повторять:

— Мы не из пугливых, мы не из слабонервных, нас не запугаешь.

Даже находясь на отдыхе, Сталин работал. Иногда по несколько раз в день приходила огромная почта, касающаяся внутренней и внешней политики Советского государства, Сталин, ничего не откладывая на "потом", изучал ее, решал четко и ясно — что делать, как поступить.

Помню как — то, когда в Москве проходило совещание марксистов — экономистов, на Ново — Афонскую государственную дачу в моем присутствии позвонили Сталину и спросили: кто выступит на этом совещании и от имени ЦК ВКП(б) подведет его итоги? Сталин ответил, что подумает. Он сидел за столом в своем рабочем кабинете и рассуждал вслух. Поручить выступление Молотову? Или Маленкову? Молотов сейчас занят другими вопросами. Ну, а Маленков... Осилит ли он эту тему?

А.Н. Поскребышев не очень уверенно предложил:

— Может быть Берия?

— Берия тем более не осилит, — ответил Сталин. — У него

амбиции в мировом масштабе, а амуниции ни на грош...

Помолчал. Подумал. И решил:

— Пусть они проведут совещание и стенограмму со справками пришлют мне.

Так и было сделано. Сталин внимательно изучил документы совещания и написал работу, в которой не только подвел итоги, но развил дальше марксистско — ленинскую политическую экономию. Так в последствии появился его труд "Экономические проблемы социализма в СССР".

В ТЫЛУ — ТОТ ЖЕ ФРОНТ

Военную шинель я снял еще в 1943 году, снял ее не без огорчения, потому что мечтал остаться в кадрах Советской Армии на всю жизнь. О том, как произошло, что в самый разгар войны меня демобилизовали из Армии, я узнал во всех подробностях от товарища Сталина через пять лет. Во время одной из встреч Иосиф Виссарионович спросил:

— Вы до работы в Абхазском обкоме служили в армии?

— Да, — ответил я. — Только мне не долго довелось служить. В августе 1942 года меня мобилизовали и назначили комиссаром тыла Закавказского фронта, а в феврале 1943 года я опять стал штатским.

Сталин прищурился:

— Не хотелось уходить из армии?

— Не хотелось, — признался я. — Очень не хотелось.

Это было сказано с неподдельной искренностью. Сталин молча взглянул на меня, в его взгляде мне показалось поощрение, и я продолжил. Хотя в нашем роду не было военных, я люблю военное дело, военную дисциплину, много читал о полководцах и с юных лет мечтал об армии, хотел стать кадровым военным; что просился в армию еще в тридцатом году, когда работал в Абхазском обкоме комсомола, — не отпустили, просился в 1935 — м, когда перевели в ЦК АКСМ Грузии, — не отпустили, наконец в 1942 году сбылась моя мечта, думал — повоюю, а после войны поступлю в Военно — политическую академию имени Ленина, — и это не получилось.

Неожиданно, когда наши войска воевали под Кисловодском, рассказывал я Сталину, пришла шифровка — меня вызывали в Тбилиси, в штаб фронта и Центральный Комитет Компартии Грузии. Товарищ Чарквиани сообщил, что я утвержден секретарем Абхазского обкома и Сухумского горкома партии. Что же мне оставалось делать? Я сидел в кабинете Чарквиани смущенный и удивленный. В это время раздался звонок по ВЧ. Звонил начальник Политуправления Красной Армии А.С. Щербаков. Он сказал, что меня забирают из армии и что он не допустит этого. Война еще не окончена, возмутился Щербаков, а вы у нас забираете хорошего комиссара. Чарквиани сослался на решение Политбюро. И Щербаков сник. Только заметил упавшим голосом:

— Надо было сразу об этом сказать.

Я подумал тогда, что был бы счастлив, если бы Щербаков меня отстоял.

Все это я выпалил Сталину, что называется "на одном дыхании". Он слушал меня, не перебивая. Когда я кончил, Сталин сказал:

— Щербаков, действительно, не хотел Вас отдавать. И Хрулев был против Вашего перевода. Конечно, их можно понять, но нам требовался для Армии табак. Вот почему мы на это пошли.

Я улыбнулся:

— Вот уж, если не везет человеку, так не везет.

Иосиф Виссарионович подхватил шутку:

— Нам обоим не повезло, — сказал он. — Меня в Семинарии готовили в священники — не получилось, Вы хотели стать военным — тоже не вышло. Ничего не поделаешь... — А потом заговорил о том, что демобилизовавшись из Армии, я не покинул поле боя, а снова попал на фронт и что еще неизвестно, где было труднее.

— Помнится, — сказал он, — в годы войны Вы внесли смелое предложение уменьшить площадь под табаком и увеличить план его производства.

— Было такое дело, товарищ Сталин.

— Мы удовлетворили тогда Вашу просьбу о выделении Абхазии 2500 тонн азотистых удобрений.

— Точно.

В ноябре 1943 года Абхазская партийная организация внесла на рассмотрение правительства предложение, которое сводилось к тому, чтобы сеять табак на площади 7 тысяч га вместо 11100, а

выход продукции резко увеличить за счет агротехники. Добиться этого было нелегко, но мы дали слово ЦК ВКП(б), товарищу Сталину и сдержали его.

В 1942 году Абхазия собрала 3125 тонн табака, а в 1943 году, после сокращения площадей — 4519 тонн, почти столько же, сколько собирала накануне войны. Кроме этого свыше полутора тысяч тонн табачного сырья было собрано со второго урожая со стеблями и сдано непосредственно табачным фабрикам страны. В первой половине декабря я доложил Сталину по телефону об итогах года, он остался доволен, сказал:

— Скажу тебе по секрету: кое-кто здесь не верил, что Абхазия сумеет дать столько табачного сырья. Они говорили, что ресурсы абхазских табаководов год от года уменьшаются, откуда же быть такому урожаю? Пожалуйста передай своим табаководам благодарность от солдат и от меня. Не забывайте, что солдату табак нужен как автомат. Какие у вас планы на будущее?

— Будем увеличивать урожайность.

— Желаю успеха.

В последние годы урожай табака еще больше возрос и в канун Победы достиг 5192 тонн против 4739 тонн в предвоенном 1940 году.

Товарищ Сталин поинтересовался, сколько зарабатывает семья табаководов. Я пояснил:

— В среднем 10—15 рублей на трудодень. Живут они неплохо, строят себе хорошие дома.

— Ваш табак мы экспортируем, — сказал Сталин, — так, что надо больше заботиться о табаководах, поднять еще выше их экономическое положение. — Он спросил:

— А нельзя ли снова расширить площадь под табак?

— Нет, товарищ Сталин, нельзя, — решительно возразил я. — Высококачественный табак Самсун можно выращивать только в таких микрорайонах, где хорошо растут цитрусовые, в частности, Новогрузинский лимон. Так что мы должны выбирать: выращивать ли табак или закладывать лимонные плантации. Уверен, что большие площади под табак в Абхазии не следует осваивать. Нельзя злоупотреблять и минеральными удобрениями: табак от этого теряет качество.

— Что — ж, — согласился Сталин. — Вам виднее.

Я заметил:

— Культура табака в колхозах Абхазии занимает после чая первое место. Но чай можно возделывать в других районах Грузии, а такого табака не вырастишь нигде.

— В чем нуждаются ваши табаководы? — спросил меня Сталин. — Может быть плохо обстоит дело с отовариванием зерном? Может быть надо повысить закупочные цены на табак, чтобы колхозников заинтересовать материально?

— Это было бы не плохо, — ответил я. — Тем более, что в районах возделывания табака мы кукурузу почти не сеем. Да и трудовых ресурсов не хватает. Ну, а повышение закупочных цен будет хорошим стимулом для наших колхозников. Табак трудоемкая культура, процесс его обработки долг и тяжел, уровень механизации низок. Так что труд наших табаководов следует поощрять и стимулировать любыми средствами.

— Что — же, — воскликнул Сталин, — давайте оба возьмемся за это, может быть добьемся чего — нибудь. Как Вы думаете?

— Если оба, может быть, и добьемся, — откликнулся я.

Сталин засмеялся.

По решению Союзного Правительства табаководы Абхазии получили больше, чем в достаточном количестве, зерна, были повышены цены на сдаваемое табачное сырье. Эффект от помощи, оказанной И. В. Сталиным абхазским табаководам, превзошел все ожидания: вскоре Абхазия стала давать восемь с половиной тысяч тонн табака в год.

Такого урожая за всю историю табаководства в Абхазии не было.

ЛЕГКО ЛИ БЫЛО РАБОТАТЬ СО СТАЛИНЫМ?

Меня часто спрашивают: легко ли было работать со Сталиным? Должен заметить, что непосредственно со Сталиным мне работать не приходилось, я все время находился на периферии — в Абхазской автономной республике, в Кутаисской области Грузинской ССР, — но много раз встречался с ним, наблюдал, как он работал, как обращался с сотрудниками, беседовал с людьми, которые сталкивались со Сталиным каждый день, работал под

его личным руководством, поэтому попытаюсь ответить на вопрос.

Легко — ли было работать со Сталиным? И легко и трудно.

Легко потому, что его указания, чего бы они ни касались, были предельно четки, ясны, конкретны. Он был чуток и внимателен к своим сотрудникам, создавал им условия для работы, скромно, но хорошо устраивал их быт, заботился об их здоровье, настроении, никогда не упускал возможности по достоинству оценить их деятельность и похвалить, если они этого заслуживали.

Трудно потому, что он был предельно требователен, не признавал работающих вполосилы, хотел видеть в своих подчиненных людей дела, инициативных, смелых, не пугающихся ответственности людей.

Чтобы работать со Сталиным надо было обладать широким кругозором и большим интеллектом, быть талантливым и трудолюбивым. Те, кто не был наделен такими качествами, естественно, отсеивались. Он держал людей, что называется, в ежовых рукавицах и если тот или иной работник проваливал дело или вел себя недостойно, не стеснялся в выражениях, хотя тон его при этом был спокойным.

Вообще — то я не помню ни единого случая, когда бы Сталин терял спокойствие, срывался, повышал бы тон. К нему стекалась информация со всего света, многое в ней его радовало, многое огорчало, жизнь требовала быстрой реакции на события, происходившие в мире, но даже в самые напряженные минуты, когда, казалось, человеческие нервы натянуты до предела, и уже не могут выдержать, И. В. Сталин сохранял спокойствие, не теряя над собой контроль. Как удалось ему выработать в себе эту черту? Не знаю.

Требовательность Сталина к кадрам была жесткой, но мы видели, что к себе он предъявляет еще более жесткие требования, чем к нам.

Он был нетерпим к неправде. Видимо, это объясняется тем, что ему пришлось хлебнуть немало горя из — за неправдивых докладов, неточных, а порой попросту необъективных информации.

Вокруг И. В. Сталина было и, немало таких высокопоставленных лиц, которые склонны были информировать его лишь о том, что по их мнению могло ему понравиться. Таких людей Сталин не терпел. И если ему удавалось их раскусить, им не стоило завидовать.

Он был деликатным и мягким, но тотчас становился беспощадным в праведном гневе, если сталкивался с болтуном, бездельником, злым бюрократом. Тут он не скупился на самые резкие эпитеты. Помню, как Сталин негодовал на министра Внешней торговли Меншикова и своего заместителя Микояна, опекавшего это министерство, когда обманув работников Внешторга, в Советский Союз вместо хороших ананасных консервов прислали гнилые.

— Куда Вы смотрите? На что это похоже? . — распекал их Сталин. — После такой кровопролитной войны мы решили полакомить советских людей ананасными консервами, вам подсунули гнилые, а вы не разобрались и взяли.

В этом штрихе, видна глубокая любовь Сталина к советским людям, к простым труженикам, его гуманизм.

Но сталинский гуманизм — это гуманизм государственного и политического деятеля, бойца, полководца, обладавшего железной волей, непримиримого ко всем врагам революции. Он умел искренне любить товарищей, соратников, быть им настоящим, внимательным другом, но стоило кому — нибудь из них свернуть с правильного пути, как он переставал для него существовать и как соратник, и как друг.

Сталину нелегко давался разрыв с людьми, которых он знал многие годы, уважал или даже любил, но высшие цели борьбы заставляли его подчинять голос сердца голосу практического разума.

Как я уже говорил И.В. Сталина обвиняли в грубости, ссылаясь на завещание В.И. Ленина. Будучи по натуре человеком наблюдательным, я старался найти этому хоть малейшее подтверждение. И сейчас, вспоминая все свои встречи со Сталиным — на работе и на отдыхе, на съездах, конференциях, совещаниях, вспоминая, как он выслушивал работников, давал советы и указания — я никогда не замечал эту черту.

Так трудно или легко было работать со Сталиным? Судите сами.

Как — то в Новом — Афоне — было это после войны в 1947 году, Сталин остановился около росшего у дороги эвкалипта — дерева красивого и большого. Он долго его разглядывал, потом обратился ко мне:

— Это какой эвкалипт?

Я ответил:

— Виминалис. Самый морозоустойчивый сорт.

— А что Вы знаете об австралийском эвкалипте? — спросил Сталин. Стоявшие рядом Поскребышев и Власик обернулись в мою сторону.

Я стал вспоминать все, что мне известно об этом растении:

— Австралийский эвкалипт, — сказал я, — очень красив, он достигает большой высоты, чуть ли не 160 метров, ствол у него прямой. Но о нем я знаю только из книг. У нас этих деревьев нет.

— Вы правы, — согласился Сталин. — это очень высокое, стройное, красивое дерево.

Сталин стал перечислять достоинства австралийского эвкалипта. Он осушает болота как хороший насос. Отгоняет малярийных комаров. Его используют в медицинских целях. . .

— Ну, а то, что у вас нет австралийского эвкалипта, — добавил Сталин, — это поправимо.

— Конечно, — согласился я. — Нужно только завезти семена.

— За этим дело не станет. Министерство Внешней торговли может закупить семена в Австралии. Так что, договоримся: когда получите семена, начните разводить этот сорт эвкалипта.

Поскребышев сказал:

— Ему только дайте семена, он тут такой эвкалиптовый лес заложит..

— В это я верю, — откликнулся Сталин. Он предложил назвать австралийский эвкалипт "Гигантеа". Название это понравилось.

Мы получили семена, посеяли их. За посевами был обеспечен внимательный агротехнический уход. Но к нашему огорчению всходов семена не дали. Когда Сталин снова приехал отдыхать на Черноморское побережье, я доложил ему об этом.

Он долго молчал, потом произнес задумчиво.

— Здесь что — то не так.

При следующей встрече все прояснилось. Сталин что поручил выяснить, почему семена "Гигантеа" не дали всходов в Абхазии, и специалисты высказали подозрение, что семена были недоброкачественные, а, возможно, даже сварены: чья — то злая рука постаралась, чтобы австралийский эвкалипт здесь не произростал.

— Вы получите хорошие семена, — пообещал Сталин.

Семена мы получили, посеяли их и они дали дружные всходы. Эвкалиптовые рощи и леса были заложены вдоль всей шоссейной дороги от Ингури до Псоу. Эти деревья выросли красавцами, и когда в 1951 году товарищ Сталин вновь приезжал на отдых в Абхазию, он не мог на них наглядеться. Вспоминал историю "Гигантеа", опять рассказывал о пользе эвкалиптов для медицины, о том, что их кора идет для дубления кож. . .

В дальнейшем, по решению Центрального Комитета Компартии республики, сотни тысяч эвкалиптов "Гигантеа" были вывезены в другие районы Западной Грузии, а по личному указанию Сталина миллион саженцев был отправлен в Крым.

После смерти Сталина, точнее, после XX съезда КПСС, Хрущев распорядился все деревья эвкалиптов вырубить, так как они символизируют . . . культ личности Сталина. Подумать только! Но это факт, мне об этом рассказывали абхазские друзья.

В 1960 году, отдыхая в Гагра, я заинтересовался судьбой эвкалиптов "Гигантеа". Оказалось, что они почти сплошь вырублены. Лишь кое — где эти австралийские красавцы чудом сохранились. Я рассказал товарищам историю того, как эвкалипт "Гигантеа" развивался в Абхазии и порекомендовал им собрать семена этих деревьев, посадить их, чтобы вновь в Абхазии зашумели эвкалиптовые рощи и леса.

Хочу заметить, что Сталин постоянно требовал от нас внимания к лесным богатствам республики, к охране природы. Он не раз говорил мне, что лес озонирует воздух, продлевает жизнь человека и потому очень важно сохранить красоту нашей природы.

Еще в 1945 году стали поговаривать об отделении Абхазии от Грузии. Впервые разговор на эту тему затеял со мной Суслов, бывший уже в ту пору одним из секретарей ЦК ВКП(б). Он, отдыхая в Сухуми, в одной из бесед сказал мне, что есть мнение объединить курорты Абхазии и Сочи и образовать единый курортный округ на Черноморском побережье с непосредственным подчинением его Москве. — Что Вы думаете на этот счет? — спросил Суслов. Я ответил ему, что и в мыслях не могу допустить этого. И не только я, но и вся Грузия.

В самом деле, разве можно было согласиться с тем, что курортная зона Абхазии, начиная от реки Кодори вплоть до реки Псоу, граничащей с Российской Федерацией, будет отделена от Грузии и присоединена к Сочи?

Разговор этот так ничем и не закончился.

Спустя три года на Черноморское побережье Грузии приехал отдыхать И.В. Сталин. Его, как всегда, сопровождал Поскребышев. В те дни находился в Сухуми и тогдашний секретарь ЦК КП(б) Грузии К.Н. Чарквиани. Узнав об этом, Поскребышев позвонил ему и сказал, что хочет осмотреть город. Втроем мы осматривали достопримечательности Сухуми. Потом поднялись в Дом отдыха им. Орджоникидзе, немного отдохнули и сели обедать. Приехал министр Госбезопасности Грузии Рапава и присоединился к нам.

За обедом мы вели оживленный разговор, но вдруг, совершенно неожиданно, Поскребышев обратился к нам:

— Как посмотрят абхазские и грузинские товарищи, если объединить Сухуми, Новый — Афони, Гудаута и Гагра с Сочи и создать единый курортный Округ?

— А кому будет подчиняться этот Округ? — спросил я.

— По моему, Москве, — ответил Поскребышев. — Тогда и со снабжением будет лучше.

— Разве от организации Округа у государственной казны прибавится денег? — не унимался я. — Дайте нам деньги и мы будем больше строить. Дайте фонды и со снабжением у нас станет лучше.

В разговор вмешался Рапава:

— По моему, — заявил он, — Гагра можно присоединить к Сочи. Этот город находится ближе к Сочи. У него тяготение к русскому курорту.

— Если так рассуждать, — сказал я, — то вслед за тем придет очередь Гудаута, так как Гудаута ближе к Гагра. И вообще, товарищ Поскребышев, мне хотелось бы знать, что это означает? Ликвидацию автономии Абхазской Республики и отрыв ее от Грузии? Думаю, что это не выйдет.

Во время всей беседы Чарквиани молча ел, не проронив ни слова.

Когда Поскребышев уехал, а вслед за ним уехал Рапава и мы остались вдвоем с Чарквиани, Кандид Несторович обратился ко мне:

— Вы слышали, что сказал Рапава?

— Слышал. Как видно, Шадиманы еще не перевелись у нас в Грузии. Но почему молчали Вы?

— Знаешь, Акакий, — ответил Чарквиани, переходя на "ты", — я думаю, это точка зрения не Поскребышева, и если бы я что — нибудь сказал, мне бы не сдобровать.

— В таком случае, надо полагать, это мне в первую очередь не сдобровать.

— Ты проявил большую смелость и политический риск.

— Волков бояться, в лес не ходить. А на вашем месте я бы рассказал товарищу Сталину о любителях искажать национальную политику партии. Думаю, кое — кому крепко досталось бы.

— Это рискованно, — сказал Чарквиани. — Давай лучше сыграем в бильярд.

Я ответил, что игрок я плохой, но одну партию сыграю...

Любителей попирать права национальных меньшинств, давить на них авторитетом партии было в ту пору немало. Однажды, в бытность мою секретарем ЦК КП Грузии, мне позвонил заведующий отделом ЦК КПСС Громов и предложил изъять из произведений Александра Казбеки роман "Элгуджа". А сколько раз тот же Суслов навязывал нам вначале критику наших видных писателей Константинэ Гамсахурдиа и Шалва Дадиани, а затем идею развенчать их! Тогда же я ответил Сулову:

— Критика недостатков писателя это одно, а линия на развенчание — совсем другое. У нас нет оснований для такого шага и мы не можем согласиться на это. Если же Вы настаиваете,

то перенесем этот вопрос на рассмотрение товарища Сталина, — Сулов сразу перевел разговор на другую тему. Я хорошо понял, что он пытался нанести удар по патриотическим чувствам грузин. Великодержавный русский шовинист с партийным билетом в кармане замахнулся на самое сокровенное — духовное богатство народа.

После смерти Сталина Хрущев решил просто: Мгеладзе националист, его надо изгнать из партии: вы помните, что он говорил о национальном доходе Грузии?^х Это опасный человек.

Об этом высказывании Хрущева в мой адрес мне совершенно конфиденциально рассказали товарищи, присутствовавшие при разговоре.

Я пишу эти строки только потому, что не могу скрыть обиды, нанесенной нашей партии горсткой отщепенцев, обиды на то, что рулевыми партии, в которую я верил с такой искренностью, стали такие люди, как Хрущев, Микоян и им подобные.

НА ОТДЫХЕ ИЛИ НА РАБОТЕ?

Разговор об Абхазии и абхазах возобновился в 1948 году, когда И. В. Сталин отдыхал на Сухумской государственной даче. В один из осенних пасмурных дней, редких для Сухуми, я приехал к нему с Председателем Совета Министров Абхазской АССР Михаилом Константиновичем Делба. Сталин был у себя в рабочем кабинете. Он ходил по комнате, попыхивая трубкой. Когда мы

Х) Действительно, я высказал товарищу Сталину свое мнение по этому вопросу. Я сказал, что считаю ненормальным явлением, когда из общенационального дохода Грузии только 20—30 процентов разрешают расходовать на ее нужды. При разговоре присутствовали Маленков, Берия, Хрущев и Поскребышев. Я просил, чтобы Грузии оставили хотя бы 50 процентов дохода. И. В. Сталин выслушал меня, добродушно улыбнулся, затем ответил: “У государства много расходов. Есть республики, края и области, которые не имеют возможности получать такие высокие доходы, какие получает Грузия. Им приходится помогать.”

вошли, Иосиф Виссарионович тепло поздоровался, усадил нас в кресла, а сам продолжал расхаживать по комнате. Остановившись возле Делба, он неожиданно спросил:

— Что собой представляет курорт Авадхара?

— Об этом лучше расскажет Акакий Иванович, — ответил Делба. Иосиф Виссарионович повернулся в мою сторону и я сказал, что по заключению профессора А. Л. Григолия, Авадхара имеет большие перспективы и может развиваться в бальнеологический курорт, который завоеует популярность не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Этот курорт полезен и тем, кто страдает болезнью желудочно — кишечного тракта, и сердечникам. Там удивительный климат — Альпийские луга и море. Одновременно, минеральные воды Авадхара профессор Григолия сравнивает с водами знаменитого французского курорта Виши.

— Да, Григолия большой патриот Авадхара, — заметил Сталин. — Видимо, его приверженность к этому курорту небезосновательна.

Сталин дал нам указания еще раз перепроверить все имеющиеся данные, прежде, чем серьезно заняться благоустройством Авадхара.

— А пока, — добавил Сталин, — ограничимся двумя зданиями — временками для продолжения научно — исследовательских работ на месте и строительством шоссейной дороги, ведущей к этому курорту.

Сталин заговорил о будущем Черноморских курортов Грузии, о том, что со временем нужно будет комплексно развивать Гагра, Рицу и Авадхара, хорошо их благоустроить, создать необходимый комфорт, чтобы превратить эти места в курорт мирового значения.

За обедом разговор зашел об Абхазии. И. В. Сталин заметил, что древние абхазы по существу те же грузины.

— Они стоят ближе к грузинам чем сваны, — сказал он, — но ведь никому не придет в голову утверждать, будто сваны не грузины. Всем, кто хорошо знает историю, должно быть ясно, что Абхазия всегда была частью Грузии. Обычаи и нравы абхазов в основном ничем не отличаются от обычаев западных грузин.

Беседа снова переметнулась на курортные темы. Я сказал, что вдоль сухумской набережной нужно срочно соорудить подпорную стену и Сталин засмеялся:

— Что это тебя все беспокоят подпорные стены? — спросил

он. — Раньше ты тревожился о стене в Гагра, а теперь — в Сухуми.
— Теперь еще больше, товарищ Сталин, — ответил я. — Вы, наверное, обратили внимание, когда ехали сюда, что у самого въезда в город пришлось пользоваться обходной дорогой. Это потому, что часть черноморской шоссеиной дороги унес недавний шторм. Еще два — три таких шторма и половина Сухумской набережной не станет. Как же мне не беспокоиться?

Сталин молчал. Видимо, взвешивал мои доводы.

— Ну что же, — сказал он после паузы, — доводы Ваши существенны. При подготовке докладной о подпорной стене вдоль набережной Гагра, добавьте предложение о возведении стены в Сухуми. Мы вас поддержим.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Но это не все, товарищ Сталин.

— Что еще?

— Вы, вероятно, обратили внимание на Красный мост через реку Беслети. Мост этот стар, узок, неудобен для транспорта и пешеходов. Нагрузку больше семи — восьми тонн он не выдерживает. Да и военные жалуются, что танки не могут пройти по мосту.

Сталин сощурился, сказал:

— Войну мы окончили, так что доводы военных можно не принимать во внимание. — И засмеялся. Я подхватив шутку, ответил:

— Ну, если доводов военных не принимать во внимание, то может быть следует принять во внимание доводы штатских?

— Это дело другое, — сказал Сталин.

Вопрос о сооружении нового моста через реку Беслети был согласован и, забегая вперед, замечу, что сейчас на месте старого, стоит новый красивый, добротный мост, автором которого является архитектор Зураб Таварткиладзе.

В следующий мой приезд в гости к Сталину я застал у него строителей. Сталин беседовал с ними о сооружении гостиницы на озере Рица и о том, как должен выглядеть парк, который предполагается разбить неподалеку от озера.

— Если — бы это зависело от меня, — сказал Сталин, — я бы уподобил парк карталинскому саду: посадил бы горийские яблоки и персики, поскольку нет лучше их аромата. Но сюда, на озеро Рица будут приезжать на отдых и советские люди, и гости из — за рубежа. Из этого и нужно исходить.

Те, кто приезжал на озеро Рица, конечно, бывали в этом парке. Он разбит в "грузино – французско – английском" стиле. Мы высаживали десяти – пятнадцатилетние деревья, сейчас они разрослись и под их сенью отдыхают тысячи людей...

... Однажды после обеда мы гуляли по саду. Во время прогулки Сталин заговорил о характере минувшей Отечественной войны. Он с гордостью, любовью и теплотой называл выдающихся полководцев и адмиралов, выдвинувшихся в ходе войны – Г.К. Жукова, А.М. Василевского, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского и многих других. Назвал он и Константина Ивановича Леселидзе, заметив при этом, что предлагал ему командовать фронтом, но он отказался.

Я сказал, что с Леселидзе знаком, встречался с ним во время войны на Закавказском и Северокавказском фронтах, это образованный, эрудированный, волевой, культурный военачальник и исключительно скромный человек. Полагаю, что не боянь ответственности, а именно скромность заставила его отказаться от командования фронтом. Сталин не ответил. Он задумчиво шел по парку, держа в руке погасшую трубку.

После прогулки Сталин предложил мне отдохнуть, а сам отправился в свой рабочий кабинет. Я разделся и едва прилег, как раздался стук в дверь.

– Войдите. – крикнул я.

Вошел Сталин и сказал:

– Я открыл здесь окно, чтобы проветрить помещение, а теперь хочу его закрыть, чтобы Вы не простудились.

Он прикрыл окно и вышел из комнаты, тихо затворив за собой дверь...

Когда бы я не приезжал к Сталину, он был занят делом. А ведь я бывал его гостем чаще всего в ту пору, когда он находился в отпуске. Невольно возникал вопрос: в эти дни он на отдыхе или на работе?

Ровно в 10 часов ему докладывали почту. С 11 часов 30 минут до 12 – ти он завтракал, затем полтора часа проводил на прогулке и снова принимался за работу.

Обедал Сталин от 4 – х до 5 – ти часов, затем один час прогуливался и снова принимался за работу или читал. Примерно, к 9 часам вечера у него был легкий ужин, потом он опять читал, теперь уже до поздней ночи.

Его посещали партийные и советские работники, ученые, деятели литературы и искусства, лидеры зарубежных коммунистических и рабочих партий. Среди посетителей Сталина на Черноморском побережье руководителей международного коммунистического движения я помню Мориса Тореза, Пальмиро Тольятти, Матиаса Ракоши, Энвера Ходжа, Болеслава Берута, и все они были не просто его гостями, но вели с ним важные беседы о работе партий, о внутреннем и внешнем положении страны, в которой они живут и работают. Каждая такая встреча требовала глубокого анализа, огромного напряжения ума и воли.

И.В. Сталин, обладавший исключительной работоспособностью, поражал нас умением заниматься одновременно несколькими делами. При этом он удивительным образом сочетал дела большие и малые, и на все у него хватало время. Меня поражало, как вмещались в сталинский "режим времени" оперативное руководство войной и, скажем, забота об отдыхе и лечении директора артиллерийского завода, как он успевал принять конструкторов оружия, дать указания Генеральному штабу, беседовать с Анной Антоновской и Борисом Черным об их сценарии "Георгий Саакадзе" или же встретиться со своим старым другом Петре Капанадзе и говорить с ним по душам о настроении народа.

Сталин не знал усталости. Он был человеком действия и его никогда не покидала бодрость духа.

Обращает на себя внимание и еще одна особенность Сталина — у него была великолепная память. Он никогда ничего не забывал. Он помнил обещания, которые ему давали, и обещания, которые давал он сам, мог восстановить в памяти любую беседу, с кем бы и когда бы она не происходила.

Хорошо помню, будто это происходило вчера, доверительный разговор, который новел со мной Сталин в один из осенних дней 1949 года. Он вдруг спросил меня:

— А много погибло грузин в эту войну?

— Много, — ответил я. — Нет семьи, в которой не получили бы похоронки. Особенно много грузин погибло во время керченской трагедии.

— Да, — заметил Сталин, — в свое время командование сильно напутало там.

Я посмотрел на Сталина и мне показалось, что лицо его стало бледным.

— В каждой республике, в каждом городе одно и то же. Что ни дом, то похоронка, — с грустью сказал Сталин. — Война — это проклятье. Она не должна повториться. К сожалению этого не понимают ни Уинстон Черчилль, ни его единомышленники, а ведь новая война будет более кровопролитной и истребительной. Конечно, — продолжал Сталин, как бы размышляя вслух, — вторая мировая война многому научила народы и, надо полагать, они окажут давление на свои правительства, стремясь предотвратить войны, но этого может оказаться мало. Нам надо принять реальные меры, чтобы исключить истребительные войны.

Долгое время я хотел задать один вопрос Иосифу Виссарионовичу.

— Товарищ Сталин, — сказал я, — читая всемирную историю, я убедился в том, что на земле было много народов, которые сейчас не существуют — они исчезли, хотя на их пути было меньше трудностей и лишений, чем на пути грузин. А ведь завоеватели, овладев страной, физически истребляли грузин, не щадя даже беременных женщин. Чем же объяснить, что грузины до сих пор сохранили себя?

Сталин задымил своей трубкой и затем показал ею в сторону гор. Спросил:

— Вы это видите?

— Вижу товарищ Сталин.

— Вот горы и динамичность грузинской нации и сохранили ее.

Я подумал: ну, а мы, нынешнее руководство Грузии,

переселяем грузин с гор в долины вместе того, чтобы создать на месте современные культурно — бытовые условия для жизни и, чтобы грузины жили и процветали в родных горах.

Пока мы беседовали, я все раздумывал, спросить или не спрашивать его о том, как сложилась судьба сына. В пору самых кровопролитных боев, в 1941 году, газеты писали о том, как храбро дрался Яков Джугашвили под Смоленском и в самом Смоленске, как метко его артиллерия разила врага. О том же рассказывали и очевидцы. Я знал, что Яков попал к гитлеровцам в плен.

Не выдержал. Спросил. Сталин молчал и я было пожалел, что разбередил его рану. Молчание длилось долго. Но вот Сталин заговорил.

— Судьба Якова сложилась плохо, — сказал он. — Но хорошо то, что его не смогли склонить к предательству и измене. Он вел себя до конца как герой. До самого последнего вдоха.

Помолчал. Достал из коробки "Герцоговина флор" папиросу, сломал ее, размял пальцами табак и стал набивать трубку. Сказал в задумчивости:

— Разве не погибли в этой войне дети Пархоменко, Котовского, Чапаева, Долорес Ибарури? Сын Долорес Рубен сложил голову в Сталинграде. Испанец, а дрался на Волге. Только великие интернациональные цели могут породить таких героев, как Рубен...

Снова помолчал. Потом добавил голосом, полным безразличия и сарказма:

— Недавно я узнал, что кое — кто постарался припрятать своего сынка в органах Министерства Внутренних дел. Ничего нельзя скрыть. В конце — концов все узнается. Все становится гласным.

Сталин не называл фамилии, но я, конечно, понял, кого он имел в виду.

О судьбе Якова Джугашвили говорил со Сталиным и Михаил Чиаурели. Я много раз встречался с этим известным кинорежиссером. Во время одной из встреч Михаил Эдишерович рассказал мне, как, работая над сценарием, а затем снимая кино — эпопею "Падение Берлина" согласовывал эпизод, который сценаристы и режиссер считали нужным показать в картине. Эпизод был посвящен тому, как Яша Джугашвили попал в плен, как он себя мужественно вел в немецко — фашистском застенке, как геройски погиб, не посрамив своего отца. Сталин категорически запретил снимать этот эпизод.

— Разве только у меня погиб сын в этой войне? — сказал он. — У многих рабочих, крестьян, интеллигентов погибли сыновья, вот обо всех и расскажите в картине. Это будет и о Яше.

Много огорчений доставлял Сталину младший сын Василий. Однажды (было это в начале ноября 1951 года), Александр Николаевич Поскребышев поделился со мной:

— Звонили из Москвы. Вася опять набедокурил. Об этом сообщили Власику.

— Что он натворил?

— Не знаю. Сталин в хорошем настроении, не хочется его огорчать.

Сталина очень расстроило сообщение о происшествии с Васей. И хотя он внешне казался спокойным, я чувствовал, что внутри в нем все кипит.

— На Васю ничего не действует, — говорил он мне. — Пьет много, ездит безрассудно. (О том, что он совершил на этот раз, Сталин не сказал). Недавно предоставил двум генералам самолет ЯК — 12, чтобы они полетели на охоту. При взлете машина потерпела аварию и один из генералов серьезно пострадал. Разве Командующий авиацией должен давать самолеты для развлечений генералам? Быть Командующим авиацией Московского военного округа не маленькое дело, а вот он поступает так несерьезно.

— Что поделаться? — пытался я успокоить Сталина, — случилась неприятность. Что только не случается с человеком.

Сталин сказал:

— Дети росли без матери, в этом беда. Няньки, воспитатели, какими бы идеальными они не были, не смогли заменить им мать... Эх Надя, Надя, что ты наделала, как ты нужна детям и мне...^X

Никогда я не видел такого Сталина. В его глазах было столько грусти... Мне показалось, что он на мгновение раскрыл передо мной самый глубокий тайник в своем сердце.

— Светлана неудачно вышла замуж, — продолжал он, будто говорил вслух самому себе, — зять — Морозов, парень хороший, но ведь у Светланы это была не любовь. Просто так, увлечение. А он слабовольный, под башмаком ходил у нее. Светлана делала все, что хотела, а он ей и слова не говорил в противовес. Конечно, этот

X) Надежда Аллилуева — вторая жена И. В. Сталина, мать Василия и Светланы. Она покончила жизнь самоубийством в 1933 году.

бра́к оказа́лся непрочным. Вышла снова замуж. Кто знает, что будет дальше. Юрий Жданов парень очень толковый, развитый, но он тоже не глава семейства, не может настоять на своем. Не она слушает его, а он ее. Все же хозяином в семье должен быть муж. Мужское влияние в доме — совсем другое дело. Светлана и пуговицы к платью не пришьет: няньки не научили. А была бы мать, она воспитала бы в ней трудолюбие. Я всегда был перегружен, это вы понимаете. Вон, у нас как великая страна. И врагов у нее много. Вот и приходится работать дни и ночи. А на детей не остается времени. Иногда их месяцами не видишь... В общем, не повезло моим детям. Екатерина...^Х

Сталин вдруг оборвал себя, и лицо его снова стало таким, каким оно бывало обычно: спокойным, сосредоточенным. Он знал, что я умею хранить секреты и, все — таки, счел нужным предупредить:

— Товарищ Волков, обо всем, что было сказано, — прошу никому ни слова.

— Разумеется, товарищ Сталин.

— На предстоящем съезде партии я попрошу освободить меня хотя бы от одной из занимаемых должностей и займусь внуками. Особенно Евгением, сыном Яши.

Забегая вперед, скажу, что на первом Пленуме ЦК КПСС, созванном после XIX съезда партии (я был избран членом ЦК и участвовал в работе этого Пленума), Сталин действительно поставил вопрос о том, чтобы его освободили либо от поста Генерального секретаря ЦК КПСС, либо от должности Председателя Совета Министров СССР. Он ссылаясь на свой возраст, перегрузку, говорил, что кадры выросли и есть кому его заменить, например, председателем Совета Министров, можно было бы назначить Н. И. Булганина, но члены ЦК не удовлетворили его просьбу, все настаивали на том, чтобы товарищ Сталин остался на обоих постах.

* * *

О скромности Сталина, чуть ли не спартанском образе жизни написано много. Могу это подтвердить как очевидец. Его

Х) Екатерина Семеновна Сванидзе — первая жена И. В. Сталина, мать его старшего сына Якова. Умерла рано от брюшного тифа.

рабочий кабинет в Кремлевской квартире был обставлен просто, но достойно. Вся квартира состояла из трех комнат. Всюду, где бы Сталину не приходилось жить, его апартаменты состояли из спальни, кабинета и ванной. Были еще комнаты, предназначенные для советских и зарубежных гостей, приезжавших к И.В. Сталину.

Носил он одежду и обувь только отечественного производства. Когда я однажды спросил, почему он не шьет костюмов из заграничной ткани, последовал ответ:

— Надо уважать свои товары. То, что мы советуем носить народу, должны носить и мы сами.

— Вашему примеру, очевидно, последовали члены ЦК? Они тоже не носят одежду, сшитую из заграничных товаров?

— Не носят. Иногда исключение составляли наши дипломаты, в частности, Народный комиссар иностранных дел, но с ним поговорили в Центральном Комитете партии и предложили, чтобы он носил одежду, сшитую из товаров советского производства. Такой разговор был и с Министром Иностранных дел В.М. Молотовым после окончания войны: Тогда мы даже первую партию автомобилей ЗИС—110 послали нашим посольствам, чтобы они ездили только на машинах отечественной марки.

Сталин не испытывал пристрастия к одежде. Он постоянно носил полувоенную форму, аккуратно сидевшую на нем, всегда был застегнут на все пуговицы. Одежду он донашивал до предела. Доходило даже до того, что на локтях и обшлагах кителя становилась заметной потертость. Особенно близкие ему люди, такие, например, как Климент Ворошилов, говорили:

— Коба, китель просит замены.

Сталин отвечал:

— Ничего, Клим, замена готовится.

Некоторые изменения в его одежде произошли в годы войны. После того, как Сталин непосредственно возглавил вооруженные Силы СССР и ему было присвоено звание Генералиссимуса, он начал носить военную форму. Отдыхая на Черноморском побережье, работая в своем кабинете, он носил волевоенный китель, а когда выходил на прогулку или выезжал куда — нибудь, надевал военную форму.

Преклонение перед заграничным Сталин не терпел ни в чем. Вспоминается такой эпизод. В 1949 году, возвратившись из Цхалтубо, где лечился от радикулита, я узнал, что И. В. Сталин отдыхает на Ново – Афонской даче. Встреча с ним состоялась на берегу моря. Он пригласил меня в свою машину и мы отправились на государственную дачу. Многие и по сей день думают, что Сталин садился в машину возле шофера. Это не так. В машине И. В. Сталина между передним и задним сиденьями было оборудовано специальное место, на котором он сидел. Сиденье это было так устроено, что Сталина почти невозможно было видеть, а он видел все вокруг. Обычно рядом с шофером сидел начальник его охраны, генерал – полковник Власик, которого часто путали со Сталиным.

– Погуляем до обеда, – предложил Сталин, когда мы подъехали к даче. Выглядел он превосходно. Загорел, посвежел.

– Почему это Вы ездите лечиться в Цхалтубо, а ваш Премьер – министр Делба уже несколько лет подряд в Чехословакию, в Карловы Вары? – спросил Сталин. Я ответил:

– Премьер – министру показано. Врачи ему прописали лечение на этом курорте.

– А Вам, что, не показано, или Карловы Вары вредны для Вас?

– Но я не могу надолго выезжать, дела не позволяют, а в Карловы Вары обычно едут на два месяца.

– Значит, Вам нельзя ездить, а ему можно? Вот это я понимаю! – воскликнул Сталин.

Сталин говорил в шутовском тоне, все время смеялся, но было ясно, что он не одобряет паломничество некоторых советских работников на заграничные курорты. И это еще одно подтверждение его приверженности ко всему отечественному.

Так как я только что возвратился из Цхалтубо, где лечился от радикулита, ничего удивительного не было в том, что Сталин спросил меня, как выглядит этот курорт, понравилось ли мне там. Я ответил, что кое – какие сдвиги есть, но Цхалтубо, как курорт неблагоустроен: нехватает питьевой воды, отсутствует канализация, плохо с электроэнергией, нет приличной гостиницы. И самое

печальное — нехватает ваннных зданий. Больные приезжают со всех концов страны в надежде принять целебную ванну, а им, бедолагам, приходится сутками ждать очереди, чтобы попасть в лечебное здание.

Сталин возмутился:

— Почему эти вопросы не ставит руководство Грузинской республики? Цхалтубо известен во всем мире, из — за границы шлют просьбы разрешить лечиться в Цхалтубо, а мы ничего не делаем, чтобы благоустроить этот курорт.

Разговор о Цхалтубо на этом оборвался, но зная сталинскую привычку всегда доводить начатое до конца, я был уверен, что он сам вернется к нему и решил не форсировать события.

Я заговорил о другом. Наступило время, сказал я, построить в Сухуми драматический театр. Старое здание сгорело во время войны и столица Абхазии осталась без театра — он ютится в невзрачном помещении.

— Зачем вам строить театр? — попытался отшутиться Сталин. — Посмотрите, сейчас глубокая осень, а на улице 21 градус тепла. Ваши артисты могут выступать на свежем воздухе — и им будет приятно, и зрителям.

— А когда месяц подряд льет, не переставая, дождь? — парировал я.

— Ну, что Вы! Я здесь уже полтора месяца и еще ни разу не шел дождь!

— Что мне делать, если и бог на Вашей стороне, — сказал я.

Сталин расхохотался. Я решил “дожать рычаг” новыми аргументами:

— Почему Сочи, будучи всего лишь курортным городом, имеет замечательное здание театра, а Сухуми — столица автономной Республики, не имеет? В конце концов, Абхазия дает стране продукции на три с половиной — четыре миллиарда рублей, да прибавьте к этому прямые и косвенные налоги, которые мы платим... Неужто мы недостойны получить несколько миллионов, чтобы построить здание драматического театра?

Сталин откинулся на спинку стула и, весело рассмеявшись, сказал Поскребышеву:

— Придется дать им денег.

— Большое спасибо, товарищ Сталин, — обрадованно поблагодарил я. — Столица Абхазии обогатится еще одним красивым зданием.

Сталин заметил:

— Абхазия красивый край.

— Да, — подтвердил я. — Очень живописный край.

Незадолго до этого разговора наши товарищи побывали в Албании и сейчас, рассказывая Сталину об их поездке, я заметил, что албанский ландшафт похож на абхазский.

— Говорят даже будто Энвер Ходжа — вылитый кахетинец, — сказал я.

Сталин улыбнулся:

— Насчет кавказского происхождения Энвер Ходжа ничего не знаю, но что он с крепким характером — могу засвидетельствовать.

Докладную записку на имя Председателя Совета Министров СССР товарища И.В. Сталина о необходимости строительства в городе Сухуми здания драматического театра подписали Председатель Совета Министров Абхазии товарищ М.К. Делба и я как секретарь Абхазского обкома Компартии Грузии. Мы отправили ее Иосифу Виссарионовичу, а спустя несколько дней Сталин пригласил нас на свою дачу и сообщил:

— Вашу записку получил. Я — за, только вопрос этот будет рассматриваться и решаться в Москве. ^х

И.В. Сталин сказал, что внес на рассмотрение Правительства СССР вопрос о строительстве в Цхалтубо нового ванного здания и гостиницы.

Я не ошибся: Сталин довел начатое до конца.

БЫТЬ ГРУЗИИ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ

На даче И. В. Сталина в Новом — Афоне я и Делба провели весь день. И, конечно, разговоры в тот день велись на разные темы.

— Вы знакомы с трудом Марра о языкознании? — обратился Сталин к Делба. Тот смутился и ответил, что ему не приходилось

Х) Впоследствии было вынесено специальное постановление Правительства СССР о сооружении драматического театра в Сухуми. В 1951 году он был построен.

читать этой работы ученого.

— Академик Марр идеализирует абхазский язык, — сказал Сталин, — с марксистской точки зрения допускает во вопросах ошибки и неточности. Это, конечно, не означает, что Марра нет хороших трудов. Они имеются и их много.

Во время обеда Сталин спросил, не знаю — ли я, как идет строительство Руставского металлургического комбината и Кутаисского автомобильного завода. Я ответил, что после пленума ЦК ездил в Рустави, встречался там со строителями, беседовал с ними. Они жалуются на нехватку стройматериалов. У меня сложилось впечатление что строительство Руставского комбината ведется не так, как хотелось бы, что оно нуждается в серьезной помощи. Сказал я и о том, что во время лечения в Цхалтубо побывал на Кутаисском автомобильном заводе. Там дело обстоит еще хуже. Возник ряд технических вопросов, которые ждут решения. Кутаисским строителям тоже нужна помощь.

— А как обстоит дело с сооружением Самгорской оросительной системы? — спросил Сталин.

— Этой стройке оказывается большое внимание. Мобилизованы тысячи колхозников, но дело продвигается медленно, сроки строительства затягиваются.

Сталин сказал:

— До каких пор Грузия будет только чаеводческой, цитрусоводческой и вообще сельскохозяйственной страной? Руставский металлургический комбинат и Кутаисский автомобильный завод сделают ее индустриальной Республикой. Надо, чтобы Грузинский ЦК занимался этими стройками, настойчиво ставил вопросы перед Союзными органами. Не я должен об этом напоминать, а вы, коммунисты Грузии, обязаны проявлять инициативу. К сожалению этого не делается. Да и строятся Руставский и Кутаисский комбинаты не по инициативе руководителей Республики, а по предложению Союзного Правительства. Здесь, в Закавказье, эти индустриальные гиганты нужны. Они еще сыграют свою роль. И не только в развитии народного хозяйства, но и в решении более важных задач.

Что имел в виду Сталин — сказать трудно.

— Придется серьезно заняться этими стройками, — сказал он. И добавил, взмахнув трубкой, словно клинком шашки: — Грузия станет страной металла и автомобилей.

Однажды говорили мы о цитрусах. И.В. Сталин спросил, как у нас идут их заготовки. Конечно, добавил он, то ли спрашивая, то ли утверждая, первые вагоны вы уже отправили к Октябрьским торжествам в Москву, Ленинград, Киев и на Урал?

— Да, отправили, — подтвердил я. — В первых вагонах собраны выборочно спелые плоды, а сейчас уже идет массовый сбор цитрусовых и сдача их государству.

— А как у вас с планом? — спросил Сталин.

— Он будет перевыполнен, — заверил я. — По первоначальному плану мы должны были сдать 200 миллионов цитрусовых плодов, потом нам его увеличили, довели до 250 миллионов штук. Думаю, что перевалим за 300 миллионов. Сбор и сдача идут успешно. Все цитрусовые сдаем государству, ничего у себя не оставляем.

Сталин насторожился:

— Как это понять?

— Просто: все цитрусовые плоды, собранные в колхозах, совхозах и на приусадебных участках личных хозяйств, сдаем государству. В Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске и других городах страны цитрусовые имеются, а у нас их в продаже нет.

— Это неправильно, — сказал Сталин.

— Вполне согласен с Вами, товарищ Сталин, но такова установка. Выходит, чтобы нам, сухумцам, отвезти цитрусовые, надо съездить за ними в Москву.

— Эту несправедливость следует исправить, — решительно сказал Сталин. — Определенный процент плодов нужно оставлять колхозникам, сдающим цитрусовые со своих приусадебных участков, колхозам — для выдачи цитрусовых на трудодни и совхозам — для продажи рабочим. Займитесь этим и представьте предложения.

Я сказал товарищу Сталину, что это хорошее дело, оно будет стимулировать дальнейшее развитие цитрусоводства.

— Интересно! — с усмешкой сказал Сталин. — Люди производят цитрусы, а есть их не могут. Очень интересно...

В том году в Абхазии было заготовлено около 350 миллионов цитрусовых. Никогда еще Абхазия не заготавливала такого обилия плодов.

Как — то во время одной из наших бесед с И. В. Сталиным в кабинет зашел Поскребышев с очередной почтой. Сталин принялся ее просматривать. Потом возвратил почту Поскребышеву и пригласил нас прогуляться по саду. Стояла золотая осень. Медные листья, опавшие с деревьев, шуршали под ногами. Воздух был чист и прозрачен. Мы долго гуляли по осеннему саду и, примерно, в десять часов вечера Сталин предложил:

— Пойдемте ужинать.

Стол накрыли на веренде. Во время ужина Сталин вдруг спросил:

— Что это? По радио передают песни?

— Да, конечно, — подтвердил я, удивленный вопросом.

— Вот видите, слышу, — произнес Сталин и в голосе его прозвучало удовлетворение.

— Что в этом удивительного, товарищ Сталин? — не понял я. Он ответил просто, будто речь шла об обыденных вещах:

— Мне уже много лет.

— Товарищ Сталин, — возразил я, — у нас в народе никто не думает, что Вы можете постареть.

Сталин улыбнулся:

— Тем не менее я уже стар. Война прибавила седин... Нам нужно крепко подумать о молодых кадрах. Следует из молодежи подготовить людей для большой работы. Я, Молотов, Каганович, Ворошилов — все мы уже не молоды, мы начинали революционную работу еще в прошлом веке. Надо будет на предстоящем съезде расширить состав ЦК, Секретариата и Политбюро, пополнить его молодыми, растущими, талантливыми кадрами — их у нас в резерве много. Особенно быстро росла молодежь в годы войны. Росла и закалялась. Вот эту плеяду и надо приобщить к партийному и государственному руководству.

При нашей следующей встрече, когда, после недолгой беседы Сталин прошел к себе в кабинет, а я и Поскребышев решили немного прогуляться по саду, Александр Николаевич рассказал мне об утреннем звонке из Москвы. Сталину сообщили, что члены Политбюро высказываются за то, чтобы широко отметить семидесятилетие со дня его рождения. Иосиф Виссарионович категорически возражал.

— Думаю, — сказал Поскребышев, — что Политбюро все же примет такое решение и товарищу Сталину придется подчиниться. Ведь его юбилей, по замыслу Политбюро, имеет большое политическое значение: во — первых, для усиления влияния коммунистических рабочих партий на массы и, во — вторых, это прекрасный повод для того, чтобы лидеры всех коммунистических и рабочих партий собрались в Москве, а там, сами знаете, какие актуальные вопросы они обсудят. Сталин не может игнорировать эти обстоятельства, он должен будет дать согласие. . . В общем сегодня за обедом попробуем его поздравить с предстоящим юбилеем.

На этот раз за обедом Сталин не шутил как обычно, он был очень задумчив. Мы тоже ели молча. Я решил нарушить тишину:

— Товарищ Сталин, — сказал я, — сегодня я предлагаю избрать тамадой старого абхаза товарища Поскребышева.

Сталин рассмеялся:

— Да, да, он у нас старый абхаз, его и выберем.

После нескольких тостов Поскребышев попытался заговорить о предстоящем юбилее, но Сталин не терпящем возражений тоном остановил его:

— Изберите другую тему.

Больше об этом за обедом не заговаривали.

Несмотря на возражения Сталина, Политбюро приняло решение о праздновании его семидесятилетнего юбилея. Был образован юбилейный комитет во главе с Н.М. Шверником.

Юбилей широко отмечался 21 декабря 1949 года. В числе приглашенных в Москву был и я. Печать тех лет широко освещала и торжественный вечер, состоявшийся в Большом театре Союза ССР — на нем присутствовали не только партийные и советские работники, представители трудящихся нашей страны, но и руководители братских коммунистических и рабочих партий всего мира, и прием в Кремле, который длился, примерно, до двух часов ночи; публиковался и нескончаемый поток приветствий, поступивших на имя юбиляра со всех уголков земли.

Юбилей прошел под знаком еще большего сплочения народов под знаменем марксизма — ленинизма. Кроме того, он позволил провести в Москве ряд совещаний, консультаций, обмен мнениями руководителей коммунистических и рабочих партий по важнейшим вопросам мирового коммунистического движения.

23 сентября 1949 года в Советском Союзе были проведены испытания атомной бомбы. И хотя официального сообщения об этом не было (оно появилось через два дня), испытание советской атомной бомбы зафиксировали с помощью специальной аппаратуры такой высокоразвитой в техническом отношении страны, как США.

Когда А.Н. Поскребышев на Ново-Афонской даче докладывал И.В. Сталину вечернюю почту, я находился в его кабинете. Среди других документов в почте была и шифровка, присланная советским послом в США. Посол сообщал о том, как американская общественность и правительство Соединенных Штатов реагировали на испытание атомной бомбы в Советском Союзе. Я не счел себя вправе оставаться в кабинете при этом докладе и тихо вышел, но не прошло и минуты, как Поскребышев позвал меня.

— Акакий Иванович, куда же Вы ушли? — услышал я его упрек. — Вас просит товарищ Сталин.

Когда я вернулся в кабинет Сталин заканчивал чтение шифровки посла. Дочитав ее, он довольно разгладил усы и сказал:

— Это еще не все. Скоро американцы услышат новое сообщение — о водородной бомбе и о наших ракетах. Признать сильных и бить отсталых — таков волчий закон империализма. Это нам давно известно. Империалисты любят силу, что — ж, они ее получают.

И — после паузы:

— Со вчерашнего дня больше не существует монополии на атомную бомбу, а раз так, то можно добиться, чтобы в будущих войнах это страшное оружие истребления никто не применил. Тем самым будут спасены миллионы жизней.

Эти слова Сталин произнес негромко, будто разговаривал с самим собой, потом взглянул на меня и Поскребышева и добавил:

— Еще один нажим и программа создания ядерного вооружения будет решена. Тогда и съезд нашей партии прозвучит на весь мир совершенно иначе.

За ужином И.В. Сталин был весел, все время смеялся, шутил. Затянул грузинскую песню, кивнул мне: дескать, поддержи,

и я, хоть пою плохо, поддержал. Мелодию подхватили Поскребышев и Власик. Сталин пел хорошо и, повидимому, быстро разобрался в том, что мы петь не мастаки и от нас большего ожидать бесполезно.

Так или иначе, мы допели "Сулико". Затем Иосиф Виссарионович спел по грузински песню о рыбаке, которую я никогда не слышал.

И.В. Сталин предложил тост за ученых Советского Союза. Наши талантливые ученые превзошли в своем дерзании ученых всего мира, сказал он, поднял маленькую рюмку, наполненную вином "Чхавери", пригубил и поставил рюмку на стол.

Снова вспыхнула песня. Иосиф Виссарионович затянул "Эй, ухнем", Поскребышев и Власик подхватили.

— Шаляпин пел эту песню немного лучше, — сказал, улыбаясь, Сталин.

— Да, чуть — чуть лучше, — смеясь, подтвердили мы.

На другой день я был снова приглашен к Сталину на обед. И вновь, как накануне, разговор велся вокруг атомной бомбы. Пришли сообщения о том, что американский президент Гарри Трумен 23 сентября объявил об атомном взрыве в СССР, об огромной шумихе, поднятой в связи с этим буржуазной прессой. Мир бурно реагировал на сенсационное событие дня. Оно вызвало переполох во многих странах, главным образом в Америке. Трумэн забеспокоился.

Поскребышев заметил:

— Ему есть, о чем беспокоиться.

И.В. Сталин спросил у меня, понимаю ли я, что значит атомная бомба в руках Советского Союза? И сам ответил на свой вопрос:

— Это означает, что положен конец атомному шантажу в американской политике и дипломатии. Американские милитаристы, имея монополию на сверхмощное оружие, как они называли атомную бомбу, опираясь на нее, стремились к мировому господству. Так как главным препятствием к этому является Советский Союз, то острие стратегических планов правящих кругов США было направлено против нашей страны. Теперь же, когда ликвидирована монополия, эти мечты лопнули, как мыльный пузырь. Это во — первых.

Во — вторых, правящие круги США до сих пор считали

Америку неуязвимой, а отныне они будут знать, что атомная бомба, которую они рассчитывали сбросить на Советский Союз, с таким же успехом может быть сброшена на территорию Америки. Этот факт их немного огрезит.

В—третьих, они до сих пор считали, что только в США имеются средства доставки груза бомб, прежде всего, атомных, на большие расстояния, а теперь они знают, что этой возможностью обладает и Советский Союз.

Так рухнули стратегические планы правящих кругов США, их мечты о мировом господстве. Они не ожидали, что Советский Союз так быстро создаст атомную бомбу, но скоро им придется убедиться, что мы создали еще кое—что.

Сталин хитро улыбнулся и продолжал:

—Теперь стратегическое положение радикально изменилось в пользу Советского Союза. Американские дипломаты больше не будут себя вести так нагло, а мы, в противовес американцам, будем выступать за безусловное запрещение атомного оружия.

Я слушал товарища Сталина, боясь пропустить хоть слово.

—А могли американцы пойти войной на нашу страну до 1949 года? —спросил я. —Ведь у нас тогда не было атомной бомбы.

—Нет, не могли, —решительно ответил И.В. Сталин. —Правда, были горячие головы в Америке и Англии, которые призывали немедленно, не теряя времени, идти войной против Советского Союза, но это исходило, главным образом, от военных, а политики понимали, что такая попытка закончилась бы крахом. Советский народ сыграл решающую роль в разгроме гитлеризма, он принес народам Европы свободу. Авторитет и популярность Советского Союза в мире настолько выросли, что любое правительство, которое бы решилось объявить нам войну, было бы свергнуто своим же народом. Именно поэтому выступление Уинстона Черчилля в Фултоне не получило того резонанса, на который он рассчитывал. Советский Союз теперь не один и мировая социалистическая система имеет сейчас все шансы на преуспевание, на новые победы. Китай завершил народно—освободительную революцию, во Франции, Италии и других капиталистических странах коммунистические партии превратились в мощную силу и пользуются большим авторитетом у своих народов. Первые, но уже большие успехи в борьбе за

национальное освобождение одержаны народами Азии и Африки. Вторая мировая война дала большой толчок освободительному движению.

Я спросил:

— Знали ли Вы, товарищ Сталин, тогда, в августе сорок пятого, что у американцев имеется атомная бомба?

— Нет, — ответил Сталин, — не знал. Во всяком случае, от официальных американских властей не знал. На одном из заседаний в Потсдаме, когда мы уже расходились, ко мне подошел Трумэн и, будто невзначай, сказал, что у США есть бомба необычайной силы. А бомбы большой взрывной силы в минувшей войне были и у немцев, и у нас, и у американцев, и у англичан. Заявление Трумэна можно было понять как усовершенствование существовавших бомб. Атомная бомба — это принципиально новое оружие, о пей Трумэн не сказал ничего. Думаю, что американский президент заговорил со мной о "бомбе необычайной силы" не без ведома Черчилля.

А как бы Вы отнеслись, — не унимался я, — если бы Вам сказали, что у них есть атомная бомба и они хотят сбросить ее на города Японии?

— Война вообще есть варварство, а применение атомной бомбы — это сверхварварство. Да и не было никакой военной необходимости применять атомную бомбу. Япония и без того была обречена.

— А в будущей войне? Будет ли применена атомная бомба?

Сталин ответил:

— Если народы возьмут в свои руки дело мира и будут отстаивать его до конца, войну можно избежать или, по крайней мере, надолго отодвинуть. Но если, все же, она вспыхнет, то применение атомной бомбы и другого ядерного вооружения будет зависеть от того, окажутся ли у власти Гитлеры и Трумэны. Думаю, что народы не допустят к руководству государствами таких людей. Атомное и ему подобное оружие в будущей войне вряд — ли будет применено, ибо это будет означать конец света.

Я поинтересовался мнением Сталина о Гарри Трумэне и Франклине Рузвельте, попросил сравнить этих двух американских президентов.

— Их невозможно сравнивать, — ответил И.В. Сталин. — Рузвельт умный, культурный, дальновидный и либеральный

руководитель. Такие люди продлевают жизнь капитализму. Трумэн же некультурный и неумный президент. Такие люди думают, что своей безрассудной горячностью помогут утверждению капитализма.

У меня сложилось впечатление, что Сталин питал к Рузвельту симпатию, а к Трумэну, как к государственному деятелю, у него не было никакого доверия.

Когда через два дня я вновь приехал к И.В. Сталину на дачу, Поскребышев спросил меня, читал — ли я сообщение ТАСС, подтверждающее наличие в СССР атомного оружия. Я ответил, что читал.

— Как оно вам понравилось?

— От него исходит достоинство, гордость за мощь и силу нашей страны.

— Это сообщение ТАСС написал собственноручно товарищ Сталин, — сказал Поскребышев.

НАДЕЖДЫ. РАЗОЧАРОВАНИЕ. НАДЕЖДЫ.

1949 — й год был для абхазских цитрусководов радостным: им удалось заготовить и сдать государству более 364 миллионов цитрусовых плодов. Это был самый высокий урожай за всю историю цитрусководства в Абхазии. С третьего места в стране мы перебрались прочно на первое. Такой скачок объяснялся тем, что заложенные за последние годы новые цитрусовые плантации постепенно начинали плодоносить. Будущее рисовалось еще более радужным: за какие — нибудь пять лет Абхазия могла дать свыше миллиарда цитрусовых плодов.

Когда я в один из приездов к И. В. Сталину, отдыхавшему на Ново — Афонской государственной даче, доложил ему об успехе абхазских цитрусководов, он был приятно поражен.

— Как вам удалось этого добиться? — спросил Сталин.

Я рассказал, что еще в годы войны мы начали закладывать новые плантации, при этом лучших сортов цитрусовых. Коренным образом улучшили уход за ними. Строго придерживались агротехнических правил, не отступали от них ни на йоту. Ну, и климатические условия нам содействовали.

— А что ждет ваших цитrusоводов в перспективе? — поинтересовался Сталин. Я был окрылен успехами и настроен оптимистично.

— Перспективы самые прекрасные, — не задумываясь, ответил я. — В ближайшие три — четыре года мы сможем сдать государству свыше миллиарда цитrusовых плодов, потом их будет еще больше. Придется строить новые заводы по переработке цитrusовых плодов. В этом нам потребуется серьезная помощь.

— Были бы цитrusовые плоды, а в строительстве заводов мы вам поможем, — сказал Сталин. — Представьте ваши предложения.

Хорошее настроение передалось и Иосифу Виссарионовичу. Трудящиеся Абхазии отлично поработали, говорил он, — значит в этом году москвичи, ленинградцы, киевляне, сибиряки получают больше цитrusовых плодов, чем раньше, а на будущий год, еще больше, чем сейчас. Вы работаете с перспективой.

Знал бы я тогда, что жизнь жестоко посмеется над нами! Уж во всяком случае, не проявлял бы такого оптимизма в разговоре с товарищем Сталиным и не стал бы рисовать ему столь приятные перспективы.

Наша беседа состоялась в ноябре 1949 года, а вскоре, словно по иронии судьбы, в Абхазии началась суровая зима, ртутный столбик в термометре опустился до небывалой температуры — минус 15 — 16 градусов, и все основные плантации вымерзли, остались лишь отдельные микроучастки.

Это было для нас большим ударом.

С горечью я думал о том, что скажу товарищу Сталину, когда мы с ним вновь встретимся. Ведь я дал обещание довести урожай цитrusовых до миллиарда плодов и ясно, что выполнить его не смогу.

В 1950 году товарищ Сталин снова приехал отдыхать на Черноморское побережье и, как всегда, пригласил меня к себе. Всю дорогу я думал о предстоящей встрече. Разные мысли, одна печальнее другой, приходили в голову, пока машина мчала меня на Ново — Афонскую дачу. Ведь мы не виноваты, такую зиму в Абхазии не помнят лет двадцать — тридцать, думал я. Но удастся ли убедить товарища Сталина, что мы не виноваты? Он может спросить, знали ли мы о предложениях ученых перекрыть на зиму цитrusовые деревья марлей, или воспользоваться дымовыми

шашками? А если знали, то почему не воспользовались ими? Меня тревожили и другие мысли: разрешат ли нам восстановить цитрусовые плантации? Выделит ли на это Правительство ассигнования?

Задумавшись я не заметил, как шофер повернул на дорогу, ведущую к государственной даче. Я сошел с машины и увидел Сталина. Он шел мне навстречу. Пожав мне руку, Сталин заинтересовался:

— Суровая у вас была зима?

— Суровая, товарищ Сталин, — ответил я.

— А, скажите, — вдруг спросил он, — сколько живут персики?

— Лет десять — двенадцать персиковые деревья хорошо плодоносят. Они могут жить еще два — три года, но лучше их вырубать, потому, что они становятся хилыми и урожая почти не дают.

— Вот, видите, — заметил Иосиф Виссарионович, — через десять лет вы обновляете персиковые сады. А с цитрусовыми что произошло? Такие сильные морозы, как в прошлую зиму, случаются у вас не чаще, чем раз в 10 — 15 лет. Нужно обновить цитрусовые плантации, восстановить их;

У меня гора свалилась с плеч.

— Страховые органы компенсируют колхозам и совхозам убытки, — продолжал он, — а Союзное Правительство отпустит средства на восстановление плантаций.

— Лучшего решения и желать нельзя, товарищ Сталин!

Мы немного пошлись по саду и сели на скамейку, Я сказал:

— Как хорошо и просто решился вопрос о ликвидации последствий суровой зимы в цитрусовом хозяйстве.

— Это еще не решение, — возразил Сталин. — Я доложу свое мнение Правительству и буду его отстаивать, потому что не только хорошо информирован, но и сам видел погибшие от морозов плантации. Надеюсь, что Правительство поддержит эти предложения, поскольку нам гораздо выгоднее выращивать цитрусовые у себя, нежели завозить их из заграницы и платить за них золотом.

— А я, когда ехал к Вам, думал: вдруг спросите, почему мы не окутали цитрусовые марлей, как предлагали ученые.

Сталин засмеялся:

— Тогда все наши Ивановские текстильные фабрики должны были бы выпускать только марлю, да и то вряд ли ее хватало бы.

— Или почему мы не воспользовались дымовыми шашками? Ученые предлагали и такое.

Сталин стал серьезным. Заметил:

— Еще никому не удавалось отеплить вселенную ни дымовыми, ни иными шашками. Это примитивное решение. Смешно думать, что таким путем можно спасти цитрусовые.

Помолчал. Видимо, обдумывал, как точно и лаконично — в обычной своей манере — сформулировать мысль. Затем сказал, рубя погасшей трубкой воздух:

— Наиболее перспективным нужно считать, конечно, не это, а, во — первых, хорошую ветрозащиту и во — вторых, выведение морозостойчивых цитрусовых сортов.

Развивая мысль, И.В. Сталин высказался в том смысле, что ученые, занимающиеся селекцией цитрусовых, должны воспользоваться учением и практикой Мичуринца, который сделал многое на Севере в области плодоводства.

— Это трудная задача, — сказал Сталин. — цитрусы — дело сложное... — Подумал и спросил:

— Может быть, прислать к вам Лысенко? Пусть посмотрит, поговорит с вашими учеными, даст рекомендации.

— Приезд Лысенко может оказаться полезным, — ответил я. — У наших ученых дело, к сожалению, идет со скрипом.

Возвратившись в Сухуми, я созвал членов бюро Обкома партии и Правительства Автономной республики, рассказал о беседе с товарищем Сталиным. Мы наметили меры для реализации его указаний.

Вскоре (это было в 1950 году) у меня состоялось еще одна интересная беседа с И. В. Сталиным, касающаяся цитрусоводства. О ней я расскажу в следующей главе.

(Продолжение)

Я уже писал, что сильные морозы зимой 1949–1950 гг нанесли серьезный ущерб Абхазии. Они погубили почти все цитрусовые насаждения. Погибли и десятки тысяч деревьев эвкалипта. Горько было смотреть на еще не выкорчеванные пожелтевшие, высохшие деревья, оставшиеся на месте цветущих цитрусовых плантаций и эвкалиптовых рощ...

Осенью 1950 года я вновь побывал у Сталина, проводившего свой отпуск на Черноморском побережье Грузии. И снова, как и во время предыдущей встречи, Сталин заговорил со мной о цитрусах.

— Что Вам известно о культуре лимона Мейер? — спросил он. Я ответил, что лимон Мейер, по сравнению с Новогрузинским, более морозоустойчив, он обильнее плодоносит, но по своим вкусовым качествам уступает другим сортам.

— Так разводите его, раз он более морозоустойчив, — предложил Сталин. — А потребитель и для него найдется.

На это я ответил:

— Мы разводили, но мороз не пощадил и этот сорт лимона. И впредь будем разводить его. Только, — добавил я, — не в ущерб Новогрузинскому лимону.

— Не в ущерб?

— Да, товарищ Сталин. Новогрузинский лимон — самый лучший из выведенных здесь, в Грузии, сортов. Он почти без косточек и по своим вкусовым данным и размерам превосходит итальянские, испанские и японские сорта.

Сталин поднялся, предложил:

— Выйдем на воздух, пройдемся по саду. — Взял бамбуковую палку и первым вышел из кабинета. Я последовал за ним.

На цитрусовой плантации государственной дачи, где отдыхал И.В. Сталин, были не выкорчеванные участки: их оставили специально для того, чтобы он своими глазами увидел трагические последствия морозов.

Мы молча шли по вымерзшей плантации, Сталин остановился около мертвого лимонного дерева, постучал по стволу бамбуковой палкой, сказал:

— Теперь цитрусовые придется покупать за границей и платить за них золотом.

— Пока придется, — ответил я. — Но через несколько лет наши плантации оживут и мы снова сможем собирать обильные урожаи плодов.

Я изложил товарищу Сталину наш план восстановления цитрусового хозяйства, доложил, какие меры для его развития приняты. Рассказал и том, что в тридцати цитрусовых колхозах и двух совхозах мы создали мощные питомники по выращиванию цитрусовых саженцев. Они будут давать 10—15 миллионов саженцев в год. Часть питомников, уцелевшая от морозов, докладывал я, в этом году даст, примерно, полтора миллиона саженцев. Их мы решили высадить осенью 1950 года. С 1951 по 1953 год не только восстановим, но и увеличим площади под цитрусовыми насаждениями. А в 1955—56 годах начнем давать промышленную продукцию. Страна получит если не больше, то уж во всяком случае, не меньше плодов, чем в самом урожайном 1949 году.

Сталин оживился, довольным жестом разгладил усы, сказал: — Что — ж, хорошо.

Он спросил, не подорвано ли в результате морозов доверие крестьян к цитрусовой культуре. Я ответил, что такие симптомы есть, и нам приходится вести большую разъяснительную работу.

— Тут одной разъяснительной работой не обойтись, — сказал Сталин. — Мы поручим страховым органам полностью оплатить убытки, выдадим колхозникам кредит, чтобы они смогли не только восстановить, но и развивать дальше цитрусовое хозяйство.

— Конечно, — согласился я, — возмещение убытков будет стимулировать крестьян. Но, по моему, товарищ Сталин, не следует увлекаться большими цитрусовыми массивами, гораздо полезнее тщательно выбрать микрорайоны или даже микроучастки для цитрусовых культур, а лимоны сажать главным образом на приусадебных участках. Наши крестьяне умеют выбирать для этого хорошие места. Лимонные деревья на приусадебных участках дают урожай до полутора — двух тысяч плодов с дерева. Если мы будем развивать цитрусовые на микроучастках, то тогда и морозы станут менее страшны, и урожай будет выше.

Сталин согласился с моими доводами.

За обедом Сталин был оживлен, даже весел. Неожиданно предложил:

— Хотите, я вам расскажу анекдот, который услышал от летчиков? — И, не дожидаясь ответа, стал рассказывать:

— Черчилль, Рузвельт и Сталин отправились на охоту. Они долго бродили по лесу, наконец им удалось убить большого медведя. Черчилль сказал: шкуру медведя возьму я, а мясо пусть поделят между собой Сталин и Рузвельт. Рузвельт говорит: нет, шкуру возьму я, а мясо пусть поделят Сталин и Черчилль. А Сталин молчит. Черчилль и Рузвельт спрашивают его: мистер Сталин, а Вы что скажете? Сталин посмотрел на них и сказал: медведя убил я, и он принадлежит мне, а Вы делайте, что хотите.

Я спросил, что представляет собой Уинстон Черчилль.

— Это сильный и хитрый политик, — ответил Сталин. — В годы войны он вел себя как джентльмен и сделал многое. Капиталистический мир не имеет более сильного деятеля.

— А Рузвельт? — поинтересовался я.

— Большой государственный деятель, — сказал Сталин. — Придерживается по ряду вопросов прогрессивных взглядов. Сила его состоит в том, что он возглавил такую богатую и развитую в техническом отношении страну, как Америка. В этой войне Америка была военным арсеналом для союзников... И Рузвельт, и Черчилль — две сильные личности.

— А Гитлер? О нем говорили как о сумасшедшем и большом авантюристе.

— Насчет авантюриста можно еще согласиться, а с тем, что он был сумасшедшим, согласиться нельзя никак. Гитлер был одаренным человеком. Только одаренный человек мог так сплотить немецкий народ. Нравится нам это или не нравится — другое дело. Советская Армия пересекла германскую границу, вступила на немецкую землю, дошла до Берлина, но немецкий рабочий класс за все это время не устроил ни одного выступления против существовавшего фашистского режима. Разве сумасшедший мог бы так сплотить нацию?

— А пропагандисты, товарищ Сталин, и в нашей стране, и за рубежом изображали его сумасшедшим, маньяком.

Сталин улыбнулся и ответил:

— Пропандисты исполняли свой долг.

Иосиф Виссарионович заговорил о Китае.

— Из нынешних марксистов — ленинцев, — сказал он, — самым выдающимся является Мао — цзе — дун. Его практическая

и теоретическая деятельность получает всеобщее признание в мировом коммунистическом движении. Конечно, — добавил Сталин, — среди коммунистов помимо Мао — дзе — дуна много талантливых лидеров, но Мао выше них. Вся его жизнь, жизнь марксиста — ленинца, наглядно показывает, какой он принципиальный, волевой, последовательный борец. В наше время на сто процентов ручаться за человека трудно, но думаю, что за Мао поручиться можно.

Высказывал И. В. Сталин свое мнение и о соратниках Мао дзе — дуна. Он назвал Лю — шао — ци и Чжоу — энь — лая видными теоретиками, "что же касается Чжу — де, сказал Сталин, то его скорее всего следует считать легендарным полководцем Китая, наподобие нашего Клима Ворошилова или Семена Буденного".

С особой теплотой, доброжелательно и даже проникновенно, Сталин отзывался о китайской молодежи. В Китае растет хорошая молодежь, говорил он. Это означает, что на подходе талантливые кадры партийных и государственных деятелей.

И. В. Сталин объяснил, почему компартия Китая обладает сильными, закаленными, идейно убежденными кадрами. Известно, сказал он, что кадры закаляются в борьбе, а китайским коммунистам долгие годы приходилось бороться в трудных и сложных условиях.

Сталин добавил, как — бы рассуждая вслух:

— Влияние коммунистической партии Китая и ее лидеров со временем возрастет еще больше. И, видя это, наверное, найдутся "коммунисты", которые поднимут крик о "желтой" опасности. Такие крикуны могут найтись не только в братских коммунистических партиях, но и у нас, среди советских коммунистов. Но им ничего не поможет. Только охрипнут. А китайские коммунисты еще скажут свое слово.

Неожиданно, как это и раньше случалось с И. В. Сталиным, он резко изменил тему разговора: заговорил о культуре авокадо, поинтересовался, сколько населения в Абхазии, высказал свое мнение о недавно закончившейся дискуссии по языкознанию, стал приводить примеры схожести осетинского языка с немецким, немало удивив меня отличным знанием немецкого языка. Затем предложил сыграть партию в бильярд.

Сначала Сталин играл с Маленковым и Берия. Затем пригласил к столу меня. Я сказал, что играю плохо и ему будет неинтересно со мной.

– Все же давайте попробуем, – настаивал Сталин. Мы сыграли одну партию, как и следовало ожидать, я проиграл, и Сталин подбодрил меня:

– Ничего, – сказал он, – в следующий раз получится лучше.

Но "следующего раза" больше не было. С тех пор я много раз бывал у Сталина в гостях, однако он ни разу больше не предложил мне партию в билиард.

... Наступил вечер и во время прогулки Сталин спросил меня, понравилась ли мне кинокартина "Весна в Сакене". Этот фильм был снят по одноименной повести Георгия Гулия, повесть в ту пору приобрела популярность и "киношники" решили ее экранизировать. Но фильма я не видел, хоть он и посвящался абхазскому селу.

– В картине много мегрельских и сванских песен, – сказал Сталин, – а абхазских песен не слышно.

"Уж не потому ли Сталин обратил на это внимание, что Берия мегрел, а Чарквиани – сван?" – промелькнуло в моем мозгу. Вероятно, такая же догадка осенила и Берия, потому что он спросил, обращаясь ко мне:

– В Сакене живут абхазы?

Я ответил: – Нет, не живут. Там больше всего сванов...

Сталин на это ничего не сказал. Подозвал стоявшего неподалеку полковника, попросил:

– Закажите картину "Весна в Сакене". И, обращаясь ко мне:

– Сейчас мы ее посмотрим.

Картина была посредственная, кстати, как и само произведение, и когда в зале зажегся свет Сталин спросил меня: – "Ну, как?" – я откровенно высказал свое мнение. Сталин сказал, что хорошо бы сделать фильм об Абхазии и абхазах и я ответил, что Госкинопром Грузии обязательно займется этим.

Вообще – то Сталин часто просматривал кинокартины, чаще всего новые, но один фильм он особенно любил и ему никогда не надоедало его смотреть. Только при мне он смотрел эту картину 15 раз. Это был яркий и блистательный "Большой вальс".

Твердо убежден, что ни один эпизод, ни один штрих, имеющий хоть отдаленное отношение к И. В. Сталину, не должен остаться неизвестным, быть предан забвению. Ведь каждая черточка, как она не мала, дополняет образ этого человека. Вот почему я решил рассказать, как однажды, в гостях у И. В. Сталина, мне пришлось перед ним краснеть.

Сталин пригласил меня в столовую, взял со стола хурму и предложил:

— Попробуйте.

Я попробовал и поморщился. Это заметил Иосиф Виссарионович и, улыбаясь в усы, спросил:

— Не нравится?

— Нет, — ответил я. — Слишком вяжущая. Эта хурма не из лучших сортов.

— То — то, — сказал Сталин. — А как вы думаете, другим она понравится?

— Думаю, что нет.

— Так, почему же вы ее разводите? У нас в Советском Союзе не так много зон, где выращивают хурму: Черноморское побережье, может быть юг Крыма, частично юг Украины. . . Разводить нужно лучшие сорта.

— Каким сортам Вы отдаете предпочтение? — поинтересовался я. Сталин ответил:

— Хороши шоколадная, медовая. ^X

Я сказал, что завтра же пришлю несколько сортов хурмы и, если он не возражает, мы устроим дегустацию.

На другой день я послал товарищу Сталину "хиакуме", "королек" и сорта выведенные на селекционной станции нашими специалистами — "მეოცე საუკუნე" и "ჩიხებულა". ^{XX} Эти плоды получили высокую оценку Сталина. Он предложил подумать, как организовать сушку этой хурмы, чтобы ее можно было хранить зимой и отправлять в далекие сибирские города.

— Нельзя ли доставить на дачу саженцы и посадить по

X) И. В. Сталин имел в виду сорта "королек" и "хиакуме"
XX) "XX век" и "превосходная" (груз.)

одному дереву хурмы этих сортов? — попросил Сталин.

Саженцы были доставлены и Сталин, вооружившись лопатой, принялся их сажать. Поскребышев, Власик и я помогли ему.

Товарищ Сталин еще раз посоветовал мне обратить внимание на развитие этой культуры, выращивать лучшие сорта хурмы, особенно те, которые поддаются сушке.

Я воспринял этот совет как указание. Выполняя его, мы приняли дополнительные меры, направленные на развитие этой культуры в Абхазии. Вдоль дорог и в садах высадили саженцы хурмы, главным образом, "хиакуме", "королька", "меоце саукуне" и "чинебули". Впоследствии они разрослись и стали давать такие высокие урожаи, что плодов хурмы хватало и для населения Грузии, и для северных городов страны.

РОМАНТИКА И ПРОЗА

Кажется невероятным, что Сталин — этот малоразговорчивый, строгий, подтянутый, сдержанный человек — романтик по натуре.

Да, романтик.

Отчетливо помню нашу беседу в августе 1951 года (Сталин лечился в Цхалгубо, но приняв всего несколько ванн, переехал в Боржоми — Ликани, а оттуда на Ново — Афонскую дачу). Мы стояли у подножья гималайского кедра и Иосиф Виссарионович долго любовался этим строгим красавцем. А налюбовавшись вволю, спросил нельзя ли выращивать гималайский кедр здесь, по всей Абхазии. Я ответил, что, конечно, можно, мы пытались это сделать, только у нас совсем нет опыта и поэтому наши попытки терпели неудачи: сеяли семена, а всходов не было. Возможно семена неполноценные. возможно, все дело в том, что наша агротехника несовершенна. Мы в поисках.

— Если нужно будет, поручим министерству внешней торговли завезти хорошие семена, — сказал Сталин.

Гималайский кедр нравился Иосифу Виссарионовичу, но больше всего он любил розы. Его трудно было оторвать от распустившихся розовых кустов. И в его рабочем кабинете я видел розы — они всегда стояли в небольшом бокале на письменном столе.

— Вы очень любите цветы, — заметил я.

— Да, Вы не ошиблись, — ответил Сталин. / И
ქართული
ენებისათვის

— А много роз в Сухуми?

— 256 сортов. Но хочется, чтобы розы украшали не только ботанический сад, скверы и парки. Мы развиваем комнатное цветоводство.

— В Албании тоже много хороших цветов, — сказал Сталин. — Энвер Ходжа любит их. Может быть Вы ему пошлете семена ваших лучших цветов? Он бы им обрадовался.

— С удовольствием.

Любовь Сталина к цветам, к окружающей природе, не могла не сказаться и, конечно — же, сказалась на той огромной работе, которую повела партия в борьбе за преобразование природы страны. Разработанные учеными мероприятия, включающие и сооружение таких гигантских каналов, как главный Туркменский, Волго — Донской, закладку лесных массивов, и озеленение городов, строительство парков, скверов, садов, — все эти масштабные мероприятия, проводившиеся по инициативе И. В. Сталина, служат еще одним доказательством его любви к людям, его неукротимого стремления жить и работать во имя человека.

... Прогуливаясь с Иосифом Виссарионовичем по саду, мы беседовали не только о цветах и зеленых насаждениях. Речь зашла о живописной грузинской природе и вдруг Сталин помрачнел, сказал сухо, отчужденно, и в голосе его зазвенел металл:

— Природа природой, а вот говорят, что в Грузии развито взяточничество, казнокрадство, хищение социалистической собственности. Я узнал об этом в Боржоми. Почему о таких явлениях не докладывают ни Центральный Комитет, ни грузинское правительство? Или оно позже всех узнает об этом? Когда коммунисты видят, ЦК бездействует, не ведет решительной борьбы с безобразиями, они теряют к нему доверие.

Я почувствовал, что Сталин — романтик превратился в совсем другого Сталина. Начиналась горькая проза.

— Да и в самом грузинском ЦК что делается? — продолжал Сталин. — Кажется, на третьем этаже кабинет Чарквиани? А на втором открыли бордель. Не в переносном смысле, а в прямом. Как будто для этого нельзя было найти другого места. Мало им дач. Что, потеряли и всякое понятие о моральных нормах! Что,

все дозволено, потому что в Москве есть Берия. Бедный Михаил, если бы он знал, что творится в мегрельских районах, на его родине. В старое доброе время он звал людей к светлой жизни и вот вам пожалуйста... Раньше мы говорили, что царские чиновники взяточники, а теперь, извольте радоваться, некоторые секретари райкомов сами берут взятки. Куда же дальше, если сам президент республики Георгий Стуруа занимается торговлей молоком, мясом и цигмат с государственной дачи, если глава правительства и министр внутренних дел построили себе роскошные особняки и у них появились последователи. И это в то время, когда после такой разрушительной войны людям негде жить.

Сталин спросил, вскрыты ли в Абхазии случаи взяточничества, казнокрадства, хищений. Я рассказал о прокуроре Сухуми, бравшем взятки и пойманном с поличным, о махинаторских действиях редактора гальской газеты, обиравшего население. Обком партии наказал их, сказал я, но ЦК КП Грузии не утвердил наше решения.

— Мне это известно, — сказал Сталин. И, после паузы, добавил: — в Центральном Комитете нашлись люди, которые выгородили преступников. Я поручил заместителю Генерального прокурора Союза товарищу Мокичеву проверить, он подтвердил, что бывший прокурор Сухуми занимался взяточничеством... И вообще... — тон Сталина становился все жестче, — борьба с взяточничеством, казнокрадством, хищением социалистической собственности в Грузии ведется плохо, жуликам попустительствуют и они чувствуют себя вольготно. Я указывал на это Чарквиани, поручил ему принять решительные меры. У ЦК КПСС имеются сигналы, что безобразия творятся и в других республиках, но в Грузии они приняли невероятные масштабы. Поэтому наводить порядок мы начнем с Грузии.

Сталин раскурил трубку, посмотрел на меня — взгляд его стал мягче теплее. — Сказал мечтательно:

— Хочется побывать в Тбилиси, в родном Гори... Но не могу приехать, пока не будет покончено с этим позором. — Рука с трубкой словно прочертила воздух. — Решительно покончено.

X) Сталин имел в виду Миха Цхакая, видного революционного деятеля.

Меня всегда интересовало, как и по всей вероятности всех граждан нашей великой страны, хотя бы некоторые подробности о военном параде, проведенном 7-го ноября 1941 г. в Москве.

Интерес этот вполне понятен, так как это был период в жизни нашей страны, когда над ней и над столицей нашей Родины — Москвой нависла смертельная опасность.

Выше я уже говорил что, после окончания войны, начиная с 1946 года, я не раз встречался со Сталиным, и во время его отдыха, и на приемах, когда к нему в качестве гостей приезжали в Новый — Афон члены Политбюро ЦК ВКП(б), руководители братских коммунистических и демократических партий, встречался с ним и в рабочей обстановке, но никогда Сталин ни единым словом не обмолвился о военном параде 7-го ноября 1941 года.

И, вот, сегодня, сидя за столом в гостях у Сталина мне опять пришла в голову мысль, — можно ли спросить у него что либо об этом параде. Я перебирал у себя в голове, как и в какой форме можно спросить об этом и, видя, что Сталин в прекрасном настроении я подумал, что момент настал.

— Простите меня за смелость, я хочу, товарищ Сталин, спросить Вас об одном, — сказал я.

Сталин поднял голову и очень внимательно посмотрел на меня, видимо, ожидая что за сим последует.

— Меня всегда интересовал вопрос о Московском параде, не можете ли Вы что либо рассказать о нем, — спросил я.

— Пока рано что либо говорить и писать о военном параде 7-го ноября 1941 года, — ответил Сталин.

— Это и понятно, товарищ Сталин, — сказал я, — но, Вы знаете, что я не из тех, кто не умеет хранить тайны.

— Что вы умеете хранить секреты, это Центральному Комитету известно, на сей счет вас проверяли и испытывали не раз, — заметил товарищ Сталин.

— Знаете, почему я интересуюсь этим вопросом, — сказал я, — Ведь тогда ходили слухи, что правительство и ЦК ВКП(б) оставили Москву, переехали в более глубокий тыл. Проведение же парада имело огромное значение, не мне, конечно, говорить об этом, но, с другой стороны, и враг подошел так близко к Москве, что это было очень рискованно.

Сталин ответил, — слухи относительно переезда Правительства, как вы говорите, в более глубокий тыл имеют может быть своим основанием то, что часть членов Правительства и ряд правительственных учреждений действительно были переведены в Куйбышев, но само Правительство осталось в Москве. Парад и решил судьбу столицы. Она не была отдана врагу и, на подступах к Москве враг не только был остановлен, но и получил первый удар, и был отогнан на несколько сот километров.

— Поскребышев! — воскликнул Сталин, — посмотри на него, как он настойчив, как ты думаешь, можно ему рассказать? — шутливо спросил Сталин, затем он повернулся ко мне и сказал — требуется санкция Главнокомандующего.

Мы уже знаем, что Сталин часто в шутку называл так Поскребышева.

— Накануне Октябрьских торжеств, — начал Сталин, — мы, члены Центрального Комитета и Государственного Комитета Обороны обменялись мнением, как быть с проведением Октябрьских торжеств в Москве. По этому вопросу было принято решение ЦК ВКП(б) провести торжественное заседание Моссовета с участием общественных организаций, а также военный парад на Красной площади. После обмена мнениями, я связался с руководством Московской организации и договорился насчет Торжественного заседания.

Выбрали подходящее место для его проведения — Московский метрополитен.

А по поводу военного парада я пригласил к себе генерала Артемова, он тогда представлял военную власть в Москве, и спросил его, — что Вы предполагаете насчет проведения военного парада? Генерал Артемов сделал удивленное лицо и сказал, — товарищ Сталин, в этих условиях это невозможно. Да и войсковых частей у нас мало для того, чтобы вывести их на парад.

Мне пришлось, — продолжал Сталин, — в течении нескольких минут объяснять ему политическое значение этого мероприятия, — ему непременно нужно подтянуть с фронта некоторые части, подготовить все... и, чтобы военный парад был проведен обязательно в Москве. И, надо отдать должное, он этот приказ выполнил с честью.

Затем, — продолжил Сталин, — я попросил соединить меня с Буденным. В штабе его не оказалось и мы поручили его

разыскать и сказать, чтобы он прибыл ко мне в Москву. Буденный вскоре явился и узнав о чем речь сразу дал согласие. Было решено поделить функции, Буденный как старый кондуктор примет парад, а Сталин подготовит небольшую речь и произнесет ее на параде.

Так и было сделано. Накануне мы провели Торжественное заседание, а 7-го — военный парад. Ну, а остальное вы знаете. Конечно все было подготовлено соответствующим образом да и, воздушная оборона была хорошо организована.

— Тем не менее, опасность была большая, — добавил я, — А, были ли среди членов ЦК и Госкомитета Обороны такие, которые возражали против проведения парада?

— Мнения были разные, — ответил Сталин, — но, Центральный Комитет твердо стоял на своем и принял правильное решение.

— Да, товарищ Сталин, сейчас каждому ясно, — сказал я, — этот парад имел историческое значение. Москва, а с ней и все советские люди узнали, что товарищ Сталин в столице.

Враг был остановлен у ворот Москвы и ему был нанесен страшный удар, он был отогнан от столицы, люди поняли — там где Сталин, там и победа.

ЭПИЗОД С ХРУЩЕВЫМ

В 1951 г. осенью Сталин отдыхал на Черноморском побережье Грузии, в Новом Афоне. В один из рабочих дней, примерно к трем часам дня он позвонил мне в обком. Как обычно, поздоровавшись, сказал: "Если у Вас есть время, то приезжайте". Я ответил, что располагаю свободным временем. "В таком случае, Вам дается 17 минут" — засмеялся в трубку Сталин.

Я быстро собрался и сказал своему секретарю, чтобы подали машину. Водитель М. Буадзе, и раньше возил меня к Сталину. Я ему сказал, что в течении 17 минут мы должны быть в Новом Афоне. Он кивнул головой и ответил, будем на месте через 15 минут (расстояние от Сухуми до Нового — Афона — 20 км.).

И действительно, через 15 минут мы были уже у Сталина. Он посмотрел на свои часы, улыбнулся и сказал, что мы приехали

на две минуты раньше, — хотя, шофер рачинец” — добавил он. Видимо в шутку он хотел подчеркнуть, что рачинцы медлительны. Он их знал хорошо, ведь первая жена его была рачинкой.

У Сталина было хорошее настроение, если вообще можно так сказать — ровный характер, серьезность, глубокая задумчивость и хладнокровие не давали возможности это определить. Отношение же к людям у него всегда отличались теплотой и сердечностью.

“Если не возражаете, — обратился он ко мне, — давайте погуляем по саду, а затем пообедаем. Здесь поблизости в Сочи отдыхает т. Хрущев, он звонил только что и я его также пригласил на обед. Хрущев скоро подъедет.

Между прочим, хочется отметить поведение Хрущева. Он всегда брал отпуск тогда, когда отдыхал Сталин и выбирал место отдыха где — нибудь поблизости. По всему видно, что это было не случайно. Часто звонил Сталину, приезжал к нему то на обед, то на завтрак или ужин, старался как можно больше бывать у него. Сейчас ясно, что Хрущев старался втереться в доверие к Сталину.

В это время подошел начальник охраны генерал — полковник Власик и доложил, что машина задержалась около Бзибского моста, через который колхозные пастухи гонят с горных пастбищ большую отару овец. Тогда Сталин предложил мне прогуляться по саду. В скором времени подъехал Хрущев, опоздавший на 15 минут. Как только он увидел Сталина, моментально сошел с машины, подошел к нему и тепло поздоровался. Обернувшись он увидел меня и сказал: “А, и Абхазская власть здесь” — подошел ко мне, взял под руку, отвел в сторону и передал бумажку, на которой, как оказалось, были записаны фамилии пяти пастухов, гнавших овец и невольно задержавших его машину. Хрущев сказал: “благодаря этим пастухам я опоздал на 15 минут. Передаю Вам этот список и прошу их примерно наказать, — арестовать, чтобы знали на будущее”.

Я взял этот список и ничего не ответив положил его в карман.

Сталин заметил, что Хрущев о чем — то говорил со мной и передал мне записку, но ничего не сказал. Мы поднимались к даче пешком и когда Хрущев отошел от нас зачем — то, Сталин спросил о чем говорил со мной Хрущев. Я не хотел его выдавать

и ответил, что ничего особенного. "А, все же?" — настоял Сталин. Тогда мне пришлось рассказать о том, что Хрущев передал мне фамилии пастухов, задержавших его машину и велел их наказывать.

— А как вы думаете? — спросил Сталин. Я ответил, что пастухов наказывать не стоит, это будет также неудобно и для Хрущева. При чем пастухи? Они ведь не знали, что едет Хрущев и что это правительственная машина. Думаю, что до конца нашей встречи улучу момент и добьюсь у Никиты Сергеевича "амнистии" для этих бедолаг. Сталин улыбнулся и сказал: "Правильно рассуждаешь, этих пастухов нечего наказывать, но ты не удивляйся. Иногда даже такой высокопоставленный человек может сказать необдуманную вещь. С Хрущевым это случается". К этому вопросу мы больше не возвращались.

Никто из пастухов мною не был наказан. Я допускаю мысль, что Хрущев ждал от меня записки о принятых мерах, но так и не дождался.

И хотя этот вопрос незначителен, но ведь и сам Хрущев был мелким, возможно, он мне это запомнил...

Сталин пригласил всех обедать. Местом для обеда выбрали балкон, откуда открывался великолепный вид на море. Накрывали стол все вместе, Сталин, Хрущев, Поскребышев и я. Обед был обычный: первое, второе и десерт. Тамадой был Сталин. Свои тосты он обычно начинал за сидящих с правой или с левой стороны и произносил их поочередно за каждого в этом направлении. Когда очередь дошла до Сталина, Хрущев обратился ко мне: — "Тов. Мгеладзе, мы за здоровье товарища Сталина квасом не пьем".

— То есть как это квасом? — удивился я.

— Да, это же квас — заявил Хрущев, — надо чем — нибудь покрепче.

Разумеется Сталин лучше знал Хрущева. Он позвонил и сказал, чтобы принесли водку и коньяк. Хрущев налил себе в бокал коньяк и заявил — вот чем мы пьем за здоровье Сталина. Мы его любим также крепко, как крепок этот напиток.

На это я ответил — "Никита Сергеевич, я выпью за товарища Сталина вином, т.к. я уже поднял бокал, а затем выпью и коньяк, чтобы Вы не считали, что только Вы любите товарища Сталина".

Хрущев улыбнулся и сказал — Вот это я понимаю.

Так я и поступил. Выпил вина, а затем налил рюмку коньяка и тоже выпил. В дальнейшем мы, — Сталин, Поскребышев

и я продолжали пить вино маленькими рюмками, Хрущев же перешел на коньяк и водку и пил только эти напитки.

Кто кого как крепко любил, подтвердили события следующих лет.

Вскоре водка и коньяк сделали свое дело и Хрущев почувствовал себя навеселе. Он произнес внеочередной тост за здоровье товарища Сталина. В этот момент Поскребышева вызвали. Когда он вернулся, доложил Сталину, что Болеслав Берут просит его принять. Сталин ответил, что всегда рад видеть т. Берута у себя в гостях в любое для него удобное время. Поскребышев вышел, чтобы передать ответ Сталина.

Когда он вернулся и сел за стол, Хрущев продолжил начатый тост. Он сказал: "Товарищ Сталин сделал то, что не смогли многие русские цари. Они стремились завоевать Польшу, но у них это не получилось, а товарищ Сталин сегодня считается вождем и польского народа. И вот, я пью за здоровье этого великого человека, за товарища Сталина!".

Сталину тост видимо не понравился, он молчал. Не понравился этот тост и нам. Сталин молча взглянул на меня и по его взгляду я понял, что именно я должен что — то сказать Хрущеву, ибо он сам, как видно, считал неудобным отвечать Никите Сергеевичу.

Тогда подняв тост за здоровье Сталина я отметил, что: "по моему, было бы неправильным отождествлять политику русских царей с политикой товарища Сталина. Русские цари были завоевателями, а товарищ Сталин и руководимая им Коммунистическая партия Советского Союза, поддерживает освободительные движения. Преследуя разгромленную гитлеровскую армию Сталин, Компартия Советского Союза, вооруженные силы СССР принесли свободу польскому народу и польский народ имеет своего вождя в лице Болеслава Берута.

Сталин видимо остался доволен моим ответом. Он улыбнулся в усы и своим обычным движением разгладил их трубкой. Но, зато побледнел Хрущев и чтобы вывести его из создавшегося неловкого положения, я произнес внеочередной тост за его здоровье. Атмосфера была разряжена, по крайней мере за столом.

Спустя некоторое время Сталин извинился, сказал, что хочет отдохнуть и встал из — за стола. Но Хрущев по всей видимости

уходить не собрался и Сталин предложил нам еще попить дабы составить ему компанию. Пришлось подчиниться.

Хрущев продолжал пить то коньяк, то водку. Вдруг он заявил, что хорошо было бы выпить шампанского. Я не знаю, услышал ли это Сталин, или обслуживающий персонал передал ему, но буквально через 2–3 минуты открылась дверь и он внес открытую бутылку шампанского, поставил ее на стол и опять ушел. Тогда Хрущев наполнил бокал и произнес тост за чуткость и сердечность товарища Сталина, "Какой еще великий человек принесет гостям шампанское, только один Сталин. Во всем мире, сказал он, только Сталин может быть таким внимательным и доступным, я предлагаю еще раз выпить за здоровье товарища Сталина шампанским и до конца распить эту бутылку. Нельзя было не выпить, но главным образом пил все время Хрущев произнося тосты за здоровье Сталина в таком же духе. Затем он почувствовал себя сильно "перегруженным" и я уложил его в гостинной на диване, а я и Поскребышев пошли играть в бильярд. Настал вечер. К 11–ти часам вышел Сталин и присоединился к нам. К 12–ти часам проснулся и Хрущев. Он видимо чувствовал себя неловко, но мы, и главным образом Сталин постарались сгладить обстановку, продолжая играть в бильярд и весело разговаривая.

Хрущев улучшил момент и спросил меня все ли было в порядке, я его успокоил, сказав, что все было хорошо. Мы выпили чаю, и примерно к часу ночи Хрущев уехал в Сочи, а я в Сухуми.

ВСТРЕЧА С БОЛЕСЛАВОМ БЕРУТОМ

Несколько дней спустя Сталин пригласил меня к себе. Я застал в его кабинете Болеслава Берута. Берута я видел впервые он оставил на меня очень приятное впечатление. Это был человек среднего роста, вдумчивый, серьезный, и трезво рассуждающий. Говорил он по русски с польским акцентом. Чувствовалось, что он от всего сердца любит Сталина и тот отвечает ему тем же. Это была встреча настоящих, идейных друзей.

Я считал неудобным присутствовать при встрече этих выдающихся людей и стал искать деликатный повод, чтобы оставить

их наедине. Повод не находился. Тогда я сказал:

— Мне очень приятно быть с вами, но у меня срочные дела в Сухуми.

И.В. Сталин понимающе улыбнулся.

— Ничего, — ответил он, — побудьте с нами. Товарищ Берут, гость на вашей земле, а грузины никогда не оставляют гостей без внимания.

Их разговор носил деловой характер; он касался внутренней и внешней политики, вопросов социалистического лагеря, истории войн и народов.

— Минувшая война, товарищ Сталин, — сказал Берут, — была самой тяжелой из всех войн, какие только знала история, но она была и великой в то же время. Техника, моторы решали исход войны. Моторы на земле, моторы на море и в воздухе. Ведь же самолеты и военная техника появились в конце первой мировой войны. А сколько их было сейчас, в этой войне. Не сотни, а десятки тысячи. На фронтах с обеих сторон принимали участие в сражениях тысячи и тысячи танков. Подумать только!

И.В. Сталин слушал внимательно и когда Берут закончил свою речь, он тихо начал говорить.

— Это все верно. Да, вот, насчет танков, они были и в древности. Танки древности, — Вы об этом слышали? — он пристально взглянул на собеседника и улыбнулся в усы. Вспомните великого полководца Ганибала из Карфагена, прославившего себя в войне с римлянами тем, что он первый применил танки древности — армию боевых слонов.

Сталин начал до мельчайших подробностей рассказывать, как Ганибал вел в бой слонов которые таранили крепостные стены.

Вспомнил Сталин о побоище на Чудском озере, о предводителе русского войска того времени Александре Невском, о его стратегии и тактике. Зашел разговор и о борьбе русских против татарского ига, и о Дмитрии Донском.

Сталин и Берут беседовали, а я просто слушал.

Затем беседа перешла в новое русло. Берут заговорил о Гарри Трумэне, с возмущением сказал, что новый американский президент уже успел значительно отойти от политики Франклина Рузвельта. Сталин повторил то, что однажды говорил мне: Рузвельт и Трумен все равно, что слон и моська. Рузвельт обладал качествами большого государственного деятеля, широко понимал и умело

отстаивал интересы США, с пониманием относился к интересам других стран. С ним можно было сотрудничать. В годы войны Рузвельт много сделал для победы над Гитлером — один только ленд — лиз чего стоил. Он умел и настаивать на своем, что и удалось иди на уступки. Словом, это был умный, осмотрительный политик.

Сталин добавил к этому, что смерть Франклина Рузвельта была серьезной потерей для стран антигитлеровской коалиции. Она вызвала тревогу, и, как стало ясно, небезосновательно. Новый президент Гарри Трумэн начал свою деятельность с того, что сразу же прекратил поставки Советскому Союзу по ленд — лизу, причем сделал это в грубой форме, не поставив заранее в известность Советское Правительство.

— Чего же после этого стоит Трумэн как Президент! — воскликнул Сталин. — Сами американцы и среди них такие видные деятели как Гопкинс, Стеттиниус расценили его шаг как неумный. Ведь он даже не посчитался с тем, что война с Японией еще не закончена и нам предстояло выполнить обязательства, взятые в Ялте и Тегеране, вступить в войну с Японией на стороне США.

Берут спросил:

— Как по Вашему, много ли успеет напортить Трумэн?

Сталин отвечал, как бы размышляя вслух:

— Америка мощная держава. От ее Президента зависит многое. Но ему придется не легко: американцы люди талантливые и деловые, они окажут давление на Трумэна, ограничат его власть. Думаю, что Трумэн долго не продержится.

— А Черчилль?

— Очень сильный политик, — ответил Сталин. — Но он, прежде всего, представитель своей страны и своего класса.

— Все годы второй мировой войны, — возразил ему Берут, — Черчилль в "польском вопросе" никак не мог расстаться с политикой "санитарного кордона".

— Ну и что же? — в свою очередь возразил Сталин, — мы с вами тоже стараемся достойно представлять свою страну и свой народ.

И.В. Сталин говорил и о том, что если в военные годы советских людей объединяли с правительствами Уинстона Черчилля и Франклина Рузвельта вопросы войны и мира, то после войны содружество великих держав могло бы основываться на взаимно выгодной торговле, культурном и научном обмене. Для

народов мира было бы полезно и уж во всяком случае выгодно, чтобы отношения между тремя великими государствами оставались такими же дружественными и прочными, какими они были в годы войны. Но с этим пока ничего не получается. Рузвельта заметил Трумэн, Черчилля — Эттли, они отошли от политики своих предшественников.

— Мы, поляки, надеемся, — сказал Берут, — что в этой сложной международной обстановке Вы, товарищ Сталин, нас не подведете. Сталин молчал. Может не хотел отвечать, а, возможно, занятый своими мыслями, не услышал реплики Берута.

— Ничего не поделаешь, — сказал Иосиф Виссарионович, — пока капиталистический мир силен, остается в силе лозунг мирного сосуществования. В результате разгрома фашизма коммунистическое движение во всех странах активизировалось, получило большой размах. Мы должны всемерно расширять его, укреплять содружество социалистических государств. Вспомните прошлое. Россия и Польша дрались между собой, наносили друг другу вред и это было на руку немцам. Поляки не раз страдали и от немцев, и от русских. К счастью, нынче иные времена. И у вас, и у нас теперь другой строй и в дружбе с СССР заложен залог того, что Польша будет процветать год от года.

— В это мы, польские коммунисты, верим, товарищ Сталин, — сказал Болеслав Берут. — И нас, конечно — же, воодушевляет, что мировое коммунистическое движение сильно продвинулось вперед. Но нам, полякам, несколько лет будет трудно: Польша, особенно Варшава, сильно разрушена.

И.В. Сталин ответил:

— Думаю, что советские люди помогут восстановить экономику и поднять из пепла Варшаву. Польская столица станет еще прекраснее, чем была до войны.

Болеслав Берут просиял. Переполненный чувствами, ответил:

— Спасибо. От польского народа — спасибо.

В ту пору, когда происходил этот разговор, Советский Союз еще не оправился от последствий войны, мы сами переживали большие экономические трудности, но слово Сталина — железное. Польские друзья получили от советских людей огромную помощь в развитии народного хозяйства, улучшении экономики, восстановлении Варшавы. В дар польскому народу Советский

Союз построил в столице Польши Дворец культуры. Как и предсказывал Сталин, Варшава стала еще прекрасней, чем была до войны.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ЗНАНИЕ СИЛА

Ужинали втроем на веранде. Болеслав Берут привез с собой польскую колбасу, водку и хлеб и поставил все это на стол. Иосиф Виссарионович налил себе маленькую рюмку и пожелал гостю отличного здоровья, а польскому народу процветания.

— Польская водка хороша, — сказал Сталин, — но я прошу разрешить мне пить ту, к которой привык.

Он позвонил хозяйке и попросил принести графинчик его водки. Хозяйка принесла. Сталин наливал себе в рюмку из этого графинчика, а мы продолжали пить польскую водку.

Перед очередным тостом я обратился к Сталину:

— Товарищ Берут угощает нас своей водкой, разрешите угостить его нашей грузинской чачей или "Столичной". Можно мне налить из Вашего графинчика?

— Пожалуйста, — разрешил Сталин. Когда я разлил водку из сталинского графинчика в наши рюмки, Сталин поднял свою и лукаво глядя то на меня, то на польского гостя, спросил:

— За кого мы теперь выпьем?

Я предложил:

— За товарища Болеслава Берута.

— Хорошо, — согласился Сталин.

Мы вышли. Я посмотрел на Берута, он на меня, потом мы оба взглянули на улыбающегося Сталина и рассмеялись.

В графине была чистая вода.

Когда Берут уехал и мы остались со Сталиным вдвоем, он сказал с нескрываемым восхищением:

— Умный человек Берут, настоящий вождь польского народа. Через какие трудности он не прошел, какие бури не испытал, а не растерял бодрости, твердости духа. Пожалуй, даже наоборот — трудности закалили его. За таким народ пойдет в огонь и воду.

Затем поинтересовался:

— А Георгия Димитрова Вы знали?

— Узнал о нем в дни Лейпцигского процесса.

— Удивительный это человек! — восхищался Сталин. — Бесстрашный, стойкий. Среди лидеров международного рабочего

движения равных ему немного. Его дважды заочно приговаривали к смертной казни, а он — как камень.

— Мы восхищались Георгием Димитровым на процессе в Лейпциге. — заметил я.

Сталин понимающе кивнул. Сказал:

— Георгий Димитров процесс над собой превратил в процесс над фашизмом и его главарями. ^ხ

Я спросил:

— Товарищ Сталин, мне рассказывали, что мать Георгия Димитрова встретила с Вашей матерью Кеке. Если это правда, то, видимо, произошла встреча двух счастливых матерей.

— Счастливых? Что Вы! — возразил Сталин. — Какое это счастье для Кеке, если сын шесть раз был арестован, шесть раз бежал из тюрьмы. А разве для матери Георгия Димитрова было счастьем, когда ее сына дважды заочно приговаривали к смерти или же когда он выступал на Лейпцигском процессе, находясь на волосок от виселицы... О каком счастье Вы говорите?

— Но в этом есть и горе и счастье. Горе сменилось счастьем.

— Да, — согласился Сталин, — тут Вы, пожалуй, правы. Такая уж досталась доля нашим матерям! Мы почти не встречались с ними — слишком большую ношу взвалила на нас жизнь. Для матери всегда не хватало времени. . .

Вскоре Сталин возвратился в Москву.

В октябре 1952 года состоялся XIX Съезд Коммунистической Партии Советского Союза, на который, как известно, я был избран делегатом от Компартии Грузии. На съезде я встретился с Болеславом Берутом, возглавлявшим польскую партийную делегацию. Мы оба обрадовались этой встрече.

Во время одного из перерывов я зашел в буфет, где встретил старых знакомых, со многими из них мы бывали в гостях у Сталина. Там же находился и Болеслав Берут. Он нас пригласил сесть с ним за один столик, чтобы закусить.

Совершенно неожиданно для меня Берут вдруг заговорил о тосте Хрущева, произнесенном им у Сталина в Новом Афоне. Я был очень удивлен не зная от кого он мог об этом узнать. Ясно, что не от Хрущева. Следовательно, или от самого Сталина, или же от Поскребышева с санкции Иосифа Виссарионовича.

Х) настоящий мужчина (груз.)

Берут сказал: — можно себе представить, что будет если в руководстве партии и страны окажется такой человек как Хрущев. Ведь он, оказывается, махровый, великодержавный русский шовинист. Жаль, что такие люди ютятся где то около руководства партии и страны. Мы воспитываем польский народ в духе дружбы, любви и доверия к великому русскому народу, как этому учит товарищ Сталин, а вот такие типы могут очень сильно навредить и коммунистическому движению и дружбе народов.

Я подтвердил, что действительно такие люди могут развалить мировое коммунистическое движение, не говоря уже о том, что они могут ослабить и нанести большой вред Советскому государству. Что касается того, могут ли такие люди попасть в руководство, я думаю, что — нет, по крайней мере, мне так хочется, да и Вам наверно тоже?

— Да, да! — воскликнул Берут. — Будем же надеяться, что все будет хорошо.

— Да, да! — подтвердил он опять.

К этому времени перерыв окончился и мы разошлись по своим местам. После этого разговора мы не раз встречались с Берутом, разговаривали, но ни он, ни я к этому вопросу не возвращались.

Мне неизвестно имел ли Сталин разговор с Хрущевым по этому поводу, или же с Хрущевым говорил сам Берут, но ясно одно, Хрущев не забыл о своем тосте в Новом Афоне, а также о моем ответе

"ПОЕДЕТЕ В КУТАИСИ"

Прошло всего несколько дней с тех пор, как мы втроем — Сталин, Берут и я — беседовали на Ново — Афонской государственной даче, а в обкоме вновь зазвенел телефон ВЧ: Иосиф Виссарионович снова просил меня приехать к нему.

— Что за чудо — лесопарк Вы построили в Сухуми? — обратился ко мне Сталин, протягивая руку. — Все им восхищаются. Лазарь Каганович говорит, что желал бы иметь такой парк в Киеве, Микоян рассказывает, что семь раз поднимался туда и не может налюбоваться его красотой. Он даже звонил Арутюнову^х.

Х) Секретарь ЦК КП Армении

советовал посмотреть сухумский парк и нечто подобное построить у себя в Ереване.

— Этот нагорный парк строило население Сухуми, — ответил я.

— Скажу по секрету, — с улыбкой произнес Сталин, — я тоже посмотрел этот лесопарк и он мне очень понравился. Извините, без Вас смотрел — так получилось.

Разговор шел вроде пустячный, но интуиция подсказывала, что нечто поважнее отзыва о сухумском лесопарке мне предстоит услышать.

Интуиция не обманула меня.

— Вы знаете о создании обкомов в Грузии? — спросил Сталин.

— Да, — ответил я, — слышал.

Вот, думаем организовать Тбилисскую и Кутаисскую области. Дело в том, что ЦК Грузии трудно добраться до районов, а если создадим области, справиться с работой будет легче. Кроме того, это будет способствовать росту кадров. Чарквиани уже подготовил предложения по этому вопросу. Что бы Вы сказали...

Сталин пристально посмотрел на меня, словно увидел впервые. Я насторожился.

— Что бы Вы сказали, если бы мы рекомендовали Вас первым секретарем Кутаисского обкома и горкома партии?

Я честно ответил:

— Предпочел бы продолжать работу в Абхазии, товарищ Сталин.

— Вы влюблены в Абхазию и это не плохо. Но в Абхазии сделано много, Сухуми преобразился, его теперь не узнать, а в Кутаисской области дел невпроворот. Да и город Кутаиси надо основательно благоустроить.

Я упорствовал:

— Для работы в Кутаиси ЦК Грузии может подобрать другого товарища.

— Я работал в Кутаиси в период подполья, а Вы сейчас не хотите, — шутя упрекнул меня Сталин. И уже серьезно добавил:

— Куда партия считает нужным послать, туда надо идти. Возражать было бессмысленно и я ответил:

— Готов, товарищ Сталин, выехать в Кутаиси хоть сейчас. Прогуливаясь по кабинету, Сталин спросил:

— А кто будет Вашим преемником?

Я ответил, что мог бы рекомендовать нынешнего второго секретаря Обкома Ш.Д. Гетия. Он способный, принципиальный человек, теоретически хорошо подготовлен. Происходит из бедной крестьянской семьи. Отец его был революционером, участвовал в ряде выступлений против русского царизма и погиб в борьбе с царизмом.

— Гетия, — сказал я, — перспективный работник. Через два — три года его можно будет выдвинуть на более ответственный пост, а за это время следует подготовить на пост первого секретаря обкома молодого перспективного партийного работника. Есть такой на примете.

— Кого Вы имеете в виду? — спросил Сталин.

— Пилия Григория Давидовича.

— Он абхаз?

— Да. Из села Лихни, Гудаутского района. Я знаю его еще по комсомолу. Честный товарищ, растущий. Был вторым секретарем Гудаутского райкома партии, сейчас его выдвинули председателем Гудаутского райисполкома. По моему мнению курс надо брать на него.

Сталин сказал:

— Эта мысль мне нравится. — И после паузы добавил: — А Берия и Чарквиани считают, что среди абхазов нет подходящих кадров.

— Когда — то это было так. Но за последние годы в Абхазии выросли способные люди и я готов за них поручиться, товарищ Сталин. Пора выдвигать местные кадры.

— Правильно, — согласился Иосиф Виссарионович.

— Товарищу Чарквиани приходится руководить всей грузинской партийной организацией, я же работаю в Абхазии и обязан знать ее лучше, — добавил я.

Сталин спросил:

— До Вас не только первый секретарь Обкома, но и председатель Совета Министров был грузин, а не абхаз, ведь верно?

— Верно, товарищ Сталин.

— Хорошо, что Вы исправили это положение. Сейчас у вас и председатель Совета Министров, и председатель Президиума Верховного Совета — абхазы, а Вы, вдобавок к этому, уже вынашиваете идею выдвижение абхаза и на пост первого

секретаря Обкома. Кого Вы назвали?

— Григория Давидовича Пилия.

— Очень хорошо. Следите за его ростом. — И, обратившись

к Поскребышеву: — А кого Чарквиани предлагает первым секретарем Обкома партии?

— Товарища Кучава Митрофана Ионовича, — ответил Александр Николаевич. Сталин спросил меня, какого я мнения о Кучава. Я честно высказал все, что о нем думал, Кучава, сказал я, работал вторым секретарем Обкома, проявил себя на этой должности неплохо. Его послали в Москву на учебу и, надо полагать, он получил там хорошую марксистско — ленинскую теоретическую подготовку. Следовательно, первым секретарем Обкома партии может быть и он. Но по некоторым качествам он уступает Гетия. Поэтому я отдаю предпочтение последнему.

— А товарищ Чарквиани советовался с Вами прежде, чем предложить кандидатуру Кучава?

— Нет, пока не советовался.

— Пока? Он уже представил кандидатуру Кучава.

Попыхивая трубкой, Сталин молча прошелся по кабинету, остановился возле меня, сказал:

— Мы поддержим кандидатуру Гетия, а в перспективе будем иметь ввиду Пилия из Гудаута.

Он снова заговорил о Кутаиси.

— Вам предстоит там много работы. Кутаиси произвел на меня тягостное впечатление, этот город остался таким же захолустным, каким он был еще до революции, в период подполья. А для Грузии Кутаиси все равно, что Ленинград для России. И нужно превратить его в грузинский Ленинград. Что касается курорта Цхалтубо, то он входит теперь в Кутаисскую область и забота о том, чтобы он стал одним из лучших курортов в Советском Союзе, теперь ляжет на Ваши плечи.

Я сказал Сталину, что отлично это понимаю и приложу все силы, чтобы через пять лет в Цхалтубо не стыдно было принимать гостей со всех концов света.

В начале ноября 1951 года И. В. Сталин снова напутствовал меня перед моим выездом в Кутаиси к новому месту работы.

— Вам придется основать Кутаисскую область, — сказал он. — Задача это не легкая, она связана с трудностями, в том числе и организационного характера. Поэтому я не буду возражать, если Вы возьмете с собой в Кутаиси несколько опытных работников, с которыми сработались в Абхазии. Думаю, что и Чарквиани не станет возражать.

— Благодарю Вас, товарищ Сталин, — ответил я, — но в этом нет необходимости. Уверен, что на месте встречу способных партийных работников, из которых можно укомплектовать областные органы. Я никогда никого с собой на новое место не возил.

Сталин довольно улыбнулся:

— Это похвально. Везде имеются хорошие работники. Надо только уметь находить их, воспитывать, правильно расставлять.

— Везде, — подхватил я. — Тем более в Кутаисской области.

И. В. Сталин спросил:

— Как у Вас идут дела? Готовитесь к отъезду?

Я ответил, что созвал пленум Обкома и готовлю отчетный доклад. Седьмое ноября проведу в Сухуми, а после праздника выеду в Кутаиси.

— Ни пуха, ни пера, — сказал Сталин, пожимая мне руку. Я хотел ответить традиционным "К чорту", но воздержался.

"ЗАКОНЫ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ ДЛЯ ВСЕХ"

В своих воспоминаниях я не всегда соблюдаю хронологию событий — думаю, что главное не в этом. В конечном счете, не все ли равно, когда Сталин высказался о так называемой персонизации дач, важно, что такое высказывание имело место и оно являет еще один пример сталинской требовательности к партийным кадрам, его нетерпимости к малейшим проявлениям нескромности.

Помнится, утро, когда Сталин заговорил со мной о дачах, — было это незадолго до моего переезда из Сухуми в Кутаиси, я невольно залюбовался его видом. Выглядел Иосиф Виссарионович так, словно за его плечами вовсе не было семидесяти прожитых лет, шести арестов и шести побегов из сибирской ссылки, многотрудной войны с фашизмом и нелегких забот о нуждах огромной страны. Он был бодр, полон энергии.

А.Н. Поскребышев докладывал полученные документы Сталин прочитывал их, не пользуясь очками. Шифровку, в которой излагались угрозы американских реакционных политиков в адрес Советского Союза, он прочитал вслух, затем сказал:

— Ничего, это все рассчитано на трусов и слабонервных, а большевики таковыми никогда не были.

Возвратил документ Поскребышеву и обратился ко мне с неожиданным вопросом:

— Товарищ Волков, скажите пожалуйста, почему в Гаграх нет дачи Мгеладзе?

Я молча пожал плечами.

— Нет, Вы ответьте. Ведь есть же дачи Чарквиани, Рапава,^{X)} есть дача у Каранадзе, у Рухадзе.^{XX)} А дача Берия? Сам господь — бог не сумел обставить ее пышнее. А вот дачи Мгеладзе нет. И, видимо, по его примеру не завели себе дачи Делба и Чочуа.^{XXX)} Но была же в Гаграх дача Нестора Лакоба!^{XXXX)}

Оправившись от замешательства, я ответил:

— Мне, сыну гудаутского сапожника, никогда не приходила в голову мысль о персональной даче.

— Они тоже не из рода Габсбургов, — возразил Сталин. — Но если рабочий или крестьянин перерождается, он становится опаснее Габсбургов... Нельзя ли поскромнее? Персональные дачи заняты месяц — два, остальное время пустуют. Пустуют в ожидании своих хозяев десять — одиннадцать месяцев. Так нельзя — ли, чтобы на этих дачах отдыхали и другие товарищи?

Я ничего не ответил. Да от меня и не требовалось ответа.

Во время одной из встреч на Ново — Афонской государственной даче Сталин сказал, что на меня поступила жалоба. Сказал об этом с мягкой, доброжелательной улыбкой, чем привел меня в немалое смятение.

X) А. Н. Рапава — в то время министр государственной безопасности Грузинской ССР

XX) Г. Т. Каранадзе — министр внутренних дел республики. Н. М. Рухадзе — сначала начальник контразведки Закавказского военного округа, затем министр госбезопасности Грузинской ССР

XXX) М. К. Делба — председатель Совета Министров Абхазии; А. М. Чочуа — председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР.

XXXX) Нестор Лакоба — бывший председатель ЦИК Абхазской АССР.

- И знаете, кто жалуется?
— Нет, товарищ Сталин, не знаю.
— Генерал — полковник Власик.

Мое смятение сменилось любопытством: интересно, чем я вызвал неудовольствие начальника охраны Сталина?

— Он жалуется на то, что когда машины государственных дач едут порожняком, ваши люди задерживают их и нагружают дерном для Сухумского нагорного парка и строительным материалом для реконструкции улицы Чочуа. При этом ссылаются на постановление Обкома партии.

— Да, товарищ Сталин, — подтвердил я, — мы такой порядок ввели. Очень много машин, совершающих рейсы через Сухуми, едут порожняком, а с транспортом на Сухумской горе плохо, вот мы и используем их. Но делаем это, по — моему разумно. Водителям выдаются официальные справки и они получают плату от той организации, которой они оказывают услугу. И им хорошо, и городу полезно.

Сталин согласно кивнул.

— Я объяснил генералу Власику, — сказал он, — что это хорошая практика и было бы разумно, если бы повсюду поступали так. Власик ответил мне, что, может быть, это верно в отношении других машин, а автомашины госдачи не следовало бы трогать. Но в том и проявляется истинная партийность, что ни для кого не делается исключения. У нас нет избранных и не избранных. Все одинаковы. И законы обязательны для всех.

И после короткого молчания:

— О Вашем опыте я рассказал в Москве. Предложил подумать, как лучше использовать транспорт, чтобы машины не бегали порожняком. По всей стране это даст колоссальный эффект.

— Спасибо, товарищ Сталин, — только и мог я выговорить.

Сталин позвонил. На его звонок вошел Поскребышев.

— Принесите записку, присланную Игнатьевым,^{Х)} — приказал Иосиф Виссарионович.

Поскребышев вышел и тотчас же вернулся с запиской. Сталин кивнул в мою сторону и Александр Николаевич передал записку мне.

В ней указывалось, что в связи с приездом в Грузию

Х) Игнатьев — министр Государственной безопасности СССР.

заместителя министра Госбезопасности СССР Л.Ф. Цанава, до этого работавшего министром Госбезопасности Белорусской ССР. Председатель Совета Министров Грузии З.Н. Чхубианишвили устроил обед, на котором, помимо названного Цанава, присутствовали министр Госбезопасности Грузинской ССР Рухадзе, начальник контрразведки Закавказского Военного Округа Бзиава и несколько ответственных работников республики.

Выпив изрядное количество вина, Рухадзе начал рассказывать о своей встрече со Сталиным на курорте Цхалтубо (Сталин в то время, действительно, лечился в Цхалтубо). Сталин, якобы, говорил ему о том, что наша разведка должна осуществлять террористические акты в отношении руководителей капиталистических государств так же, как они стремятся это делать в отношении руководителей социалистических государств, что необходимо, в частности, подготовить такую акцию против руководителей Турции, чего наша разведка до сих пор не делала, и что подготовку и осуществление таких мероприятий Сталин поручил ему, Рухадзе.

Далее в записке указывалось, что, по словам словоохотливого Рухадзе, Сталин очень много говорил о работе советской разведки за рубежом и дал немало ценных указаний.

Записку, адресованную министру Госбезопасности СССР Игнатьеву, подписывал начальник контрразведки ЗакВО Бзиава.

Едва я оторвал взгляд от записки, как Сталин спросил:

— Прочел?

— Да, прочел, — ответил я.

— Это сплошная выдумка, — возмущенно произнес Сталин. — Я ничего подобного Рухадзе не говорил, тем более в отношении турецких деятелей. Вот что я хочу Вам поручить. . .

Сталин предложил мне взять записку с собой и в дни Пленума ЦК Компартии Грузии, который должен был на днях состояться, посетить Рухадзе в его кабинете.

— Но так, чтобы вы были вдвоем, — предупредил Иосиф Виссарионович. — Отдайте ему эту записку. Пусть он при Вас ее прочтет. А когда прочтет, посмотрите на выражение его лица. Затем скажете мне, какое впечатление произвела на Рухадзе ваша встреча. Там же, в кабинете, записку сожгите.

Я спросил:

— Сказать ли об этом Чарквиани?

— Нет, — категорически запретил Сталин.

Как только пришло извещение о созыве Пленума, я выехал в Тбилиси, прихватив с собой записку. О ее существовании до тех пор, пока эти строки не были написаны, никто не знал.

Я позвонил Рухадзе и сказал, что сейчас заеду к нему. Он ответил, что будет ждать. Видимо, его удивил мой звонок, потому что до этого я ему никогда не звонил и, тем более, не заезжал.

У главного подъезда КГБ меня встретил чекист и проводил к Рухадзе. Мне как члену ЦК, пропуск не был нужен.

Войдя в кабинет и поздоровавшись, я попросил Рухадзе, чтобы никто не мешал нашей беседе.

— Хорошо, — ответил он и дал распоряжение, чтобы никто к нему не входил.

Я сказал:

— Товарищ Сталин поручил мне ознакомить Вас с этой запиской. Пожалуйста, прочтите ее.

Рухадзе начал читать. Я, не отрываясь, смотрел на него и видел, как багровело его лицо. Когда он поднял голову и взглянул на меня — мне трудно было его узнать. Рухадзе вообще был маленького роста, а теперь он весь сжался, казалось, вот — вот совсем исчезнет. Он пытался говорить, но не мог произнести и слова. Наконец, вымолвил:

— Да, это очень плохо.

Я сказал, что по указанию товарища Сталина должен сжечь записку после того, как она будет прочитана. Сжечь мне ее поручено тут — же, в кабинете, в его присутствии. Я поднес зажженную спичку к записке, она тотчас конвульсивно сжалась, почернела, превратившись в пепел. Рухадзе остолбенело смотрел на эту картину. Казалось, его хватит удар. Я попрощался с ним и ушел.

На Пленуме ЦК я посматривал на сидящего неподалеку Рухадзе. Хотя он был сам не свой, но крепился, старался держаться хорошо, потому что понимал, что никто кроме Сталина и меня об этой истории не знает. Что до Бзиава, написавшего эту записку, то ему и в голову не могло придти, чем закончится его донесение.

После возвращения с Пленума в Сухуми, я был приглашен к Сталину и рассказал ему все, что было с Рухадзе. Выслушав меня, Сталин сказал:

— К Рухадзе надо внимательно присмотреться. Следует

разобраться, что он за личность. Видимо, пора укрепить руководство ЦК Компартии Грузии.

Затем придвинул пепельницу, выбил из трубки пепел, разломал папиросу "Герцоговина Флор" и, разминая пальцами табак, спросил:

— Говоришь, потерял цвет лица, побагровел и чуть не лишился дара речи?... Знает кошка, чье сало съела...

ЭХО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО

События 1937 года известны всем, я не стану на них останавливаться хотя бы потому, что в ту пору мне не доводилось встречаться с И. В. Сталиным, а я пишу лишь о том, каким его видел и знал. Но эхо тридцать седьмого долго не умолкало, об этом времени вспоминают и сейчас, почти через четыре десятилетия.

Расскажу о тех отголосках событий, свидетелем которых был сам, и в меру сил постараюсь высказать о них свое мнение.

Во время одной из встреч, состоявшейся в 1947 году, И. В. Сталин неожиданно спросил меня:

— Ну, как, утвердили товарища Чочуа Председателем Президиума Верховного Совета Абхазии?

Я ответил:

— Да, утвердили, товарищ Сталин.

— Говорят, Вам пришлось поспорить кое с кем в ЦК?

— Пришлось, товарищ Сталин.

— Расскажите. Это очень интересно.

Я рассказал, что после того, как бывший Премьер — министр Абхазии был послан на учебу в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), мы выдвинули на этот пост, предварительно договорившись с ЦК КП Грузии, Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии М.К. Делба, а на освободившуюся должность рекомендовали Андрея Максимовича Чочуа. Я знал его с комсомольских лет. Абхаз, старый педагог, пользуется огромным авторитетом среди населения, преданный делу коммунист. В ЦК Компартии Грузии к кандидатуре отнесли

осторожно по той причине, что в 1937 году был арестован и расстрелян как враг народа его сын. Я сказал, что знаю об этом, но ведь товарищ Сталин учит, что сын за отца не отвечает — так почему мы не можем понять, что и отец не отвечает за плохого сына?

В ЦК КП Грузии мне удалось настоять на своем. После долгих колебаний с моим предложением согласились. Представление вместе с личным делом Чочуа было послано в ЦК ВКП(б), вскоре его вызвали в Москву, беседовали с ним, но решение об утверждении на пост Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии не последовало.

Примерно, через год, когда мы, депутаты, поехали в Москву на очередную Сессию Верховного Совета СССР, меня вызвал на московскую квартиру К.Н. Чарквиани и сказал, что ему звонили из Отдела кадров ЦК ВКП(б) по вопросу о Чочуа. Отдел возражает против его кандидатуры на должность Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии мотивируя тем, что в 1937 году был репрессирован его сын. Я ответил К. Н. Чарквиани, что надо настоять на его утверждении, тем более, что Сессия Верховного Совета Абхазии уже избрала Чочуа на этот пост.

— Не буду, — заявил Чарквиани. — Вы выдвигали кандидатуру Чочуа, настаивали на ней, вот и идите добивайтесь ее утверждения.

У меня "взыграло" самолюбие.

— Хорошо, ответил я. — Пойду и добьюсь.

Пришел в Отдел кадров ЦК ВКП(б). Меня принял заместитель заведующего Отделом Ларионов. Если бы это можно было назвать приемом! Едва поздоровавшись, он напустился на меня:

Что Вы сделали? Выдвигаете Президентом Автономной республики человека, у которого расстрелян сын. Да ведаете ли Вы, что творите?

Я ответил, ничего плохого не сделал, что все члены бюро Обкома единодушно поддерживают кандидатуру А. М. Чочуа и мы не отступим от своего.

— Вы в своем уме? — вскочил Ларионов.

— Кто из нас в своем уме, — вспыхнул я, — не будем сейчас выяснять, но кандидатуру Чочуа мы поддерживаем и будем ее отстаивать вплоть до Политбюро. Если у Чочуа расстрелян сын,

то это не значит, что мы не можем оказать политического доверия человеку, который пользуется огромной популярностью в Абхазии и известен своей честностью, преданностью социалистической Родине и Коммунистической партии.

Ларионов ехидно взглянул на меня:

— Хорошо, — сказал он, — мы доложим руководству.

Я ответил:

— Докладывайте. — И покинул его кабинет.

А через два или три дня после этого разговора было принято решение об утверждении А.М. Чочуа на пост Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии.

И. В. Сталин выслушал мой рассказ молча и внимательно, ни разу не перебивая. Затем сказал:

— Мне подробно доложили о Вашем разговоре с заместителем заведующего Отделом кадров ЦК Ларионовым. Я поддержал кандидатуру Чочуа. И не только кандидатуру, но и ту политику внимательного подхода к людям, которую нужно считать единственно правильной. Многим материалам 1937 года нельзя верить. Пьянчужка Ежов не мог руководить аппаратом НКВД и туда, действительно, пробрались антисоветские элементы. Они перебили много честных людей, наши лучшие кадры. Не исключено, что сын Чочуа был честным человеком, но в силу своей неопытности допустил ошибки в вопросах техники, а это расценили как вражескую деятельность.

По словам И. В. Сталина в процессе рассмотрения вопроса об утверждении А.М. Чочуа Президентом Абхазии вскрылись и другие недостатки в практике работы аппарата ЦК ВКП(б).

— Оказывается, — с возмущением сказал Иосиф Виссарионович, — любой инструктор может от имени ЦК звонить в Обком, Крайком или ЦК Республики и давать указания. Хорошо, что Вы не согласились с аппаратом, поспорили и дело дошло до Политбюро. А многие ли так поступают? Не только инструктор, даже заведующий Отделом ЦК, даже отдельные секретари ЦК — это еще не ЦК ВКП(б). ЦК ВКП(б) — это Политбюро и Секретариат ЦК между пленумами.

Сталин назвал неправильной и практику, сложившуюся в работе с кадрами. Отдел кадров ЦК ВКП(б), прежде чем представить кандидатуру на утверждение Секретариата или Политбюро, запрашивает Министерство Госбезопасности, имеется

ли на представляемую кандидатуру компрометирующий материал. Министерство Госбезопасности направляет официальную справку, в которой фиксирует даже не проверенный материал и это служит основанием для того, чтобы отвести кандидатуру. Характеристика и решение центральных, областных, краевых или республиканских партийных организаций не играет решающей роли. Получается, что одной справки МГБ, в которой указаны и не проверенные факты, достаточно для того, чтобы перечеркнуть мнение партийных органов.

— Что может быть глупее этого? — воскликнул Сталин. — Верить МГБ, а не партийной организации — разве это правильно?

— Такая практика существует, — ответил я, — и мы считаем это общепринятой практикой.

— Чепуха какая! — возмутился товарищ Сталин.

Понимая, что все, что Сталин говорил мне, не было предназначено "для печати", он не стеснялся в выражениях.

— Безмозглые чекисты у нас не перевелись до сих пор, — продолжал он, расхаживая по кабинету. — И пужно критически относиться к материалам 1937 года, защищать честных людей. В этом задача.

Вдруг, словно вспомнив нечто веселое и озорное, Иосиф Виссарионович широко улыбнулся и спросил:

— А Вы слышали анекдот о трубке Сталина? Так вот послушайте. Сталин пожаловался, что у него пропала любимая трубка. "Я бы многое отдал, чтобы найти ее", — сказал он. Это услышал Берия. Через несколько дней Лаврентий звонит Сталину: — "Нашлась Ваша трубка, товарищ Сталин." — Да, — ответил Сталин, — нашлась. Она завалилась за диван." — "Не может быть! — удивился Берия. — Уже три человека сознались в ее краже"...

Я рассмеялся. А Иосиф Виссарионович посмотрел на меня и в глазах его я увидел грусть.

— Не знаю, — сказал он, — кто автор этого анекдота. Когда его рассказывают, многие смеются. Но мне совсем не смешно... Берия раскрывает слишком много дел и все у него признаются. Это наводит на размышления. У меня складывается мнение, что беззакониям в Министерстве Госбезопасности все еще не положен конец.

Я, набравшись смелости, сказал:

— Вообще в 1937 году немало честных людей зря

пострадало. Конечно, товарищ Сталин, я понимал и сейчас понимаю, что у первого в мире советского государства есть враги и Пленум ЦК партии выработал правильную линию, направленную на обезвреживание вражеских группировок в нашей стране — ведь они стали находкой для иностранных разведок. У меня не было сомнений в правильности арестов, я искренне считал, что раз НКВД арестовывает, значит, у него есть сто раз проверенные основания. Но однажды моя вера в безгрешность НКВД пошатнулась. Это произошло, когда арестовали бывшего секретаря Абхазского Обкома комсомола Ардашила Ашхацава. Я его лично знал, мы с ним несколько лет жили в одной комнате. Он был рабочим типографии, высшее образование получил в Москве, никогда в его действиях или суждениях я не замечал ничего предвзятого. Он со всей страстью коммуниста защищал генеральную линию нашей партии. Мы расстались с ним в 1935 году — меня избрали секретарем ЦК комсомола Грузии, а он остался в Абхазии и работал сначала заведующим орготделом Обкома партии, затем первым секретарем Сухумского райкома. А в 1937 году, когда я работал в Москве в ЦК ВЛКСМ, мне сказали, что Ашхацава арестован. Эта весть ошеломила меня. Я долго не мог успокоиться, все думал: — «Неужели Ашхацава может быть врагом народа?». Старался найти в Алеше, как мы его называли, хоть маленький изъян и не находил. Вот тогда впервые закралась мысль: что — то неладное происходит в органах НКВД. То ли его работникам нехватает зрелости, то ли в самих органах и оказались враги, которые хотят истребить честных коммунистов, объявляя их врагами народа...

Сталин заметил: — И то, и другое имело место.

— Мои сомнения в безупречности действия НКВД укрепились, когда в ноябре 1938 года меня отозвали из ЦК ВЛКСМ где я работал зав. Отделом студенческой молодежи, в Тбилиси, заявив, что я утратил политическое доверие, что имеются материалы, изобличающие меня, как врага народа, поэтому моя кандидатура на баллотирование в депутаты Верховного Совета СССР снимается. Берия и Гоглидзе^{Х)} учинили мне тогда допрос с пристрастием. Они допрашивали меня четыре с половиной часа. Я не был арестован, но находился под домашним арестом в течении месяца.

Сталин слушал не перебивая. Ободренный вниманием, я продолжал:

Х) С. А. Гоглидзе — Нарком внутренних дел Грузии.

— А арест Косарева? Мне и сейчас трудно представить, что Косарев был врагом народа. Я отчетливо помню, как держал себя Александр Васильевич в Женеве, на Всемирном Конгрессе молодежи. Нас было пятеро, советских делегатов с Косаревым во главе. И там, в Женеве, произошел такой случай. За день до открытия Конгресса его организаторы строго предупредили Косарева, что в докладах не должны упоминаться главы государств и лидеры партий. Александр Васильевич был озобочен этим предупреждением, спросил нас, как быть: ведь в докладе о молодежи он не может не назвать того, кто выпестовал ее, кого она любит больше всего на свете. В конце — концов, общими усилиями был найден выход: доклад оставить без изменений, а слова, касающиеся Вас, перенести в конец доклада — если прервут, доклад уже будет сделан. Видели бы Вы, товарищ Сталин, как сиял и радовался Косарев.

На моей памяти, продолжал я, и X съезд ВЛКСМ. Помню, среднеазиатская делегация преподнесла Вам роскошный букет цветов. Вы положили его рядом с собой, а когда Косарев закончил доклад, встали и вручили букет ему. Какой восторг это вызвало у делегатов, какие овации! Косарев сказал тогда, что считает себя счастливецом и относит такое внимание товарища Сталина не к себе, а ко всей молодежи страны... А поездка Косарева в Сталинград?... Ходили слухи, что посылая его поправлять положение на Сталинградском тракторном, где работало много молодежи, Вы напутствовали Александра Васильевича словами: — "Поезжай Косарев, коси Косарев, на то ты и Косарев." Так разве можно даже представить себе, что Косарев был врагом народа?

Сталин ответил:

— Его арестовали при ежовщине.

— Нет, товарищ Сталин, — возразил я, — к сожалению, его арестовали при Берия. Мне известны факты, характеризующие взаимоотношения Берия с Косаревым, но я никогда не думал, что Берия использует личную неприязнь для клеветы на Косарева.

И. В. Сталин насторожился, спросил:

— Какие факты? Расскажите.

Я стал рассказывать.

О том, как в 1936 году — этот случай мне известен от самого Берия — Косарев встретился в Москве с бывшим комсомольским работником, которого он считал своим другом, М. Гобечия и старым

большевиком, прокурором республики А. Рамишвили. В беседе Косарев, обращаясь к Гобечия, сказал: — "Что хочет Лаврентий от старого Филиппа Махарадзе? Вытащил давнишние документы и ошельмовал человека в своем докладе. Ведь Махарадзе — старый революционер, уважаемый нашей партией, а ошибки могут быть у каждого. Не понимаю. Ты, Миша, не можешь объяснить, чем это вызвано?" Гобечия ничего не ответил, а когда возвратился в Тбилиси, рассказал об этом разговоре Берия. И Берия, встретившись в Москве с Косаревым, выразил ему свое недовольство. Мол, как это можно не одобрять мой доклад и критику Филиппа Махарадзе? Рассказывал мне об этом сам Берия со злостью...

О том, как в августе 1937 года в пику Косареву Берия отверг предложенную Александром Васильевичем кандидатуру на пост первого секретаря ЦК АКСМ Грузии.

— Меня избрали в ту пору членом Бюро и утвердили заведующим Отделом студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ.

— Мне это известно, — сказал И. В. Сталин.

— ... И стал вопрос, кто вместе меня будет первым секретарем ЦК комсомола республики. Косарев предложил секретаря Кутаисского горкома комсомола Серго Донадзе. Он хорошо знал этого рабочего парня из Батуми, знал, что его родители в свое время участвовали в батумской политической демонстрации, которой Вы, товарищ Сталин, руководили. Донадзе учился на годичных курсах комсомольских работников при ЦК ВЛКСМ и оставлял впечатление толкового человека. К тому же он хорошо говорил по русски.

Вернувшись из Москвы в Тбилиси, я доложил Берия мнение Косарева, но он категорически отказался, заявив, что первым секретарем ЦК АКСМ Грузии будет А. Мирцхулава, работавший при мне вторым секретарем. Я ответил, что считаю кандидатуру А. Мирцхулава не подходящей: он человек неразвитый, кроме того, не знает русского языка и даже не сумеет выступать на Пленумах и съездах ВЛКСМ, общаться с русскими товарищами. А к чему избирать такого секретаря, если можно иметь лучшего? На это Берия ответил, что категорически настаивает на кандидатуре Мирцхулава, что нам нужен первый секретарь ЦК АКСМ Грузии, а не специалист по языкознанию. Я сказал, что позвоню Косареву. Берия предложил:

— У нас есть специальная линия, можете ею воспользоваться.

Ничего не подозревая, я позвонил Косареву, изложил ему мнение Берия и добавил, что, по — моему, переубедить его невозможно. "Ладно, — сказал Косарев, — ну его к ... матери дай согласие и поскорее выезжай."

Когда я вернулся к Берия, он встретил меня с хитрой улыбкой. Держа руки в карманах брюк и немного приподняв их, спросил:

— Ну, как?

Я ответил, что Косарев согласился.

— А больше он ничего не сказал? — спросил Берия.

— Нет, ничего.

— Ничего? — Берия смотрел на меня в упор.

— Ничего.

Впоследствии я узнал, что мой разговор по телефону с Косаревым слушал Гоглидзе и, разумеется, дословно передал Берия. Мы провели пленум, Мирцхулава был избран первым секретарем ЦК ЛКСМ Грузии, а когда я уезжал на работу в Москву, Берия не сказал мне на прощанье ни одного теплого слова. Но мне все это казалось мелочью, а Берия я считал, да и считаю сейчас, сказал я Иосифу Виссарионовичу, выше мелочей.

Сталин заметил:

— Мне говорили, что Берия злой и мстительный человек, но это нужно доказать, доказательств же у нас пока нет. А вопрос о Косареве два раза обсуждался на Политбюро. Проверку материалов поручили Жданову и Андрееву, они подтвердили, что заявление Мишаковой и других соответствует действительности и материалы НКВД не вызывают сомнений.

— Я читал стенограмму Пленума ЦК ВЛКСМ, на котором снимали Косарева. И в выступлениях Жданова и Андреева, и в докладе Шкирятова все было настолько обосновано, невозможно было ни в чем усомниться. Но я, товарищ Сталин, тогда еще был молодым парнем, я лично знал Косарева и у меня не вмещалось в голове, что он — враг.

Сталин отвечал медленно, делая паузы после каждого слова, подбирая точные фразы:

— Упущения бывают у всех, недостатки бывают у всех, они имеются и у меня, и у тебя, и у других. В тридцать седьмом были допущены ошибки, немало честных людей из — за этого пострадало. Ошибок допущено больше, чем можно было предположить...

— Ошибки? — продолжал Сталин. — Что о нас, смертных, говорить. Наш вождь и учитель Ленин в далекие годы написал нам письмо и в нем потребовал арестовать весь съезд Советов. Когда я собрал членов ЦК и прочел им письмо, то Сталин предложил сжечь его, но я ответил, что Ленин наш руководитель и его письмо жечь не следует, лучше разошлем его всем членам ЦК, а потом поговорим с Лениным...

Какое это было счастье для нас, общавшихся со Сталиным, что с ним можно было говорить обо всем и так открыто. Он сам был искренним и уважал искренность в других...

И тем не менее, 1937 год остался в памяти советского народа как мрачная страница его истории.

Международная реакция всегда преследовала коммунистов с особой силой.

Террор, диверсии, провокации были основным методом в борьбе против единственного в мире социалистического государства рабочих и крестьян, против партии коммунистов и ее лидеров. Особенно усилилась эта подрывная деятельность после того, как фашизм пришел к власти в Италии и Германии.

В те годы Советский Союз представлял осажденную крепость. Развернулась по настоящему тайная, невидимая война, она была коварнее явной. Эта битва "невидимок" была грандиозной и длительной.

В этой тайной, как и в явной войне, Сталин — великий политик и полководец — одержал победу. Взять хотя бы тот наиважнейший факт, что в минувшую мировую войну, куда бы только не ступала нога гитлеровской армии, всюду она имела своих сторонников, так называемую пятую колонну. Такая держава, как Франция оказалась разгромленной за несколько дней, в чем немаловажную роль сыграла именно эта сила, существовавшая внутри страны. И так было почти по всей Европе, где победоносным маршем шагали гитлеровские полчища. Этого не случилось только лишь в Советском Союзе, ибо именно с 1934 года по 1937 год пятая колонна была в основном разгромлена. И если это не было бы сделано, то по Красной Армии с фронта стреляли бы гитлеровские солдаты, а в спину — предатели и изменники. Но он понес огромные

X) Какой съезд — Сталин не назвал.

потери. Из строя было выведено немало его соратников и боевых друзей, политических, государственных и военных деятелей. Разумеется, это был, прежде всего, рассчитанный удар по самому Сталину, нанесенный врагами социализма и коммунизма в тайной войне. На войне, увы, нередко случается, что в результате неправильного доклада об обстановке, полководцу приходится отдавать ошибочный приказ и артиллеристы бьют по своим же целям, самолеты бомбят своих солдат. Не избег этого в той грандиозной тайной войне и Сталин. И вновь ему пришлось бережно и умело отыскивать новые таланты, чтобы пополнить поредевшие ряды достойными политическими, государственными и военными деятелями.

Ему это блестяще удалось и нет тому более наглядного доказательства, чем победа в единоборстве с фашистскими захватчиками в многотрудные годы Великой Отечественной войны. И еще одним тому наглядным доказательством может послужить послевоенная жизнь народа на восставшей из пепла, восстановленной и похорошевшей советской земле, с резко вырвавшихся вперед сельским хозяйством, наукой и техникой.

ГОСТИ – ЛЮДИ РАЗНЫЕ

В послевоенные годы в Сухуми приезжало много московских русских и не русских писателей, кинорежиссеров и актеров. Бывали у нас Н. Тихонов, К. Симонов, С. Михалков, Васильев. А также грузины – интеллигенты, работавшие в Москве. Идя навстречу их желанию, мне приходилось с ними встречаться. Встречи происходили в областном Комитете партии, бывало и так, что мы обедали вместе на даче у Константина Симонова, чаще у нас на даче Совета Министров Абхазии.

И, вот, однажды летом 1947 года я пригласил на обед на дачу Совета Министров гостивших в Абхазии, в Сухуми поэта Н. Тихонова, писателя К. Симонова и артиста М. Геловани. Помимо них был председатель правительства Абхазии М. Делба, секретарь Обкома партии И. Тускадзе. У всех было превосходное настроение. До того как сели обедать, мы прошли по парку,

сыграли в бильярд, причем "чемпионом" в бильярде оказался И. Тускадзе.

Примерно, к трем часам сели за стол. Как водится в Грузии провозгласили тосты поочередно за всех присутствующих. Гости пили много, вино и коньяк. Когда обед подходил к концу Николай Тихонов предложил тост за И. В. Сталина. Очень тепло говоря о нем подчеркнул, что в минувшую войну Сталин сыграл решающую роль. Можно сказать, что Сталин спас не только советское государство, но и мировую цивилизацию от вандалов XX века. Сталин — далее продолжил он — как — бы стал для всех отцом, все его любят и русские, и украинцы и белорусы, все народы Советского Союза, да и не только Советского Союза. История не знает такого другого примера, чтобы один человек сделал столько и, чтобы он пользовался такой популярностью, какой пользуется Сталин, — Тихонов осушил бокал.

Вслед за ним поднялся Константин Симонов. Он сказал, что ему, как военному корреспонденту приходилось часто бывать на фронтах, и он хорошо знал настроение солдат, офицеров и генералитета. Сталин у всех пользовался исключительным авторитетом. Это же факт, что солдаты шли в бой, в атаку с возгласом — За Родину! За Сталина! — и когда не было других средств, бросались под немецкие танки с бутылкой с зажигательной смесью, чтобы взорвать неприятеля. Все это делалось искренне, с именем Сталина на устах.

Вы, грузины. — продолжал К. Симонов, — не думайте, что Сталин ваш, Сталин — наш и каждый народ говорит — Сталин наш и я с удовольствием пью за его здоровье.

Вслед за ним поднял бокал Михаил Геловани. Он также много и тепло говорил о Сталине, но казалось что — то его мучает. Заканчивая свой тост он заявил, что Сталин постарел и пора думать о его замене и заменить его должен Лау. Этого мы должны добиться — заключил он.

Все присутствующие переглянулись. Я понял, кто такой Лау, он имел ввиду Берия. Я тут же перебил Геловани и взяв инициативу в свои руки, провозгласил тост за Сталина. Но у присутствующих речь Геловани вызвала недоумение, смысл его слов нами был хорошо понят.

Все это меня очень расстроило, но не подавая вида я только подумал про себя, "Ну до чего же ты глуп, что ты болтаешь!!!"

Чтобы как — то сгладить ситуацию, я предложил выпить за дружбу, подчеркнув великую роль русского народа в минувшей войне.

Н. Тихонов, видимо недовольный словами Геловани, своеобразно отреагировал на этот тост — поднялся на стул с бокалом вина, поблагодарил за то, что выпито за дружбу народов и за русский народ, а затем добавил, что русский народ дурак, а грузины умнее.

Смысл его тоста сводился к тому, что, вот, мол, мы, русские верим и любим Сталина, не думаем о его смерти и его замене, а грузины уже подумали о том, что Сталин уже постарел и его обязательно должен заменить другой грузин.

Я постарался исправить положение, переведя разговор на другую тему. Неприятный осадок от слов М. Геловани у меня остался на всю жизнь.

До сих пор не могу понять откуда он это все взял. В партийных кругах такие разговоры не велись и, если уж кто —нибудь из нас мог подумать о том, кто будет преемником Сталина, то тут другого мнения не могло быть — или В.М. Молотов, или Г.М. Маленков.

Между тем К. Симонов отметил, что в картине "Падение Берлина", поставленной режисером М. Чиаурели, главная роль отводится Ялтинской конференции, на которой мощь Сталина показана исключительно реально. В каждом движении актера чувствуется сила, воля и мудрость вождя. Я не могу не поздравить, — сказал К. Симонов, — М. Геловани, игравшего роль Сталина. Чтобы так сыграть нужно иметь талант. Сталин, Советский Союз, мировое коммунистическое движение слились воедино. Как нам, советским людям, не гордится этим.

ПРИЗНАКИ НЕДОВЕРИЯ

По многим признакам у меня стало складываться впечатление, что И. В. Сталин пересматривает свое отношение к Лаврентию Берия, проявляет к нему все больше недоверия.

В конце 1951 года Л. П. Берия был членом Политбюро и

занимал пост заместителя Председателя Совета Министров СССР. 6 ноября он выступил с докладом "О 34-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции". Его слушала вся наша страна. Доклад был интересным, у всех, в том числе, конечно, и у меня, он вызвал чувства удовлетворенности, гордости за советскую родину.

На другой день, 7 ноября, я отправился в Новый Афон, на дачу И. В. Сталина. День был теплый, солнечный, море спокойное.

Едва я миновал ворота дачи, как увидел И. В. Сталина. В военной форме, чисто выбритый, улыбающийся, он шел мне навстречу. В руках у него была бамбуковая палка.

Мы тепло поздравили друг друга с праздником Октябрьской революции.

Сталин, улыбаясь, сказал:

— Пророчили, что большевики удержатся у власти полтора — два месяца, что они не сумеют восстановить разрушенную Россию. "Да о каком социализме можно говорить в такой отсталой стране, как Россия?" — говорили враги. А на деле что вышло? Справились с разрухой, построили социализм, выиграли такую войну, какую не помнит история.

Мы гуляли по аллее. Вечно зеленые кипарисы, кедры и высокие сосны наполняли воздух пьянящим ароматом.

Я сказал:

— Товарищ Сталин, я вчера слушал доклад Лаврентия Павловича Берия. Он мне очень понравился.

И. В. Сталин засмеялся: — Это вопрос: он сделал или прочел хороший доклад?

И хотя сказано это было будто — бы в шутку, я впоследствии много думал над этими словами. Сталину рассказывали, что доклады для Берия пишут другие? Или он пришел к такому выводу в силу своей прозорливости? Сам Сталин никогда не допускал, чтобы его выступления, речи, доклады за него писали. Одно дело, справедливо считал он, когда для докладчика собирают материалы и совсем другое дело, когда весь доклад от начала до конца написан кем — то, а докладчик лишь читает его.

Я знал, что когда Берия работал в ЦК КП(б) Грузии и закрайкоме, ему писали доклады Меркулов, Людвигов, Григорян, а позднее и Шария. Неужто это известно Сталину?

Мне вспомнились слухи, которые еще в 1935 году ходили

по всей Грузии — слухи о том, что сделанный Берия доклад "Об истории большевистских организаций в Закавказье"^{Х)} якобы написан заведующим отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) Грузии и директором филиала ИМЭЛ Эриком Бедия. Но тогда я не верил им, теперь же отнесся к тем слухам совсем иначе.

... Иосиф Виссарионович продолжал:

— Берия стал очень претенциозным. Он не тот, каким был раньше. Вы у него в гостях бываете?

— Один раз, — ответил я, — в 1935 году. Лаврентий Павлович пригласил меня после Первомайского парада к себе домой. Он тогда работал первым секретарем ЦК КП(б) Грузии и секретарем закрайкома, а я — первым секретарем ЦК АКСМ Грузии. После этого я у него ни разу не был, если не считать случая, когда мы с женами приехали к Берия на дачу в Гагра и встретили там Вас.

— А в Москве бывали у него? — спросил Сталин.

— Нет, не бывал.

— Он знает кого приглашать, — иронически заметил Иосиф Виссарионович. — Товарищи, которые теперь бывают у Берия, говорят, что квартира его обставлена, как у настоящего буржуа.

Сталин часто со мной бывал откровенен и, все — таки, то, о чем он сейчас говорил со мной, поражало. Ведь речь шла о Лаврентии Берия, человеку, занимавшем в то время огромный государственный пост, имевшем большую власть над людьми.

А Сталин между тем, продолжал:

— Претенциозность — это куда не шло. Берия хитер и, видимо, коварен. Он настолько влез в доверие к членам Политбюро, что когда я его критикую, многие из них его защищают. Они не знают, что он на них "заводит дела". Например, на Вячеслава и Лазаря. Думаю, что Берия ведет политику дальнего прицела. Но он очень ограниченный человек... — Помолчал, и снова заговорил: — В свое время он сделал много хорошего, но сейчас... Я не гарантирован, что он не злоупотребляет властью. О нем плохо отзывались Жданов и Киров, но нам Берия нравился скромностью и деловитостью. Ныне он этих качеств лишился. Начисто. — Махнул рукой, сокрушенно вздохнул, сказал презрительно: — В нем больше полицейского.

Х) Впоследствии вышла книжка "Об истории большевистских организаций в Закавказье". Ее автором считался Л.П. Берия.

Говоря о Берия, Сталин ни разу не произнес слова "чекист".

это звание он считал почетным, тем более, что ЧК, по его выражению "Детище Вларимира Ильича". А все, что связано с именем Ленина, было для Сталина священным.

Чтобы подтвердить, что в Берия "полицейского больше", И. В. Сталин рассказал, как по пути домой после Потсдамского Совещания он выглянул на одной из станции из своего вагона в окно и увидел солдат, стоящих спиной к поезду. Удивленный Сталин спросил у Берия, в чем дело и услышал в ответ: "— Это, товарищ Сталин, для Вашей безопасности". — "Как для моей безопасности? — возмутился Сталин. — Эти солдаты разгромили гитлеровскую военную машину, продемонстрировали величайшую преданность Советской власти и нашей партии, а Вы их держите спиной к поезду. Стыдитесь."

Рассказал Иосиф Виссарионович и о другом случае:

— Я получил заявление на Берия. Автору удалось сделать так, что оно попало ко мне в руки, минуя все препятствия. А на членов Политбюро, имейте в виду, редко когда жалуются. В заявлении говорилось о неблагоприятных делах Берия (о каких — Сталин не сказал). Я вызвал к себе Берия и Маленкова и прочел им заявление. Берия возмутился, сказал, что это клевета. Я поручил Маленкову проверить заявление. В результате проверки Маленков доложил, что автор — шизофреник и находится в психиатрической больнице. А я сомневаюсь в достоверности проверки. Придется перепроверить.

Когда Сталин мне все это рассказывал, я думал: он резко критикует Берия, но, наверное, ценит его очень высоко, иначе что ему мешает удалить его из руководства? Ведь при таком огромном авторитете, которым пользуется И. В. Сталин, ему достаточно поставить вопрос о Берия на Пленуме ЦК и Пленум, конечно, поддержит его.

Но, вероятно, "портрет" переродившегося Берия еще только складывался в сознании Сталина. Разрозненные факты, штрихи и детали нужно было собрать воедино. Они требовали глубокого осмысления.

Сталина беспокоило положение в Компартии Грузии, сложившее в 1951 году. "ЦК Грузии, это пустое место. В республике процветает взяточничество, казнокрадство, хищения социалистической собственности. Участились случаи убийств" – говорил он.

Я был знаком с решением Политбюро, касающимся работы грузинской партийной организации и ее Центрального Комитета. В нем, среди других нежелательных явлений, царивших в Грузии, особо подчеркивалось процветание взяточничества. В беседе со мной И.В. Сталин, сокрушаясь, спрашивал:

– Неужели нельзя ликвидировать это позорное явление?

– Конечно можно, – отвечал я. Иосиф Виссарионович подтвердил:

– И можно, и нужно.

– Но мне кажется, товарищ Сталин, – заметил я, – что для борьбы с взяточничеством только административных мер недостаточно. Нужны и экономические.

Сталин согласился со мной.

– Вам ведь известно, – сказал он, – что мы ежегодно снижаем цены на промышленные и продовольственные товары в среднем от 30 до 40 процентов. Будем снижать цены и дальше, доведем снижение до 50 процентов. Это повышение реальной заработной платы – ежегодное повышение. Кроме того, Правительство повысит заработную плату низкооплачиваемым работникам. Но это мероприятие требует серьезнейшей подготовки: повышение зарплаты не должно ослабить советский рубль, напротив, должно укрепить его. Но, говоря прямо, взятки берут не рабочие, не крестьяне и не передовая интеллигенция, а работники государственных и, к величайшему сожалению, даже партийных органов. Берут и некоторые высокопоставленные лица, получающие большую зарплату. В Российской империи взятки брали даже министры, да и сейчас вы найдете в капиталистических странах министров – взяточников. У нас этот бич распространился после войны. Мы должны ополчиться против взяточничества, ударить по нему со всей силой. А начинать надо, прежде всего, с тех, кто занимает высокие, хорошо оплачиваемые посты. Судить таких. Судить по всей строгости закона.

Говоря о пороках в работе грузинского ЦК, И. В. Сталин упоминал не только взяточничество. Есть факты, с гневом говорил он, прямого разложения коммунистов, занимающих руководящие посты. Разве не настораживает хотя бы пример нескромности Бакрадзе?...

Валериан Минаевич Бакрадзе, занимая пост Председателя Совета Министров республики, построил специально для себя трехэтажный дом. Было это после войны, когда население города особенно остро ощущало нужду в жилье. Я знал, что Бюро ЦК Компартии Грузии обсуждало этот факт недопустимого проявления нескромности Премьер – министра, – и сказал об этом товарищу Сталину. Но он был отлично информирован и без меня.

– ЦК должен строго следить за тем, чтобы коммунисты не сворачивали с правильного пути, – в тоне Сталина звучала горячая убежденность. – Он должен быть непримиримым к малейшим отклонениям от партийных норм. Если он этого не делает, то тем самым подрывает доверие трудящихся к нашей партии, умаляет ее авторитет.

– Следить за деятельностью каждого коммуниста, – повторил Иосиф Виссарионович. – Тем более – руководящего. Вне зависимости от того, старый он большевик или молодой, много у него орденов или мало. Что Бакрадзе! Возьмите Георгия Стуруа. Президент. А что творит?

Хочу пояснить, кем был Георгий Стуруа что с ним произошло в то время. Старый большевик, прошедший немало лет в царских тюрьмах и ссылках, смелый, неутомимый борец за дело рабочего класса, Г. Ф. Стуруа был избран Председателем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР. Но находясь на этом высоком посту, он совершил поступки, недостойные коммуниста, тем более руководителя. На занимаемой им государственной даче в Цхнеги откармливалось большое количество коров (причем получали корм по государственным ценам) и молоко и молочная продукция реализовывалась в специальном киоске на рынке. Сбывалась по рыночным ценам и зелень с дачи, которую занимал Стуруа. Он отвел поливную воду к себе, тем самым лишив проживающих вокруг крестьян возможности поливать свои приусадебные участки.

Политбюро ЦК ВКП(б) дало принципиальную оценку этим проступкам. Г. Ф. Стуруа был смещен с занимаемого поста.

Пленум ЦК Компартии Грузии одобрил решение Политбюро.

— В годы революции, — сказал Сталин, — Стуруа стойко боролся за интересы рабочего класса в Баку, на Красной Площади в Москве, и вот — переродился... Как это могло случиться? Как произошло, что Грузинский ЦК прошел мимо аморальных проступков Георгия Стуруа и заниматься ими пришлось Политбюро. Они могли бы не доводить до того, что Георгия Стуруа пришлось снимать. Могли бы вовремя его остановить.

Сталин любил во всем абсолютную ясность. И сейчас, развивая мысль о причинах, приведших Стуруа к такому падению, он рассуждал вслух:

— Конечно, Георгий Стуруа должен нести перед партией ответственность за свои проступки, для того у нас и существует Центральный Комитет и его первый секретарь, чтобы не допускать такого падения коммуниста — руководителя. Какой пример он может подать молодым?

Я заметил товарищу Сталину, что нас знакомили с решением Политбюро на Пленуме ЦК КП(б) Грузии, мне пришлось выступить и с горечью говорить о безхребетности партийных руководителей республики.

— Вот именно, — подхватил Сталин, — безхребетность. Из истории борьбы партии мы знаем, что бесхребетные люди наносили немало вреда, гораздо больше, чем враги партии... Как Вы думаете, можно вернуть Георгию Стуруа старый престиж?

— Думаю, что коммунистическая партия Грузии в состоянии это сделать, — убежденно ответил я. — Да и сам Стуруа понял и прочувствовал совершенные им ошибки. Для него это урок на всю жизнь.

— Ну что же, попробуйте, возьмитесь за это дело.

Я смущенно посмотрел на Сталина.

— Да, да, вам это придется делать, — сказал Иосиф Виссарионович.

Разговор происходил в ту пору, когда я только что был избран руководителем Кутаисской партийной организации.

Позднее мне, действительно пришлось заниматься судьбой Георгия Стуруа: это произошло после того, как я был избран первым секретарем ЦК КП(б) Грузии. Несколько раз я принимал Георгия Федоровича, беседовал с ним. "Поработайте немного, — говорил я ему, — и мы вновь доложим Ваше дело товарищу

Сталину. Насколько мне известно, товарищ Сталин будет очень рад, если Ваш престиж вновь поднимется”.

Георгий Стуруа уходил от меня окрыленным, как “был 1933”
помолодевшим.

После одной из моих бесед с Г.Ф. Стуруа мне позвонил Берия.

— Зачем Вы принимаете Георгия Стуруа в ЦК? — сердито упрекнул он меня. Я спросил:

— А что в этом плохого?

— Не надо его принимать, — потребовал Берия и повесил трубку.

Этот разговор меня и удивил, и огорчил. Но удивлялся я напрасно. Берия был иезуитом и оставался им до конца своей жизни. В этом я имел случай еще раз убедиться уже после смерти И. В. Сталина. Когда формировался новый состав партийного, советского и государственного руководства в Грузии, по предложению Берия Президиум ЦК КПСС назначил Георгия Стуруа председателем Совпрофа и утвердил его членом Бюро ЦК КП Грузии.

Но я забегаю вперед.

... В тот осенний вечер 1951 года наша беседа с И.В. Сталиным касалась многих недостатков в руководстве партийных организаций республики. И о чем бы не говорил Иосиф Виссарионович, я чувствовал в его словах горечь и беспокойство. Разложение многих руководящих работников — коммунистов, заметил он, начинается в семье. Женам всегда чего — то не хватает — в обстановке, в одежде. Насытившись, они постепенно начинают пробираться к власти и оказывать влияние даже на назначение работников на руководящие посты.

— Товарищ Сталин, о семье Кандида Чарквиани этого нельзя сказать, — возразил я.

— Может быть. Я Вам верю. Но примеры мы имели. У нас много таких, с позволения сказать, партийных руководителей, которые не понимают, что значит партия в подпольи и партия у власти. Когда наша партия была в подпольи, ее надо было ограждать от провокаторов, а когда она у власти, ее нужно ограждать от карьеристов и всякой иной сволочи, которая пролезает в партию. Да, да, именно сволочи.

О вмешательстве жен руководящих коммунистов в их дела И. В. Сталин говорил с гневом, расценивая такое вмешательство как посягательство на авторитет партии. Он терпеть не мог, когда ответственные партийные и государственные деятели посвящали своих жен в партийные и государственные секреты или когда жены влияли на дела своих мужей, занимавших руководящие посты в партии и государстве. У нашей партии, подчеркивал И. В. Сталин, имеются свои секреты и конспиративные дела и в эти дела нельзя посвящать своих жен. Часто это положение нарушается. Придет коммунист домой и рассказывает жене о секретных решениях Центрального Комитета партии, а та, в свою очередь, — разумеется по секрету, — близким подругам. За это надо крепко наказывать, вплоть до снятия таких людей с ответственных постов.

Я заметил:

— Некоторые товарищи рассуждают: у меня жена член партии, почему же с ней нельзя поделиться? Ведь мы ничего не должны скрывать от партии.

— Это верно и неверно, — ответил И. В. Сталин. — Верно, что Центральному Комитету нечего скрывать от партии и народа. Но ЦК принимает по целому ряду вопросов секретные решения и для пользы партии они до поры до времени должны оставаться в секрете. Тайны нужно уметь хранить. Это в интересах партии и государства.

И. В. Сталин терпеть не мог хвастунов. Он считал, что хвастуны легко могут проболтаться о наших секретных решениях своим приятелям или где — нибудь в компании, выпивь рюмочку — две водки. — Хвастовство, болтливость — опасный порок для коммуниста, занимающего руководящий пост в государстве, — сказал Сталин. Он знал, какую ценность представляют люди, умеющие хранить секреты. Ему пришлось шесть раз побывать в ссылке, бежать и снова оказываться в застенках, нередко потому, что он становился жертвой болтунов, иногда честных людей, но не умеющих хранить тайны.

Предостерегая коммунистов от хвастовства и болтливости, от скольких бед уберег Сталин нашу партию и государство.

Как — то, однажды мы отобедали у Сталина на даче в скором времени. Маленков и Берия уехали, а мне товарищ Сталин сказал "Подождите". Я остался. Потом он предложил прогуляться. А во время прогулки заговорил вот о чем: "Сегодняшним докладом об итогах сельскохозяйственного года, я недоволен, хотя, надо сказать, что после такой разрушительной войны, успехи большие и это известно всему миру, их признают и друзья и враги. Тем не менее, что — то в сельском хозяйстве у нас не ладится".

А, вы, товарищ Волков, — произнес он повернувшись в мою сторону, — вы что нибудь слышали об аграрной программе Сталина в прошлом?

— Как не слышал, товарищ Сталин, слышал. Это же ленинская аграрная политика, развитая товарищем Сталиным, — ответил я.

— Нет, не об этом идет речь... а раньше, в прошлом, в далеком прошлом, — спросил Сталин.

— Да, товарищ Сталин, слышал одним ухом, что Вы и некоторые другие большевики стояли за то, чтобы после революции раздать земли крестьянам, что это, может быть временное отступление в сторону капитализма, но зато, это даст подъем сельскохозяйственного производства, а после этого, когда возможности роста сельскохозяйственного производства будут исчерпаны и станут тормозом развития, пусть крестьянский съезд решает вопрос — как быть дальше.

Вот, примерно, в таком плане, я слышал о Вашей аграрной программе.

— В основном, Вы говорите верно, сказал Сталин.

Я продолжил, — Слышал я и о том, что Ленин был за национализацию земли. Тогда, как мне известно, верх взяло Ваше предложение, Ленин к нему присоединился с некоторыми оговорками, но впоследствии было принято за основу предложение об аграрной политике Ленина, в частности, его кооперативный план.

Я закончил говорить, а Сталин молчал и мы продолжали гулять.

Вдруг Сталин остановился и обращаясь ко мне сказал: Не ладится у нас с сельским хозяйством. Какие только меры мы не

принимаем, а ожидаемого обилия сельскохозяйственных продуктов нет. Надо глубже разобраться в вопросах сельского хозяйства. Видимо, надо будет пересмотреть аграрную политику.

Мы прошли еще несколько метров и Сталин вновь заговорил:

— А, Вы слышали, Маленков и Берия успехам рады, это хорошо, но глубоко в вопросах сельского хозяйства они не разбираются и ничего нового, путного предложить не могут. Требуются очень продуманные и качественно новые меры по подъему сельского хозяйства. А, я, уже стар.

— Если бы Ленин был бы с нами, — продолжал он, — я уверен, он полностью разделил бы это мнение. Ни одно научное исследование не завершалось без неудач и ошибок. Наша страна, страна социализма является в то же время гигантской лабораторией для мировой социалистической системы. В этой лаборатории бывают и успехи и неудачи и ошибки. Учитывая это, другим странам будет легче строить социализм у себя.

Когда гражданская война подошла к концу, и мы отмечали 50-летие Владимира Ильича Ленина, он нам неустанно говорил: "учитесь военному делу, это архиважно. Вы молоды, а я уже стар. В будущем неизбежны схватки с капитализмом. В.И. Ленину тогда было 50 лет и он был старше нас на десять лет.

— Повторяю, — продолжал Сталин, — мы его чествуем, а он неустанно подчеркивает, что нужно учиться военному делу.

— Критический анализ требуется не только тогда, когда имеются относительные успехи, но и тогда, когда имеются головокружительные успехи. А тут, куда там, кто думает о критическом мышлении. В бурных овациях тонет живая критическая мысль. Человек думает, что все не только "отлично", но и сверх — отлично и бурной овацией одобряется все, что делается в сельском хозяйстве.

— Поменьше этих оваций, побольше критического анализа. Критиковать нужно невзирая на лица, но вот это: "не взирая на лица" не всегда у нас правильно понимают. Когда дело доходит до лидеров, то тогда "не взирая на лица" отодвигается в сторону. А критиковать нужно всех, даже Сталина, тем более, когда эта критика идет от наших друзей, доброжелателей, людей, преданных строительству нового мира.

— Это, конечно, не значит, что за успехи не нужно поощрять

людей, но, если критика иногда терпит неудачу, то из — за этого не следует шельмовать, тем более, если это делают друзья для улучшения общего нашего положения.

— Вернемся к аграрному вопросу. Ведь же, весь наш разговор идет к тому, чтобы иметь лучшие результаты в сельском хозяйстве. Для этого, молодым кадрам нашей партии находящимся на подходах нужно будет хорошо разобраться и изучить аграрную политику партии, развить ее дальше, в новых условиях, с учетом имеющегося громадного опыта, делать это не торопясь, вдумчиво. Но медлить с этим тоже нельзя. Критически рассмотреть и по новому решить аграрный вопрос — это архиважно.

Размышляя над сказанным Сталиным я обратил внимание на два слова:

Первое, — это "пересмотреть", а не улучшить, не поднять.

— Пересмотреть — я подумал, что это слово содержит очень глубокий смысл, а глубину его понять, — не моего ума дело.

Второе: — "архиважно." Это слово; которым пользовался В. И. Ленин, когда он хотел подчеркнуть исключительную важность вопроса. И, вот, почему Сталин использовал это слово в данном случае. Я уверен — для того, чтобы подчеркнуть особую важность этого дела и сказать это словом, которое применял в таких случаях В.И. Ленин — "архиважно".

Забегая вперед должен сказать, что после этого разговора, на состоявшемся XIX Съезде партии ничего об этом не было сказано.

Почему? Об этом, видимо, знал только один Сталин, а может быть и Вячеслав Михайлович Молотов считая, — что пока — что к такому подходу к аграрному вопросу мы не готовы.

А вот, приобщение молодых кадров к руководству, расширение состава Президиума ЦК КПСС, Секретариата ЦК КПСС дает основание предполагать, что возможно этим молодым кадрам Сталин намеревался поручить изучение этого вопроса.

— Волков, сколько Вам лет? — неожиданно спросил меня Сталин, когда мы прогуливались с ним по аллеям Ново — Афонской государственной дачи. Я ответил:

— Сорок один.

— А мне семьдесят два — Иосиф Виссарионович помолчал, потом произнес тихо, будто разговаривая с самим собой: — Насколько Вы моложе меня!

Я сказал, что товарищ Сталин выглядит отлично, да никто и не представляет себе, чтобы он мог постареть.

— Тем не менее... — в голосе Иосифа Виссарионовича слышалась грусть. — Тем не менее, я уже стар... Никто не властен над временем.

Не в первый раз Сталин заговаривал о наступавшей старости: видимо, эта мысль занимала его все больше и больше.

Я напомнил Иосифу Виссарионовичу, что не только в моем возрасте, но будучи намного моложе, его поколение успело не мало сделать для революции.

— Вы, товарищ Сталин, уже были профессиональным революционером, — сказал я, — неоднократно подвергались арестам, бежали из ссылки, Вы уже успели написать такие фундаментальные труды, какими являются “Анархизм или социализм” и “Марксизм и национальный вопрос”... В исторические дни Октября Вам было 38 лет, а партия уже знала Вас как боевого соратника Владимира Ильича. А* когда Вам исполнилось сорок два года, Вас по предложению Ленина избрали Генеральным секретарем Центрального Комитета... Удивительно Ваше поколение.

Сталин ответил:

— Время было такое. К молодежи рано приходила зрелость. Юными избрали мы революционный путь... Но и ваше поколение рано вступило в самостоятельную политическую жизнь.

— Все — таки, не такими молодыми, — возразил я. — И Молотов, и Каганович, и Куйбышев, и Орджоникидзе и другие видные деятели были очень молодыми когда стали профессиональными революционерами.

— Да, это так, — подтвердил Сталин. — Мы в своем кругу называли Ленина Стариком, хотя он был старше нас на какой-нибудь десяток лет. "Старику это не нравится", или "Старик сердится", или "Старик это отверг" говорили мы между собой. Когда Владимир Ильич стал главой Правительства, ему исполнилось 47 лет.

По всему чувствовалось: Сталин гордился и своей юностью, и юностью своих пламенных сверстников. Я понимал причину его гордости, сознавал, что ему и его соратникам пришлось много пережить бесстрашно борясь за дело революции, что не напрасно наше поколение называет их твердокаменными, крепкими как сталь. Все это я высказал Иосифу Виссарионовичу, добавив, что и мы стараемся воспитывать молодежь в духе их великих революционных традиций.

Сталин спросил:

— Как Вы думаете, товарищ Волков, что оставляет наше поколение молодому поколению? Попробуйте кратко сформулировать.

— Попытаюсь, — ответил я и стал перечислять:

— Первое: социалистическое государство на одной шестой земного шара, без которой ни одна страна на нашей планете не может обойтись в международных делах;

второе: построенное первое в мире социалистическое общество;

третье: итоги Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов, в результате которых капитализму пришлось потесниться, а границы социализма значительно расширились;

четвертое: мировое коммунистическое движение;

пятое: непрерывно растущий жизненный уровень советских народов...

Наступило молчание.

— Да-а, — протянул Сталин. — Немалое наследство. И, все-таки, мы хотим большего. Мы видим не только свои успехи, но и свои ошибки. У каждого из нас они были. Были у Центрального Комитета и его Политбюро, у Правительства. Были и у Сталина. Да, да, что Вы на меня так смотрите? — Улыбаясь в усы, спросил, пристально глядя мне в глаза:

— Что скажет ваше поколение о наших ошибках?

Я ответил:

— Мне вспоминаются слова Наполеона о том, что только истинные полководцы признают свои ошибки на войне. Видимо, это касается и истинных политиков и истинных государственных деятелей. У каждого из них бывают свои Аустерлицы и свои Ватерлоо.

Повидимому, Сталина не очень устроили мои слова. Он повторил вопрос:

— Что скажет о нас ваше поколение?

— Не думал об этом, товарищ Сталин, — признался я.

— Напрасно, — Сталин был явно раздосадован. — Ведь ошибки у нас, повторяю, были и о них надо знать. Нужно правильно объяснять природу этих ошибок, в каких условиях они были допущены. А замазывать их не следует.

Я сказал:

— Товарищ Сталин, мое поколение многое получило из рук партии — уже завоеванное, так сказать в готовом виде. Что до ошибок, то, думаю, их природу мы понимаем правильно и не станем акцентировать на них внимание, потому что не считаем их непоправимыми, ни, тем более, роковыми.

— Найдутся и такие, которые представят эти ошибки в кривом зеркале и станут обливаться нас грязью.

— По — моему, среди людей моего поколения не найдутся.

— А в узком кругу руководителей?

— Товарищ Сталин, Вам виднее, — ответил я. — Но если у людей чистая совесть, они так не поступят. Если поставить на чашу истории и успехи, и промахи — ясно, что перевесит, ибо наше государство все время идет вперед.

— Если у людей чистая совесть... — Сталин, нахмурившись, словно эхо, повторил мои слова. — У тех, кто руководит государством, всегда были и будут и недруги, и прямые враги. Пусть единицы, но были и будут. Чем выше Вы станете подниматься, товарищ Мгеладзе, по иерархической лестнице, тем меньше встретите людей с чистой совестью. Вы еще молоды и не находитесь на такой ступени, чтобы встречаться с подобными людьми, Вам это предстоит. И, наоборот, чем вы ниже, тем больше встречаете людей с чистой совестью и меньше подлецов. Надо, чтобы руководитель любил свой народ. На рабочих, крестьян, передовую интеллигенцию, на лучших из лучших их представителей в партийном и государственном аппарате я стараюсь опираться...

Сталин вновь вернулся к проблеме партийных кадров.

— В партийном и государственном аппарате молодежь представлена недостаточно, — сетовал он. — Ее выдвижение помешала война. Видимо, на предстоящем съезде партии придется внести серьезные изменения в этом вопросе. К партийному и государственному руководству будет широко привлечена молодежь. Мы думаем — по крайней мере, большинство членов Политбюро так думает, — войти на предстоящем съезде с предложением расширить состав Центрального Комитета партии и его рабочих органов — Политбюро и Секретариата. Центральный Комитет надо увеличить, примерно, вдвое. Не удивляйтесь этому. Может быть количество членов и кандидатов в члены Политбюро будет доведено до 30 человек, а Секретариата до 15 человек. Пусть молодежь рядом с опытными партийными и государственными работниками учится, как нужно руководить партией и государством.

Я был делегатом этого съезда. Предложение о расширении состава руководящих партийных органов внес товарищ Сталин. Его приняли единогласно.

Когда заседание съезда закрылось и я выходил из зала, мне встретился тогдашний помощник Берия Борис Людвигов. Я ему сказал:

— Как здорово, что приобщили к руководству молодые кадры.

— Да, Акакий Иванович, — ответил Людвигов. — Но вот наш хозяин (он имел в виду Берия) этого не одобряет.

Я опешил:

— Почему?

Людвигов пожал плечами

— Ничего не могу сказать.

Позднее стало ясно, что Берия всех молодых партийных работников, избранных в руководящие органы партии на XIX съезде КПСС, считал своими либо прямыми, либо потенциальными противниками.

По всему видно, что так же считал и Хрущев.

Но на съезде и, насколько мне известно, на заседании Политбюро, где предварительно обсуждался этот вопрос, они со свойственными им беспринципностью и двуличием предпочитали не только молчать, но и поддерживать эти предложения.

... Когда Сталин уехал из Нового — Афона в Москву, я в

подавленном состоянии вернулся в Кутаиси. Меня не оставляли мрачные мысли. Сталин чувствовал, что стареет, размышляя, вспоминая беседу с ним, он думает о том, что выходит из строя, что смерть недалеко, что стареют его соратники, и заботится о достойной смене. А у нас, молодого поколения того времени, и в мыслях не было, мы и представить себе не могли, что Сталина не станет.

Разве мог я предположить, что эта встреча со Сталиным на Черноморском побережье — последняя, что он больше никогда не приедет сюда отдыхать?...

ТЯЖЕЛАЯ НОЩА

Среди множества бесед с И.В. Сталиным была одна, которая мне особенно врезалась в память. Она происходила осенью 1951 года.

— Мы с Вами говорили о многих проблемах, касающихся деятельности Грузинской Компартии, — сказал И. В. Сталин, — но есть еще одна важная тема, и я хотел бы ее коснуться. Речь идет о работе среди грузинской интеллигенции. ЦК республики должен уделять ей особое внимание. Сразу же, как только была установлена в Грузии Советская власть, Ленин дал указание, как к ней относиться. Об этих указаниях никогда нельзя забывать. Вы ведь знакомы с ними?

— Да, конечно, товарищ Сталин.

— Надо помнить, что ни одно руководство не будет популярным* в Грузии, если не сумеет завоевать симпатии интеллигенции. Да и не только в Грузии. В давние времена, когда в Закавказье работал Серго, он умело спланировал интеллигенцию Грузии, Азербайджана и Армении вокруг идей партии, — Сталин добавил с восхищением — Серго помогало его обаяние. Удивительный был человек! Да и Мамия Орахелашвили умел работать среди интеллигенции, находил с ней общий язык...

Упоминание о Мамии сбilo меня с толку. Я подумал: ведь он же расстрелян как враг народа. Но тут же вспомнил слова Сталина о том, что многим материалам 1937 года нельзя верить.

Между тем, Иосиф Виссарионович продолжал:

– Уже много лет ни в одной республике Закавказья мы не имеем искренней дружбы с интеллигенцией. Такое положение нужно исправить. И начать правильнее всего с Грузии. Речь идет об интеллигенции, надо быть особо внимательным, я бы даже сказал, ласковым, проявлять терпение, иногда идти на уступки. Не следует неудачно сформулированную мысль расценивать как контрреволюционное высказывание. А такие факты в Грузии и других республиках Закавказья допускались. Учтите это в Вашей работе. Мне говорили, что у Вас хорошие контакты с интеллигенцией, что Вы приглашаете ее представителей к себе домой и за дружеским столом часами беседуете с ними. Надо находить время и для этого. Совершенно недостаточно встречаться с интеллигенцией только на партийных активах, когда руководители сидят в президиуме, а все остальные товарищи – в зале заседания.

Этот разговор состоялся во второй половине ноября 1951 года. А в марте 1952 года я был рекомендован Президиумом ЦК КПСС первым секретарем ЦК Компартии Грузии. После того, как в начале апреля того же года Пленум ЦК КП Грузии избрал меня первым секретарем, на меня навалилась гора дел.

В это время в республике проходили отчеты и выборы партийных организаций, состоялась Тбилисская партийная конференция, на которой я выступил с речью. В своей речи я умышленно не коснулся некоторых вопросов: мы готовили их для особого обсуждения.

К подготовке доклада о мерах улучшения идеологической работы среди интеллигенции мы привлекли наших видных поэтов, писателей, литературных критиков, историков. Было собрано много ценных материалов. Когда дело уже подходило к концу, заболел Иосиф Виссарионович Сталин. 5 марта 1953 года его не стало. Последовала смена государственных и партийных руководителей Грузии (да и не только Грузии) и мне так и не удалось сделать доклад об улучшении идеологической работы среди интеллигенции.

В марте 1952 года всех членов Бюро ЦК Компартии Грузии вызвали в Москву, в ЦК ВКП(б). Первому секретарю ЦК КП Грузии К.Н. Чарквиани предстояло доложить на заседании Политбюро о ходе выполнения ноябрьского решения ЦК ВКП(б) (1951 года), касающегося грузинской партийной организации и его ЦК.

Перед тем, как предоставить ему ^{свое} слово, председательствующий на заседании Г. М. Маленков произнес краткую вступительную речь. Он объяснил, чем вызвана постановка доклада Бюро ЦК КП(б) Грузии на заседание Политбюро. В ЦК Компартии республики имел место крупный политический провал, там орудовала антипартийная вражеская группа. Принятое Центральным Комитетом ВКП(б) в ноябре 1951 года решение, касающееся грузинской партийной организации, выполняется неудовлетворительно.

Закончив вступительную речь, Маленков предоставил слово первому секретарю ЦК КП(б) Грузии.

Он докладывал час с лишним. Признавая наличие антипартийной, вражеской группы, орудовавшей в ЦК КП(б) Грузии, он доложил о тех мерах, которые принимаются для перестройки партийной работы, повышения бдительности в партийных организациях и улучшения партийного руководства хозяйственным и культурным строительством.

В обсуждении доклада участвовали члены Бюро ЦК КП(б) Грузии. Выступали и члены Политбюро. Первым из них взял слово Л. П. Берия. Он заявил, что в результате сложившегося положения, в Грузии получили широкое развитие взяточничество, казнокрадство и другие, чуждые нашему духу, явления; антипартийная группа способствовала их распространению, покрывала взяточников и жуликов, всячески потворствовала им.

Берия сказал и о том, что антипартийная группа, возглавляемая Барамия, "взяла шефство" над мегрельской провинцией, всячески выгораживая своих земляков, и никто не принимал меры по пресечению этого безобразия.

— Я тоже виноват, — покаялся Берия. — Кое — кого из членов этой антипартийной группы сам рекомендовал на ответственные посты. И ответственности с себя не снимаю, это я рекомендовал Вам кандидатуру Рапава на пост министра Внутренних Дел Грузии. — И, посчитав, что на этом можно закончить самобичевание, добавил: — Остальные члены антипартийной группы выдвигались не мною. Барамия при мне работал секретарем райкома партии, я знал его как слабого работника, и его жену — как женщину неблагоприятного поведения. Тем не менее, он все время шел в гору. Чем больше его выдвигали, тем больше он разлагался.

Говорил Берия с пафосом, речь его дышала гневом и

возмущением. Сейчас я вспоминаю его выступление с брезгливостью и отвращением. Сколько, оказывается, было в нем кощунства, цинизма, лицемерия! Ведь, как выяснилось впоследствии, и сам Берия, не признававший никаких моральных устоев, имел разнузданный образ жизни. Но тогда, на заседании Политбюро, каждый из нас принимал речь Берия за чистую монету и все мы были готовы разделить с ним его праведный гнев.

В заключении Берия заявил, что вносит предложение снять Чарквиани с поста первого секретаря ЦК Компартии Грузии.

Вслед за тем выступил Сталин. Он назвал великим позором процветавшие в Грузии взяточничество, казнокрадство, хищение социалистической собственности, разбазаривание колхозного добра. Коснулся он и факта, уже упомянутого на заседании Политбюро: члены антипартийной группы, сказал он, шефствовали над своими земляками взяв их всех под свое покровительство. Такое кумовство особенно опасно для Грузии, и чревато далеко идущими последствиями.

— Мне доложили, — продолжал Сталин, — что главарь антипартийной группы Барамия, да и все ее участники признали себя виновными и просят простить их. Об этом же они написали в личных письмах ко мне.

И. В. Сталин никак не прокомментировал эту просьбу.

Встал вопрос о замене Чарквиани новым секретарем. И. В. Сталин предложил членам Бюро ЦК Компартии Грузии выйти в другую комнату и решить, кого они хотят избрать своим первым секретарем. Мы вышли в соседнее помещение, вслед за нами туда зашли Берия и Маленков. В результате обсуждения остановились на моей кандидатуре.

Мы вернулись в комнату, где заседало Политбюро, Маленков и Берия сообщили мнение Бюро ЦК КП(б) Грузии. И. В. Сталин сказал:

— Очень хорошо. Я поддерживаю эту кандидатуру.

— Хорошая кандидатура, — согласился Молотов.

— Поддерживаю, — сказал Л. М. Каганович.

Меня рекомендовали на пост первого секретаря ЦК Компартии Грузии. Все члены Политбюро проголосовали за это предложение.

Когда мы выходили из зала заседания, ко мне подошел Поскребышев.

— Акакий Иванович, — сказал он, — будьте у себя в номере, за Вами заедут. Товарищ Сталин приглашает Вас на ужин. Я возвратился в гостиницу и стал ждать звонка. Вскоре из номера в номер поднялся человек.

— Машина ждет внизу, — сказал он.

Я спустился, меня повезли в Кунцево, на дачу Сталина, известную под названием "Ближняя".

Когда я вошел в комнату, все члены Политбюро сидели за столом. Рядом со Сталиным стоял пустой стул, и Иосиф Виссарионович жестом указал мне на него.

Во время ужина разговор снова зашел о грузинской партийной организации.

Затем беседа перешла на другую тему. В ту пору предполагалось провести международное совещание по торговле и В.М. Молотов заговорил о том, какой линии придерживаться во время встреч с деловыми людьми, которые приедут в Советский Союз из Америки, Англии, Франции, Италии и других стран. Гости Сталина высказывали различные мнения о политическом значении совещания, о том, какой резонанс оно вызовет в мире и как его лучше организовать. А.И. Микоян, например, считал, что мы должны ознакомить бизнесменов с социалистическими принципами торговли. Г.М. Маленков говорил о необходимости продемонстрировать наши большие экономические возможности и характер советской торговли (в этом он солидаризировался с мнением Микояна). Примерно в том же духе высказались и другие члены Политбюро. Лишь А.М. Каганович молчал, а А.П. Берия сделал вид, что не принимает участие в обсуждении.

И.В. Сталин, по обыкновению, рассхаживал по комнате и, куря трубку, слушал. Потом подошел к В.М. Молотову и произнес:

— Ни о какой политике с бизнесменами говорить не следует. Им нужно просто сказать, что мы хотим торговать и готовы торговать со всеми странами на взаимно выгодных условиях. Кто этого хочет — добро пожаловать. В этом, по моему, должна состоять наша политика.

Помолчал, подумал. Затем, поглаживая трубкой усы, добавил:

— А все остальное, вроде того, какова природа социалистической торговли, будет истолковано буржуазной прессой как пропаганда и использовано как пугало: вот, мол, советские лидеры вместе со своими товарами экспортируют в наши страны

коммунизм. Мы будем разговаривать с ними как деловые люди. Скажем им: для торговли двери открыты.

... За столом еще продолжалась оживленная беседа, когда Сталин встал и незаметно ушел. А через несколько минут ко мне подошел генерал — полковник Власик и тихо, чтобы не мешать разговору, попросил:

— Акакий Иванович, выйдемте на минутку.

Мы вышли из комнаты.

— Вас просит товарищ Сталин, — сказал Власик и повел меня в его кабинет.

Иосиф Виссарионович был один. Рассказывая по комнате, он спросил меня:

— Что, товарищ Волков, нелегкую ношу на вас возложило Политбюро?

— Нелегкую, товарищ Сталин, — откровенно признался я.

— Ничего, не надорветесь, — пошутил Сталин и сразу же перешел на серьезный тон: — О задачах, стоящих перед Компартией Грузии, мы с Вами беседовали на Черноморском побережье. Надо кончать со взяточничеством, казнокрадством и другими безобразиями. Надо кончать с провинциальными "вождями". Ведь междоусобица между грузинскими провинциями всегда была большим бедствием для страны. Этим в свое время пользовались и иранский шах, и турецкий султан. Если разобраться в трагедии Грузии, то можно безошибочно утверждать, что ни шахи, и султаны, ни Тамерлан не наносили ей такого ущерба как междоусобная борьба. Конечно, — продолжал Иосиф Виссарионович, — сейчас такой опасности нет, но есть другая опасность — провинциальный "вождизм" порождает склоки и интриги. Каждый тянет в свою сторону, стремится выдвигать кадры из "своей провинции", создавать "своим землякам" лучшие условия. Особенно эти тенденции заметны в Аджарии и Мегрелии. Если тенденции шепства над "своими провинциями" не будут пресечены, то это приведет к тому, что роль грузинского ЦК и правительства в руководстве республикой сведется к нулю. Наводите порядок! Не считаясь ни с чем и ни с кем!

Сталин умолк, затем вышел в другую комнату. Вскоре возвратился держа в руке фотографию. Вдруг перейдя на "ты", спросил меня:

— Помнишь в Новом Афоне, ты интересовался Яшей?

— Помню, товарищ Сталин.

Откровенно говоря, мне не хотелось напоминать Сталину о его сыне. Я не мог забыть, как он переживал в Новом Дзисепе, когда во время нашей беседы я имел неосторожность упомянуть о трагедии, которая с ним случилась.

— А ты видел когда — нибудь Яшу?

— Нет, товарищ Сталин.

— Вот он, посмотри. — Иосиф Виссарионович протянул мне фотокарточку. — ხომ ხედავდით ვაჟაკი? ^{X)} — спросил он меня по грузински.

— დიახ, ამხანაგო სტალინ, ^{XX)} — ответил я. И отважился спросить:

— Ходят слухи, что Гитлер предлагал Вам обменять Якова на фельдмаршала Паулюса. Это не выдумка?

Сталин опустил голову и долго не отвечал. Потом сказал:

— Нет, не выдумка.

— И Вы отказались? — ошеломленно воскликнул я. — Это верно?

— Товарищ Волков, — я никогда не слышал у Сталина такого печального, проникновенного голоса, — Вы ведь тоже были на фронте. Если бы Вас тяжело ранило, Вы потеряли бы сознание и попали к немцам в плен, — а ведь коммунистов, людей самых стойких, немцы особенно преследовали, — так вот, если бы Вы попали в плен, Вас стали бы обменивать на фельдмаршала?

— Нет. Это и понятно. Но ...

— Никаких "но", — оборвал меня Сталин. — Подумайте, сколько сыновей Ивановых, Петровых, Сидоровых оказалось в гитлеровской плену. Кому пришлось бы в голову обменивать их на Паулюса? А чем они хуже Якова? И что бы сказали обо мне, о нашей партии миллионы отцов, если бы я, забыв о них, согласился на обмен Якова? Нет, я не имел права так поступать. Иначе я перестал бы быть Сталиным.

Иосиф Виссарионович взял у меня из рук фотографию сына, долго смотрел на нее, вздохнул:

— Очень жаль Яшу. — И продолжил тихо, будто разговаривая с самим собой: — Было много предложений обменять его, но я все отверг и Яшина жизнь окончилась трагически... Но до конца он

X) Настоящий мужчина? (груз.)

XX) Да, товарищ Сталин (груз.)

БЫЛ МОЛОДЦОМ.

— დედაბისი რაჭველი ქალი იყო, ხომ იცო? ^{XI} — спросил Сталин

— გამოეზნა, ამხანაგო სტალინ, ^{XX} — ответил я.

Иосиф Виссарионович долго молчал. Я его больше ни о чем не спрашивал.

Потом он положил мне руку на плечо и мы вернулись в комнату, к беседовавшим членам Политбюро.

Ужин подошел к концу, гости стали прощаться со Сталиным. Я тоже собрался уезжать, но Г. М. Маленков взял меня за руку, давая понять, что мне нужно задержаться. Я заметил, что задержался и Берия. Остались мы для того чтобы обсудить замену и перемещение руководящих кадров. Как обычно, прогуливаясь по комнате, Сталин произнес: Политбюро освободило первого секретаря ЦК, Председателем Совета Министров Грузии намечается Кецховели. Кстати, в отношении этой кандидатуры я имел разговор с Мгеладзе, он ее поддерживает. Мы меняем и Председателя Президиума Верховного Совета. Что же получается? Смена всего руководства Грузии? А не будет ли это использовано нашими недругами на Западе? Не приведет ли к нежелательным комментариям? Не даст ли пищу для антисоветской пропаганды? Поэтому, видимо, целесообразнее перевести Чхубианишвили на другую должность, а Кецховели назначить Председателем Совета Министров. Это будет выглядеть так, что Премьера выдвинули Президентом.

Прощаясь со мной, И.В. Сталин сказал:

— На пленум ЦК Компартии Грузии поедет Берия. Он разъяснит решение ЦК ВКП(б) и от имени Политбюро предложит коммунистам намеченные нами организационные мероприятия. Завтра Вы встретитесь с товарищами Маленковым, Берия и Хрущевим, обсудите некоторые детали. Затем — в путь.

Маленков, Берия и Хрущев довезли меня до гостиницы "Москва". Мы договорились, что встретимся на другой день, в 11 часов в Кремле...

В начале апреля состоялся пленум ЦК Компартии Грузии, на котором с докладом о мартовском решении Центрального Комитета ВКП(б) "О положении в Компартии Грузии" выступил

X) Ты ведь знаешь, что его мать рачинка? (груз.)

XX) Слышал, товарищ Сталин (груз.)

член Политбюро ЦК А.П. Берия.^{Х)} Пленум полностью одобрил решение Центрального Комитета партии, принял его к неуклонному исполнению, избрал новое руководство и поручил Бюро ЦК КП(б) Грузии составить закрытое письмо, разъясняющее это решение, и разослать его партийным организациям республики.

Сразу же после Пленума Берия позвонил в моем присутствии Сталину по ВЧ из своего вагона и доложил ему, что Пленум прошел на высоком уровне, что члены Грузинского ЦК проявили полное понимание мартовского решения ЦК ВКП(б) и единодушно одобрили его.

ЕГО ВЗГЛЯД НА ЛЮДЕЙ

Перестройка работы потребовала много сил и времени. Мы начали ее с повсеместного делового обсуждения закрытого письма ЦК Компартии республики "О положении в Компартии Грузии". Читателю уже известно, что в основу этого письма было положено мартовское (1952 года) решение ЦК ВКП(б). Мне приходилось в те дни часто бывать в крупных партийных организациях, выступать с докладами на собраниях актива, обсуждавшего это письмо.

В один из таких горячих дней, когда я выступал с докладом в партийной организации ПВРЗ имени Сталина, в ЦК по ВЧ позвонил мне Иосиф Виссарионович. Трубку сняла секретарь.

— Где товарищ Мгеладзе? — спросил Сталин.

— Он на собрании партийной организации ПВРЗ. Я могу его сейчас же вызвать.

— Вызывать не надо. Когда партийное собрание окончится, пусть он позвонит мне.

Разумеется, секретарь тотчас сообщила мне на завод о звонке Сталина. В конце собрания я выступил с заключительным словом, затем поехал в ЦК.

Х) Не могу не отметить, что после смерти И.В. Сталина Берия сделал крутой поворот в своих суждениях. Решение ЦК ВКП(б) "О положении в Компартии Грузии", которое было принято при его непосредственном и активном участии, он резко раскритиковал и полностью отверг.

Сталин сказал:

— Это хорошо, что Вы бываете в партийных организациях, непосредственно общаетесь с рядовыми коммунистами. Надо ближе стоять к партийным и беспартийным массам.

Сталин продолжал:

— Я ознакомился с материалами о реакции грузинской общественности на твое избрание первым секретарем ЦК. Тебя приняли хорошо.

— Постараюсь оправдать доверие партии, товарищ Сталин, — только и мог я сказать.

— В это я верю, — ответил Сталин. — Но вот с Премьером обстоит иначе. В материалах почти нет положительных отзывов, зато вспоминают о его федерализме. Правда, он это не скрывал. Неожиданно спросил, словно ждал ответа: — Не ошиблись ли мы?

Я понимал, что, спрашивая “не ошиблись ли мы”, Сталин имел в виду и меня. Ведь я дал согласие на выдвижение З.Н. Кецховели Председателем Совета Министров.

— Не думаю, — ответил я. — И, потом, Кецховели только назначили. Я могу безошибочно предсказать, что работать он будет хорошо.

Сталин спросил:

— Значит можно Кецховели оставить?

— Можно. Под руководством ЦК он справится со своими обязанностями.

— Да, он же у тебя Советскую власть не свергнет, — весело отозвался Сталин и в телефонной трубке послышался его смех...

Разговор зашел о других кандидатурах. Сталин сказал, что их приняли плохо. Я ответил:

— На одной из них особенно настаивал Берия.

— Мне это известно, — послышалось в трубке. — Но в этом вопросе наши мнения не совпадают.

Тогда я предложил — пусть поработают, а мы присмотримся как они справляются.

— Вам виднее. Решайте сами, — ответил Сталин.

Среди множества разговоров по телефону с товарищем Сталиным мне особенно запомнился тот, что происходил в начале сентября 1952 года. Сталин спросил, на когда мы назначили партийный съезд и услышав в ответ, что открытие намечено на 15 сентября, сказал:

— Вот тут у меня сидит товарищ Суслов. У него есть кое-какие соображения по поводу творчества К. Гамсахурдия и Ш. Дадиани.^{Х)} Свяжитесь с ним и разберитесь. Позвоните ему. Больше по этому вопросу мне нечего сказать. Желаю вам удачи, а вашему съезду высокого уровня работы.

А ситуация была таковой: идеологические работники ЦК ВКП(б), включая секретаря ЦК — Суслова были очень воинственно настроены против Константинэ Гамсахурдия. В каких только грехах они его не обвиняли, и главным образом, в национализме. Они дошли до Сталина и доложили ему об этом. Сталин не придавал этой информации серьезного значения, но поручил Суслову переговорить со мной, что, мол, если у Константинэ Гамсахурдия есть недостатки и ошибки, то его можно покритиковать на XV — м съезде Компартии Грузии и на этом закончить. По тем временам, это было самым хорошим выходом.

Я позвонил секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову. Он продиктовал мне текст, в котором содержалась критика названных писателей, и дал указание включить его в отчетный доклад ЦК КВ(б) Грузии. При этом М.А. Суслов сказал мне, что он советовался по этому поводу с Берия и последний заявил, что в прошлом мировоззрение К. Гамсахурдия определялось как воинствующий национализм с явно выраженной фашистской окраской.

Должен заметить, что Суслов был подробно информирован о творчестве и образе мыслей К. Гамсахурдия и Ш. Дадиани.

То, что он продиктовал, показалось мне грубым и резким. Я попросил немного смягчить характеристику этих писателей, но Суслов настаивал на своем и мне пришлось подчиниться.

Такова была официальная линия. И, вот на этом фоне, я счел необходимым, по велению совести написать письмо Константинэ Гамсахурдия, чтобы дать ему почувствовать, что мы

Х) Роман Ш. Дадиани "Юрий Боголюбский" был раскритикован как произведение, не способствующее дальнейшему укреплению грузино — русской дружбы. Считалось, что ошибки К. Гамсахурдия заключались в том, что в своих произведениях писатель, уходя вглубь истории, идеализировал прошлое Грузии, часто не видел разницы между прогрессивным и реакционным в этом прошлом. М.А. Суслов расценивал это как проявление националистических настроений.

его поддерживаем и делаем все для того, чтобы он преуспевал в своей литературной деятельности. Я лично всегда высоко ценил творчество Гамсахурдия и Дадиани.

Я и сейчас, уверен, что был прав. Константинэ Гамсахурдия и Шалва Дадиани — видные и галантливые писатели Грузии. Что касается их ошибок, то можно было на них указать, но в такой форме, которая помогла бы им понять свои промахи, а не вычеркивала бы их из числа советских писателей.

Сталин не вмешивался в этот спор и мне неизвестно, какой была его точка зрения.

Могу сделать лишь один вывод из тех эпизодов, которые я описал в этой главе: он не торопился с оценкой людей, не судил о них только по отдельным поступкам и — что особенно хочется отметить — не навязывал своего мнения, доверял нам, давая возможность самим разбираться в кадрах и решать, как с ними поступать. Конечно, это возлагало на нас большую ответственность за судьбу человека, но Сталин учил, учил непрестанно и терпеливо, что мы не должны бояться ответственности и обязаны всегда поступать по велению совести...

Взгляды Сталина на людей, пожалуй, лучше всего определяются на примере его отношения к своим соратникам — людям, с которыми ему приходилось долгие годы делить радости и горести жизни.

Среди тех, о ком Сталин часто говорил со мной, были В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.М. Каганович, С.М. Буденный.

* * *

О Лазаре Мойсеевиче Кагановиче Сталин отзывался очень тепло. Он называл его не по имени и отчеству, а просто — Лазарь, и произносил это имя с особой сердечностью.

Однажды, во время прогулки со Сталиным, не помню уже по какому поводу, зашла речь о Кагановиче.

— Железный человек, — отзывался о нем Сталин. — Куда бы партия его не посылала, он оправдывал ее доверие. У него замечательное прошлое. Профессиональный революционер, настоящий марксист — ленинец. В Туркестане и на Украине, в МК и ЦК, везде и всюду Лазарь проводил генеральную линию партии.

Что и говорить — умен. Умен и принципиален... Вы с ним часто встречаетесь?

— Да, товарищ Сталин. И очень высокого мнения о Лазаре Мойсеевиче.

Сталин стал вспоминать, как работал Каганович, будучи наркомом тяжелой промышленности СССР. "Наркомтяжпром, — говорил он, — нелегкая ноша, но после Серго Орджоникидзе она оказалась по плечу Лазарю". Говорил о том, что когда нужно было выводить железнодорожный транспорт из кризиса, партия послала туда Кагановича и ему удалось поднять этот важнейший участок народного хозяйства страны; что в годы Великой Отечественной войны он был послан на Северокавказский и Закавказский фронты и показал себя с самой лучшей стороны.

— Вы ведь с ним встречались на Закавказском фронте? — спросил меня Сталин.

— Да, товарищ Сталин, — ответил я. — Встречался и могу засвидетельствовать, с каким знанием дела Лазарь Мойсеевич решал военные вопросы и какой он блестящий организатор.

— Особенно большую роль сыграл железнодорожный транспорт на завершающем этапе войны, — продолжал Сталин. — Во время Берлинской операции надо было перевезти многие миллионы тонн грузов — живую силу, военную технику, продовольствие и обмундирование. Железнодорожники справились с этим прекрасно. Все задания Ставки выполнялись четко и оперативно.

Позднее, когда Сталин покинул нас и мы с Поскребышевым остались вдвоем, Александр Николаевич доверительно сказал мне:

— Вам это неизвестно, Акакий Иванович: Берлинскую операцию возглавил и непосредственно ею руководил лично товарищ Сталин.

И добавил:

— Товарищ Сталин держит это в секрете. В строгом на секрете. Вы должны знать, когда об этом нужно забыть и когда можно вспомнить.

Я понимающе кивнул.

Так всегда поступало наше поколение партийных работников, воспитанных Сталиным: когда нужно — забыть. Когда нужно — вспомнить.

Когда Сталин говорил о Кагановиче, в моей памяти возник такой эпизод. Каганович заболел ишиасом и по совету Сталина поехал лечиться в Цхалтубо. Это было осенью 1951 года, я тогда первым секретарем Кутаисского обкома партии, и не здоровье Лазаря Мойсеевича. "Бываете ли Вы у него? — спрашивал меня Иосиф Виссарионович. — Обязательно покажите ему Гелати, окрестности Кутаиси и примечательные места Западной Грузии...".

Вспомнились мне и дни, когда Лазарь Мойсеевич отдыхал Черноморском побережье, в Абхазии. Он часто приглашал меня к себе. Как — то мы заговорили о Гудаута, о том, что это прекрасный уголок Черноморья, но улицы города не асфальтированы. Я попросил Лазаря Мойсеевича, несмотря на трудности, которые испытывала страна (разговор происходил вскоре после окончания Великой Отечественной войны), выделить асфальтовый завод для Гудаута, чтобы иметь возможность заасфальтировать хотя бы его основные и магистральные улицы. Он обещал поддержать эту просьбу и мы подготовили официальное письмо на его имя. Позднее я узнал, что Лазарь Мойсеевич доложил о моем письме товарищу Сталину и было принято решение о выделении городу Гудаута асфальтового завода.

Узнал я об этом при несколько "оригинальных" обстоятельствах.

Решение это за подписью товарища Сталина было получено Гудаутским райкомом и райисполкомом. Мне сейчас же позвонил первый секретарь райкома Ражден Бохуа, волнуясь, сказал, что имеет ко мне очень секретное дело и просит разрешения срочно приехать. Я ответил:

— Приезжайте.

Сидя у меня в кабинете, Бохуа достал решение и, все еще волнуясь, произнес:

— Оно подписано товарищем Сталиным. Когда я получил его, был и обрадован и изумлен, ведь это не по рангу. Поэтому счел необходимым доложить Вам об этом в секретном порядке.

Я поведал секретарю райкома, как обстояло дело и объяснил ему, что секрета из этого делать не следует, а лучше быстро установить завод и взяться за асфальтирование улиц.

Когда Лазарь Мойсеевич вновь приехал в Абхазию, я рассказал ему об этом "секрете". Он рассмеялся и обещал рассказать об этом Сталину.

Тепло отзывался Сталин и о Клименте Ефремовиче Ворошилове. Он считал его одним из создателей Вооруженных Сил Советского Союза. Называл его "наш Клим", рассказывал о его легендарной храбрости в годы гражданской войны, радовался его популярности среди солдат.

Высокую оценку давал Сталин военной деятельности С.М. Буденного в годы гражданской войны.

— Солдат Буденный еще в царской армии получил три георгиевских креста, — восхищенно говорил о нем Сталин. — Крестьянин, солдат, стал Маршалом Советского Союза. Его знает вся наша страна, он стал легендой. Вот Вы, Акакий Иванович, когда были комсомольцем, знали Буденного?

— Не только знал, но и распевал песни о нем.

— Храбрый воин, — убежденно сказал Сталин.

* * *

О деятелях культуры Сталин отзывался с почтительным уважением. Безукоризненно владея русским языком, он внимательно следил за современной литературой, драматическим и музыкальным искусством. Особенно это было заметно, когда речь заходила об Алексее Максимовиче Горьком.

— В первые годы революции Горький кое в чем не разобрался, — говорил Иосиф Виссарионович. — Бывали у него стычки и недоразумения с Ильчем, но затем это все сгладилось.

От Сталина я узнал, что Владимир Ильич очень ценил Горького, знал о его большом влиянии, особенно на интеллигенцию, понимал его значение в пролетарском движении. Ленин помогал великому писателю, разъясняя ему цели и задачи Советской власти, терпеливо объяснял, почему нужно беспощадно расправляться с контрреволюцией, в лагере которой, к сожалению, оказались и некоторые видные интеллигенты России, с которыми Горький дружил.

— Максим Горький, — убежденно говорил мне Иосиф Виссарионович, — это гигант, сила его влияния на русскую литературу так же огромна, как Пушкина, Гоголя, Толстого.

Сталин сказал, что А.М. Горький не только возглавляет

советскую литературу, но является учителем передовой литературы всего мира.

— Горького очень любят в Грузии, — заметил я, — думаю, что любовь эта взаимна. Ведь многое связывает писателя с Грузией: первые литературные шаги он начал в Тифлисе, работал в Тифлисских железнодорожных мастерских...

— Да, Вы правы, — отозвался Сталин. И добавил: — Мое знакомство с Горьким имеет глубокие корни.

Присутствующий при беседе А.Н. Поскребышев вставил:

— Знакомство? Скорее дружба.

— Верно, — согласился Иосиф Виссарионович, улыбнулся, сказал с восхищением: — Что и говорить: велик, велик наш Горький!

Немного помолчав в задумчивости, он начал читать "Песнь о Буревестнике". Из всех горьковских произведений эта поэма ему нравилась больше всего. Сталин читал ее наизусть, читал тихо, но с вдохновением...

Я не стану подробно излагать мнение И.В. Сталина о Владимире Маяковском. Известна его оценка творчества великого певца из Багдади: "Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи".

Часто и тепло говорил Иосиф Виссарионович об А.Н. Толстом.

— Граф, уездный предводитель дворянства, а советский писатель, — как — то сказал он мне об Алексее Николаевиче. — Своим пером служит советскому народу и государству. Его "Хождение по мукам" — это же по существу, художественная летопись революции и гражданской войны... На сессиях Верховного Совета многие обращают внимание на Толстого. Как — же, граф, а заседает в советском парламенте!

Не раз я слышал лестные высказывания Сталина об Александре Фадееве, — писатель — коммунист, он активно участвовал в революционной борьбе, как солдат дрался за Советскую власть, партизанил. Жизненный опыт Фадеева составляет основу многих его произведений. Один "Разгром" чего стоит.

Однажды в беседе Сталин отозвался о Фадееве как о хорошем руководителе Союза писателей, принципиальном и отзывчивом. Потом улыбнулся в усы, прищурил глаза:

— Нет — нет, а кто — нибудь напишет на него клевету. Что

поделаешь, такова уж судьба настоящего руководителя.

С отцовской нежностью отзывался Сталин об Александре Корнейчуке. Высоко ценил его произведения "Платон Кречет" и "Богдан Хмельницкий". С особой, несвойственной ему, восторженностью говорил о пьесе "Фронт". Она, как известно, была написана в самые трудные дни Великой Отечественной войны и имела настолько принципиальное значение, что раньше, чем появиться на театральной сцене, была напечатана на страницах "Правды".

Об этой пьесе Сталин говорил:

— Помните командующего фронтом генерала Горлова, который желает победы, но в силу своей отсталости не может ее добиться? Как удачно ему противопоставлен молодой генерал Огнев! Корнейчук талантлив, он обладает чувством нового. Его пьеса "Фронт" воевала как солдат.

Высоко оценивая творчество Корнейчука, особенно эту пьесу, Сталин никогда не говорил о том, что мысль о ее создании подал он сам. Тема пьесы, ее направление и даже отдельные сюжетные повороты были подсказаны писателю Сталиным. Он считал, что написать такое произведение под силу лишь Корнейчуку. И был рад, что не ошибся.

Об этом мне рассказывал Поскребышев. Александр Николаевич вспоминал, как Сталин, невероятно перегруженный, выкраивал время для встреч с Корнейчуком, так — как считал его работу над пьесой "Фронт" очень важной для победы.

Характерно, что от самого Сталина я не слышал ни слова о том, что рассказал Поскребышев. Иосиф Виссарионович только часто повторял, что Корнейчук талантлив и потому его произведения пользуются большим успехом.

С особой любовью Сталин говорил о Михаиле Шолохове. Он гордился тем, что между ними установилась сердечная дружба, дорожил ею, цитировал на память целые страницы из "Тихого Дона". Оказалось, что "Тихий Дон" Сталин прочел еще в рукописи — Шолохов просил его об этом, жалуясь, что изданию романа чинят препятствия.

Произведение покорило Иосифа Виссарионовича глубиной, исторической правдой. Понравилась ему и "Поднятая целина".

— Черт побери! — воскликнул однажды Сталин, когда мы прогуливались с ним по золотистой аллее дачи. — Вы знаете, сколько

завистников у Шолохова? Они возводят на него всякую напраслину, клеветают, распустили слух, будто "Тихий Дон" написан не им. Жаловались неоднократно и каждый раз проверка показывала, что это беспочвенное обвинение. Но ведь и по сей день не утомонились! Клеветают и жалуется...

Хочу заметить, что Сталин прекрасно владел грузинским литературным языком. У него было правило: если среди грузин находился хоть один человек не знающий грузинского языка, он говорил по русски. Когда Сталин звонил мне по телефону из Москвы, я безошибочно определял, один ли он в кабинете. Если один, то говорил со мной по грузински, если не один — по русски. Когда я слушал его грузинскую речь, то невольно думал о том, как было бы хорошо, если бы все грузины знали так хорошо родной язык, как знал его Сталин.

Бессмертную поэму Шота Руставели "Вепхис ткаосани" ("Витязь в тигровой шкуре") Сталин, видимо, читал не раз, потому что многие места цитировал на память.

Ценил Сталин поэзию Давида Гурамишвили, а стихотворение "Мерани" Николоза Бараташвили, знал с начала до конца наизусть. Важа Пшавела называл поэтом высокого полета, любил цитировать и его.

Очень любил он Илью Чавчавадзе, видел в нем большого писателя и выдающегося общественного деятеля. Подчеркивал, что учась в Петербургском университете, Илья Чавчавадзе испытывал на себе большое воздействие идей великих русских революционеров — демократов — В. Белинского, А. Герцена, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова. Говорил, что И. Чавчавадзе сыграл большую роль в грузинском освободительном движении, что он мужественно отстаивал права своей родины на самоопределение.

Нравилась Сталину и поэзия Акакия Церетели.

— Лирика Акакия, — говорил Иосиф Виссарионович, — доставляет наслаждение — она красива, душевна и музыкальна. Не напрасно наше поколение называло его грузинским соловьем.

Сталин считал И. Чавчавадзе и А. Церетели выдающимися представителями национально — освободительного движения грузинского народа, основоположниками новой грузинской литературы и литературного языка.

— Мое поколение, — вспоминал Сталин, — с удовольствием

изучало стихи Акакия Церетели. Они были популярны в Грузии и пользовались народной любовью. Многие его стихи переложены на музыку, и народ поет их. Кто не знает "Цицинатада" или "Сулико" ?...

Грузинские песни, особенно народные – были слабостью Сталина. Как только ему удавалось остаться одному, или же рядом с ним оказывалось несколько грузин, он ставил пластинки с грузинскими песнями и внимательно слушал их, а иногда подпевал.

Однажды, когда я был у Сталина, он решил послушать грузинские народные песни. Поставили пластинку. Сталин слушал так, что нам показалось: он в эти минуты далеко в горах, в грузинской деревне, среди грузинских крестьян...

А когда проигрыватель умолк, Иосиф Виссарионович обратился ко мне:

– Надо, – сказал он, – принять меры к тому, чтобы тщательно отобрать и записать народные песни и танцы. Они выражают труд, воинскую доблесть, храбрость и любовь грузинского народа. А кроме того это прекрасная основа для создания национальных опер. Вы ведь знаете, что в таких выдающихся произведениях Захария Палиашвили, как "Даиси" и "Абесалом и Этери", использован богатый грузинский фольклор...

Как – то зашел разговор о переводах грузинских произведений на русский язык. Сталин назвал имя Бориса Пастернака. Он сказал, что Пастернак – поэт огромного, глубокого и сложного дарования, и что ему должны быть особенно благодарны литераторы Грузии, потому что он не только большой поэт, но и оказался лучшим переводчиком грузинской поэзии, благодаря его поразительному таланту русские читатели получили возможность с ней близко познакомиться.

Из грузинских поэтов Сталин выделял Галактиона Табидзе. Он называл Галактиона звездой первой величины в современной грузинской поэзии.

Георгия Леонидзе он считал безусловно талантливым поэтом, хотя говорил о нем реже и сдержанней, чем о Галактионе.

Хорошо отзывался о Константи́не Гамсахурдия. Очень ценил его прозу, особенно "Десницу великого мастера". Однажды, когда речь зашла о критике ошибок писателя, заметил:

– Есть критика и критиканство. Берия очень недоволен Константи́не Гамсахурдия, называет его чуть ли не фашистом. Чепуха какая – то.

Добрый словом Сталин поминал Михаила Джавахишвили, восхищался его "Арсеном Марабдели" и сокрушался, что так плохо окончилась жизнь этого писателя.

Надо сказать, что разговоров о литературе, искусстве, науке, о писателях и художниках, режиссерах, артистах, композиторах, ученых было несметное множество. Иногда то была короткая реплика, иногда долгая беседа за столом или в сталинском кабинете, или во время прогулки по аллеям дачи. В этой главе я постарался обобщить все, что слышал от Сталина за годы общения с ним.

Однажды, это было в 1950 году, зашел разговор о советских деятелях искусства. Помню, с какой трогательной нежностью Сталин произнес имя К.С. Станиславского. Великого режиссера уже не было в живых и Иосиф Виссарионович сокрушался, говоря, что потеря эта невосполнима, что Станиславский был гениальным режиссером, замечательным актером и видным театральным критиком, вместе с Немировичем — Данченко он очень много сделал для развития нашей культуры и если бы не они, мы бы не имели такого Московского художественного театра, такого замечательного творческого коллектива.

Потом Сталин заговорил о Всеволоде Мейрхольде.

— Удивительно талантлив! — с восхищением сказал мне о нем Иосиф Виссарионович. И нахмурился:

— Погиб.

На какие — то секунды ушел в себя, молча ступая по дачной дорожке. Затем проговорил — тихо, задумчиво, будто самому себе:

— Наши подозрительные чекисты не могут доверять человеку. Или они не понимают, что каждому таланту противостоит невежда, а невежды из зависти обычно клеветают на талантливых людей, распускают о них вздорные слухи. И все эти наветы чекисты собирают. И выводят из строя хороших людей...

Сталин остановился, обернулся ко мне:

— Сомневаюсь, что Мейрхольд был врагом народа. Ведь Октябрьская революция дала ему возможность развить свои творческие силы. Может быть он где — нибудь сболтнул лишнее? — И продолжал с гневом:

Все эти ягоды и ежовы мерзавцы...

Я представил себе, что творилось в эти минуты в его душе.

— Но и Берия не наводит порядка, не очищает чекистский аппарат от этих чрезмерно "усердных" людей. А ведь, если

вдуматься, они приносят стране немалый вред... — И словно подытожил свою мысль:

— Я как — то уже говорил Вам: не всегда можно верить материалам 1937 года.

Очень высокую оценку Сталин давал творчеству кинорежиссера Сергея Эйзенштейна. Его кинофильмы "Броненосец Потемкин" и "Александр Невский" смотрел с удовольствием, просил повторить показ, и всякий раз после просмотра говорил:

— Талантливо. Очень талантливо.

Когда мы заговорили о театральном искусстве Грузии, Сталин заметил, что после смерти Котэ Марджанишвили самым выдающимся режиссером надо считать Ахметели.

Он сказал это и снова нахмурился:

— И его расстреляли... Я узнал об этом, когда Ахметели уже не было в живых..

И так же, как во время разговора о Всеволоде Мейрхольде, я увидел в глазах Сталина горечь и смятение.

— Не понимаю, — пожал он плечами, — куда смотрел Берия. Не понимаю...

И тут же рассказал о судьбе Шалва Нуцубидзе:

— Я был удивлен, что Нуцубидзе в тюрьме. Предложил немедленно освободить его, принял, и во время беседы узнал, что он, сидя в тюрьме, перевел "Витязя в тигровой шкуре" на русский язык. Хорошо перевел. Я спросил его: "Как Вы себя чувствуете?"

Нуцубидзе ответил: — "Как птичка в клетке" и взглянул на сидевшего в кабинете Берия.

Сталин сказал, что на Нуцубидзе надо обратить особое внимание, позаботиться о нем, он еще многое может сделать для грузинской культуры.

Как — то Сталин вспомнил молодого дирижера Евгения Микеладзе.

— Я не был с ним знаком, — сказал он, — но о его даровании рассказывают много хорошего. Говорят, что по прямому указанию Берия его объявили не то английским, не то немецким шпионом и расстреляли. Он был зятем Мамия Орахелашвили, а у Берия с Орахелашвили были старые счеты. Что это — мелкая месть? Но разве вправе быть мстительным человеком, занимая такой высокий пост в партии и государстве?... Месть рождает дезинформацию, а

это страшная штука, особенно, если она исходит от человека, которому партия верит.

Эти слова товарища Сталина я хорошо помню до сих пор, хотя с той поры, когда они были сказаны, прошло много времени. Думаю, что Сталин доверял мне безоглядно и потому, наверное, только я мог видеть, какие сомнения обуревали его, когда он размышлял о Лаврентии Берия...

Высоко ценил Иосиф Виссарионович талант кинорежиссера М.Э. Чиаурели, который создал много больших полотен историко – революционного характера.

Лестно озывался об Иванэ Джавахишвили, считая его лучшим историком Грузии.

Часто вспоминал Акакия Хорава, восхищаясь его исполнением ролей Отелло и Георгия Саакадзе.

С уважением говорил об Акакии Васадзе, о его талантливом исполнении ролей Яго в "Отелло" и Шах – Абасса в кинофильме "Георгий Саакадзе". Любил певца Давида Гамрекели. Говорил о нем: это второй Вано Сараджишвили, только тот был тенором, а Давид – баритон.

В ту пору Давид Гамрекели работал в Москве, в Большом театре Союза ССР, и Сталин спросил меня:

– Не обидел ли этим Давид Грузию?

– Нет товарищ Сталин, – ответил я. – Мы гордимся этим. Когда наш певец выступает в Москве, нам кажется, что это поет вся Грузия и что москвичи и гости со всего мира аплодируют нам...

Сталин ничего не сказал, лишь улыбнулся в усы...

Очень нравился Сталину грузинский ансамбль танцев, которым и в те времена руководили Нино Рамишвили и Илеко Сухишвили.

– Ими восхищаются на всей планете, – говорил Сталин. – Благодаря им весь мир знакомится с древней и высокой культурой Грузии. Надо этот ансамбль всячески поддерживать.

Должен отметить, что Сталин проявлял одинаковый интерес к науке, литературе и искусству каждой Союзной республики, знал их наиболее талантливых представителей, внимательно следил за их творчеством. Стоило появиться заметному произведению, как оно тут же прочитывалось Сталиным, он просил подробно рассказать об авторе, интересовался условиями его жизни и быта,

несмотря на загруженность, выкраивал время, чтобы ободрить его по телефону, а то и встретиться с ним. В результате у Сталина складывалось собственное мнение о писателе (ученом, актере, художнике, композиторе), которое далеко не всегда совпадало с тем, что ему докладывали.

Наглядным примером сталинской чуткости, его живой заинтересованности ко всему талантливому, может служить история издания романа Анны Антоновской "Великий моурави" ("Георгий Саакадзе").

Антоновская, прожившая много лет в Грузии, хорошо знавшая и любившая эту страну, создала прекрасное историческое полотно — эпопею о Георгии Саакадзе. Но нашлись люди, которые чинили препятствия изданию этой книги. Анна Арнольдовна, "женщина удивительно работоспособная, принципиальная, умеющая добиваться цели", как потом отозвался о ней Иосиф Виссарионович, отправила рукопись в секретариат Сталина. Сталин прочел ее и попросил А.Н. Поскребышева соединить его с автором романа.

Анна Антоновская рассказала мне об этом телефонном разговоре, круто повернувшем судьбу книги "Великий моурави" и ее автора.

— Я знала как перегружен делами товарищ Сталин и не была уверена, что ему доложат о моем письме. Ждала ответа из секретариата. Но вдруг раздался телефонный звонок, я сняла трубку и услышала:

— С Вами будет говорить товарищ Сталин.

У меня перехватило дыхание. Трубка застыла в моей руке. В себя я пришла только после того, как услышала очень спокойный голос:

— Здравствуйте, Анна Арнольдовна. Прочел Ваш роман...

Товарищ Сталин сказал это с такой теплотой и доброжелательностью, что я успокоилась.

— Прочел Ваш роман, — продолжал он, — и остался доволен. Вы хорошо изучили жизнь Грузии и разобрались в той эпохе, которую описали. Тщательно разобрались. Пожалуй, лучше, чем кто — либо из грузин.

Он стал спрашивать меня о том, что связывает меня с Грузией, почему я решила взяться за этот исторический роман, о моей семье, об условиях, в которых я живу и работаю. Говорил товарищ Сталин неторопливо, будто это не был самый занятой на

свете человек, на плечах которого лежала огромная ответственность за судьбу Советского Союза, будто его не ждали важные государственные дела... В конце разговора он сказал:

— А относительно препятствий, которые Вам чинят, не беспокойтесь. Думаю, что отношение некоторых официальных лиц к Вашему роману изменится.

Пожелал мне успехов и повесил трубку.

На утро, словно по мановению волшебной палочки, все изменилось. Меня любезно пригласили в издательство, тут — же заключили со мной договор и без промедления стали готовить рукопись в набор...

Сталин об Антоновской говорил со мной лишь один раз.

— Бывает ли Анна Антоновская в Грузии? — как — то спросил он меня. Я ответил, что бывает, что ее роман пользуется огромной популярностью и что она попрежнему крепко связана с республикой.

— Вы должны помочь ей, — сказал Сталин. — Она сделала для развития и популяризации грузинской культуры не меньше, чем любой грузинский писатель.

* * *

Диву даешься, с какой пронизательностью Сталин определял характеры людей, их деловые и моральные качества, как тонко разбирался в кадрах.

Он отлично знал людей науки, работавших в Грузии. Как — то — было это в 1950 году на даче в Новом Афоне — Сталин сказал мне:

— Вавилов^{Х)} утверждает, что среди Академий наук Союзных республик грузинская Академия является передовой. Ее деятельность вышла за рамки республики и даже страны. Думаю, что это не фраза.

Ссылаясь на Вавилова, Сталин говорил о трех научных школах в Академии наук Грузии, завоевавших мировую славу: о

Х) С.И. Вавилов — крупнейший ученый — физик, в свое время возглавляющий Академию наук СССР

математической школе, возглавляемой корифеем математики И.И. Мусхелишвили, о школе физиологии во главе с большим ученым И.С. Бериташвили и грузинской школе востоковедения, руководимой академиком Г.В. Церетели.

— Вавилов говорит, и я с ним согласен, — заметил Сталин, — что редко можно найти Академию наук с наличием таких школ. Вот видите, как высоко оценивают грузинскую науку русские ученые. Так что грузинский ЦК (Сталин всегда говорил "грузинский ЦК", а не "ЦК Грузии") должен больше заниматься своей Академией наук, а Академия наук должна позаботиться о подрастающем поколении, чтобы у таких достойных людей, как Мусхелишвили, Бериташвили, Церетели и смена была достойная.

— Военные кадры были предметом его особой заботы. Известно, что все годы, а больше всего в годы Великой Отечественной войны, он усиленно занимался вопросами развития авиации, артиллерии, танков. С технической интеллигенцией, которая занималась этими видами вооружения, он был связан повседневно, а с лучшими ее представителями был знаком лично.

Сталин высоко ценил советских авиаконструкторов, таких, например, как А.С. Яковлев, которого считал, несмотря на его молодость, талантливым конструктором, очень много сделавшим для войны.

— Наши ЯКи, — не раз говорил он мне о самолетах Яковлева, — громили в воздухе хваленные немецкие "мессершмиты" и "хейнкелы".

Тепло отзывался Сталин и о других конструкторах, например, о С.В. Ильюшине, А.И. Туполеве, О.К. Антонове.

Не раз в наших беседах заходил разговор и о конструкторах двигателей. В этой связи чаще всего Сталин называл имя А.А. Микулина — человека очень талантливого, но колючего в общении с людьми.

— Двигатели, установленные на штурмовиках ИЛ — 2, — как — то сказал мне Сталин, — мог создать только такой одаренный конструктор, как Микулин. Удивительный человек! В нем счастливо сочетаются талант и работоспособность. Вот только характер у него — не дай бог никому. Поэтому не все его понимают, а многие недолюбливают. И завистников у него предостаточно. Бывает, и поклеп на него возводят...

Сталин помолчал, зажег погасшую трубку, долго раскуривал

ее — обычная сталинская манера формулировать про себя мысль складывая ее в точную фразу, и заключил: Микулина мы всегда поддерживали и поддерживаем, потому, что он никогда не подвел ни страну, ни партию. Это ведь на двигателях Микулина совершили знаменитый беспосадочный перелет Чкалов, Байдуков и Беляков. Разве такое можно забыть?.

ЧТО ДУМАЛИ О НЕМ СОВРЕМЕННОКИ

Здесь мне хочется сделать небольшое отступление и предоставить возможность высказаться одному из тех, кто непосредственно участвовал в конструировании и совершенствовании советской авиации. Я имею в виду самого генерала А.А. Микулина, моторы которого, действительно сыграли важнейшую роль в развитии авиационной промышленности, как в предвоенные годы, так в годы Великой Отечественной войны. Благодаря этому Александр Александрович близко стоял к Сталину.

Однажды, Микулин находясь в отпуске разъезжал на своей машине по Черноморскому побережью, побывал он и в Сухуми, где мы с ним и познакомились. Затем, мы с ним встречались не раз и наше знакомство переросло в сердечную дружбу. Он даже подарил мне свою фотокарточку с автографом.

Не раз мы вели с ним интересные беседы. Он рассказывал о том, как И.В. Сталин занимался авиацией, танками и артиллерией, как прекрасно разбирался и знал он каждый новый тип самолета, танка и пушек. Лично давал задания — по поводу того, что требовалось для вооруженных сил Советского Союза.

Тов. Микулин рассказывал много эпизодов, некоторые из них мне особенно запомнились и я хочу их воспроизвести.

Вы знаете, — рассказывал он, — недостатки и достоинства авиации в первые годы войны из докладов и приказов самого товарища Сталина, но положение быстро начало исправляться уже в 1942 году. Мы радовались, что отечественные истребители, серийный выпуск которых был налажен на востоке, по своим боевым и летным качествам превосходили немецкие, в частности

“Мессершмит – 109” и вдруг, в 1942 году на фронте появляется модернизированный немецкий истребитель, с таким же как и предыдущий двигателем, но повышенной мощности. Для наших летчиков стало трудно вести с ними борьбу. Мы все взволновались. В связи с этим ГКО поставил задачу – не снижая количественного выпуска истребителей найти решение для увеличения их скоростей, чтобы восстановить преимущество наших истребителей на фронте.

В это время в конструкторском бюро моториста В.Я. Климова был разработан и проходил испытания на стенде новый двигатель. Он имел значительно большую мощность. Для решения проблемы Народный Комиссариат авиационной промышленности подготовил проект постановления Государственного Комитета Обороны о запуске в серию нового климовского двигателя.

Всех понятно соблазнял выпуск новых двигателей. Но товарищ Сталин посмотрел на проблему иначе. Он видел далеко. Вызывала тревогу предстоящая в таком случае перестройка серийных заводов, выпускающих эти двигатели, что могло вызвать снижение выпуска количества истребителей, а это нежелательно и чревато серьезной опасностью в условиях войны; надо искать другое решение.

Иосиф Виссарионович ясно представлял преимущество нового климовского двигателя, но время и фронт требовали безотлагательно повысить скорость истребителей. По предложению Яковлева и по приказу Сталина старый двигатель установили на стенде для проверки его срока службы при работе на форсированном режиме. Все с напряжением следили, что будет с двигателем.

Прошло 70 часов, это был ресурс двигателя, о котором говорили мотористы. Они (мотористы) запросили у тов. Сталина разрешение снять со стенда форсированный двигатель, разобрать его и проверить износ деталей, но товарищ Сталин отказал. Он приказал гонять мотор до последней выработки его официально установленного ресурса до 100 часов.

Прошло и 100 часов, с форсированным двигателем ничего не случилось. Мотористы слали телеграмму за телеграммой Сталину с просьбой разрешить снять мотор со стенда и проверить состояние его рабочих частей, ссылаясь на то, что истек срок службы двигателя, установленный техническими условиями. Но

Иосиф Виссарионович сказал — технические условия — это не догма, мы им не присягали, а если они устарели, то их следует обновлять и испытания двигателя продолжать до его разрушения.

Результаты всей этой эпопеи были таковы: форсированный двигатель "М — 105П" проработал вдвое более серийного и разрушился лишь через 203 часа работы. Он тут же был принят в производство под новой маркой.

Наши летчики получили — с одной стороны — улучшенные истребители и с другой стороны — серийный выпуск не был снижен. Значит принятое решение было абсолютно правильным.

Таких эпизодов, — говорил Микулин, — можно рассказать много. Танкисты говорили, что товарищ Сталин больше всех занимается танками и танковой промышленностью и прекрасно разбирается в них, летчики и работники авиационной промышленности считают, что Сталин прекрасно знает самолеты и авиационную промышленность и авиацией занимается больше всех, артиллеристы утверждают, что Сталин повседневно занимается артиллерией и артиллерийской промышленностью.

Встречи с товарищем Сталиным убеждали меня в том, что Иосиф Виссарионович глубоко знает авиационную промышленность не только Советского Союза, но и других стран мира, в частности, американскую, английскую, французскую. И знает не "вообще", а детально, знаком с каждым типом самолетов этих стран.

Бывало так, — продолжал Микулин, — что в моем присутствии к Сталину являлись со своими чертежами и новыми предложениями такие видные наши конструкторы, как Яковлев, Туполев, Лавочкин, Антонов. Товарищ Сталин рассматривал чертежи и делал в них такие поправки, какие мог делать только специалист — авиационник. Если какие — либо детали были взяты из американских, английских, французских и немецких самолетов, он безошибочно определял это, называл тип самолета и требовал детали видоизменить, хотя против их использования не возражал. Выслушивая замечания Сталина, конструкторы только диву давались.

Я спросил Микулина:

— Как относились наши видные конструкторы к замечаниям Сталина? Всегда ли соглашались с ним?

— Всегда, — не задумываясь ответил Микулин.

— Наверное потому, что Сталин пользуется неоспоримым авторитетом?

— Нет, — с категоричностью возразил мне Микулин. Замечания Сталина были обоснованы, вот в чем дело.

Микулин рассказал мне, как тщательно он готовился к каждой встрече со Сталиным.

— Иначе и быть не могло, — говорил он. — К Сталину невозможно явиться, не имея обоснованных, технически продуманных предложений на уровне развития мировой авиации. Сталин всегда требовал от нас, мотористов и от авиационных конструкторов, знания в своей отрасли всего, что достигнуто в мире, а наши предложения обязательно должны были перекрывать достижения других стран, и, прежде всего, таких, как Америка, Англия, Германия.

Я сказал Микулину, что являюсь свидетелем многих встреч, из которых становилось ясно, что Сталин глубоко разбирался в вопросах технических, агрономических, национально — культурного строительства, не говоря уже о философии, литературе, искусстве. К этому, судя по его, Александра Александровича рассказу, следует прибавить знание Сталиным авиации, артиллерии и вообще всех видов вооружения.

— Не могу понять, — признался я, — как может один человек вместить в своей голове столько знаний.

— На то он и Сталин, — улыбнулся конструктор.

Лестно отзывался Сталин и о В.Я. Климове, чей двигатель был установлен на истребителях ЯК и бомбардировщиках П2. Климова он считал выдающимся конструктором, человеком обладающим чувством нового.

Мнение Сталина об артиллерии всем известно. Он любил повторять слова Наполеона: "Артиллерия — бог войны". Вероятно этим можно объяснить, что с создателями артиллерийского оружия у него сложились самые тесные контакты. Он часто встречался с артиллеристом В.Г. Грабиным, считая его выдающимся конструктором, знатоком современной артиллерии, с многими другими конструкторами "бога войны".

Большим уважением у Сталина пользовался конструктор танков Ж.Я. Котин. Как только заходила речь об успехах наших танкистов на фронте, Сталин неизменно вспоминал Котина и воздавал ему должное. Сколько раз — уже после войны — на

Черноморском побережье Грузии, где Сталин ежегодно отдыхал, из его уст раздавалась хвала нашим конструкторам боевого оружия – авиационникам, артиллеристам. Он выпестовал их и всю жизнь любил, как родных сыновей.

Здесь уместно вспомнить об одной, очень интересной беседе, состоявшейся у меня весной 1952 года с А.И. Антоновым, командовавшим в ту пору Закавказским Военным Округом. Хотя наше знакомство еще не имело “стажа”, мы очень подружились. Антонов был командующим, я – членом Военного Совета Округа. Мы встречались с ним не только в официальных местах, но и на даче, дома, и наши встречи были теплыми, сердечными. Я ценил в Антонове его высокое военное дарование, с ним было интересно беседовать по военным вопросам.

Беседа, о которой собираюсь рассказать, состоялась в Крцаниси, на даче, после заседания Военного Совета. Мы прогуливались по саду. В гости были приглашены член Военного Совета, первый секретарь ЦК Компартии Армении Арутюнов Г.А., ответственные работники ЗакВО.

А.И. Антонов сказал:

– Сталин – великий военный деятель и таким он войдет в военную историю.

И стал развивать эту мысль. Он говорил о том, что Советские Вооруженные Силы выстояли в оборонительных кампаниях, а затем блестяще провели наступательные операции под непосредственным руководством Верховного, что его вклад в победу над фашизмом неоценим. Подчеркнул, операцией по взятию Берлина Сталин руководил лично.

– Гениальный полководец! – с восхищением воскликнул Антонов. – И при этом поразительно скромный человек. Я не только много раз бывал у него, но и работал под его непосредственным руководством в должности начальника Генерального штаба Советской Армии, но никогда не слышал, чтобы он хоть словом обмолвился о своих заслугах, никогда не слышал от него фраз, вроде “Я сделал”, “Я дал указание” или “По моей инициативе”... А знаете ли Вы Акакий Иванович, как товарищу Сталину были присвоены звания Герой Советского Союза и Генералиссимуса? Это произошло по настоянию командующих всеми фронтами, их письменному представлению в Политбюро ЦК ВКП(б).

А.И. Антонов привел штрих, достаточно красноречивый для характеристики товарища Сталина: он щедро награждал своих полководцев орденами, присваивал им высокие воинские звания, а у него самого наград было меньше, чем у любого командующего фронтом и даже командующего армией. — Военные люди, — продолжал А.И. Антонов — должны уметь говорить и писать четко, ясно и сжато. В этом отношении Сталин был непревзойденным. Он умел в немногих словах сказать о многом. Вспомните его знаменитое выступление 3-го июля 1941 года. После того, как Вы прослушали эту речь, Вам уже невозможно было оставаться тем же человеком, каким Вы были до этого. Как человек военный, — заключил А.И. Антонов, — могу утверждать: в годы войны Сталин не имел себе равных...

...Коль скоро речь зашла о том, что думают о Сталине его современники, позволю себе рассказать еще об одной моей встрече — на этот раз с академиком Тарле.

Эта встреча состоялась немного раньше беседы с Антоновым — в 1945 году, сразу после окончания Отечественной войны. О приезде знаменитого академика в Сухуми сообщили заранее и я распорядился, чтобы его приняли на государственной даче. Я навестил его в тот же день. Вместе со мной на дачу приехал председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР Андрей Максимович Чочуа.

Мы познакомились, расспросили друг друга о здоровье и самочувствии.

Пока в столовой накрывали стол для завтрака — было, примерно, одиннадцать часов утра, — завязалась непринужденная беседа. Тарле и его жена восторженно отзывались о Черноморском побережье Грузии, говорили о том, что им нравится Синоп^{Х)} и что они здесь прекрасно устроены. Я сказал академику, что заочно с ним знаком давно, с удовольствием прочел его книгу "Наполеон" и она вся у меня испещрена записями. Тарле улыбнулся и ответил:

— Я уже стар, а то бы написал новую книгу и куда лучше — о товарище Сталине.

— Мы бы ее с удовольствием прочитали, — заверил я.

Х) Синоп — пригород Сухуми

— Я написал целую книгу о Наполеоне, а Сталин в двух словах сказал о нем больше, чем я в своей книге. Помните его сравнение льва с котенком? Сталин назвал Наполеона львом. Какая это точная характеристика личности Наполеона! — заявил академик.

— Сталин, — продолжал он, — это неисчерпаемая тема для историков, да и не только для историков. Не сомневаюсь: о нем будут писать многие поколения. Одни — правдиво, как о великом политике, государственном деятеле, дипломате, гениальном полководце. Недруги и фальсификаторы попытаются исказить его образ.

— Не без этого — согласился я. — Сталин мировая величина и, конечно, о нем писали, пишут и будут писать.

— Я часто задумывался над тем, заметил Тарле (впоследствии то же говорил А.И. Антонов), — как можно, чтобы один человек знал столько, сколько знает Сталин. Но ведь Сталин явление в истории незаурядное. Удивительно разносторонний, одаренный человек. Природа наградила его поразительным умом.

Чочуа сказал, что товарищ Сталин знаток и удивительный мастер национального вопроса, благодаря чему абхазы имеют свою автономную республику и своего Президента.

— Вот, перед Вами Президент Абхазии, Андрей Максимович Чочуа, — сказал я, обращаясь к академику.

Завязался разговор об Абхазии. Мы подробно рассказали Тарле, что представляет собой эта автономная республика, как она залечивает раны, нанесенные войной. Мы рассказали, что, хотя Абхазия не подвергалась немецкой оккупации, лишь несколько горных сел — Псху и другие — были оккупированны, и фашисты несколько раз бомбили Сухуми, но война нанесла большой вред и сельскому хозяйству, и промышленности. Наше сельское хозяйство многогранно, рассказывали мы академику, у нас возделываются высокоценные субтропические культуры. Для этого требуется много удобрений, сельскохозяйственной техники, но за годы войны мы их не получали и в результате сельское хозяйство очень отстало. Сейчас принимаются меры к тому, чтобы не только восстановить довоенный уровень, но и превзойти его.

Вскоре я извинился перед академиком и его женой за то, что вынужден их оставить: меня ждали дела, я должен был провести бюро обкома, а затем выехать в Тбилиси на Пленум

Центрального Комитета Компартии Грузии. Андрей Максимович Чочуа остался с гостями в качестве Президента и гида.

Наверное, надо обладать особым даром, чтобы находить среди миллионов людей таланты. Таким даром обладал Сталин. При этом он умел говорить с ними так, что они мгновенно становились пленниками его обаяния.

Расскажу эпизод, глубоко врезавшийся в память.

Было это в 1952 году. Я работал в своем кабинете в ЦК КГП(У) Грузии, когда раздался телефонный звонок. Звонил А.И. Микоян. После взаимных приветствий и любезностей, в которых у Микояна не было недостатка, он сказал, что Сталин получил от американского Президента напиток какого-то особого приготовления, который называется "Кока-кола". Он, Сталин, созвал членов Политбюро, угостил их этим напитком и все остались очень довольны.

— Товарищ Сталин поручил мне связаться с Вами, — сказал Микоян, — и попросить Вас прислать в Москву вашего знаменитого Лагидзе. Он должен приготовить напиток, лучший, чем "Кока-кола". Товарищ Сталин намерен отправить напиток Лагидзе американскому Президенту.

Я ответил, что Лагидзе очень стар, но я сделаю все, что нужно, и позвоню.

Немедленно послали машину за Митрофаном Лагидзе. Ему тогда было больше восьмидесяти лет, но старик чувствовал себя бодро. Я сказал, что ему придется выехать в Москву, к товарищу Микояну, чтобы приготовить особый безалкогольный напиток и что о подробностях ему расскажет сам А.И. Микоян.

Старик немного подумал и решительно заявил:

— Я к Микояну не поеду.

Ответ Лагидзе ошеломил меня. Не скрывая удивления, я спросил:

— Почему не поедете?

— "გულზე კაცად და აბოცობ",^{Х)} — отрезал Лагидзе.

Я оказался перед серьезной дилеммой. Этого ведь не скажешь Микояну, а старик упрям. О том, что Микоян звонил по поручению Сталина я не считал нужным говорить Митрофану

Х) Плохой он человек — потому. (груз.)

Лагидзе, так — как считал, что когда он приедет в Москву, Микоян сам ему скажет.

Как быть?

Решил посоветоваться с товарищем Сталиным. Позвонил ему по ВЧ, рассказал о разговоре с Митрофаном Лагидзе.

В трубке было слышно, как смеется Сталин.

— Просто не знаю, как выйти из положения, — сокрушался я.

— А Вы скажите Лагидзе, что я его приглашаю в Москву для выполнения одного важного поручения, касающегося его специальности.

После этой беседы я вновь пригласил к себе Митрофана Лагидзе и сказал ему, что его приглашает в Москву не Микоян, а товарищ Сталин и хочет дать ему одно поручение по изготовлению безалкогольного напитка.

Старик преобразился, лицо его просияло.

— Пожалуйста, — сказал он, — любое поручение товарища Сталина я выполню с удовольствием. — И добавил: — Я очень люблю товарища Сталина и глубоко уважаю его.

Митрофан Лагидзе выехал в Москву в специальном вагоне, его сопровождала родственница — врач. За следованием вагона следили и вскоре мне доложили, что Лагидзе благополучно доехал, и его встретили. С поручением он справился прекрасно.

Возвратившись в Тбилиси, Митрофан Лагидзе посетил меня в ЦК и рассказал, что приготовил замечательный напиток — грушевый лимонад и что товарищ Сталин остался напитком очень доволен.

— А Вы знаете, Акакий Иванович, что этот напиток предназначался для отправки Президенту Америки? — с гордостью спросил Лагидзе.

Я сделал удивленное лицо:

— Да ну?

— Вот именно, — повторил старик. — Президенту Америки.

Но мне не это важно.

— А что?

— Я принес свой напиток товарищу Сталину и он ему очень понравился. Вот это важно.

— О чем вы беседовали, если не секрет?

— Какой секрет! Товарищ Сталин стал спрашивать меня о состоянии моего здоровья. Я ответил, что чувствую себя не

плохо, но старость одолевает. А он замахал рукой, как будто даже рассердился: "Какое время говорить о старости! У нас столько дел!" Сказал, что получу новое назначение. Меня назначили главным технологом отдела безалкогольных напитков Министерства пищевой промышленности СССР.

— Неужели переедете в Москву? — спросил я.

— Нет, — ответил Лагидзе. — С местом пребывания в Тбилиси.

ВЫСЕЛИТЬ ЖИТЕЛЕЙ САРПИ?

В этой небольшой главе я решил объединить эпизоды, происшедшие в разные годы. Читатель, без сомнения, поймет, почему я так поступаю.

Известно, что Грузия граничит с Турцией. Вероятно, поэтому И.В. Сталин во время наших встреч не раз касался этой темы. Речь шла и о турецких политиках, и о жизни турок, и о положении на границе. Помню, в 1948 году за обедом на сухумской государственной даче Сталин говорил о том, что турки уничтожают памятники материальной культуры, меняют название городов на оккупированной и отторгнутой ими территории Грузии. Он пояснил это на примере города Карс. Настоящее, историческое название Карса — Кариси (от грузинского слова — Кари). Это грузинский город. Турки переименовали его в Карс.

То обстоятельство, что Грузия пограничная республика, требовало от её руководителей высокой бдительности. Особенно в те времена, когда правительство Турции тяготело к американцам.

Помню мои долгие беседы с В.М. Молотовым, Л.П. Берия, Л.М. Кагановичем, Г.М. Маленковым и такими видными военными деятелями, как Г.К. Жуков и А.М. Василевский (в ту пору последний был Министром Обороны СССР) относительно строительства метро в Тбилиси. Сооружать его начали по инициативе Сталина и, если говорить честно и откровенно, не столько для того, чтобы улучшить движение городского транспорта, сколько потому, что метро в Тбилиси необходимо как военный объект.

Во время беседы Василевский говорил, что Турция находится в объятиях Америки, что НАТО может использовать ее в любой

момент и нам надо об этом помнить. Он согласился прислать на строительство метро 10 тысяч демобилизованных солдат и мы вместе с ним написали товарищу Сталину записку по этому вопросу.

Принимались и другие меры по укреплению нашей границы с Турцией, обеспечению безопасности Советского Союза.

Но, то ли действовала известная русская пословица: "Лес рубят — щепки летят", то ли были к тому другие причины, но иногда в результате "мер" под ударом оказывались советские люди.

Вспоминаю два таких случая.

В 1952 году тогдашний министр Госбезопасности Грузинской ССР Н. Рухадзе поставил перед ЦК КП(б) Грузии вопрос о выселении вглубь страны жителей села Сарпи, граничащего с Турцией.

Если вы возьмете карту Аджарии, то увидите, что половина села Сарпи находится на территории Грузинской ССР, а другая его половина — на территории Турции. Родственники многих жителей советского Сарпи проживают в той части села, которая оккупирована Турцией. Несмотря на препятствия со стороны пограничников и органов Госбезопасности, они как — то ухитряются встречаться, а некоторые подходят в плотную к пограничной линии и переговариваются между собой.

Конечно, в такой обстановке возможно всякое — и шпионаж, и предательство.

Вот и решил министр Госбезопасности Грузии Н. Рухадзе выселить грузин из советского села Сарпи, мотивируя это решение тем, что в селе много неблагонадежных людей и надо очистить это приграничное место, чтобы гарантировать безопасность границы. Свои доводы он аргументировал еще и тем, что турки сами очищают границу и переселяют жителей из приграничных районов вглубь своей территории.

Аргументация Рухадзе вызвала у меня чувство недоумения: я сказал ему, что недавно объехал границу, но не заметил, чтобы турки выселяли жителей. И своих сарпинцев они не тронули.

Но Рухадзе настаивал на своем. И если ЦК КП Грузии не разрешит ему провести это мероприятие, то он вынужден будет доложить министру Госбезопасности СССР и ЦК ВКП(б).

Я посоветовал Рухадзе с запиской не торопиться.

— Сделаем так, — предложил я ему. — Председатель Совета

Министров З. Кецохвели по поручению грузинского ЦК выдвинул в Батуми, чтобы ознакомиться с ходом сбора зеленого чайного листа. Он будет введен в курс дела — я скажу ему, что Вы оставили вопрос о выселении жителей села Сарпи. Поезжайте вместе с ним, скажем для инспекции аппарата министерства Госбезопасности Аджарии. Подключите секретаря Аджарского обкома партии Г. Цинцабадзе. Втроем осмотрите село, а затем соберемся, обсудим и, если понадобится, вынесем этот вопрос на бюро ЦК. Никаких официальных комиссий создавать не следует: неровен час, еще просочится слух, будто мы собираемся переселять жителей Сарпи.

З. Кецохвели выехал в Батуми, вслед за ним отправился туда Н. Рухадзе. Вместе с Цинцабадзе они побывали в селе Сарпи.

Вернувшись из Батуми, З. Кецохвели позвонил мне и попросил принять его. На приеме он доложил, что все трое пришли к единому выводу: для обеспечения безопасности границы жителей Сарпи надо выселить.

— Боюсь, Захарий Николаевич, что Вы попали под влияние Рухадзе, — сказал я, — а он человек с авантюристическими наклонностями и к его предложению надо относиться осторожно.

Кецохвели задумался. Я не мешал ему размышлять. После небольшой паузы он произнес:

— Акакий Иванович, как Вы скажете, такой линии я и буду придерживаться.

— У меня складывается впечатление, — откровенно высказал я свою точку зрения, — что если пойти по такому пути, то скоро от нас потребуют выселить всех. Всюду может оказаться шпион с передатчиком и куда легче выселить население вместо того, чтобы изловить шпиона.

— Верно, согласился со мной Захарий Николаевич. И добавил: — Откровенно говоря, и я, и Цинцабадзе сделали вывод, исходя из доклада Рухадзе.

— На его доклады надо смотреть критически, — повторил я. — Отправляйтесь к себе, а я Вам через некоторое время позвоню.

Когда Кецохвели ушел, я позвонил товарищу Сталину. Проинформировать его по этому вопросу я считал необходимым по двум причинам. Во — первых, о нашем селе Сарпи неоднократно упоминал А.Я. Вышинский в своих выступлениях на Ассамблеях ООН и в других международных организациях. Вышинский

утверждал — и это соответствует истине — что в нашей части Сарпи люди живут лучше, чем в той, которая находится на территории Турции. Во — вторых предложение Н. Рухадзе я считал вредным, вместо того, чтобы кропотливо работать по разоблачению шпионов, диверсантов, террористов и вредителей, органы Госбезопасности пытаются облегчить себе труд.

Товарищ Сталин ответил на приветствие и сказал:

— Вы давно не звонили.

— Я ездил по районам Грузии, товарищ Сталин.

— Мне это известно.

Я доложил о предложении Н. Рухадзе выселить жителей села Сарпи. Напомнил о выступлении А.Я. Вышинского в ООН, в котором он упоминал это село. И стал ждать. Трубка долго безмолствовала — Сталин молчал. Наконец, я услышал его тихий голос:

— А как Вы считаете?

Зная манеру Сталина вести разговор, я ждал этого вопроса.

— Предложение Рухадзе считаю неправильным, товарищ Сталин, — уверенно ответил я. — Органы Безопасности должны разоблачать шпионов и диверсантов, но не идти по такому пути. Сперва они предложат выселить жителей одного села, а затем захотят выселять целые районы...

Сталин опять помолчал, затем сказал:

— Правильно считаете. Пусть работают. У нас в органах безопасности, к сожалению, очень много авантюристов. ЦК неоднократно указывал министерству Госбезопасности, что надо очистить аппарат от таких людей, все же они там окопались.

После разговора с И.В. Сталиным я попросил З. Кецховели зайти ко мне. Когда он пришел, я заявил, что село Сарпи ни в коем случае не следует выселять — такого мнение ЦК КП(б) Грузии. Мы примем ряд мер по улучшению работы МГБ Грузии. Я дам им соответствующие указание.

Конечно, я ни словом не обмолвился о моем разговоре с товарищем Сталиным. Но З. Кецховели был человеком умным и сам понял, что я советовался, прежде, чем принять такое важное решение.

Моя беседа с Кецховели привела к тому, что при новой встрече с Рухадзе и Цинцабадзе он решительно заявил, никакого выселения производить не следует — пусть органы МГБ лучше

работают, и что это не только его мнение, а установка ЦК. Вопрос был исчерпан. Жители грузинского села Сарпи остались на своей исконной земле.

Другой случай произошел, помнится, в том же 1952 году.

Вскоре после того, как меня избрали первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, в Центральный Комитет стали поступать заявления от бывших военнопленных, высланных после войны из Грузии. Выселены из республики были не только бывшие военнопленные, но члены их семей и наиболее близкие родственники. Произошло это в 1951 году. Выселение мотивировалось тем, что необходимо обеспечить государственную безопасность Грузии, поскольку она граничит с Турцией, которая к этому времени была прибрана к рукам Соединенными Штатами Америки.

До того, как мы начали рассматривать поступавшие в Центральный Комитет заявления, я потребовал от нового министра Госбезопасности Грузии генерала А. Кочлавашвили материалы, связанные с выселением указанного контингента.

Разбираясь в заявлениях, поступивших в ЦК, мы убедились, что многие из тех, кто жаловался на неправильное выселение, были высланы из Грузии несправедливо. Встречались люди, которые после плена вливались в ряды Советской Армии, проявляли мужество и отвагу в борьбе с фашизмом, заслужили боевые ордена.

И таких людей в месте с их родственниками выслали из Грузии.

Когда по поручению Центрального Комитета Компартии Грузии несправедливо высланные были возвращены на Родину, поток заявлений в ЦК усилился. Ночи напролет пришлось нам с министром Госбезопасности разбираться в них...

В октябре 1952 года предстоял XIX съезд партии и я подумал: а не поставить ли перед Политбюро и лично Сталиным вопрос о возвращении на Родину всех бывших военнопленных? Когда поделился этой мыслью с министром Госбезопасности республики, тов. Кочлавашвили от неожиданности растерялся.

— Акакий Иванович, — взмолился он. — Стоит — ли? Насколько я знаю, в подготовке этого вопроса принимали участие члены Политбюро.

— Вы верите в то, что эти люди правильно выселены? — не унимался я. — Сколько мы с Вами разобрали заявлений, а среди их авторов пока не оказалось ни одного, достойного высылки.

Может быть найдутся единицы, провинившиеся перед Родиной, но как можно из — за единиц наказывать тысячи?...

Я твердо решил: поговорю об этом с товарищем Сталиным.

Осенью, в один из дней работы XIX съезда партии, 1956

И.В. Сталин вышел отдохнуть в смежную с президиумом съезда комнату, я последовал за ним. Увидев меня, Иосиф Виссарионович стал расспрашивать об обстановке в Грузии, сказал, что доволен работой, проводимой партийной организацией республики.

Я доложил И.В. Сталину о том, что в ЦК Грузии поступает много заявлений от бывших военнопленных и членов их семей, высланных из Грузии.

Сталин насторожился. Я рассказал ему, что вместе с новым министром Госбезопасности А. Кочлавашвили несколько дней посвятил изучению материалов; что среди бывших военнопленных оказалось немало отличившихся в войне с фашизмом, имеющих по несколько боевых орденов; что по нашему твердому убеждению, может быть несколько человек и надо было выслать, но основная масса выслана неправильно.

Сталин сосредоточенно слушал, и когда я кончил говорить, посмотрел мне в глаза, спросил:

— Вы, конечно, отдадите себе отчет, о чем докладываете?

— Да, товарищ Сталин.

— Значит, Вы убеждены, что выселение было неправильным?

— Да, товарищ Сталин.

Мне показалось, что на лице Сталина мелькнула и тотчас исчезла едва уловимая улыбка.

— А Вы знаете, — продолжал Сталин, — что вопрос о выселении этого контингента был поставлен грузинским ЦК? У нас этот вопрос готовили шеф жандармов Берия (он так и сказал: шеф жандармов), Молотов, как министр иностранных дел, и министр МГБ СССР. От Центрального Комитета в подготовке вопроса принимал участие Г. Маленков.

Сталин умолк. Молчал и я. Прошли томительные для меня минуты, пока я снова услышал голос Сталина:

— Я долго воздерживался от решения этого вопроса, но все товарищи убеждали меня, что грузинский ЦК ставит вопрос правильно, что это мероприятие необходимо для обеспечения безопасности границ Грузии с Турцией. Представьте себе, когда мы рассматривали этот вопрос, не нашлось ни одного человека, который высказал бы иное мнение.

Я сказал:

— Товарищ Сталин, я не имею права сомневаться в компетентности названных Вами товарищей, но как выселенными без вины, с их семьями, в моей голове не укладывается.

Сталин встал, прошелся по комнате, остановился. Спросил:

— Что Вы думаете делать?

— Я думаю, товарищ Сталин, что этот вопрос мы изучим до конца, а затем подготовим обоснованную записку с просьбой, чтобы решение было пересмотрено и высланные из Грузии были возвращены на родину.

Сталин слушал, не перебивая, и я осмелел:

— У меня складывается впечатление, — откровенно заявил я, — что МГБ предпочитает массовое выселение кропотливой работе по разоблачению шпионов и диверсантов. Так можно дойти до абсурда.

— Именно до абсурда, — подтвердил Сталин. — Хорошо, напишите. Но предварительно сами проверьте все досконально.

Пока я и министр госбезопасности (других мы в это дело не посвятили) готовили записку в Совет Министров СССР, Иосифа Виссарионовича не стало. Чтобы вопрос не повис в воздухе, я проинформировал Лаврентия Берия, ставшего тогда первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, о своей беседе с товарищем Сталиным и о том, что у меня была с ним договоренность о записке в Правительство по этому вопросу.

Берия нахмурился, спросил:

— А что Вы сейчас хотите?

— Хочу написать записку на Ваше имя.

— Пишите, — разрешил он.

Я написал докладную записку о неправильно выселенных и послал ее на имя первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и министра Внутренних дел СССР Л.П. Берия. Было это во второй половине марта 1953 года. Копия записки, видимо, хранится в архиве ЦК КП Грузии и в Совете Министров СССР.

Как известно, все выселенные были возвращены на грузинскую землю.

К разговору о приграничной зоне Сталин возвращается много раз.

Отчетливо помню его телефонный звонок 1 марта 1953 года.

В этот день я вместе с другими руководителями республики присутствовал на генеральной репетиции оперы "Абесалом и Этери". Этот спектакль имел для нас особое значение. Дело в том, что мы пригласили в Грузию известных деятелей культуры, работавших за пределами республики — солиста Государственного Большого театра Союза ССР Д. Мchedлидзе, видного московского режиссера И. Туманишвили и талантливого художника из ленинградского театра оперы и балета С. Вирсаладзе. ЦК поставил перед ними задачу подготовить к постановке оперу "Абесалом и Этери" на высоком уровне. "Большая тройка" взялась за дело и когда спектакль был готов, нас пригласили на генеральную репетицию. Постановщики и весь коллектив Тбилисского театра оперы и балета достигли больших творческих успехов. И режиссер, и художник, и актер порадовали нас отличным спектаклем.

Сталин позвонил днем, через несколько минут после того, как я вернулся из театра в ЦК. По его тону чувствовалось, что он в хорошем настроении. Прежде всего, Иосиф Виссарионович поинтересовался, как идут дела в колхозах Грузии, получили ли мы выделенную решением Правительства СССР сельскохозяйственную технику. Я ответил, что поступление идет нормально.

— А как обстоят дела на границах?

Мне было понятно, почему Сталин проявляет к нашим границам повышенный интерес: незадолго до этого телефонного разговора мы получили указание ЦК о том, как следует заниматься приграничными районами.

Я ответил, что указание Центрального Комитета нами выполняются неуклонно, доложил о мерах, которые приняты грузинским ЦК, и о том, что за последнее время серьезные нарушения на границах не имели места. Товарищ Сталин потребовал уделять приграничным зонам больше внимания, послать

туда для работы наиболее проверенные волевые партийные и чекистские кадры. На прощание он сказал:

— В ближайшее время встретимся в Москве, поговорим обо всем подробнее. До свидания.

Премьера спектакля "Абесалом и Этери" состоялась на другой день после этого разговора — 2 марта. На ней присутствовало Правительство республики. Разумеется, был на премьерке и я.

Во время второго акта в ложу вошел министр Госбезопасности генерал Кочлавашвили и передал мне шифровку. В ней сообщалось, что созывается Пленум ЦК КПСС и мне надлежит сегодня же вылететь в Москву.

Для меня эта шифровка была полной неожиданностью. Я перебрал в уме множество вариантов, но никак не мог взять в толк, по какому поводу так срочно созывается внеочередной Пленум.

Уйти со спектакля я счел неудобным, но как только занавес закрылся и отгремели аплодисменты, я тотчас направился в ЦК.

Вскоре раздался телефонный звонок: первый секретарь ЦК Компартии Армении Г. Арутюнов спрашивал, когда я вылетаю в Москву и не прихватчу ли его с собой.

— С удовольствием, — ответил я.

Мы условились, что встретимся на аэродроме.

Всю дорогу мы судили — гадали, чем вызван этот неожиданный Пленум, но так ни до чего додуматься не смогли.

Наш самолет приземлился в Москве около трех часов и мы сразу же направились в ЦК, а оттуда в Кремль. Там нас проинформировали, что Сталин находится в тяжелом состоянии и Пленум ЦК состоится завтра в связи с этим трагическим событием.

Мы все были потрясены этим известием. По крайней мере я думал так потому, что сам лично очень тяжело переживал болезнь И.В. Сталина. Утром и днем третьего марта, я встречался с членами Политбюро — Маленковым, Молотовым, Берия, Кагановичем, Петрухиным, Сабуров, Булганиным, мне казалось, что все они очень остро переживают происходящее.

4 марта открылся Пленум ЦК и нам стали известны подробности. На Пленуме присутствовали все члены Политбюро за исключением Н.А. Булганина. Его отсутствие объяснили тем, что он дежурит у постели Сталина.

Открывая Пленум, секретарь ЦК КПСС Г.М. Маленков сказал:

— Сталин настолько серьезно болен, что если даже он выздоровеет, то месяцев шесть не сможет работать. А партия и страну нельзя оставлять без руководства ни на один час. Вот почему мы собрали этот внеочередной Пленум.

Л.П. Берия внес предложение назначить Председателем Совета Министров СССР Г.М. Маленкова. Это предложение было принято.

Затем Г.М. Маленков, уже в качестве главы Правительства, предложил внести изменения в структуру и состав Правительства СССР. Они были приняты без поправок.

На этом Пленум ЦК — самый короткий на моей памяти — был объявлен закрытым.

С тяжелым сердцем мы покидали Кремль.

Меня поразило то обстоятельство, что И.В. Сталин продолжает жить, его как будто бы лечат и о его здоровье заботятся, но освободили от всех занимаемых постов. Возникал вопрос — разве И.В. Сталин болеет в первый раз? Ведь же любой глава правительства и любой лидер партии может заболеть, но его же сразу не освобождают от должности. В чем дело? Что то думал я, неладно в руководстве. Но в то же время, они вели себя так, как будто очень верны своему вождю и учителю И.В. Сталину. Как в последствии, оказалось, они притворялись, в особенности Берия и Маленков, и Хрущев.

На другой день, 5 марта, вновь состоялся Пленум ЦК КПСС. В гробовой тишине слушали мы сообщение министра здравоохранения СССР А.Ф. Третьякова о причинах кончины товарища Сталина. Никто из нас, членов ЦК, находившихся в эти минуты в зале, не стеснялся своих слез...

Некоторые молчали, но мне казалось, что все так же остро переживают эту потерю. Случайно я взглянул в сторону и перехватил взгляды Берия и Маленкова. Они улыбнулись друг другу, но я решил, что это происходит на нервной почве.

9-го марта похоронили Сталина с соблюдением всех почестей. На мавзолее Ленина перед всем миром выступили Маленков, Берия, Молотов. Они клялись в верности Сталину и его делу.

10 марта Берия пригласил меня к себе в кабинет в Кремле

(у него еще был кабинет на Лубянке). Он уже был первым заместителем председателя Совета Министров СССР и министром внутренних дел, в котором было объединено и министерство КГБ и КГБ. Как только я вошел к нему в кабинет он обрушился на Сталина и начал поносить его в очень "сильных" выражениях. Я был ошеломлен. Он смотрел на меня пронзительно сквозь свои пенсне и точно буравил меня своим взглядом, видимо, думая прочесть у меня на лице, как я реагирую на его брань. На столе у него лежал револьвер.

Он говорил: "Мы похоронили Сталина. Больше великого Сталина в истории не будет. Сталин ничего не делал. Войной руководили мы. Военной индустрией руководил я. Государственный Комитет организовал я".

"Я, да я" и все в том же духе. Разговор продолжался больше часа.

Я сказал: "Как же Лаврентий Павлович, вы вчера с мавзолея Ленина на траурном митинге говорили совсем другое. Вы автор книги "К вопросу об истории партийных организаций Закавказья", где в каждой строке говорится о Сталине и о том как высоко чтили его".

Тогда Берия, который во время разговора прохаживался по кабинету сел на письменный стол, ехидно усмехнулся и посмотрев на меня сказал: "Да, мы писали, говорили и это тоже была политика." Без этого, я не был бы здесь.

— Но это плохая политика, — сказал я, — если партия и народ узнают, что Вы говорите здесь в кабинете, то отвернутся от Вас. У нас в партии и в народе считают вас самым преданным Сталину человеком."

В ответ, он опять обрушился на меня и сказал: "Что за статью ты написал. "Сталин наше знамя!" Это твое знамя!"^х, и положил руку на рукоятку револьвера.

Меня удивил такой ответ, так как я с ним согласовывал вопрос о том, чтобы написать такую статью и опубликовать в газете, на что он не только дал согласие, но даже сказал: "Пиши как можешь, хорошо, на что только способен".

Позже, с каждым днем при каждой встрече становилось ясным, что само упоминание имени Сталина вызывало раздражение у Берия, Маленкова и Хрущева, а через месяц начали преследовать

X) А. Мгеладзе — Сталин — наше знамя, газ. Правда, 1953 г., март

кадры, которые остались верными Сталинскому руководству. В особенности Берия и Хрущев стали настолько чувствительными, что лишь только упоминание имени Сталина, навлекало их гнев.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

...XIX съезд партии был созван осенью 1952 года. Он открылся 5-го ноября. В тот день был заслушан отчетный доклад ЦК ВКП(б), с которым выступил секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков. Коммунистическая партия Советского Союза пришла к съезду единной, сплоченной. К тому времени страна добилась успехов всемирно — исторического значения. Уже был превзойден довоенный уровень в области промышленности, транспорта, сельского хозяйства и национально — культурного строительства. Военная мощь Советского Союза не только не уступала, но и превосходила любую капиталистическую державу, в том числе США и Великобританию. Мы уже располагали атомной и водородной бомбой, наша армия взяла на вооружение ядерное оружие. Еще никто не знал, но у нас все было сделано для того, чтобы отправить в космос человека. Карточная система на продовольствие была отменена, со снабжением продовольственными и промышленными товарами стало гораздо легче, на них ежегодно снижались цены. В закрома государства каждый год засыпались 7—8 миллиардов пудов зерна. Так что партия и правительство смело могли смотреть в глаза своему народу.

На этом съезде в последний раз я встретился с И.В. Сталиным.

Однажды, во время перерыва, он спросил меня:

— Вы будете выступать?

— Буду.

— Волнуетесь?

— Очень, товарищ Сталин.* Мне еще не приходилось подниматься на такую ответственную трибуну.

— Перед выступлением каждый из нас волнуется, тут ничего не поделаешь, — сочувственно сказал Сталин. И, чтобы подбодрить меня, добавил: — У Вас получится.

Тогда же Сталин заговорил со мной о грузинском чае.

— Турки решили заложить вдоль побережья Черного моря, на границе с Грузией, чайные плантации, — сказал он. — ~~Смотрите~~, чтобы они не перекрыли вас.

Я ответил, что этого никогда не будет. Еще один нажим, заявил я, и мы будем иметь чаесборочную машину. А когда такие машины выйдут на наши чайные плантации — нам ничего не будет страшно.

— Значит, чаесборочная машина у вас получается? — спросил Сталин.

— Да, получается. Мы занимаемся ею ежедневно. Думаю, что с будущего года машины появятся на плантациях. Конечно, их придется усовершенствовать...

— Ну, это дело наживное, — повеселел Сталин. — Важно, что машина получается.

Помню и такой эпизод.

В числе коммунистических и рабочих партий, приехавших почти из всех стран мира, не было делегации Индийской коммунистической партии. Это случилось потому, что тогдашнее правительство Индии не разрешило руководителям Коммунистической партии выехать в Советский Союз. Они прислали съезду приветственную телеграмму. Но когда работа съезда подходила к концу, председательствующий неожиданно для делегатов объявил, что предоставляет слово для приветствия представителю Индийской коммунистической партии товарищу К.

Вижу, поднимается на трибуну очень молодой человек. Не я один — все были удивлены, что он так молод. И.В. Сталин, сидевший позади всех членов Президиума, пересел ближе и, чуть наклонившись, стал внимательно слушать оратора. Делегаты бурно зааплодировали. Индийский делегат не понял, почему раздались аплодисменты — он ничего особенно не сказал, но когда обернулся к Президиуму и увидел улыбающегося Сталина, догадался, к кому относится овация, тоже улыбнулся и стал аплодировать вместе со всеми.

Не знаю, чему улыбался, о чем думал в эти минуты Иосиф Виссарионович. Не о том ли, что давным — давно таким же молодым, как этот индийский гость, он уже был известным и признанным революционером, одним из руководителей РСДРП. И не потому ли улыбался Сталин, что любил молодых, ценил их. А юноша из

Индии, стоявший на трибуне, олицетворял будущее своей страны за которое ему и его соотечественникам приходилось бороться в тяжелых условиях.

О молодых талантливых партийных работниках Сталин заботился отечески. Мы, в те времена еще совсем молодые люди, отвечали на его заботу горячей любовью.

Когда работа XIX съезда партии подошла к концу и счетная комиссия доложила итоги выборов, члены Центрального Комитета — испытанные старые деятели партии и молодежь — собрались вокруг Сталина. Иосиф Виссарионович заговорил с нами и мы, только что избранные молодые члены ЦК, чувствовали тепло его сердца. В этот день мы проголосовали за значительное расширение состава руководящих органов партии — членов ЦК, кандидатов в члены ЦК, ревизионной комиссии, секретариата и Президиума ЦК КПСС. Это расширение было осуществлено за счет избрания в руководящие партийные органы молодых, талантливых, растущих людей.

Когда Сталин кончил говорить Лазарь Мойсеевич, смеясь, заметил:

— Товарищ Сталин, Вы не обратили внимания, что в составе вновь избранного Центрального Комитета три сапожника — Сталин, Каганович и Мгеладзе.

— Для одного ЦК это многовато, — подхватил шутку Сталин. А мне тут же вспомнилось, что совсем недавно я имел одну интересную короткую беседу. Среди прочих, в состав нашей делегации входил старый революционер, друг юношеских лет И.В. Сталина, Георгий Элисабедашвили.

7-го октября, до начала вечернего заседания он подошел ко мне и сказал, — Акакий Иванович, у меня есть часы отца Иосифа Виссарионовича, — и вынул из кармана часы. Они, действительно, были старинными, — я хочу передать их Сосо.

Я ответил: — товарищ Георгий, Сталин Вас знает, относится к Вам хорошо, Вы старейший его друг, советую Вам обратиться к Поскребышеву, который ходит здесь среди делегатов и попросить его, чтобы он передал Сталину о вашем желании увидеться с ним и скажите по какому вопросу. Мне кажется, так будет лучше.

Элисабедашвили согласился с моим мнением, обратился к Поскребышеву и тот передал его просьбу товарищу Сталину, но Иосиф Виссарионович ответил, что сейчас он очень занят вопросами

съезда и вряд ли сможет принять его для того, чтобы побеседовать о былых временах.

Рассказав мне об этом. Елисабедашвили попросил А. А. Ажаквиани Иванович, возьмите Вы эти часы и при встрече со Сталиным в ходе работы съезда скажите ему пару слов и передайте эти часы.

Часы я взял сказав, что обещать ничего не могу, разве что Сталин сам проявит инициативу.

9-го октября, когда я занял место в президиуме съезда, на вечернем заседании ко мне подошел А. Поскребышев и передал, что меня просит к себе товарищ Сталин. Я последовал за Поскребышевым и зашел в комнату где сидел Сталин.

Он поздоровался со мной и улыбнувшись спросил, как идет съезд. Я ответил, что хорошо.

Вы не знаете, что хотел товарищ Елисабедашвили? — спросил Сталин.

— Ничего особенного, — ответил я, — у него сугубо личный вопрос, касающийся Вас.

Сталин насторожился и спросил, — а что?

Я вынул из кармана пиджака часы и сказал, — вот эти часы Вам хотел передать Елисабедашвили.

— Интересно, покажите их. А в чем дело?

— Елисабедашвили сказал, что часы принадлежали вашему отцу, что он их разыскал и хотел вам лично передать.

Сталин чуть улыбнулся, погладил своей трубкой усы и посмотрев на меня, сказал, — Никак не может быть, чтобы часы принадлежали моему отцу.

— За достоверность не ручаюсь, — ответил я.

— Никак нет. Верните ему эти часы, — сказал Сталин.

— Что ему сказать? — спросил я.

— Скажите, что Сталин не знает таких часов.

Я немного задумался, а затем улыбнулся. Сталин посмотрел на меня, засмеялся и сказал — вот по той причине, о которой Вы, сейчас подумали. Эти часы не могут принадлежат моему отцу.

— Нет, я ничего не подумал.

— Нет, нет, то о чем вы подумали, это и является основанием.

— Хорошо товарищ Сталин, я верну ему часы и скажу, что Вы очень заняты и о часах поговорите потом. Верну ему часы, сказав, что я могу их потерять.

— Очень хорошо.

— Товарищ Волков, я знаю, что секреты вы хранить умеете, хотя нет и еще не было таких секретов, которые не стали бы впоследствии достоянием всех. Историки это такие люди, которые не только из под земли, но и со дна океана поднимут факты и расскажут миру обо всем.

— Да, товарищ Сталин, история знает, что самые засекреченные дела всегда становились достоянием всех, взять хотя бы дело Марии Стюарт.

Сталин ответил, — секреты хранят до тех пор, пока их разглашение не используется в качестве оружия против врага.

Теперь давайте перейдем к делу. Я вот почему пригласил Вас — сказал И.В. Сталин, — Политбюро намечает будущих членов ЦК КПСС для того, чтобы внести сперва на обсуждение делегаций, а затем в целом и на рассмотрение съезда. А о Вас, Политбюро единного мнения, — назвать вас членом ЦК.

— Это большое доверие для меня. Ведь мой предшественник был кандидатом в члены ЦК.

— Политбюро считает, что вы вполне достойны.

— Товарищ Сталин, после всего того, что произошло в руководстве Компартии Грузии, я бы просил и председателя Правительства тов. Кецховели назвать членом ЦК, а второго секретаря ЦК — тов. З. Цховребашвили и первого заместителя председателя Совета Министров В. Бакрадзе кандидатами в члены ЦК.

— Ну что же, я поддерживаю ваше предложение в Политбюро, а также на съезде, если это будет нужно.

— Большое спасибо, — поблагодирил я и ушел..

После этого разговора, я вспомнил ряд бесед со Сталиным на Черноморском побережье. Он часто вспоминал о Васо (Василии) Эгнаташвили, расспрашивал, о том, как он живет, как его здоровье, и каковы его семейные дела.

В те времена у В. Эгнаташвили были семейные неурядицы и Сталин близко принимал это к сердцу.

Хорошо запомнилась мне последняя беседа в 1951 г., когда И.В. Сталин спросил меня, хорошо ли я знаю Васо.

Я ответил, что знаю его, что он секретарь Президиума Верховного Совета Грузии, что он очень образованный и культурный человек.

— Да, подтвердил Сталин. Вы встречаетесь с ним?

— Нет, только на официальных заседаниях, так как я быстро возвращаюсь из Тбилиси в Сухуми, где у меня много работы.

— Человек он хороший. Правда, одно время путался с федералистами и с другими партиями, иногда чудачил, но так, он хороший человек, — сказал Сталин.

— Вот что, товарищ Волков, — продолжал он. — Васо из Руиси. Вы знаете такое село?

— Знаю.

— Бывали там? — спросил Сталин

— Бывал, когда работал секретарем ЦК Комсомола. — ответил я.

— Значит комсомольцем бывали?

— Да, товарищ Сталин, но это было очень давно, лет пятнадцать тому назад.

— Вот Васо говорит, что в Руиси ничего не изменилось, ничего не построено за годы советской власти, оно осталось таким, каким я его помню. Обратите внимание на это село, — сказал Сталин.

Я подумал, почему Сталин интересуется Руиси, а не говорит о селе Диди — Лило, где проживает его родня.

— Товарищ Сталин, — ответил я, обязательно съезжу туда и постараюсь оказать им любую помощь. Правда, часто я не смогу там бывать, от Кутаиси это не так близко.

— Ничего, Вы будете бывать там из Тбилиси, — сказал товарищ Сталин.

Тогда же товарищ Сталин сказал, что мне придется начать работать в качестве первого секретаря ЦК КП(б) Грузии и перебраться в Тбилиси.

Сталин очень часто вспоминал о Саше Эгнаташвили, брате Васо. Он говорил, что Саша порядочный человек, он знает его еще с юношеских лет и затем, по Баку, когда он работал в Бакинской организации.

В общем, хочу отметить, было ясно, что Саша и Васо Эгнаташвили были близкими и любимыми людьми Иосифа Виссарионовича. У них были на редкость теплые отношения.

Оба брата ничего по этому поводу не рассказывали, отмечая лишь, что они знают Сталина с молодых лет и дружат с ним.

Как уже раньше говорилось в марте 1952 года, Политбюро ЦК ВКП(б) рекомендовало меня первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, а в начале апреля состоявшийся Пленум ЦК КП(б) Грузии избрал меня своим первым секретарем.

Начав работу на этом посту, я побывал сначала в районах Кахетии, а затем в районах Картли, заезжал во многие села, в том числе и в Руиси, намеренно, не выделяя это посещение, чтобы никому ничего не бросилось в глаза.

Осмотрев село, я убедился, что действительно, товарищ Сталин имел правильную информацию, — в Руиси, за годы советской власти ничего не было построено. Вернувшись в Тбилиси, я позвонил Васо Эгнаташвили, работавшему секретарем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и пригласил его к себе. Я рассказал ему, что побывал во многих селах Картли, в том числе Руиси и так как он оттуда родом, попросил его выехать туда, взять с собой архитекторов и посмотреть, что там нужно строить, поговорить с крестьянами и подготовить проект решения о строительстве школы и других культурно — бытовых учреждений, а также представить мероприятия по подъему сельского хозяйства, в частности, по плодоводству.

Естественно я не сообщил ему о беседе со Сталиным, да и не нужно было ему об этом знать, по крайней мере, от меня.

Васо Эгнаташвили выехал к своим односельчанам, а затем внес ряд предложений в ЦК и мы поручили соответствующим министерствам осуществить их.

В том же, 1952 году сотрудница Тбилисского филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС Беридзе, обратилась ко мне с просьбой принять ее. Она показала мне фотографию, утверждая что это отец Сталина, Виссарион Джугашвили. Товарищ Сталин уже отверг семь фотокарточек, на которых как утверждали изображен его отец, но на этот раз кажется мы не ошиблись. Хотим показать ее товарищу Сталину. Не возьмете ли вы на себя эту миссию. Я ответил, что в ближайшее время не собираюсь в Москву и вызова не ожидаю, поэтому, советую Вам, согласовать это самим через ИМЭЛ.

Так она и поступила. Впоследствии, мне сообщили, что Сталин отверг и эту фотокарточку.

Об этих беседах со Сталиным, я никогда никому не рассказывал, а решил их записать, считая, что можно будет сделать доступными эти воспоминания не ранее чем через 50 лет со дня его смерти.^x Мною руководила мысль о том, что когда либо нашим историографам пригодится эта информация.

У меня создалось впечатление, что Иосиф Виссарионович Сталин является незаконнорожденным сыном Якова Эгнаташвили. В народе ходят слухи о том, что Кеке Геладзе жила со своим

X) Записано в марте 1971 года

мужем Бесарионом Джугашвили очень бедно. Ей приходилось ходить к состоятельным людям на работу, убирать и стирать, так она попала в дом Якова Эгнаташвили и у нее родился сын, которого назвали Сосо (Иосиф)...

... Но вернемся обратно в Кремль.

Больше всего мне запомнился последний день съезда.

Уже все доклады были прочитаны, заслушаны прения, выделенные съездом Комиссии по редактированию документов завершили работу. Мы собрались на последнее вечернее заседание. Климент Ефремович Ворошилов прошел к председательскому месту и объявил:

— Слово предоставляется товарищу Сталину.

Что тут началось! В зале, на всех ярусах взорвались аплодисменты. От них казалось, рухнут стены Андреевского зала Кремля.

Иосиф Виссарионович спокойно поднялся на трибуну. Серьезный, сосредоточенный он ждал, пока утихнет овация. А она все возрастала и возгласы: "Да здравствует великий Сталин!", "Слава Сталину!", подобно грому, раскатывались под сводами Дворца.

Сталин вынул из кармана часы и показал делегатам на стрелки — время дорого, но куда там! Овации вспыхнули с новой силой. Аплодировали делегаты — старые большевики и молодые партийные работники, академики и рабочие, писатели и колхозники, инженеры и мастера искусств. Аплодировали и иностранные гости.

Сталин обернулся к президиуму и посмотрел на К.Е. Ворошилова, как бы взывая к его помощи. Климент Ефремович нажал на звонок, а в ответ с новой силой разбушевалась овация. Казалось, не будет конца этому водопаду аплодисментов. . .

Наконец, наступила тишина. И в этой звенящей, внимательной тишине я услышал спокойный голос Сталина, обращенный к нам, делегатам:

— Товарищи!

Таким и запомнился мне Иосиф Виссарионович Сталин. На всю жизнь.

Никто не "сделал" И.В. Сталина вождем, полководцем и учителем, он сам стал им благодаря своему таланту, государственной и военной деятельности и влиянию на строителей нового мира.

Я горжусь тем, что Сталина подарила миру моя маленькая страна — Грузия. Страна древней и высокой культуры. Страна поэтов и философов. Страна вдохновенных тружеников, сердечных и благородных людей.

В глубокой древности грузины населяли обширную территорию Малой Азии, простиравшуюся от границ Месопотамии до Кавказского хребта. Еще в те далекие времена о них сложилось убеждение, что это люди, обладающие незаурядным талантом, твердым характером, исключительным трудолюбием, подлинным чувством прекрасного и возвышенного. Мой народ пронес эти качества через века.

Когда я писал эти строки, мне пришли на память слова Государственного секретаря США Кардэлла Хелла, сказанные им в годы второй мировой войны, что такие деятели как Ф. Рузвельт, У. Черчилль и Сталин являются миру в 500 лет один раз.

Почему он назвал цифру — 500? Много раз в кругу очень компетентных людей, когда разговор заходил о Цезаре, Александре Македонском или Наполеоне утверждали, что таких великих людей история дает лишь один раз в век, а Кардэлл Хелл, перечисляя Большую тройку назвал цифру — 500. Задумываясь над этой цифрой, я решил оглянуться на события, которые произошли 500 лет тому назад, и пришел к выводу, что цифра названа не случайно. 1500 — й год был первым годом нового XVI века, века Лютера, Томаса Мора, Коперника, Джордано Бруно, века великих потрясений и великих открытий, века гибели многих авторитетов, века крушения метафизической космологии^X и Птоломеевской^{XX} системы мира.

Наверное, в следующем 500 — летию так же произойдут

X) Представление о статичности и неизменности устройства Вселенной.

XX) Геоцентрическая система мира

великие потрясения и великие открытия. Не станет авторитета тех, которые признаются ныне, произойдут великие крушения существующих многих формаций и систем, но всегда будут формировать Великую Вторую Мировую Войну и Великую Тройку титанов – Сталина, Черчилля и Рузвельта.

А. Мгеладзе

Грузинская ССР
Село Бебниси, Карельский район
1956 – 1965 г.г.

КОЛЕСО СУДЬБЫ

В молодости у нас с Берия отношения складывались хорошо. На протяжении ряда лет он являлся первым секретарем ЦК Компартии Грузии, а я в то время был первым секретарем ЦК Комсомола Грузии. Поэтому мне часто приходилось встречаться с ним в разной обстановке — в деловой и неделовой. Мне искренно нравились его оперативность, конкретность и то что, он ежедневно занимался сельским хозяйством Грузии, промышленностью, а также благоустройством столицы Грузии — Тбилиси. В своих выступлениях я высоко отзывался о нем, делая это в соответствии со своими убеждениями.

В свою очередь, он был доволен работой комсомольских организаций Грузии и ее Центрального Комитета, положительно отзываясь об их деятельности.

Так продолжалось многие годы в период его работы в Грузии, а затем в Москве. Но начиная с 1943 года, чем больше приближал меня к себе И.В. Сталин, тем настороженнее становился Берия. Чувствовалось, что он недоволен этим сближением, хотя открыто этого не проявлял. Хорошо зная его характер и нравы, это обстоятельство не ускользнуло от моего внимания.

Сталин, часто, лично принимал меня, звонил по поводу разных вопросов. Я, в свою очередь, лично согласовывал и решал с ним различные проблемы.

Берия к такому положению дел не привык. Грузинское руководство всегда все вопросы вначале согласовывало с ним, и уже затем шло на доклад к Сталину.

В присутствии Сталина Берия в отношении меня внешне держался любезно, высоко отзываясь о моих деловых качествах. Я чувствовал что — то неладное и молчал, наивно полагая, что такое отношение ко мне постепенно пройдет.

После смерти Сталина стало очевидным, что "такое отношение" не прошло. Новое руководство партии и правительства, Н. Хрущев, Л. Берия и в меньшей степени Г. Маленков выдвинули передо мной категорическое требование — отречься от Сталина. Отрекусь — за мной сохранятся все занимаемые посты в партии; откажусь — снимут с поста первого секретаря ЦК КП Грузии, выведут из руководящих органов партии и государства, исключат из партии и дело может закончиться тюрьмой.

Это не ограничилось бы только мною и моей семьей.

Берия расправился бы со всеми теми, кто работал со мной на протяжении двух десятилетий, начиная с комсомола. И неизвестно, остался бы я в живых, если бы вскоре не расстреляли его самого.

Свои нападки Берия начал со второго же дня после похорон Сталина.

— Давайте оставим все вопросы в стороне, — сказал он, — скажите, почему Сталин в последние годы называл Вас Волковым?

Удивленный, я ответил, что Сталин просто перевел мою фамилию с грузинского на русский язык. Берия подскочил на стуле, посмотрел на меня в упор и с ехидством произнес — просто так Сталин ничего не делал.

— К сказанному ничего не могу добавить, никакого странного чувства по этому поводу у меня не возникало — ответил я.

— Зато у нас оно возникало — воскликнул он.

Из последующей беседы я понял, что моя беда состояла в том, что я был приближен, осведомлен, и что меня иногда называли Волковым. Но с такими обвинениями (смехотворными на мой взгляд) невозможно было выступить перед Компартией Грузии, чтобы дискредитировать, а затем уничтожить меня.

И тогда вся махина МВД СССР, во главе с Берия начинает работу над созданием сфальсифицированных материалов. Работают все три "фабрики" этого министерства. Первая — "фабрика слухов", которая распространяет всякие небылицы, вторая — "фабрика провокаций", которая устраивает трудно вообразимые провокации, и наконец "фабрика фальсификаций", которая приступает к созданию ложных материалов против меня.

Ниже приведенная запись допроса — объяснения на имя Берия была порвана самим Берия, так как его не устраивало правдивое описание событий. Под его диктовку я заново написал объяснение, в котором все было поставлено "с ног на голову". Сопротивляться было бесполезно. На письменном столе лежал револьвер, на рукоятку которого Берия время от времени клал руку. Я не боюсь смерти, но мертвый уже никогда ничего не сможет сказать в свою защиту, никогда не сможет доказать правду. И потом у Берия был прекрасный сподручный В.Б., который блестяще умел подделывать любой почерк. Учитывая этот его талант, в моей подписи никто и не нуждался.

Итак, начну с начала

ВОПРОС: Что вы говорили товарищу Сталину о взяточничестве в Грузии?

ОТВЕТ: В 1951 году, товарищ Сталин, отдыхая на Черноморском побережье Грузии, на Ново – Афонской государственной даче, пригласил меня к себе и в одной из бесед поинтересовался вопросом о том, действительно ли в Грузии развито взяточничество. Я это подтвердил, однако заметив, что Грузия в этом деле не составляет исключения, но это не значит, что не надо вести борьбу против взяточничества. Тогда товарищ Сталин спросил: “А, вот, конкретные факты у вас есть?” Я ответил, что партийными организациями Абхазии, были разоблачены взяточники и строго наказаны, как например прокурор гор. Сухуми, Гвасалия. Однако прокурорско – судебные власти Тбилиси его реабилитировали и освободили из – под ареста, что, видимо, не обошлось без взятки. Если против взяточников снизу доверху не будут приниматься решительные меры, то борьба против взяточничества в отдельных районах и областях не даст должного эффекта. Рассказал и о том, что имел место факт и такого порядка, – редактор Гальской газеты, Гвахария путем махинаций собрал с крестьян 20 с лишним тысяч рублей, из которых 15 тысяч рублей присвоил, купив себе легковую машину. За это Гвахария был наказан. Областной комитет партии исключил его из рядов ВКП(б) и он был отдан под суд. Это решение с трудом удалось провести на Бюро ЦК КП Грузии, т.к. некоторые члены Бюро ЦК даже защищали Гвахария.

Все это я рассказал товарищу Сталину.

После ноябрьского решения ЦК ВКП(б) 1951 года, партийными организациями были вскрыты многочисленные факты взяточничества. При этом обращает на себя внимание, что взяточничество в Грузии из года в год не убывало, а возрастало. Имеющиеся в ЦК КП Грузии материалы об этом полностью подтверждают правильность указанного решения ЦК ВКП(б).

Новое руководство ЦК КП Грузии, на основе решения ЦК ВКП(б) и личных указаний товарища Сталина развернуло беспощадную борьбу против взяточников и их покровителей.

Я все время полагал, что этим мы делаем хорошее, полезное дело, ибо в стране социализма не должно быть таких явлений. Правда, взяточничество является пережитком прошлого, капитализма, но когда оно не убывает, а возрастает, то тут надо подумать

результатом чего оно является. А являлось оно результатом разложения отдельных должностных работников Грузии, а также отсутствия эффективной борьбы ЦК КП Грузии против них, также и казнокрадов и расхитителей социалистической собственности.

Сейчас можно сказать, что в Грузии взяточничество почти ликвидировано.

Далее, ЦК КП Грузии располагает материалами, подтверждающими, что Барамия М., в бытность его вторым секретарем ЦК КП Грузии, как показали также и арестованные по делу так называемой антипартийной, антигосударственной группы, возглавляемой Барамией, — шефствовал над мегрельскими районами и брал под защиту преступников, независимо от того, какие бы тяжкие преступления они не совершали, только потому, что они мегрелы.

Ноябрьское решение ЦК ВКП(б) от 1951 г. помогло Грузинской партийной организации повести решительную борьбу и почти ликвидировать взяточничество и шефство над отдельными провинциями Грузии со стороны руководящих работников республики.

Мне непонятно, почему и с каких пор беседы с товарищем Сталиным стали обвинением для человека.

ВОПРОС: Что вы говорили товарищу Сталину о существовании антипартийной, антигосударственной мегрельско — националистической группы?

ОТВЕТ: Разумеется, абсолютно ничего, т.к. о существовании такой группы не только ничего не знал, но и не мог знать. Существование антипартийной, антигосударственной группы, возглавляемой Барамией, ее связь с известным эмигрантом Гегечкори на основе зарубежных данных была вскрыта МГБ СССР. Я ничего не могу сказать насколько это правильно или неправильно. Если судить по следственным материалам и собственным признаниям Барамия и его сообщников, то они все называли очень много фактов, подтверждающих существование означенной группы.

В подтверждении того, что я ничего не говорил и не знал о существовании этой группы, могу привести такой факт. После принятия решения ЦК ВКП(б), я был у товарища Сталина, по его приглашению, в Новом — Афоне. Товарищ Сталин интересовался

тем, как ноябрьское решение ЦК ВКП(б) 1951 г. воспринимается в Грузии. Я ответил, что масса восприняла это решение с большим подъемом и одобрением, т.к. решительные меры против взяточников-расхитителей социалистической собственности облегчают положение каждого труженика города и деревни.

В беседе я так же сказал товарищу Сталину, что никак не могу представить себе, чтобы тов. Кучава М.И. входил в состав указанной группы. Тов. Кучава я знаю по совместной работе в Абхазии в течении 5—6 лет и никогда за ним ничего плохого не замечал. Тогда товарищ Сталин переспросил меня, действительно ли я убежден в этом. Я ответил утвердительно. Товарищ Сталин сказал, что если допущена в этом деле ошибка, то она будет исправлена. И буквально на второй день вышло постановление об отмене ноябрьского решения ЦК ВКП(б) в части, касающейся тов. Кучава.

Спрашивается, если бы я был первоисточником для принятия указанного постановления, в чем Вы меня обвиняете, то разве мог бы я сказать товарищу Сталину о том, что не верю в принадлежность тов. Кучава к указанной группе.

Я также спросил товарища Сталина о том, может ли существовать мегрельско — националистическая группа, поскольку мегрелы не представляют собой самостоятельной нации. Ведь мегрелы те же грузины, правда, в языках есть разница, но мегрельский является одним из картвельских языков и в его (товарища Сталина) трудах по национальному вопросу мегрелы нигде не фигурируют как самостоятельная нация. В ответ товарищ Сталин сказал, что есть часть мегрелов, не считающих себя грузинами. Еще в прошлом они стремились к отдельной группировке, добивались своей автономии. Тут он вспомнил Исаака Жвания и его единомышленников. Такая тенденция к сепаратизму их характеризует с давних пор и эту провинциальную особенность районов Мегрелии надо иметь в виду. На этом вопрос был исчерпан.

ВОПРОС: Вы являетесь первоисточником для принятия ноябрьского решения ЦК ВКП(Б) от 1951 года, Вы тенденциозно информировали товарища Сталина, сводя кое с кем личные счёты и т.д. и т.п.?

ОТВЕТ: Частично, выше я уже ответил на этот вопрос. Повторяю,

обвинение, предъявленное мне Вами в том, что будто я являюсь первоисточником для принятия ноябрьского решения ЦК ВКП(б) от 1951 года категорически отвергаю. Ведь же ясно, что главным в указанном решении является существование антипартийной, вражеской группы во главе с Барамия, я же имел беседу с товарищем Сталиным только о взяточничестве и шепстве над отдельными провинциями Грузии со стороны части руководящих работников республики. При чем, обращает на себя внимание то, что я приводил факты о взяточничестве не из других районов Грузии, а Абхазии, где в ту пору я работал секретарем Абхазобкома партии.

Поэтому ни одно из этих обвинений принять не могу, т.к. они не соответствуют действительности. Вас вводят в заблуждение и настраивают против меня. Я знаю этих людей. Это — Кобулов, Мамулов, Деканозов и Людвигов. Прошу извинения, что называю их имена, поскольку они являются ответственными работниками органов МВД, а один из них — Вашем заместителем.

Дело в том, что эти люди недовольны мною давно и хотели бы меня убрать, а в Грузии иметь своего "друга", т.к. они люди мелкие и алчные и для них имеет значение, кто как их встретил, угостил, проводил, кто с ними пил. Я же, когда они приезжали в Абхазию и Грузию этого не делал.

В свое время снятие с постов некоторых из них я встретил с одобрением. Например, когда Кобулов Б.З., который сейчас вновь назначен Вашим заместителем, был снят с работы, я выразил свое удовлетворение в кругу своих товарищей и ответственных работников республики, Кобулов нехороший человек и правильно сделали убрав его из органов безопасности, т.к. он искусный фальсификатор и безошибочно можно сказать, что на его совести немало истребленных талантливых людей из среды грузинской интеллигенции. В органах МГБ не место таким садистам. Говорил я это в присутствии Мирцхулава, который, как сказали товарищи, передал этот разговор Кобулову. А теперь он решил, что лучшего момента для расправы со мной он не найдет. Но надеюсь, что ему это не будет позволено.

ВОПРОС: Что Вы говорили товарищу Сталину о состоянии курорта Цхалтубо, а также и по другим вопросам?

ОТВЕТ: В 1949 г. я лечился на курорте Цхалтубо. Товарищ Сталин

отдыхая в Новом — Афоне пригласил меня к себе на дачу и, зная, о моем пребывании в Цхалтубо заинтересовался его состоянием. Я рассказал товарищу Сталину о том как разросся курорт, но чтобы в то же время имеются существенные недостатки. Это лучший бальнеологический курорт в Советском Союзе. Несмотря на это, он не пользуется достаточным вниманием. Нет хорошего ванного здания, нет хорошей гостиницы и вообще курорт неблагоустроен.

Через неделю товарищ Сталин вновь пригласил меня и товарища Делба (пред. Совета Министров Абхазии) к себе на дачу. Обращаясь ко мне он сказал, что дал указание построить на курорте Цхалтубо ванное здание и гостиницу.

Я полагал, что кроме хорошего ничего не сделал, ибо в результате, по личному указанию товарища Сталина были построены на курорте замечательное ванное здание и гостиница, нужда в которых была большой.

Ваш упрек, видимо, направлен на то, что будучи секретарем Абхазобкома партии, я рассказал товарищу Сталину о курорте Цхалтубо, хотя это не входило в мою компетенцию и обвинили меня в том, что сидя в Сухуми, я руководил всей Грузией. Но как возникла эта беседа, я Вам изложил выше.

Далее, Вы правильно заметили, что я беседовал с товарищем Сталиным и по другим вопросам: о ходе строительства Кутаисского автомобильного завода, который я посетил во время пребывания на курорте Цхалтубо, о ходе строительства Руставского металлургического комбината, т.к. бывал там несколько раз приезжая в Тбилиси на пленумы и совещания, о ходе работ по Самгорской оросительной системе и о значении Сионского водохранилища, о строительстве ГЭС — ов, о строительстве Метро и благоустройстве гор. Тбилиси.

После каждой такой беседы товарищ Сталин оказывал конкретную помощь этим стройкам увеличением финансирования и выделением строительных материалов и механизмов.

Вы сами вместе с товарищем Маленковым были свидетелями того, как товарищ Сталин расспрашивал меня о гор. Тбилиси.

Он вел со мной неоднократные беседы по указанным вопросам, когда начиная с 1946 года ежегодно отдыхал на Черноморском побережье Грузии. Он часто приглашал меня к

себе. Я думал и думаю сейчас, что эти беседы приносили только пользу нашей республике ибо в результате этого в Грузии увеличивался объем строительных работ.

Еще в 1947 году в беседе товарищ Сталин сказал, что строительство Руставского металлургического комбината и Кутаисского автомобильного завода является делом всех коммунистов Грузии. Я ответил, что эти два промышленных гиганта коренным образом меняют лицо Грузии. Хотя, за годы советской власти Грузия стала индустриальной, но все же продолжает оставаться чайной и цитрусовой республикой.

Пользуясь этими встречами, я ставил перед товарищем Сталиным много важных вопросов — о благоустройстве гор. Сухуми, об окончании строительства СухумГЭС, о строительстве сухумского водопровода, строительстве подпорной стены Набережной, моста на реке Беслети, здания драматического театра, о жилищном и культурно — бытовом строительстве, об озеленении гор. Сухуми, а также вопросы о курортах Абхазии — о строительстве в Гагра нового водопровода, Багнарской ГЭС для обеспечения курорта электроэнергией, о проведении канализации, строительства моста через реку Жоквара ирегуляционных сооружений, о здании кинотеатра и реконструкции главной улицы курорта, которая, кстати сказать, еще не завершена. Ставил вопросы и по благоустройству курортов Новый — Афон, Гудаута и о ряде других проблем.

Результаты всем известны. Очень многое сделано в деле благоустройства гор. Сухуми и курортов Абхазии.

Надо отметить, что т.т. Чарквиани, Бакрадзе и Чхубианишвили почему — то проявляли большую робость в постановке вопросов перед товарищем Сталиным, касающихся не только Абхазии, но и Грузии. Неоднократно в беседах, он отмечал, что все руководящие работники других республик добиваются средств и материалов для разворота работ у себя на родине, а грузинское руководство молчит. Может быть это обстоятельство и привело к тому, что товарищ Сталин по многим вопросам, не касающимся Абхазии спрашивал у меня.

Если моим упущением было то, что будучи секретарем Абхазобкома партии обсуждал с товарищем Сталиным эти вопросы, то, во — первых, он сам интересовался ими и, во — вторых, я полагал, что как член ЦК КП Грузии только лишь помогаю руководству

Грузинской республики и делаю, хорошее, полезное дело.

Позже, в 1951 году вновь возник разговор о Кутаисском автомобильном заводе. В гостях у товарища Сталина наложилась глава Польского правительства товарищ Берут. Он докладывал о ходе строительства польского автомобильного завода. Закончив рассмотрение вопроса, товарищ Сталин высказал пожелание, чтобы было развернуто соревнование двух автозаводов — польского и грузинского, строящегося в Кутаиси. Мощность заводов, примерно, одинаковая. Я выразил согласие и тут же попросил помочь организовать при Кутаисском автозаводе цех для производства легковых автомобилей. Все возможности для этого имеются, да и затраты будут небольшими. Я просил дать указание сконструировать новую марку легковой автомашины, которая в горных условиях будет более вынослива чем машина "Победа". Товарищ Сталин отнесся к этому делу положительно и обещал поддержать нас.

Беседа происходила в период, когда уже был решен вопрос об образовании Кутаисской области и решением ЦК, я был утвержден первым секретарем Кутаисского обкома партии.

Работая в Абхазии, Кутаиси, а затем в ЦК КП Грузии я ставил также и вопрос о развертывании в крупных масштабах строительства гидроэлектростанций в связи с дефицитом электроэнергии по Грузии. Нынешняя мощность не удовлетворяла нужды промышленности, не говоря уже о том, что культурно — бытовые потребности населения в электроэнергии не обеспечивались, хотя Грузия располагает колоссальными ресурсами для строительства ГЭС — ов.

Мои предложения всегда получали поддержку.

Эти беседы с товарищем Сталиным известны и непонятно, почему приходится давать объяснения по этому поводу.

ВОПРОС: Что Вы писали товарищу Сталину о поборах с колхозов и по другим вопросам сельского хозяйства Грузии?

ОТВЕТ: Я действительно информировал товарища Сталина о состоянии сельского хозяйства Грузии, говорил, что в сельском хозяйстве Грузии достигнуты большие успехи, в особенности в районах возделывания субтропических культур. Чай, цитрусовые, табак дают большие доходы колхозам, а следовательно и колхозникам. Колхозный строй принес грузинскому крестьянину

зажиточную и культурную жизнь. Немало у нас таких колхозов, которые имеют миллионные доходы и распределяют на трудодни по 20—30 рублей деньгами и 5—7 и 8 клгр. зерна. Но в целом такое положение не является характерным для Грузии. Все дело упирается в организационные неполадки. Слаба механизация работ в сельском хозяйстве Грузии, в особенности в субтропических районах, где возделывают чай, цитрусовые, табак, тунг, герань и в районах плодовогодства.

Особенно отрицательные последствия имеют ручной труд в чайном хозяйстве. Сбором чайного листа в основном занимаются колхозницы, они работают на протяжении 6—7 месяцев нагнувшись, что часто приводит к механическим абортам. Следовательно уменьшается деторождаемость, что отражается на росте населения. Поэтому, я просил товарища Сталина помочь механизировать труд на чайных плантациях.

Я ознакомил товарища Сталина с перспективами в этом деле. Наша техническая интеллигенция уже добилась того, что сконструированы машины для фумигации и формовки чая. Эти машины уже прошли производственные испытания, осталось только лишь, чтобы машиностроительные заводы приняли заказ и наладили серийный выпуск. Чаесборочные машины же сейчас проходят производственные испытания. Я лично присутствовал при этом. Должен заявить, что машина хорошая, умная. Если поддержать специалистов, то вскоре они дадут и чаесборочную машину.

Для горного земледелия понадобится много машин и поэтому необходимо в Кутаиси построить завод горного сельскохозяйственного машиностроения.

Товарищ Сталин поддержал мои предложения. Заказы на чаесборочные и фумигационные машины размещены на заводах Советского Союза. За подписью товарища Сталина вышло постановление о строительстве в Кутаиси завода горного сельскохозяйственного машиностроения.

Это все, что касается механизации работ.

Теперь о поборах с колхозов.

В условиях колхозного строя, как известно, большое значение имеет соблюдение Устава сельскохозяйственной артели. Большинство крестьянства хорошо понимает преимущество

крупного сельскохозяйственного производства перед единственным мелким хозяйством, хорошо понимает и то, что лучше иметь коллективное хозяйство нежели крупное помещичье и кулацкое, в котором жестоко эксплуатируются мелкие разорившиеся крестьяне. Поэтому основная масса стоит за колхозы и прошедшие два с лишним десятилетия убедили ее в преимуществе этого строя.

Однако в ряде районов Грузии колхозы все еще очень слабы, малотоварны, в них низка производительность труда.

Большим злом в деревне было не оплачивание подобающим образом трудов — дней колхозникам, получившие широкое распространение массовые поборы с колхозов. Поборами занимались почти все руководящие работники, их родственники и, немало республиканских работников.

Ряд работников Министерства сельского хозяйства Грузии, выезжая на места в районы на ревизии, пьянствовали, забирали продукты бесплатно, а в актах ревизии обеливали положение дел в колхозах.

В первые же месяцы, как только ЦК КП Грузии принял решительные меры не только против поборов, но по возвращению продуктов, забранных из колхозов незаконным путем, колхозам было возвращено десятки тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота, сотни тонн зерна и десятки и сотни миллионов рублей деньгами. Возвращенное не составляет и пяти процентов того, что было отобрано и присвоено расхитителями колхозного добра.

Учитывая тяжелое положение в колхозах пришлось очень остро поставить эти вопросы в ЦК КП Грузии на пленуме ЦК в мае 1952 г., и на Бюро ЦК с требованием примерного наказания всех виновных в создавшемся положении в деревне, независимо от их прошлых заслуг и ныне занимаемого ими положения в партийных и государственных органах.

Принятые меры не замедлили сказаться положительно.

Нация, вообще, а в данном случае — грузинская, не может развиваться без сельского хозяйства, без крестьянства. Если крестьянство будет поставлено в тяжелое экономическое положение, сократится производство сельских продуктов, начнется голод, уменьшится деторождаемость, увеличится смертность детей и взрослых, значит нация не будет расти, поэтому надо было принимать серьезные меры.

ВОПРОС: Как Вы вели себя после принятия решения ЦК ВКП(б) в ноябре 1952 года?

ОТВЕТ: Я вел себя так, как на мой взгляд должен вести первый секретарь ЦК КП Грузии, т.е. со всей энергией боролся за проведение в жизнь названного решения и личных указаний товарища Сталина, разъяснял и пропагандировал их в Компартии, и в грузинском народе, мобилизуя партийную организацию на безусловное выполнение поставленных задач. Но Вас, видимо, главным образом интересуют аресты.

Действительно, став первым секретарем ЦК КП Грузии, я дал ряд санкций на арест некоторых членов так называемой, (как Вы теперь ее определяете) антипартийной, антигосударственной мегрельско — националистической группы, возглавляемой Барамия. Иногда в этом отказывал, как это было в случае с генерал — майором Бзиава. Но товарищ Сталин позвонил мне и предложил дать санкцию на арест Бзиава и некоторых других. Полагая, что ЦК ВКП(б) имеет дополнительные, мне неизвестные компрометирующие материалы, я подчинился, хотя в этом деле был очень осторожен и целый ряд материалов возвращал обратно. Здесь же хочу отметить, что по моей личной инициативе ни один человек не был арестован, заявляю это со всей категоричностью.

Как Вам известно, следствие вели московские чекисты во главе с товарищем Цепковым, а делом руководил ныне разоблаченный враг народа Рухадзе (бывший Министр Госбезопасности Гр. ССР).

В основном все члены антипартийной, антигосударственной мегрельско — националистической группы были арестованы в бытность секретарем ЦК КП Грузии — тов. Чарквиани и с его санкции.

Вы считаете методы ведения следствия неправильными. Мне это не было известно, тем более, что имеется секретное решение Бюро Президиума ЦК КПСС о ведении следствия и о контрразведке. В этом решении определены все параметры и их придерживалось Министерство Госбезопасности Грузинской ССР. Кроме того, я надеялся на компетентность московских чекистов во главе с тов. Цепковым.

ВОПРОС: Вы выступали против Барамия ?

ОТВЕТ: Против Барамия я не выступал. Я выступал против его

неправильных действиях. Барамия совершал аморальные поступки, защищал взяточников и казнокрадов, расхитителей социалистической собственности, если они были из Мегрелии — мегрелами. Он старался везде и всюду выдвигать своих земляков — мегрелов, отдавая им явное преимущество, шефствовал над районами Мегрелии и даже, однажды, удобрения предназначенные для Абхазии предложил передать районам Мегрелии.

Я считал, что руководящий работник республики, тем более второй секретарь ЦК должен одинаково заботиться о всех районах Грузии, не выделять группу районов, откуда он сам является выходцем, не облегчать им контрольные задания по размещению займов, обложению налогами, установлению государственных планов сева и заготовок и т.д. Ведь это будет означать, что одни районы будут жить лучше и вольготнее за счет других.

Супруга Барамия так же вела себя не подобающим образом.

Об этом я неоднократно говорил на пленумах ЦК, на активах, и на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1952 года, на котором обсуждался доклад ЦК КП Грузии и мои выступления не только не встречали возражений, но и получали единодушное одобрение.

Кроме выше сказанного, ни в чем другом я Барамия не обвинял, а тем более, в какой либо связи с эмигрантом Гегечкори или же в существовании группы, возглавляемой им. Теперь же дать другую окраску моим выступлениям, как это пытается сделать Ваш заместитель Кобулов не только неправильно, но и фальсифицирует суть дела, с чем я не согласен и категорически возражаю.

ВОПРОС: Что Вы скажете о выселении 13 с лишним тысяч чел. Из Грузии ?

ОТВЕТ: Вы мне бросили это обвинение, но хорошо, что сразу вспомнили о том, что я к этому делу непричастен. Я ознакомился с материалом о выселении из Грузии 13 тысяч чел. став первым секретарем ЦК КП Грузии. Имеется записка тов. Чарквиани на имя товарища Сталина о выселении этих лиц. Я рассмотрел материал в связи с тем, что ряд выселенных лиц обратились ко мне с жалобой. По моему поручению, МГБ Грузии пересмотрел дела, доложил мне и просьбу большинства выселенных удовлетворили, вернув их из ссылки.

Мне о выселении ничего не было известно. Я тогда работал секретарем Кутаисского обкома партии и получил письмо из

Тбилиси, в котором мне предлагалось оказать помощь органам МГБ Грузии в проведении специальных мероприятий.

По моему мнению, это мероприятие нельзя признать правильным. Мне кажется, что органы МГБ перестраховывали себя. Вместе того, чтобы вести упорную работу по разоблачению действительных врагов, они предпочли провести массовое выселение. Считаю всякое массовое выселение неправильным.

Не так давно, я написал на Ваше имя записку, получение которой Вы подтвердили, о том, чтобы пересмотреть все дела и всех неправильно выселенных вернуть на Родину.

Еще один подобный факт. Бывший Министр Госбезопасности Гр. ССР – Рухадзе, внес в ЦК КП Грузии предложение о выселении села Сарпи, находящегося на границе с Турцией. Я поставил вопрос на Бюро ЦК КП Грузии, на котором была выделена комиссия во главе с председателем Совета Министров Грузии – тов. Кецховели. В комиссию входил и Рухадзе. Комиссия выезжала в село Сарпи, изучила вопрос на месте и пришла к выводу, что село нужно выселить. Такого же мнения был и председатель комиссии – тов. Кецховели, но их доводы мною были отвергнуты и согласия на выселение я не дал.

ВОПРОС: Почему тебя любил Сталин?

ОТВЕТ: Этот вопрос к моему величайшему изумлению сопровождался неслыханной бранью в адрес товарища Сталина. Не скрою меня это ошеломило. Даже как – то неловко отвечать на такой вопрос, но раз Вы требуете, я должен ответить.

Никогда товарищ Сталин не говорил, что любит меня, но если он и любил меня, то могу только этим гордиться. Чем вызван этот вопрос, мне непонятно. Если Вы решили проверить мою преданность, то к чему, и Вам и всем это известно. Действительно, товарищ Сталин очень тепло относился ко мне. Но будучи у него на приемах, в гостях, я видел партийных работников Советского Союза и руководителей братских коммунистических и рабочих партий – к которым он относился также очень тепло, как и ко мне. Такое отношение, поддержка и помощь вдохновляли меня и я работал до самозабвения, во имя процветания моей Родины.

Секретарь ЦК КП Грузии
Москва. Поспредство Грузии
3 апреля 1953 года

А.И. Мгеладзе

...Итак угрозы свои новое руководство осуществило. Механизм чистки сталинских кадров был пущен в действие. В апреле 1953 года я был освобожден с занимаемого поста, выведен из руководящих органов партии и верховных органов государства — Верховного Совета СССР и Грузинской ССР путем опроса, что грубо противоречило Уставу партии.

В сентябре 1953 года у меня состоялась встреча с Зав. отделом ЦК КПСС — Громовым, возглавлявшим партийную комиссию по проверке деятельности ЦК КП Грузии. В результате этой проверки было сменено руководство ЦК КП Грузии, избранное в апреле того же года и избрано новое. Но интересно не это, а то, что какая беседа состоялась у меня с Громовым.

Когда уже было избрано новое руководство, Громов пригласил меня к себе, в ЦК КП Грузии, где он занимал один из кабинетов. Принял он меня довольно сдержанно и сухо, но все же встал и поздоровался.

— Ну что же тов. Мгеладзе, что я могу Вам сказать? — обратился он ко мне. — Только что смененное руководство Вас хотело обвинить в том, что Вы преуменьшали роль Берия в успехах, достигнутых республиками Закавказья, но, как Вам известно, это теперь и к лучшему (Берия уже был в это время арестован). Мы проверили все обвинения, выдвинутые ими против Вас и все они оказались несостоятельными и не соответствующими действительности, но есть другие, более важные вопросы.

Первое — Вам звонили из ЦК КПСС о том, чтобы изъять произведение А. Казбеги "Элгуджа" ввиду того, что оно наносит ущерб русско — грузинской дружбе?

— Да, звонили — ответил я (По этому вопросу звонил член Политбюро ЦК КПСС Сулов).

— А, что Вы ответили? — спросил Громов.

— Я ответил, что изъятие произведения А. Казбеги "Элгуджа" считаю неправильным. События описанные в произведении "Элгуджа" происходили при русском царизме, но русская царская цензура сочла возможным его издание. Как же мы, при Советской власти будем изымать этот рассказ из книги. Неужели в Центральном Комитете есть люди, которые отождествляют русско — грузинскую дружбу с грубыми, бесчеловечными действиями русской военщины в Грузии? Я имею

ввиду конечно не всех, а отдельных из них. Поэтому, повторяю, я считал изъятие этого произведения неправильным и возражаю против этого.

— А как Вы расцениваете сейчас этот Ваш ответ? — спросил

Громов.

— Расцениваю и сейчас как правильный.

Второе, — сказал Громов, — Вам звонили из ЦК КПСС по поводу записки первого секретаря Ставропольского Крайкома партии тов. Бойцова, ставившего вопрос о передаче Клухорского района Грузинской ССР Ставропольскому Краю?

— Звонили, — ответил я.

— А как Вы ответили? — спросил Громов.

— Я ответил отказом, сказав, что грузины с давних времен занимаются овцеводством имея огромный опыт в этом деле, а если в Клухорском районе что либо было недоделано в этом вопросе, то нами будут приняты все нужные меры, и мы это сможем сделать лучше чем Ставропольский Крайком и тов. Бойцов. Что же касается территориальных вопросов, то так просто они не решаются. (По этому вопросу также звонил тов. Суслов).

Тогда Громов вновь спросил:

— Как Вы теперь относитесь к этому вопросу?

— Попрежнему также, — ответил я.

Третий вопрос, — сказал Громов, — Вы помните, что говорили об агрогородах?

— Да, помню. — ответил я.

Громов показал мне брошюру моего доклада " Об итогах XIX Съезда Коммунистической партии Советского Союза на собрании актива Тбилисской городской партийной организации 4/XI — 1952 г. и зачитал следующее место из доклада:

"Отмечая недостатки в руководстве сельским хозяйством, следует особо подчеркнуть, что отдельные работники допускали неправильный, потребительский подход к вопросам колхозного строительства, в особенности в связи с проведением укрупнения колхозов, предлагали форсированно осуществить массовое сселение деревень, пустить все колхозные постройки и дома колхозников на слом и создать на новых местах "крупные колхозные поселки", "колхозные города". Они рассматривали все это как важнейшую задачу организационно — хозяйственного укрепления

колхозов. Центральный Комитет партии своевременно приняла меры по пресечению этих неправильных тенденций в колхозном строительстве."

Зачитав это, Громов сказал:

— Вы же знаете, кого здесь критикуют?

— Знаю, тов. Хрущева Никиту Сергеевича, — ответил я.

— Следовательно, Вы поддерживали эту критику? — спросил

Громов.

— Все, что сказано в моем докладе, сказано в духе отчетного доклада ЦК КПСС — ответил я.

— Да, это так. Но Вы критикуете товарища Хрущева! — сказал Громов.

— Да, в духе мнения Центрального Комитета Партии, в духе XIX Съезда партии — ответил я.

— Все о чем я говорил с Вами известно руководству — произнес Громов.

— Вы хотите сказать — товарищу Хрущеву?

Громов ответил утвердительно.

После этой беседы очень форсированно начали подготовку вопроса о моем исключении из партии. Для того чтобы собрать компромат бились два года и наконец в 1955 году меня все же исключили из партии.

По этому поводу я, в том же 1955 году, апеллировал в ЦК КПСС. Для проверки моего заявления в 1959 году из КПК приезжал некто Кириллов. Тщательно проверив обстоятельства моего исключения он дал заключение о моем восстановлении. К нему, естественно, не прислушались.

Меня послали работать в Самгори, основывать новый виноградорский совхоз. Но поскольку туда хлынули потоки желающих высказать мне свои симпатии и поддержку и хотевших работать под моим руководством, меня срочно перевели в Карельский район, в Бебнисское питомническое хозяйство, что по существу означало ссылку. Мне постарались создать тяжелейшие моральные, политические и экономические условия, но ничто не заставило меня отречься от моих убеждений и я горжусь этим.

...Однажды, в один из критических моментов того периода, один мой друг возмутился: — Если кристально чистого коммуниста могут выбросить за борт партии, значит всему конец.

Тогда я решил рассказать ему притчу о двух лягушках. Говорят, ее в свое время рассказал Уинстон Черчилль, когда Англия находилась в тяжелом положении.

“Однажды две лягушки прыгая около дома случайно заглянув в бидон с молоком прыгнули в него, а обратно выбраться не смогли – стенки были высокими и гладкими, да и опереться было не начто. Убедившись в безвыходности положения одна из лягушек простилась с подружкой, сложила лапки и пошла ко дну. Другая же не пожелала смириться со своей судьбой. Казалось, не имея никакой надежды на спасение, она продолжала барахтаться в молоке, ударяя всеми четырьмя лапками, поднимая молочные брызги и ни за что не желала итти на дно. Так барахталась она всю ночь, а на утро, когда взошло солнце, лягушка обнаружила, что она находится не в молоке, а сидит на всбитом ею за ночь твердом куске масла. Оперевшись на масло, она подпрыгнула и оказалась на воле.

Самое последнее дело складывать руки. Я буду бороться за свою правду.

...Все годы пребывания в Бебнисском совхозе зондировалось мое настроение. Меня посещали руководящие работники партии, включая кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Грузии В.П. Мжаванадзе. Они старались узнать как я продолжаю относиться к Сталину, как истолковываю решение ЦК КПСС о культе личности. Каждый раз они убеждались, что своих позиций я не меняю. А это означало что я должен был оставаться в Бебниси.

После того, как в октябре 1964 года Н. Хрущев был отстранен от руководства натиск на меня чуть ослабился.

В 1966 году в Тбилиси прибыл представитель Партийного контроля при ЦК КПСС некто Смородин, с которым я имел встречу в Парткомиссии ЦК КП Грузии. Когда я зашел к нему в кабинет, он тут же встал из – за стола, пошел мне навстречу и пожал мне руку. На меня такая встреча не произвела впечатления, так как лицемерие и фальш весьма распространенное явление.

Смородин предложил мне сесть, сел сам и у нас завязалась беседа.

– Товарищи из Комиссии Парт. Контроля ЦК КПСС шлют Вам привет – сказал он, а те которые Вас знают по комсомолу,

когда Вы работали в ЦК ВЛКСМ о Вас отзываются с большой похвалой. Я тоже Вас знал в те времена, но был младше Вас. Мы пришли к руководству после Вас, но всегда помним о том продолжении руководителей комсомола, к которому принадлежали и Вы. Мы Вас все тепло вспоминаем. Я также был проездом в Сухуми — продолжал он — только не подумайте, что для Вашей проверки (а я думаю, что именно как раз для этого), абхазские товарищи Вас очень хвалят. Я видел там Вашу работу, она на меня произвела глубокое впечатление. Хорошо, если бы каждый секретарь оставлял после себя такой след.

— Ничего особенного, — возразил я, — народ работал, вот и все.

— Народ и сейчас работает, — заметил Смородин, — да результаты не те.

Я вежливо поблагодарил.

После обмена комплиментами, Смородин перешел к делу. Он посоветовал мне обратиться к XXIII съезду КПСС с заявлением по вопросу восстановления меня в партии. Подумав, я согласился, дабы не восстанавливать против себя сильных мира сего. Ведь совершенно ясно, что это предложение не исходило от самого Смородина лично.

Наша беседа продолжалась.

— Что касается клеветы и напраслины, которую на Вас возвели, частично она уже снята, и оставшаяся так же будет аннулирована. А в том, что Вы были требовательны и наказывали взяточников и лица совершивших аморальные поступки, Вы в этом были абсолютно правы.

— Давно ли это было, когда эти действия рассматривались как голое администрирование и избиение кадров? — саркастически заметил я.

Смородин вздохнул — Акакий Иванович, Вы же знающий, опытный человек.

Затем он поинтересовался историей возникновения мегрельско — националистического дела.

— Об истории возникновения ничего не знаю. Могу только рассказать о том, что мне известно в связи с ним, — ответил я.

Мой рассказ Смородин выслушал с большим вниманием и интересом. Я заметил ему, что в то время в центральной прессе

очень старались это дело приписать А. Мгеладзе.

Никак нет, никто Вам этого обвинения сейчас не предъявляет — ответил Смородин.

Мы еще побеседовали некоторое время. Я убедился, что он ведет со мной искреннюю, политически честную беседу. Он оставил на меня впечатление правильно мыслящего и принципиального человека.

Месяца через три после беседы со Смородиным мне позвонил ответственный работник Парт. Комиссии ЦК КП Грузии Меликов и сообщил, что 24 — го июня в 10 часов мне надлежит быть в Партийной Комиссии.

В назначенное время я был на месте. Узнав, что я пришел, в кабинет стали зашли члены ПК: Кемоклидзе, Санакоев и Меликов. Последний подготовил вопрос о моем восстановлении в партию. Разумеется в искренность радости Меликова я не поверил, ибо в период подготовки вопроса о моем исключении, он был один из активных фальсификаторов материалов, составляемых против меня.

...Все радостно комментировали вопрос о моем партийном деле.

На заседании Парт. Комиссии с меня сняты были все "обвинения".

Через некоторое время состоялось заседание бюро ЦК КП Грузии, на котором должны были утвердить решение Партийной Комиссии. Что и было сделано. На следующий день я побывал по делу у председателя Парт. Комиссии. Когда направляясь домой, я вышел в коридор, меня встретил Санакоев. Он взял меня под руки, повел в свой кабинет, поздравил, поцеловал и сказал: — наконец — то правда восторжествовала. Вы не можете себе представить как мы все за Вас переживали. А ведь знаете, Акакий Иванович, прошло лишь каких — нибудь двенадцать часов после заседания Бюро ЦК, но слухи о восстановлении Вас в рядах партии молниеносно облетели город. Десятки и сотни человек звонили в Парт. Комиссию, чтобы удостовериться в правильности этих слухов, и выражали свою радость.

Когда я выходил из здания, ко мне подошли технические работники и тепло поздравили меня.

...Итак, меня восстановили в партии, через пять лет изъяли

перерыв в партийном стаже, избрали в руководящие органы районной партийной организации, в состав райкома партии и депутатом районного исполкома.

Это случилось потому, что преемники Хрущева чуточку изменили отношение к Сталину. Военным полководцам Великой Отечественной войны было разрешено в своих мемуарах упоминать Сталина положительно, в кино при показе эпизодов Великой Отечественной войны появлялся Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, на экранах телевидения показывали И.В. Сталина на Тегеранской, Ялтинской и Постдамской конференциях, что не случалось до этого.

Мое персональное партийное дело закончилось. Но мне надлежало оставаться в Бебниси...

...Дни и месяцы сменяли друг друга складываясь в годы. Была работа, которую я всегда мог сделать интересной, были будни и праздники, радости и печали, встречи и расставания, интересные книги и интересные беседы с друзьями, поездки на отдых, свадьбы, смерти и рождения — вообще, обычная человеческая жизнь...

Так прошло почти двадцать лет. Все это время я трудился не покладая рук. Об этом знает общественность. Из убыточного хозяйства совхоз превратился в процветающее сельскохозяйственное угодье. Чтобы похвастать "своими" успехами, грузинское руководство включило Бебнисский совхоз в туристический маршрут Интуриста.

Все эти годы, несмотря на мою опалу, и потом, когда ситуация смягчилась, кроме близких и родственников, ко мне в совхоз приезжали многие мною уважаемые знакомые, а иногда и незнакомые мне прекрасные люди. Приезжая в Тбилиси в выходные дни или на праздники, я также имел интересные встречи с интереснейшими людьми. О тех, которые оставили наиболее яркий след в моей памяти, или, которые я счел просто необходимым отметить, я записал в свой дневник, который назвал Бебнисскими.

СТРАНИЦЫ ИЗ БЕБНИССКОГО ДНЕВНИКА

4–5 января, 1960 г.

Новый 1960 г. мы встретили дома в семейном кругу. Следующие дни принимали гостей и сами наносили визиты.

А 3–го числа в одиннадцатом часу вечера раздался продолжительный звонок. Открыв дверь моя супруга Эмилия, увидела нашего давнишнего знакомого Акакия Гвинчидзе. Он сказал, что приехал по поручению поэта Георгия Леонидзе, приглашавшего меня к себе домой. Ему исполнилось 60 лет и в эти юбилейные дни ему хотелось бы видеть меня у себя дома, побеседовать в спокойной обстановке.

Я в это время находился в семье моего зятя Тенгиза Саная и итти к кому – нибудь в гости не был настроен. Но Георгия я всегда рад был видеть. Я сел в присланную за мной машину и через 15 минут мы были у его дома.

Георгий Леонидзе радостно приветствовал меня, обнял и поцеловал. Я сердечно поздравил его с юбилеем, пожелав ему новых творческих успехов и крепкого здоровья.

Юбилей такого выдающегося поэта является праздником всей грузинской литературы и грузинской нации. Он заслужил всеобщую любовь потому, что его творчество неразрывно связано с Грузией и отражает чаяния ее народа.

Георгий повел меня в гостинную. Наша беседа длилась долго и главной темой, естественно, была судьба нашей родины, ее прошлое, настоящее и будущее. Говорили мы и о гениальных и выдающихся людях Грузии – Петре Ибериели, Иоанне Петрици, о бессмертном Шота Руставели, талантливом Николозе Бараташвили и о непосредственных предшественниках XX века – Илье Чавчавадзе, Акакии Церетели, Важа Пшавела, Александре Казбеги, – об их чаяниях и думах о Родине. Особое место в нашей беседе занял Иосиф Виссарионович Сталин.

Рядом в комнате был накрыт стол и нас уже неоднократно приглашали перейти в столовую, но беседе нашей не было видно конца. Наконец пришлось подчиниться настойчивой просьбе супруги и дочери Леонидзе.

Прежде чем сесть за стол, Леонидзе провел меня в комнату, в которой находились подарки, преподнесенные ему в связи с шестидесятилетием. Здесь было много ценного, но самым ценным он считал древнегрузинский музыкальный инструмент, оружие и

посуду, свидетельствовавшие о высокой культуре грузинского народа в прошлом.

Осмотр подарков подходил к концу, когда Леонидзе взял в руки очень красивый, выточенный из дерева бокал, принадлежавший как оказалось, Илье Чавчавадзе. Он не поставил его на место, а понес в столовую. За столом уже находились супруга и дочь поэта, зять и Акакий Гвинчидзе.

Леонидзе налил вино из графина в этот бокал, принадлежащий Илье Чавчавадзе и произнес тост за мое здоровье. Следующий тост — был в честь родной Грузии. Третий — за видных деятелей грузинской национальной культуры. Затем, Георгий этот бокал, в знак уважения передал мне. До конца ужина он оставался у меня.

Первый тост этим бокалом я провозгласил за народного поэта Грузии Георгия Леонидзе, за его талант, патриотизм, за его произведения, которые так любит грузинский народ.

А далее как водится за грузинским столом задравные произносились в честь родных, за друзей близких и далеких.

Затем Г. Леонидзе попросил меня рассказать, что говорил Иосиф Виссарионович о литературе.

Я с удовольствием вспомнил беседы со Сталиным. Касаясь грузинской литературы он подчеркивал, что среди шедевров мировой литературы, одно из почетных мест занимает поэма Шота Руставели "Вепхис ткаосани". На этой поэме воспитывались последующие поколения поэтов Грузии. Одним из выдающихся представителей является Николоз Бараташвили, А позже Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. В настоящее время в Грузии также есть видные представители поэзии, например Галактион Табидзе, Георгий Леонидзе и др.

Хорошо развивается в Грузии также и проза. Немного отстает драматургия и сатира.

Далее, как Вам известно, Сталин критиковал некоторых прозаиков за то, что они не соблюдают чистоту современного грузинского литературного языка, что свои произведения они заполняют архаизмами и местными, провинциальными словами.

Тут Г. Леонидзе вставил слово — Сталин интересовался конкретно грузинской литературой и мы это чувствовали.

В молодости И.В. Сталин зачитывался "Вепхис ткаосани", как он сам говорил, и прочел всех классиков грузинской литературы —

И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Казбеги, Важа Пшавела и др. А разве в некоторых докладах И.В. Сталина Вы не чувствуете влияния того, что он хорошо изучил грузинскую классическую литературу? — спросил я.

Да, это чувствуется — подтвердил Г. Леонидзе.

Далее, Сталин рассказывал, — продолжал я, — что как — то в Москве к нему обратились писатели, у них шел горячий спор о Маяковском. Одни считали что это положительный поэт, а другие поносили его как футуриста. Наконец, они решили обратиться к Сталину и поставили вопрос, как он оценивает Маяковского. Сталин ответил, что Маяковский лучший советский поэт. Сейчас эта оценка получила всеобщее признание. Рассказывал мне Сталин и о беседах с Максимом Горьким, в которых затрагивался вопрос о том, какое место занимает писатель в жизни народа. Тут мнения Сталина и Горького сошлись — писатель играет исключительно большую роль в формировании взглядов человека, писатель — это "инженер человеческих душ".

И.В. Сталин отмечал, что после смерти великого пролетарского писателя — реалиста Максима Горького, а также Владимира Маяковского и Алексея Толстого пальма первенства в советской литературе перешла к Михаилу Шолохову. Он пишет хорошо, его произведения "Тихий Дон" и "Поднятая целина" смело могут быть отнесены к лучшим произведениям двадцатого века.

Вообще, — говорил Сталин, — о наших писателях нужно сказать, что Октябрь их выдвинул вперед по тематике и идейности. По художественному — же мастерству, по изложению, по языку они отстают. В этом отношении дореволюционные писатели России прошлого времени стояли куда выше. Когда читаешь Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Чехова или Гоголя и других писателей России, а также грузинских писателей: Николоза Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Казбеги, В Пшавела и др., то получаешь огромное эстетическое наслаждение. Не может не пленять их художественное мастерство.

Объективности ради, надо сказать, что некоторым талантливым писателям, а неталантливым тем более мешают ограничения нашей демократии. В.И. Ленин в свое время, выработал нынешние нормы партийной и государственной демократии исходя из конкретно сложившейся тогда обстановки. Затем война, которая также потребовала ограничения демократизма.

Послевоенный период, как видите, тоже напряженный, но думаю, что через некоторое время, по мере роста и укрепления соц. лагеря не только отпадут всякие ограничения, но пойдет дальнейшая смелая широкая демократизация всей жизни нашей страны.

В этих условиях советские писатели ничем себя не будут ограничивать, смело будут вторгаться в жизнь советского общества и смелее критиковать язвы и отрицательные стороны социалистического строя. Таланты наших писателей раскроются еще больше.

Г. Леонидзе задал мне вопрос: Акакий Иванович, а все же можно сказать, кого конкретно критиковал Сталин за несоблюдение чистоты общенационального литературного языка?

— Конечно, — ответил я, — в первую очередь имелся в виду Константинэ Гамсахурдия. Но эта критика не умаляла достоинств его произведений. Я, по крайней мере, так понимал Сталина.

Грузинская литература может гордиться так же своими прозаиками.

Между прочим, как — то встал вопрос о грузинском писателе Чейшвили. Сталин спросил меня, что он из себя представляет? Я отозвался о нем положительно. Полагаю, что этот вопрос был вызван в связи с книгой Чейшвили "Лело", которая была представлена на соискание лауреатства.

Затем Г. Леонидзе спросил, — я хочу задать Вам один, очень нескромный вопрос — Сколько Вам было лет когда Вы прочитали "Вепхис ткаосани"?

Я ответил, — мне было семнадцать лет. Мать моя была грамотной женщиной, но она умерла рано, а ее подруги мне рассказывали, что она знала почти весь "Вепхис ткаосани" наизусть. Отец же был неграмотным человеком, но отдельные афоризмы из "Вепхис ткаосани" он так же знал наизусть.

Далее наша беседа коснулась национального вопроса, как он трактовался при Сталине и как в последние годы оживились великодержавные шовинисты, готовые ликвидировать национальную культуру других народов. Но грузинскую культуру и язык никому не удастся уничтожить. Если они выдержали тамерланов и шах — аббасов и им подобных варваров, значит грузинскую культуру во второй половине двадцатого века уничтожить никто не сможет.

В этой связи был затронут вопрос об Абхазии и абхазах. Леонидзе интересовался моим мнением, о том каковы перспективы развития событий в Абхазии, какая — же у них, в конце — концов будет культура.

Я ответил, — по моему, грузинский язык, литература, государственное устройство и нравы всегда были очень близкими абхазам. И такими, они, должны в конце — концов оставаться. И пути нет.

Абхазия — это часть Грузии. На сегодня, это ни у кого не должно вызывать сомнений.

Леонидзе заметил: Мне нравилась политика, которая проводилась одно время в Абхазии и по всей Грузии, и не только мне, но и моим собратьям по перу.

Народ не будет любить таких людей, которые не служат своему народу. Мы знаем, что даже в советское время многие руководители приходили и уходили. Одних помнят, а других нет. Почему? Мне кажется комментарий делать не следует.

Леонидзе выразил недоумение — почему на юбилейном вечере телеграммы, поступившие на имя юбиляра из Лондона, Парижа, Берлина и других городов не зачитали и не разрешили войти в зал на юбилейный вечер пшавам и хевсурам. Он назвал некоторые персоны из своих коллег, которые всячески мешали проведению юбилея, посланные им приглашения на этот вечер не были доставлены адресатам.

В ответ я сказал ему: главное, что народ радостно и торжественно отметил Ваш юбилей. Время работает на Вас, Вы покорили Грузию Вашей поэзией. Так, что о некоторых "дирижерах" можно и не говорить, так как они не заслуживают того, чтобы в эти дни упоминали о них.

За все время, проведенное вместе, никто из нас не взглянул на часы. Беседа была теплая и дружественная. Хозяйка нас все время потчевала, но было не до еды, нашей беседе не было видно конца, тем более, что за последние шесть — семь лет я с Г. Леонидзе не виделся. Он очень тепло вспоминал наши встречи в Москве, юбилей в день его пятидесятилетия в Сухуми.

Я посмотрел на часы, был пятый час утра. Заметив это, Г. Леонидзе спросил: "Вы, наверное устали?"

На что я ответил: Не утомил — ли я Вас?

Он произнес, что чувствует себя так, как будто беседа только началась.

Мы еще немного посидели за столом, затем я встал, попрощался со всеми домочадцами, Георгий вышел меня провожать. Светало. Около машины мы крепко пожали друг другу руки, расцеловались и я поехал к себе домой.

31 мая, 1961 г.

Этим ранним утром я уже был на ногах, и обойдя все агрорайоны совхоза направлялся по центральной аллее в контору. За поворотом показалась легковая машина. Было десять часов утра. На машину я не обратил внимания, так как за день их приезжало много в совхоз. Но вот машина поровнялась со мной и кто-то оттуда выглянул и улыбнулся. В машине сидели двое — пожилая женщина и мужчина средних лет. Я, конечно сразу узнал писательницу Анну Арнольдовну Антоновскую и ее сына Бориса Константиновича Черного. Мы бросились друг другу и расцеловались.

Анна Арнольдовна забросала меня вопросами о том, как я живу, как себя чувствую. Она сказала, что только вчера приехала в Тбилиси, нигде еще не была и сегодня, прямо приехала сюда, и что очень рада этой встрече.

Борис Константинович также расспрашивал меня о моем здоровье.

Я поблагодарил их, и в свою очередь осведомился о том, как они живут сказав, что они меня очень обрадовали своим приездом.

Мы зашли в контору, в мой рабочий кабинет.

— Не так уж плохо у Вас здесь, — сказала Анна Арнольдовна — здесь можно жить и работать. Я думала, нынешние Крыловские “музыканты” загнали Вас в какую-то пустыню, хотя в цветущей Грузии пустынь нет.

— Да, — ответил я, — Грузия красивая страна, а на грузинской земле, я всегда чувствую себя хорошо.

— Акакий Иванович, — продолжала Анна Арнольдовна — цель нашего приезда в Грузию на сей раз состоит в том, чтобы написать книгу на современную тему, о людях труда, военных, ученых. Я помню беседу с Вами в 1952 году в ЦК Компартии Грузии, она мне так хорошо запомнилась, что я решила Вас не только повидать, но и посоветоваться с Вами по этому поводу, к кому обращаться и какие районы посетить. Вот, например, если мы хотим показать героев возделывания чайной культуры.

— Ну что же, раз Вы настаиваете, я могу высказать Вам свое мнение — ответил я, — Если Вас интересует история, то Вы должны посетить Аджарию, где впервые в Грузии в прошлом веке появился чайный куст. Какого большого уровня развития достигло

чайное хозяйство и какие научно – исследовательские, селекционные работы ведутся в области чайной культуры Вы сможете узнать посетив Махарадзевский район, в частности Анасеульский научно-исследовательский институт.

А для того, чтобы полюбоваться красотой чайных плантаций, напоминающих хорошо вытканый восточный ковер на фоне Черного моря, лучше всего побывать в Абхазии. Передовых же людей – героев и героинь во всех этих районах Вы найдете больше чем достаточно. Вам подробно расскажут о них.

– А, вот, если мы хотим показать грузинский рабочий класс, куда бы Вы нам посоветовали поехать? – спросила Анна Арнольдовна.

– Национальный и революционный рабочий класс Грузии – это Чиатурские марганцевые рудники, а в Тбилиси – паровозоремонтный завод. Там Вы убедитесь как гармонично сочетается грузинский патриотизм с пролетарским интернационализмом.

– Акакий Иванович! – Вы наверное слышали, и нам тоже рассказывали, о том, что один грузин из Гурии со своими товарищами взял в плен Муссолини. Где и как мы можем его найти?

– Когда Вы будете в Махарадзевском районе, Вы, конечно, посетите первого секретаря райкома партии, он разыщет его и устроит Вам встречу с ним – ответил я.

– Нам хотелось бы встретиться с участниками Отечественной войны, с офицерами и генералами. Мы хотим поподробнее узнать о генерале Купарадзе.

– Что касается покойного генерала Купарадзе, которого я лично хорошо знал, он действительно был талантливым военачальником и о нем Вам может рассказать его супруга, а также генерал Силагадзе. Таким же выдающимся военачальником был покойный генерал – полковник Леселидзе, командовавший 46 – й Армией. О нем Вам расскажет его начальник штаба генерал – майор Микеладзе.

Вообще, о других генералах и офицерах, по моему, ценный материал Вам может предоставить генерал – майор Таварткиладзе, участник Сталинградской эпопеи. В свою очередь они могут Вам посоветовать других.

– А насчет грузинской интеллигенции, наверно наши мнения сойдутся, – это, конечно, в Тбилиси? – спросила Антоновская.

— Да, в Тбилиси. Там находится Академия Наук Грузии, во главе с таким маститым ученым как Мухелишвили, там же живет и трудится такой выдающийся физиолог как Бериташвили. Вы же их всех знаете и со всеми знакомы. Интеллигенция у нас славная, сильная, известная во всем мире. Ну, и наконец, Ваши собратья по перу, — сказал я.

— Вот, Вы нам и помогли, — сказала Анна Арнольдовна.

— Ну, помощь эта небольшая. — ответил я.

Потом наша беседа коснулась грузинской литературы, ее истоков, Руставели и его бессмертного творения "Витязь в тигровой шкуре". Затем разговор, как — то сам по себе, перешел на роман Анны Арнольдовны "Диди Моурави".

— Я несколько раз читала "Витязь в тигровой шкуре" и всегда находила новые и новые гениальные мысли. Читаешь с наслаждением — сказала Анна Арнольдовна.

— Один нескромный вопрос, — спросил я, — оказала ли грузинская литература влияние на Вас, а следовательно, и на Ваше творчество?

— Большое, — ответила Анна Арнольдовна.

— Мы грузины считаем Вас и своей писательницей и всегда будем Вас называть в числе грузинских писателей — классиков. Ваше творчество грузинами воспринято не только как близкое, но и как родное. Автора "Диди Моурави" не только ценят, но и любят грузины, — сказал я.

— Я, сам, например, прочел "Диди Моурави" с большим удовольствием — заметил я. — Могу повторить только то, что многократно говорил в кругу своих друзей — "Диди Моурави" прекрасное произведение. В романе так хорошо показаны во всем своем противоречии великодушие и коварство, любовь и ненависть, мстительность и неустрашимость. Он написан превосходным литературным языком, богат образами. Читая книгу "Диди Моурави" поражаешься, как Вам удалось собрать столько исторических документов. В книге мы находим такое обилие исторических сведений, что она может послужить вспомогательным материалом по истории Грузии XVII века. Конечно, книга написана с художественным вымыслом, но это сделано так, что не искажает, а приукрашивает действительность, а это не так легко сделать.

— Я не жалела сил и очень рада слышать от Вас такую высокую оценку, — ответила Антоновская — но Вы знаете, Акакий Иванович, сколько я пережила в связи с этой книгой за последние годы после смерти Сталина. Меня третировали, и к сожалению,

среди третировавших меня было не мало и грузин. Обвиняли меня в том, что этот роман я написала под влиянием Сталина и, еще кое в чем похуже.

Я никогда не отрицала и не отрицаю того, что Сталин был хорошим знатоком литературы и я бывала на приеме у Сталина. Когда я послала ему сценарий "Геоργия Саакадзе", от Грузии также был представлен сценарий, написанный Георгием Леонидзе. Сталин прочел оба сценария и выбор пал на мой. Затем Сталин имел со мной беседу и я была поражена его глубокими литературными знаниями, какие ценные советы и указания он давал. Мы внесли поправки после беседы со Сталиным, они улучшили сценарий и сделали его глубоко содержательным.

— Да, да! Невежды и дилетанты, какой бы они пост не занимали остаются невеждами и дилетантами, — добавил я.

Затем я предложил Анне Арнольдовне и Борису Константиновичу осмотреть наши фруктовые сады. Они с удовольствием согласились. Когда мы вышли на главную аллею совхоза, Анна Арнольдовна сказала:

— Вы знаете, с нами хотел приехать композитор Алик Мачавариани, Вы его знаете хорошо.

— Ну конечно, — ответил я, — я был бы очень рад его приезду.

— Его совершенно неожиданно вызвали в ЦК и он очень сожалел, что не мог поехать с нами. Он о Вас рассказывал так много хорошего.

Мы пошли по саду.

Около двух часов мы бродили по садам, которые цвели в это время. Анна Арнольдовна все любовалась природой, говоря, — какой хороший и здоровый здесь климат. Я не хотел ее разочаровывать и не сказал о том, как лютуют тут сильные ветры и какая тут суровая и неприятная зима.

По желанию Анны Арнольдовны мы сфотографировались в нескольких местах.

Прощаясь Анна Арнольдовна сказала, что заканчивает последний том "Диди Моурави" и беспокоилась, как он будет принят читателями. На это я ответил ей: — так же как и предыдущие.

Мы подошли к машине, еще раз тепло попрощались и они уехали обратно в Тбилиси. Встреча эта навсегда останется в моей памяти, как одна из приятных. Я еще раз убедился, что люди знают правду и как бы ее не топтали, ее все равно невозможно застоптать.

8 ноября, 1961

Пятого ноября радио объявило новость, встревожившую всю Грузию; это было выступление Председателя Совета Министров Грузинской ССР Джавахишвили Г.Д. на XXII съезде КПСС от имени Компартии Грузии и грузинского народа высказавшегося за вынос из мавзолея саркофага И.В. Сталина. Тут же, как по команде с аналогичными заявлениями выступили представители московской, ленинградской и других партийных организаций.

Вся подноготная этого дела была ясна каждому.

Разумеется, никто и не спрашивал мнения ни грузинских коммунистов, ни грузинского народа. Волна возмущения прокатилась по всей стране.

Мнения разделились. Одни считали, что он не должен был выступать с таким предложением. Другие же утверждают, что иного выхода у Джавахишвили не было.

Зная этого человека я уверен в том, что он выступил против своей воли и не рад тому, что на его долю выпала такая миссия. Вне всякого сомнения, что если бы Джавахишвили отказался выступить, то его сняли бы с поста Председателя Совета Министров Грузинской ССР, исключили бы из партии и послали куда — нибудь на низовую работу.

Здесь нужно отметить одно важное обстоятельство. Дело в нашей системе. Последние годы особенно показали, что наша система нуждается в серьезном улучшении, я бы сказал, даже в преобразовании. Вот где нужно искать корни зла. Задача состоит в том, чтобы извлечь дельный урок из опыта диктатуры пролетариата и внести такие улучшения в партийном и государственном строительстве, чтобы человек мог свободно высказать свое мнение не боясь того, что он завтра будет наказан за это. Свобода на деле — безусловно исключит подобные явления...

Итак, 5-го ноября примерно к 11 часам утра мне позвонили из райкома партии и сообщили, что созывается совещание директоров предприятий, совхозов, председателей колхозов и секретарей первичных партийных организаций. Как положено, я явился на это совещание. Секретарь Карельского райкома партии коротко проинформировал участников совещания о том как должны быть организованы предстоящие Октябрьские торжества и в

категорической форме предупредил, что все директора предприятий и совхозов, которые собираются выезжать в Тбилиси на праздники, должны оставаться на местах.

Всех это очень удивило, но мне сейчас же пришла в голову мысль, а не касается ли это только меня, и видимо, для того, чтобы исключить какие либо подозрения, якобы было предложено остаться всем директорам на местах.

Последующее подтвердило, что все кто предполагал выехать в Тбилиси в эти дни все же выехали, согласовав этот вопрос. Я же никуда не обращался с просьбой, так как для меня было все понятно.

Секретарь райкома партии относится ко мне доброжелательно, но обязан исполнять указания вышестоящих органов.

К концу рабочего дня он неожиданно появился в совхозе и с ним ряд ответственных работников, приехавших из Тбилиси. Они пригласили меня в Гори, где мы пообедали в ресторане Интуриста. Во время обеда разговор все время шел о решениях XXII съезда КПСС и о Сталине, при чем Сталина эти работники характеризовали как великого деятеля.

Черт побери, трудно понять сейчас многих коммунистов! На собраниях, активах, пленумах и даже на съездах говорят одно, а в кругу своих друзей — совершенно противоположное.

Вечером я вернулся из Гори в свою Бебнисскую "резиденцию" и прежде чем заснуть часа два читал заинтересовавшую меня книгу.

6 — го ноября с утра в совхозе было установлено дежурство. Товарищи мне сообщили неприятную новость — как реакция на вынос саркофага Сталина из Мавзолея в Зестафони был взорван памятник Ленину. Говорят, что и в других городах имели место какие — то эксцессы.

С моей точки зрения все это пахнет провокацией. Так могут поступать только люди незрелые или враги Грузии для того, чтобы еще больше натравить на нашу Родину нынешнее руководство КПСС и правительство Союза ССР.

6 — го ноября секретарь райкома партии приехал в совхоз. Он беседовал со мной по различным вопросам, но одну беседу я хочу выделить особо.

Он сказал, что вышестоящие власти думают о том, что в

Грузии может случиться то же, что произошло в Венгрии, что найдется свой Имре Надь и тогда Грузия сильно пострадает.

Я совершенно спокойно ответил ему на это, что такое положение исключено во первых, — потому что Грузия — это не Венгрия, я имею ввиду не только территориальное и государственное устройство, но главным образом и то, что грузины более трезвые, реалистичные политики и, во вторых, — потому что венгерский урок хорошо известен грузинам; в третьих, — потому что соотношение сил даже более не менее толковому человеку известно; в четвертых, — авантюристический характер такого выступления настолько очевиден, что ни один серьезный человек на это не пойдет; и в пятых, — вообще второго Имре Нада, тем более грузинского не будет по той простой причине, что ни один здравомыслящий деятель не возьмет на себя такую миссию. Думаю, что не надо обладать большим умом, чтобы представить чем это кончится.

Эти слова, как я почувствовал, понравились секретарю райкома. Трудно сказать была ли это случайная беседа или нет.

К вечеру меня охватили мысли сугубо личные. В Тбилиси моя семья, наверное нервничает целый день в моем ожидании и я решил позвонить домой, но телефонистка сообщила что мой домашний телефон поврежден. Кто его знает, может быть сочли полезным, чтобы домашний телефон был поврежден.

7-го ноября, примерно в 5 часов утра, кто-то позвонил по телефону и спросил кто говорит и когда я ответил: Мгеладзе, то звонивший положил трубку. Проверили.

Примерно в 9 ч. 30 мин. снова раздался телефонный звонок. Я поднял трубку, оказалось, что звонит мой старый друг Иван Тускадзе. Он поздравил меня с праздником и спросил, не собираюсь ли я приехать в Тбилиси. Я ответил, что в совхозе меня задерживают дела. Думаю, он понял меня и сообщил, что ко мне едет моя супруга Боржомским поездом. На самом деле к 12 часам Эмилия была уже в совхозе. Она привезла с собой кое-что вкусное и мы прекрасно позавтракали.

В тот же день к нам опять зачастил секретарь райкома партии, но уже не один, а с чекистом. В каждый свой приезд он расспрашивал меня как дела и я отвечал, что все в порядке. Чекиста, который хотя и был одет в штатскую форму, я узнал сразу, а меня он знал и давно. В мою бытность секретарем ЦК он работал в

органах Госбезопасности и видимо и поныне продолжает там работать.

В четыре часа дня то ли в четвертый, то ли в пятый раз опять приехал на "Волге" секретарь райкома с двумя членами райкома и с тем же прикомандированным чекистом. После короткой беседы он пригласил меня проехаться по району. Я согласился. После поездки меня пригласили на обед. Помимо нас присутствовали еще один военный товарищ и еще один чекист.

Было произнесено несколько тостов. От каких либо комментариев или высказываний своего мнения я воздержался.

На этом закончилось "празднование" 7-го ноября.

7 марта, 1963 г.

День 6-го марта был холодный, шел снег и дул пронизывающий ветер. Рабочий день у меня не был завершен. Прочитав четыре лекции в сельскохозяйственной школе, вернулся в контору совхоза, просмотрел приказы и предписания. Рабочий день окончился. Я пошел домой и углубился в чтение мемуаров Витте. Вдруг послышался стук в дверь, открываю и вижу Отара Тактакишвили — известного грузинского композитора, а вместе с ним двое сопровождающих. Для меня это было неожиданностью. Отар, как только меня увидел улыбнулся, обнял, поцеловал несколько раз и спросил — как Ваше здоровье? Я ответил, что на здоровье не жалею, но вот, погода неважная. Трудно привыкнуть к этому климату, здесь очень часто дуют сильные ветры. Мы прошли в квартиру и расположились в столовой.

Отар выглядел прекрасно. О постановке оперы "Миндия" я был осведомлен, поздравил его с творческим успехом, тем вкладом, который он внес в оперное искусство.

— Я очень благодарен Вам, что не забыли меня и заехали ко мне в Бебниси. Я это очень высоко ценю. — сказал я.

— Я считаю это своим долгом, но это не только долг, а потребность встретиться с Вами — заметил Отар, — С большой радостью ехал я к Вам, тем более, что мне представился удобный случай и подходящий повод. Как Вам известно, я баллотируюсь в Горийском районе в депутаты Верховного Совета Грузии.

Помимо всего прочего мне очерь хотелось Вас повидать и продолжить те приятные и содержательные беседы, какие мы имели в прошлом. Давайте пообедаем вместе. Остальные товарищи, сопровождающие О. Тактакишвили тоже обратились ко мне с просьбой поехать с ними. Я ответил, что не готов к тому, чтобы идти в гости, не одет и не брит, но с Отаром я с удовольствием посижу.

Мы направились к дому инженера Шота Гочиашвили, где был устроен обед в честь Отара Тактакишвили — кандидата в депутаты Верховного Совета Грузинской ССР.

За столом Отар сел рядом со мной, и пока произносились тосты, мы с ним душевно беседовали о грузинской музыке и о видных деятелях музыкальной культуры. Коснулись творчества классика грузинской музыки Захария Палиашвили, его роли в

развитии грузинского оперного искусства, говорили об операх "Абесалом и Этери", "Даиси", и о том, что под его влиянием развивается и современное грузинское оперное искусство и, что он является учителем грузинских композиторов нашего времени.

— Захарий Палиашвили был гениальным композитором — сказал Отар Тактакишвили — и самой сильной стороной в его творчестве была связь с народом.

Грузинский фольклор богат прекрасными песнями и танцами, для композиторов здесь безграничные возможности.

— Мы можем гордиться нашими современными композиторами, такими как Мачавариани, Мшвелидзе, Баланчивадзе, Цинцадзе, Торадзе, Чимакадзе — это очень талантливые люди — добавил я — взять например, балет "Горда" — гордость грузинского национального балетного искусства.

А балет Мачавариани "Отелло" стал выдающимся событием культурной жизни Грузии и за ее пределами.

Я заинтересовался почему Отар для своей оперы избрал именно "Миндия" В. Пшавела, что натолкнуло его на это?

С детства — ответил О. Тактакишвили, — я очень любил Важа Пшавела, его творчество, я очень много читал его, мне нравились его поэтические произведения. Опера написана не на один сюжет, в ней использовано почти все его творчество.

— В моем понятии — продолжал О. Тактакишвили — Важа Пшавела действительно гениальный поэт. И дай бог чтобы все знали так хорошо грузинский язык, как он знал его.

За здоровье Тактакишвили было выпито с большим энтузиазмом и аплодисментами. Он был глубоко тронут.

В беседе со мной Отар Тактакишвили рассказал, что во время предыдущих выборов в депутаты Верховного Совета Грузинской ССР он баллотировался в Абхазии, встречался там с первым секретарем Абхазобкома партии М.Т. Бгажба. О Вас рассказывали очень много хорошего — мне это было приятно.

Вдруг, Отар встал из — за стола, подошел к пианино и аккомпанируя себе спел "აბსალომ ებერი დავითაძე"^Х. Сыграл и спел с большим чувством. Присутствующие подпевали. Затем был предложен тост за наших великих предков и хотя ситуация вокруг имени Сталина была очень тяжелой, он был назван среди них.

Отар Тактакишвили тепло охарактеризовал И.В. Сталина

Х) Раненный орел

и осушив свой бокал опять подошел к пианино и играя начал
напевать Гимн Грузинской ССР, автором которого он является.

Нам стало понятно, что хотел этим сказать композитор.
Отар все время был в хорошем настроении, смеялся, шутил.

Мы долго сидели за столом.

Поздно вечером он уехал в Тбилиси. На прощание мы
крепко обнялись, расцеловались, сказав друг другу — пока!

После посещения меня в Бебниси Анной Антоновской, эта
встреча была самой приятной и запоминающейся...

...Да, как бы ветренно не было в Бебниси, — это же грузинская
земля.

5 октября, 1966 г.

С 25 — го сентября началось празднование юбилея Шота Руставели. Великий и гениальный Шота Руставели, его бессмертное творение "Витязь в тигровой шкуре" близки и дороги всем народам мира. И не случайно, в юбилейные дни на грузинскую землю прибыли представители почти всех стран и народов: англичане, французы, испанцы, немцы, чехи, поляки, венгры, румыны, болгары, представители героического вьетнамского народа и т.д. и т.д. На юбилей съехались делегации всех народов СССР, а также Москвы и Ленинграда.

Вместе с другими из Москвы в Тбилиси приехала близкая нам писательница Анна Антоновская. Несмотря на преклонный возраст, ей уже 82 года, она принимала самое деятельное участие в юбилее. Ее сопровождали сын Борис Константинович Черный и его супруга Светлана Александровна.

По поручению Анны Арнольдовны Борис Константинович позвонил к нам домой и сообщил, что Анна Арнольдовна хочет встретиться с нами и спрашивает — где это лучше сделать. Я ответил, что пожалуй, лучше всего будет у нас дома в воскресенье днем. Через пару дней вновь позвонил Борис Константинович и сказал, что Анна Арнольдовна заболела, у нее гипертонический криз и она находится в тяжелом состоянии. Было ясно, что встреча откладывается на неопределенный срок. Я и моя супруга выразили сожаление по поводу болезни Анны Арнольдовны и просили постоянно держать нас в курсе ее состояния.

Через неделю положение начало улучшаться. А спустя несколько дней позвонил Борис Константинович и сказал что Анна Арнольдовна заявила, что не уедет из Тбилиси пока не встретится с Акакием Ивановичом и просит нас зайти к ней в больницу.

В воскресенье 2 — го октября мы отправились провести Антоновскую. Больная нас встретила с приветливой улыбкой.

Завязалась беседа.

— Грузия Вас быстро исцелит и восстановит Ваше здоровье, — обратился я к Анне Арнольдовне.

— В этом я уверена, — ответила она, — я немного переутомилась, но я не могла сидеть на одном месте, Я, конечно, ездила, выступала, говорила, встречалась с друзьями. Ведь, с Грузией у меня связана вся жизнь. Я очень люблю свободолюбивый

грузинский народ. Когда исполнилось столетие присоединения Грузии к России, а трактат был заключен на сто лет и по истечении этого срока Грузия вновь должна была получить самостоятельность, мы молодежь, студенты, гимназисты устроили демонстрацию протеста, в которой я принимала активное участие. Некоторые грузины, которых награждали чинами и орденами (а они их очень любили) предали национальные интересы страны и Грузия не получила свободу.

Я заметил, — конечно эти люди плохо отстаивали интересы страны, но все равно, русский царизм с его колониальной политикой не предоставил бы Грузии национальную самостоятельность и свободу. Ведь нельзя забывать, что в Грузии помимо этой кучки людей, предавших интересы Родины, было очень много прогрессивных деятелей, которые правильно выражали чаяния нации.

— Очень сильные люди, — произнесла Анна Арнольдовна, — очень любят свою Родину и очень привязаны к своей земле. Сколько невзгод пережили грузины, но несмотря на это они сохранили себя как нацию, свою страну, свой язык, свою литературу.

— Такой народ, — продолжала размышлять писательница, — мог иметь в числе других великих сынов и Георгия Саакадзе, который так полюбился мне. Мой муж часто в шутку говорил: "ты ложишься спать с Георгием Саакадзе и просыпаешься с Георгием Саакадзе". И действительно, вот уже тридцать лет я работаю над произведением — "Диди Моурави".

— Я вас вполне понимаю, — заметил я, — без такого страстного, любовного отношения к теме, видимо невозможно написать хорошее, правдивое художественное произведение. Наверное, Вам пришлось очень много поработать в грузинских исторических архивах. Ваше произведение "Диди Моурави" — это не только художественное произведение эпического плана, но это и довольно солидная часть истории Грузии.

Анна Арнольдовна ответила: — Да, я много работала в архивах Грузии и когда закончила первый том, я долго не решалась пойти к хорошо известному Вам историку Иванэ Джавахишвили. Однажды преодолев робость, я все таки пошла к нему, и положив на стол свою работу попросила прочесть и сказать свое слово о книге. Он подумал немного, скептически посмотрел на меня и сказал: я прочту.

Позже когда я явилась к нему за книгой, он сказал: — я не

думал, что Вы поднимите эту тему, но прочитав книгу я остался доволен ею. С исторической точки зрения у меня нет никаких возражений. Помимо Георгия Саакадзе, мне очень понравился как Вы описываете грузинских женщин.

— Я очень рада такому отзыву, — ответила я, — Вы же всемирно известный историк. Могу ли я написать на книге, что Вы проконсультировали меня?

Иванэ Джавахишвили кивнул головой — Да. И в дальнейшем можете рассчитывать на меня.

— У нас много хороших историков, — заметил я, — но Иванэ Джавахишвили занимает среди них особое место. Его можно смело назвать гордостью грузинской исторической науки. Именно он должен был быть доволен тем, что Вы так серьезно взялись за разработку важной темы. Ведь Вам хорошо известно какие различные толкования существовали по вопросу о Георгии Саакадзе. Некоторые доходили до того, что называли его предателем, изменником и т.п., забывая о том, что этот "изменник" оставил у Шах — Абасса заложником своего сына Паата, отсеченную голову которого он ему прислал, тогда когда Георгий Саакадзе вместе с грузинским народом праздновал победу над персидскими ордами.

При всех наших встречах Анна Арнольдовна никогда не забывала отметить, о той помощи, которую в свое время оказал ей Сталин. — Я никогда не скрывала и не думаю скрывать, что И.В. Сталин, прочитав мою книгу о Георгии Саакадзе поддержал меня и одобрил произведение.

Очень люблю Грузию, — вновь задумчиво сказала Анна Арнольдовна.

Борис Константинович добавил: Как не любить Грузию.

Припоминается такой случай: в Москву приехали шестнадцать чехов, им предложили поехать на выбор в Грузию или в Ленинград и все шестнадцать гостей выразили желание поехать в Грузию.

— Гостями в Грузии, — добавил я, — были Пушкин, Лермонтов, Максим Горький, Лев Толстой, Чайковский и многие, многие видные деятели культуры и науки со всех концов мира. Видимо, это не случайно.

Наша беседа затянулась. Пора было уходить.

Мы попрощались с Анной Арнольдовной и Светланой Александровной. Борис Константинович пошел нас проводить до вестибула и мы поехали домой.

11 декабря, 1966 г.

Сегодня, в воскресенье, я и моя супруга вновь провели Анну Арнольдовну, которая продолжает лежать в "Лечкомбинате". Когда мы вошли в палату, то сразу заметили, что она чувствует себя намного лучше.

Писательница, ее сын и невестка уже собирались уезжать в Москву.

Как и всегда завязалась оживленная беседа. Наиболее интересным был рассказ Анны Арнольдовны о том, что когда она писала вторую книгу "Диди Моурави", то послала один экземпляр И.В. Сталину, приложив к ней маленькое письмо, в которой просила высказать свое мнение о ней и каковы будут его советы.

Спустя некоторое время, — рассказывала Анна Арнольдовна, — Сталин пригласил меня к себе и в разговоре, спросил, когда я закончу писать эту книгу. Я ответила, что закончила ее недавно. Тогда Иосиф Виссарионович сказал, — возьмите эту книгу и положите ее в ящик письменного стола, — и пусть она лежит там три месяца, а затем, возьмите ее и вновь продумайте, ибо большие темы требуют длительного времени и серьезных раздумий.

Эта встреча, — продолжала Анна Арнольдовна, — меня еще раз убедила, что Сталин хорошо знал нашу литературу, умел давать правильные оценки и серьезные советы.

Далее она с возмущением поведала нам об одном случае. Она лежала в больнице в Кунцево, недалеко от бывшей дачи И.В. Сталина. Когда я поправилась и стала выходить на воздух, — рассказывала она — встретила в саду одного старика, мы разговорились и я спросила, что за дом виднеется вдалеке. Старик ответил, что это бывшая дача Сталина, и он там когда — то работал.

А что там сейчас, музей или просто закрыт? — спросила я. Нет, не музей — ответил старик.

— А можно посмотреть?

— Можно, но только никому об этом не говори.

Я обещала, что никому не скажу и мы направились к дому. Старик показал мне две комнаты. В одной комнате стояли стоптанные валенки, таз и чайный стакан. Больше ничего. В другой — на полу блюдце для кормления собаки. Больше, оказывается у Сталина ничего не было.

В беседу вмешался Борис Константинович, сын писательницы, — Да, Сталин ценил хорошие книги и поддерживал их авторов, читал все новинки. Наконец, была Сталинская премия. Это было большим поощрением и для деятелей литературы и искусства, и в области науки, техники. А фонд этот создавался из гонораров за его труды, которыми он не пользовался.

Анна Арнольдовна добавила — Вот выдали Руставелевские премии Бажану и Тихонову. Бажану за то, что он перевел "Вепхисткаосани" на украинский язык, а Тихонову — за стихи о Грузии. Это понятно. Но разве один Тихонов писал или пишет о Грузии. А где другие писатели? Разве Пастернак мало сделал для грузинской литературы?

Я ответил — Пастернак, действительно талантливейший человек. Благодаря его переводам, грузинская литература стала достоянием не только русских читателей, но и читателей многих стран мира. Мыслящая Грузия Пастернака никогда не забудет.

— Знаете, Акакий Иванович! — сказала Анна Арнольдовна, — меня повидал Бесо Жгенти, — он много говорил о Вас, вспоминал о приятных деловых встречах с Вами, рассказывал, как Вы его спрашивали о том как идут дела, в какой помощи нуждаются и в чем нужно поддержать наших писателей?

Время текло незаметно. Пора было уходить, но Анна Арнольдовна все никак не хотела нас отпустить. Мы расстались в надежде вскоре встретится вновь.

7 апреля, 1968 г.

6-го апреля к концу дня к конторе совхоза поехал небольшой автобус. Я в это время осматривал молодые декоративные растения, посаженные вдоль главной дороги. Автобус остановился, и я увидел, что из него выходят известный литературный критик Бесо Жгенти, маститый грузинский режиссер Додо Антадзе и, как потом я узнал, молодой профессор Георгий Цицишвили.

Первых двух я хорошо знал, и как только они меня увидели, сразу же пошли навстречу. Мы радушно приветствовали друг друга, обнялись, расцеловались. И, как обычно, начались расспросы о здоровье, о семье.

Бесо Жгенти представил Г. Цицишвили и сказал, что он работает в институте истории литературы им. Руставели.

— Мы привезли его к вам, — сказал Бесо, — потому, что он "владелец" этих земель.

Я ответил в том же шутовском тоне, — думаю Цицишвили не будет иметь к нам претензий насчет того, что мы облагородили его земли. Будет не плохо, если он взглянет и оценит наши фруктовые сады, пруд и разбитый лесопарк вокруг него, изысканную красоту декоративных растений, осмотрит новые строения, имеющиеся в нашем хозяйстве. Думаю, он останется довольным.

— Да, — заявил Бесо, — новые строения сразу обращают на себя внимание. Они здесь выросли за последние годы. Построил их совхоз, возглавляемый Акакием Ивановичем.

Тут в беседу вступил Додо Антадзе, — Вы знаете, что бывший первый секретарь Абхазобкома партии М. Бгажба выделил нам участок и мы, по линии Театрального Общества построили небольшой Дом отдыха, где отдыхают и встречаются деятели искусств. Должен сказать, что о Вас в Абхазии отзываются исключительно хорошо, говорят, что в ваше время был полный порядок, дисциплина и все слои населения работали по настоящему, напряженно. В Сухуми на высоком уровне велось градостроительство, с исключительно большим размахом и со вкусом озеленяли город. По чистоте и порядку он был одним из лучших в Советском Союзе.

— Да, абхазы очень хорошие люди, и я с удовольствием

вспоминаю тот период, когда я там работал. — ответил я.

— Да, да, — как бы подтверждая добавил Г. Цицицивили.

— А что в этом удивительного, Акакий Иванович, в разговор Додо, — строил не совхозы, а города Грузии.

Бесо заметил: — После всего пережитого, строить такой совхоз нужно иметь мужество!

Мы направились в контору и зашли в мой кабинет. Сели. Я спросил приезжих: — чем могу служить?

— Предлогом для того, чтобы приехать к Вам, подчеркиваю, предлогом, — сказал Бесо, — явилось желание приобрести у Вас саженцы. У нас в Цхнети имеются дачи, и мы хотим там что-нибудь посадить. Что Вы нам посоветуете?

После подбора сортов саженцев, наша беседа продолжалась.

Бесо рассказал, что он был в Москве, когда скончалась Анна Арнольдовна Антоновская. — Я приехал в Москву, — продолжал он, — устроился в гостинице, и мне в номер позвонили о том, чтобы я связался по телефону с квартирой Анны Антоновской. Я позвонил, к телефону подошел внук. Я спросил, как живете, что нового у Вас? На это он мне ответил, что бабушки уже нет. Я спросил: — Как нет, куда никуда ушла?

— Нет, нет, — ответил он, — она скончалась.

Я сейчас же помчался к Антоновским. Приехал туда, спрашиваю, что вы думаете делать. Был субботний день. Они отвечают, что в понедельник кремация.

Как же так? Ведь, надо сообщить всем, написать некролог. Я поехал в секретариат Союза писателей, по моему настоянию отложили день кремации, и на один день перенесли прах писательницы в Дом Союза писателей.

Затем Бесо продолжал: — Нехорошо у нас получилось в дни 800 — летия Руставелевского юбилея. Мы пригласили Антоновскую на юбилей, она приехала. Когда все поехали в Вардзиа, ее усадили в автобус. Нужно было достать ей легковую машину. По дороге ей стало плохо, и с тех пор она уже не вставала. Я очень ругался, когда узнал об этом. Как мы упустили, представить себе не могу. — сокрушался Бесо.

И действительно, очень печально, что эту русскую писательницу, так много сделавшую для грузинской культуры не оценили по достоинству. Официальные власти Грузии ей даже ни разу не устроили юбилея на нашей гостеприимной земле.

—Трудно переоценить то, что сделала для пропаганды грузинской культуры автор книги "Диди Моурави" — заметил я.

—Да, это действительно так, — ответил Бесо, — я отдыхал в Чехословакии, в Карловых Варах и познакомился там с председателем Кустанайского совнархоза Казахской ССР. Он начал мне рассказывать о Грузии, о грузинской культуре, о нашем прошлом. Я был поражен и спросил его, откуда он это все знает. Он ответил: — Я читал книгу "Диди Моурави" Анны Антоновской.

—Миллионы людей читают книги Антоновской и благодаря им имеют возможность познакомиться с грузинской культурой, — добавил я.

—Спустя некоторое время после смерти Анны Арнольдовны — продолжал Бесо — я был у них дома, и мне показали Ваше письмо, адресованное ее сыну — Борису Черному. Письмо мне очень понравилось по содержанию и теплоте. Она Вас очень любила и всегда рассказывала о Вас с большим энтузиазмом.

— Вас очень любил Георгий Леонидзе. Когда мы встречались, он всегда говорил о Вас с симпатией, восхищался тем, что Вы сделали в Абхазии по национальному вопросу, он всегда подчеркивал, что Вы оказывали ему большое внимание, даже в тот период, когда вы работали в Абхазии. Поэт с удовольствием вспоминал, что когда ему исполнилось пятьдесят лет и он был в это время в Москве, Вы были первым человеком, который послал ему в этот день подарок — ящик самых лучших апельсинов. Да, вообще, он очень много о Вас говорил.

—Любят Вас многие, но я говорю сейчас об этих двух потому, что их уже нет в живых.

—Я всем сердцем любил и высоко ценил талант Анны Арнольдовны. Конечно, я, прежде всего грузин и патриот своей страны, но я должен отметить, что эта русская писательница в XX веке сделала очень многое для широкого ознакомления с грузинской культурой не только народов нашей многонациональной страны, но и за рубежом. Я считаю, что, конечно, и грузины пишут о Георгии Саакадзе, но для нас грузин, если о нас пишет русский, еще ценнее. О грузинах — писателях могут сказать, что они субъективны, что они преувеличивают и восхваляют свое прошлое. Когда пишет русская писательница — это звучит абсолютно объективно и никто не может иметь какие — либо претензии. Пусть будет побольше таких свидетельниц у грузинской истории. От этого Грузия только выиграет.

Бесо и Додо вместе сразу воскликнули: "Совершенно верно".

А я продолжал: — Гогла Леонидзе был настоящим поэтом Грузии. Он был превосходным и как гражданин и как патриот. Я его очень любил. Мы с ним встречались в Тбилиси, в Сухуми, Кутаиси и в Москве; наши беседы всегда носили задушевный, теплый характер. Иначе и не могло быть, ведь наш Гогла был обаятельным и душевным человеком.

Незадолго до его смерти, я встретил Гогла в Ваке. Я шел пешком. Он также. Узнав меня издали, окликнул, подошел и расцеловал, воскликнул — *აბო, პუნამბროლი დაგვობუღდა*.^X Я ответил приглашением приехать в наш совхоз Бебниси. Он обещал. Но вскоре после этого он слег и болезнь его закончилась печально...

Мы вернулись в контору, где гостей ждал автобус.

На прощание они пригласили приехать к ним в Цхнети. Я поблагодарил и так же пригласил их приехать в совхоз в мае месяце, когда сады оденутся в весенний наряд и будет очень приятно посидеть, поговорить и отдохнуть. Мое приглашение они приняли с удовольствием.

X) Давно мы не встречались за столом.

13 июня, 1968 г.

Мне позвонил первый секретарь Карельского райкома партии Толиашвили и сообщил, что в четверг 11 — го июля в Карелии приезжает Тбилисский государственный академический театр оперы и балета им. З. Палиашвили. Он покажет на Карельском стадионе, который Вы построили, оперу "Даиси". Хочу сообщить, так же, с улыбкой в голосе добавил он, — приезжает и Ваш зять, очевидно, с супругой.

Утро 11 — го июля не сулило хорошей погоды. И действительно, к 11 часам утра полил дождь, как из ведра. И, тем не менее, к пяти часам прибыл весь коллектив театра, занятый в опере "Даиси". Оказалось, что на всем протяжении от Тбилиси до Карели не было ни одного облака, небо было ясное. А у нас дождь лил не переставая.

В свое время я был тесно связан с коллективом театра и предстоящая с ним встреча немного волновала. Приедут ли они ко мне в совхоз и будет ли наша встреча искренней?

В половине восьмого вечера к нам в хозяйство прибыли три машины "Волга" и один автобус. Они привезли всех ведущих исполнителей ролей в опере "Даиси". Приехал и директор театра — мой старейший друг Дмитрий Семенович Мchedлидзе со своей супругой Верой Александровной Давыдовой с внуками.

К моей радости мы встретились как старые друзья, расцеловались и несколько минут стояли обнявшись. Затем мы тепло поздоровались с артистами. В распросах и приветствиях о здоровье, о работе мы не замечали, что льет дождь и успели основательно промокнуть. Я пригласил всех приехавших в гостиницу совхоза, где они с удовольствием расположились. Я же пошел к себе домой, сообщил жене о приезде гостей. И через полтора часа, моя супруга, приготовила угощение, как положено по законам грузинского гостеприимства.

Все сели за стол. Присутствующие ели с большим аппетитом, шутили и смеялись.

Все дружно выбрали меня тамадой. Выпили за дорогих гостей, за хозяйку, за присутствующих дам и особо за Веру Александровну Давыдову и ее супруга, директора театра Дмитрия Семеновича Мchedлидзе.

В связи с этим тостом, я решил рассказать о том, как

Дмитрий Семенович пошел из Москвы в Тбилиси. В 1952 году, когда Пленум ЦК КП(б) Грузии избрал меня первым секретарем, я вместе с другими, начал изучать положение, создавшееся в театрах, в том числе и в оперном. Мы убедились, что положение безрадостное. И вот, я решил пригласить в Грузию Дмитрия Семеновича и Веру Александровну, режиссера Туманишвили и художника С. Вирсаладзе. Задача эта была довольно трудная, но я рьяно взялся за дело. Мое обращение с просьбой к секретарю ЦК ВКП(б) Суслову окончилось неудачей и тогда я решился позвонить Сталину.

— Товарищ Сталин (в официальной обстановке мы никогда не называли его по имени и отчеству), — обратился я к нему, — в Тбилисском оперном театре у нас дела идут не очень хорошо.

— Плохо, — услышал я реплику Сталина.

— Вот именно, поэтому я решил обратиться к Вам с просьбой. — продолжал я, — ЦК КП(б) Грузии просит откомандировать для работы в Тбилиси Дмитрия Семеновича Мчедлидзе, работающего в Большом театре. Мы понимаем, что это будет нелегко, но, ведь Москве легче найти кадры, чем Тбилиси. Мы в нем очень нуждаемся. Заодно просим отпустить его супругу — певицу Давыдову. Затем хотим пригласить режиссера Туманишвили и художника Вирсаладзе.

Сталин заметил: — Сразу многого захотели.

— Товарищ Сталин, — ответил я, — у нас другого выхода нет, очень прошу поддержать нас.

— Хорошо, — ответил Сталин, — только переговорите с Мчедлидзе, и узнайте, согласен ли он.

Я очень обрадовался. Как только разговор со Сталиным закончился, я сейчас же позвонил в посредство, попросил нашего представителя найти Мчедлидзе и связать его со мной. Через час я уже говорил по телефону с Дмитрием Семеновичем. Во время разговора я, естественно, его лица не видел, но, думаю, что он был немного растерян и не знал, что ответить, только повторял — да, да. Ну, раз так, — наконец сказал он, — я согласен, вот только переговорю с Верой Александровной, но я согласен.

Я поблагодарил Дмитрия Семеновича сказав, что мы собираемся пригласить также Туманишвили и Вирсаладзе. Мы хотим сделать все возможное для дальнейшего развития грузинского национального оперного театра.

– До скорой встречи – попрощался я с ним.

Через несколько дней в Тбилиси приехали Мchedлидзе, Туманишвили и Вирсаладзе. А через некоторое время прибыла В.А. Давыдова. И закипела в оперном театре горячая творческая работа. Начали готовить новую постановку оперы “Абесалом и Этери”.

В коллектив театра влилось много молодежи. Тогда же начал свою деятельность и Зураб Анджапаридзе, который сейчас с большим успехом поет в Большом театре. С тех пор, Дмитрий Семенович на протяжении не одного десятилетия руководит Тбилисским оперным театром.

Он сделал все, что мог и должен был сделать, как грузин, для развития своей родной культуры.

Дмитрий Семенович спел “ღვობო კახურს”^х, спел превосходно, несмотря на преклонный возраст. Ему подпевали все присутствующие, и по окончании долго аплодировали.

Потом было выпито за известного певца Петре Томадзе. Когда он произносил тост благодарности, то вспомнил такой эпизод: когда он пел на премьере “Абесалом и Этери”, во втором акте, во время исполнения арии, он наступил ногой на шлейф платья Этери.

– Я старался изо всех сил, – рассказывал он, – так как знал, что Акакий Иванович сидит в ложе вместе с Дмитрием Семеновичем, хотелось заслужить похвалу, но получилось все наоборот, Акакий Иванович заметив мою оплошность, выразил недовольство. Он внимательно наблюдал за всем тем, что происходило на сцене. Это послужило для меня хорошим уроком. Я вспоминаю об этом случае с большим удовольствием потому, что нам было приятно чувствовать, что за нами внимательно следят, подмечают и плохое и хорошее в нашей творческой деятельности, – закончил он свою речь. Рассказывал он все это с юмором и все весело смеялись.

– Дорогой Петре, – заметил я, – в Вашем творчестве я отмечал очень много хорошего и Вам это было известно.

– Ну, конечно, – ответил Томадзе, если бы не так, то я не запомнил бы этого случая.

Следующий тост был поднят за молодежь театра, в лице Азмайпарашвили, Саная, Глунчадзе и др.

– Старые, маститые актеры, – сказал я, – во главе с

Х) “О, вино кахетинское” – ария из оперы “Даиси”.

Дмитрием Семеновичем, много работают над воспитанием молодых кадров. Молодежь — это наша смена и наше будущее. От того, как они будут воспитаны зависит завтрашний день театра, а завтра должно быть лучше, чем сегодня.

Все с удовольствием поддержали тост.

За окном было холодно и непрерывно лил дождь, а в гостинной, где за столом собрались друзья было тепло от приятных воспоминаний. Время текло незаметно и никто не мог себе представить, что уже 3 часа ночи. Пора было возвращаться в Тбилиси.

23 мая, 1969 г.

На днях, мне рассказали о моей встрече с Галактионом Табидзе в совершенно искаженном виде.

Я решил восстановить истину и изложить беседу в таком виде, в каком она состоялась.

В 1952 г. в июне месяце мне как первому секретарю ЦК КП(б) Грузии доложили о том, что Галактион Табидзе, выступая на Пленуме Союза Писателей Грузии, касаясь русских классиков, произнес следующие слова: "Гоголь – моголь". Это, конечно возмутило многих присутствовавших. Секретариат ЦК счел необходимым отреагировать.

Я его вызвал и спросил, действительно ли он, выступая на пленуме употребил слово – "Гоголь – моголь". Табидзе ответил, даже не задумываясь – да.

Как Вы считаете, – обратился я к нему – разве такой известный поэт не только в Грузии, но и за ее пределами, которого высоко ценит общественность может это позволить себе?

В ответ он сказал, что допустил большую оплошность, что ему было бы неприятно, если бы на Пленуме Союза Писателей Украины кто – нибудь из поэтов заявил бы – Галактион – Малактион.

В нашей беседе я предпочел больше молчать и дать возможность поэту высказаться. И убедился, что для Галактиона Табидзе те слова были случайно сорвавшимися и вовсе не отражали его взглядов.

Наша беседа на этом закончилась, я встал, улыбнулся и сказал: вопрос можно считать исчерпанным?! В ответ, Галактион засмеялся и ответил – да, конечно. Я пожал ему руку и мы попрощались.

Вот, это и есть правда о нашей встрече и все, что о ней распространяется является выдумкой некоторых словоохотливых людей.

Наши отношения с Галактионом Табидзе можно было охарактеризовать как хорошие и не очень официальные. В свое время он бывал у меня в Сухуми, мы с ним подолгу беседовали о путях развития грузинской поэзии и литературы, обсуждали работу Абхазского Отделения Союза писателей Грузии. Приезжал он ко мне и в Кутаиси. Там были другие проблемы. Нас заботила судьба исторических памятников Западной Грузии. И как всегда, в наших беседах главное место занимала поэзия. В моей личной библиотеке есть особенно мне дорогие книги и среди них несколько изданий стихов Галактиона с дарственной надписью автора с самыми теплыми словами.

10 октября, 1970 г.

Мне стало известно, что главный Маршал авиации А.Е. Голованов собирается приехать на отдых в Грузию, в Кобулет, но когда именно, неизвестно, и уж конечно, я не мог предположить, что он будет моим гостем в Бебниси.

В годы Отечественной войны и после ее окончания, я много слышал об этом герое сражений в воздухе. Со многими полководцами — Жуковым, Василевским, Толбухиным, Антоновым, Вороновым, Штеменко и другими я встречался у И.В. Сталина, на сессиях Верховного Совета СССР и в других местах. А вот с этим блестящим, отважным летчиком, знаменитым маршалом авиации мне в те годы встретиться не пришлось.

К концу дня 8-го октября мне сообщили, что завтра к 11 часам утра в совхоз придут гости из Тбилиси и Москвы. У меня мелькнула мысль, не Голованов ли приезжает к нам?

Хозяйство наше всегда в образцовом порядке и специально его готовить к показу нег необходимости.

Гостей я решил принять у себя на квартире и моей супруге — Эмилии Марковне изрядно пришлось потрудиться.

В десять часов утра подъехала машина "Волга", и из нее вышел начальник "Сакцигни" — Ромео Аронишидзе. Он сообщил, что к нам в гости едет Главный Маршал авиации Советского Союза А.Е. Голованов с супругой и его сопровождают несколько человек, в том числе и первый заместитель председателя Комитета печати Совета Министров Грузинской ССР — Б.Н. Ломашвили, которому поручено сопровождать Голованова по Грузии.

Стрелка часов показывает 11 часов, а гостей все нет. Наконец к 12 часам к зданию конторы подъехала машина. Я направился к гостям и увидел несколько человек, любующихся цветами, высаженными в парке около конторы совхоза.

Приветствуя приехавших, я сразу же догадался который из них Голованов. Он пошел ко мне навстречу, и мы тепло поздоровались. С ним находилась его супруга Тамара Васильевна.

Я оглядел Голованова: высокий, стройный, худощавый, со спокойным взглядом, в котором сквозил острый ум, чувствовалась большая воля.

Представили мне также одного из сопровождающих Маршала — хорошо знакомого, нашего земляка Шота Ивановича

Кванталиани — педагога одной из московских школ.

Гости намеревались осмотреть совхоз и через час направиться в Зестафони.

Я предложил Александру Евгеньевичу наметить программу осмотра нашего хозяйства.

— С удовольствием, — ответил он, — но, мы к вам ненадолго.

— Обстановка покажет, не будем спорить о времени. Это будет зависеть от вашего желания.

Все рассмеялись. Решили: сначала посмотреть как идет сбор яблок, осмотреть все сады, затем вновь созданную кролиководческую ферму, посмотреть цветочный магазин и побывать на роднике им. Шота Руставели и прилегающем лесопарке, площадь которого составляет 32 с лишним гектара.

Между гостями и работницами, собиравшими яблоки, завязалась оживленная беседа. Гости говорили по — русски, а те отвечали им по — грузински, но, друг друга они хорошо понимали. Александра Евгеньевича и Тамару Васильевну поразили вид и вкусовые качества наших яблок. Я тут же сообщил им что сорт яблок "Кехура" имеет лежкость два года.

В свое время этот сорт с большим удовольствием покупали англичане и из Грузии в английские порты отбывали пароходы, груженные яблоками.

Затем мы направились на кролиководческую ферму. Главный Маршал поинтересовался ее назначением. Я рассказал ему, что помимо шкурок и мяса, мы трехдневных крольчат поставляем соответствующему институту для получения вакцин. Ферма существует один год и с задачами справляется успешно.

Большое впечатление оставил на москвичей цветочный магазин, построенный из бамбука.

Затем путь наш лежал к роднику им. Шота Руставели. Вдоль дороги, по обе стороны стояли увешанные яблоками деревья. Окончились сады, начались плантации роз, которые сменили аллеи черных сосен и канадского тополя. Впереди виднелся лесопарк, одновременно играющий роль мощной лесозащитной полосы. Он был создан в связи с тем, что господствующие с той стороны ветры наносили большой ущерб хозяйству.

— Позвольте, — заметил Александр Евгеньевич, — не является ли это частицей сталинской программы переделки природы?

— Да, — ответил я.

— Знал Иосиф Виссарионович, что нужно было делать, продолжил Голованов, — переделка природы — это была колоссальная программа.

— И прогрессивная, — заметил я.

Мы подъехали к питомнику, а затем направились к роднику. К роднику ехали заасфальтированной дорогой.

Вот и площадка для стоянки автомобилей, спустились по лестнице вниз. Гости отметили высокую строительную культуру.

Около памятника погибшим в Отечественную войну все остановились и постояли минуту в молчании. Кто знает, какие у каждого из нас в это время возникли мысли в голове. Ведь же нет ни одной семьи, которой не коснулась бы война.

Погуляли вокруг искусственного пруда. Я рассказал, что чтобы создать его, мы провели ряд субботников, используя нашу небольшую технику. Вокруг него теперь поднялись голубые ели, липы, конский каштан, кусты роз.

Уже прошло больше часа, но никто не вспомнил, что пора уезжать.

Когда осмотр закончился, я предложил зайти посмотреть как и где живет директор совхоза.

Все сразу же согласились.

Александр Евгеньевич заглянув в мой кабинетик, обратил внимание на книги, стоявшие на полках — мемуары Г.К. Жукова, Яковлева, Штеменко, Рокоссовского, книги "1945 г.", "Курская битва", журнал "Октябрь" №5 за 1970 г., в котором опубликованы его мемуары.

Когда мы вышли в столовую, Александр Евгеньевич бросил фразу: — О Верховном Главнокомандующем много пишут за границей. А у нас, до появления мемуаров наших полководцев, единственной книгой, повествующей о деятельности Сталина, была лишь книга Александра Верта, переведенная на русский язык.

Голованов рассказал о том, с какими трудностями ему приходится сталкиваться при подготовке к печати своих воспоминаний об Отечественной войне и с каким боем приходится отстаивать каждую строчку.

— Их так отредактировали, что от написанного мною ничего не осталось и мне пришлось заявить: "Вы написали, вы и подписывайтесь".

В редакции меня пытались убедить, — продолжал Александр Евгеньевич, — что написанное в таком виде, публиковать нельзя, слишком часто упоминается имя Сталина.

С такой постановкой вопроса я согласиться не мог. Тогда я обратился с заявлением к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, в котором просил ответить мне, — имею ли я право, коммунист с более чем сороколетним стажем, участник четырех войн, писать правду обо всем виденном.

Через девять месяцев меня вызвали в Центральный Комитет и в очень корректной форме сказали, что я имею право писать, и сейчас же начали публикацию моих мемуаров.

В следующем номере журнала "Октябрь", — продолжал он, — я пишу о Сталине как о военном теоретике. Ведь искусство войны состоит не только в стрельбе из пушек. Чтобы победить надо наряду с другим располагать и теоретической базой. Вот эту новую теорию, в особенности в ходе Великой Отечественной войны, разработал И.В. Сталин.

— Такая работа не была под силу, конечно, ни Жукову, ни Василевскому или еще кому — нибудь другому. Для того, чтобы разработать теоритические основы Вооруженных Сил СССР недостаточно было располагать только лишь военными знаниями, надо было быть великим политиком.

— Таких как Василевский, Жуков в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны, можно не ошибаясь сказать, было сотни, а такой как Сталин — только один, и не дай бог, случись с ним что — нибудь в годы Отечественной войны, неизвестно, как бы все обернулось.

— Сталина никто не мог заменить. Я этим не умаляю значение Жукова, Василевского и других полководцев, которых Сталин нашел и выпестовал. Я об этом говорю потому, что сейчас в документах военно — мемуарной литературы, в особенности в официально издаваемой "исторической литературе", роль Сталина в годы Отечественной войны всячески преуменьшается, а роль Жукова, Василевского и других непомерно преувеличивается. Это искажение действительности.

— Вот, я и хочу попытаться, — продолжал Голованов, — показать Сталина как военного теоретика. Об этой стороне его деятельности знает небольшой круг у нас в СССР и за рубежом.

В это время хозяйка пригласила нас к столу.

— Акакий Иванович, — обратился ко мне Голованов, — когда в этом году я решил поехать в Грузию, одной из задач было — познакомиться с Вами. Минувшей осенью я отдыхал в Сухуми, и куда ни приходил, всюду слышал фамилию Мгеладзе, — это действительно при Мгеладзе, это сделано по инициативе Мгеладзе. О Вас отзывались очень тепло.

Слышал я о Вас и в те годы, когда Вы возглавляли ЦК КП Грузии, а до этого, Абхазскую и Кутаисскую партийные организации, но лично с Вами не был знаком. И, вот, мне захотелось повстречаться с Вами.

Голованов поделился воспоминаниями о том, как он сопровождал Сталина на Тегеранскую конференцию. Отчетливо помню его слова — сказал Александр Евгеньевич — когда на обратном пути мы прогуливались по перрону Бакинского вокзала:

— “Вот, и закончили мы Тегеранскую конференцию, товарищ Голованов. Руководители приходят и уходят, сколько у них трудностей и в каких сложных условиях им приходится работать. Но кто об этом знает? Критиканов и хвастунов не только в буржуазных странах, но и у нас будет немало. Возможно, настанут такие времена, когда не одно ведро грязи попытаются вылить и на меня. Но ничего, все это отойдет и станет на свое место. Мы воюем сейчас лучше чем в 1941 году, и поэтому на Тегеранской конференции мы победили. Для того, чтобы победить и на следующей конференции мы должны воевать еще лучше. Правда, на конференциях мы все сидим за круглым столом, но и там чувствует себя лучше та делегация, на фронтах которой дела идут хорошо. Мы эту войну выиграем, и Советский Союз станет еще сильнее. Его влияние возрастет. Военные кадры у нас выросли, закалились, нам нужно дальше совершенствовать свои знания. Наш солдат воюет куда лучше, он уже не боится немецких танков, а наши танки и самолеты куда лучше и наша промышленность все больше и больше их выпускает.”

После Тегеранской конференции — продолжал Голованов — Сталину немножко не здоровилось, но он держался крепко. Возвратившись в Москву, он немедленно приступил к исполнению своих обязанностей Верховного Главнокомандующего, как он делал это и на Тегеранской конференции. Из Тегерана товарищ Сталин связывался со всеми фронтами, получал информацию о состоянии дел, отдавал необходимые приказы. Генералы штабов все время

ему докладывали о том или ином вопросе, которые он тут же во время перерыва между заседаниями рассматривал, и принимал решения, и подписывал распоряжения. Титанический труд всегда сопутствовал этому человеку. Именно этой титанической работой завоевал он себе колоссальный авторитет.

Помню, как — то при одной встрече Сталин спросил меня об одном нашем работнике. Я сказал, что это незаменимый человек. Сталин ответил: — Очень это плохо. Незаменимых людей нет и не должно быть. Как же так, если мы все будем незаменимыми, то кто же заменит нас после смерти. Нет, все люди заменимы, и должны быть заменимы. Сталин не считал себя незаменимым. Он был очень скромен.

Как известно — продолжал Голованов — Сталин все время заботился об укреплении советского государства, об улучшении жизненного уровня нашего народа. Я припоминаю, после окончания войны когда в ЦК готовился к рассмотрению вопрос о повышении жизненного уровня, было высказано два мнения — первое повысить зарплаты и повысить цены, второе не повышая зарплаты снизить цены на продукты и промтовары. Сталин решительно отверг первое предложение как совершенно неприемлимое, считая что систематическое понижение цен приведет к повышению реальной заработной платы и дать возможность повысить жизненный уровень советских людей...

Тосты следовали один за другим. Было весело и хорошо. Время бежало незаметно. С момента приезда Голованова в Бебниси прошло уже пять часов, а за столом продолжалась оживленная и теплая беседа.

Но всему приходит конец. Сопровождающие маршала настояли на том, чтобы продолжить путь и засветло проехать Рикотский перевал. Тогда Голованов поднял последний тост — за меня. Получилось как — то так, сказал он, что до и в годы Отечественной войны мы не встречались. О товарище Мгеладзе я слышал от самого Сталина. Он много раз говорил о нем среди военных, и других видных деятелей партии и государства, во время обедов, на официальных заседаниях и в дружеских беседах. Сталин отзывался об Акакии Ивановиче очень хорошо всегда подчеркивая, что он самый молодой среди партийных работников. Когда я приехал в Грузию, мне интересно было с ним познакомиться и я не мог его не навестить.

Тут я извинился, что перебиваю его и сказал: — Мы с вами не встречались, но от Сталина и я много слышал о Вас, когда он перечислял и с похвалой отзывался о видных военачальниках. Так, что если можно так сказать Сталин познакомил нас вообще!

Александр Евгеньевич продолжил свой тост: — Много рассказывать как работает Акакий Иванович не приходится, о его работе говорят результаты деятельности в хозяйстве.

Александр Евгеньевич продолжал говорить, своими словами вгоняя меня в краску.

Все выпили за мое здоровье.

Мы пожелали отъезжающим счастливого пути и машины двинулись в сторону Зестафони.

27 декабря 1970 года.

26-го декабря 1970 года состоялась XXII конференция Карельской районной организации. Я был избран делегатом от Бебнисской организации. На конференции присутствовал представитель ЦК КП Грузии, кандидат в члены Бюро ЦК КП Грузии, председатель Комитета госбезопасности А.Н. Инаури*.

Конференция приступила к работе и начала формировать – президиум, мандатную комиссию и также секретариат.

Я был избран в президиум. Нас пригласили на сцену занять свои места и я сел в последнем ряду. Инаури сидел за столом рядом со вторым секретарем райкома партии.

Через какое-то время А.Н. Инаури обернулся и стал кого-то искать глазами. Увидев меня, улыбнулся и, протянув руку, поздоровался со мной.

Вечернее заседание началось в шесть часов вечера. После прений, был устроен получасовой перерыв.

Многие делегаты, в том числе и я, вышли на прогулку перед зданием Дома культуры, где проходила конференция. Кругом лежал снег, вечер был прекрасный и дышалось легко, все небо было усеяно звездами.

Во время прогулки я опять встретился с А.Н. Инаури, он подошел ко мне и как то получилось, что мы остались одни. Он начал рассказывать мне о событиях в Польше и сказал, что дела там идут плохо. Польский рабочий класс восстал против нынешнего руководства, экономическую политику оно вело плохо и трудящиеся Польши очень обеднели, польское руководство – партийное и государственное – обновлено. Гомулко и его окружение, конечно, оказались не на должном уровне.

– В свое время Сталин, видимо, разгадал его, – заметил я.

– Конечно. А, теперь, Акакий Иванович я хочу сказать это, только для Вас, – в Польше расклеены прокламации, в которых написано: “Товарищ Сталин спасите Польшу”, – рассказывал А.Н. Инаури.

– Вот, видите, это еще одно подтверждение, что Сталин отлично разрешал экономические проблемы – заметил я и добавил:

– Хрущев все время пытается его развенчивать.

– Вы знаете, – сказал Инаури – когда я бывал у Хрущева, а бывал я у него часто, он никогда при мне Сталина не ругал и

люди из его охраны говорили: — приехал Инаури и теперь Хрущев замолкнет, не будет поносить Сталина.

А Вы знаете в чем дело, Акакий Иванович, у него, думаю, в общих дел была своя собственная злоба на И.В. Сталина. Я Вам расскажу об этом. Как — то я имел беседу с маршалом Г.К. Жуковым, который рассказал мне, что сын Хрущева от первой жены попал в плен к немцам и начал выступать по радио против Советского государства. Выступал он очень грязно, как лютый предатель. Тогда И.В. Сталин дал задание чекистам и армейцам уничтожить его в самой Германии. А соответствующим органам удалось его выкрасть и привезти в Москву. Об этом доложили Сталину. Щербаков — начальник политуправления Советской Армии сообщил, что его будут судить и расстреляют. Вначале И.В. Сталин дал на это согласие, но затем, подумав несколько минут, сказал: — давайте не будем его расстреливать, это неудобно. Хрущев состоит в Политбюро, о расстреле его сына станет известно и это его скомпрометирует. Пусть его осудят и отправят в штрафной батальон. Выживет — хорошо, нет — пусть умрет на фронте, защищая советское отечество. Так и было сделано. Вот этим и был озлоблен Хрущев. Как только он стал первым секретарем ЦК КПСС, он сейчас же аннулировал название Щербаковского района города Москвы. Этим он отомстил уже мертвому Щербакову. Затем, используя свое положение в партии, он поднял кампанию против Сталина.

— Сыновья Сталина тоже воевали на фронте и один из них — Яша — оказался в плену, но вел он себя мужественно. Сын же Хрущева оказался предателем, но несмотря на это Сталин не захотел подорвать авторитет Хрущева.

— Кстати, насчет сына Сталина — Яши, продолжал Инаури, — мне о нем тоже рассказывал Г.К. Жуков. Когда Яша попал в плен, он держался до последних своих дней хорошо, мужественно. Г.К. Жуков поведал мне, что через Красный Крест, Гитлер сообщил, что он готов обменять сына Сталина на фельдмаршала Паулюса. И вот, когда в один из дней, Жуков был на докладе у Сталина, он сказал Иосифу Виссарионовичу об этом, предложив согласиться на такой обмен. Сталин думал, рассаживая по кабинету, а затем сказал товарищу Жукову: — полководец вы хороший, а политик — слабый. Как же так, допустим, я обменяю фельдмаршала Паулюса на сына, а что мы скажем Иванову, сын которого находится в

плени? В плену гитлеровской Германии находится семь миллионов наших бойцов. У них тоже есть родители. Так, что, этого делать нельзя. Яша не изменит своей Родине и врагом не станет. А в такой огромной войне не один Яша погибнет. Сталин замолк. На этом разговор был закончен.

Жуков рассказывал, что в своей книге он об этом писал, но этот эпизод каждый раз сокращали.

Я сказал маршалу Жукову, — продолжал А.Н. Инаури, — хорошо Вы пишете о Сталине. Он ответил, что в изданной книге осталось далеко не все, что он написал, многое вычеркнули.

Затем разговор зашел о Берия.

Инаури рассказал, что когда ему докладывают архивные материалы о меньшевиках, Берия фигурирует очень неприглядным образом. Раньше он был с меньшевиками.

— Это крупнейший фальсификатор и без всякого на то основания обвинял честных людей.

— Совершенно верно, это я испытал на себе, — заметил я.

Удивительный это был человек, ему все время что — то мерещилось, каждую неделю он должен был "создавать" или "раскрывать" какую — то организацию, — сказал мой собеседник — если бы Берия остался в живых, то кровь и сейчас лилась бы рекой.

Когда Берия был арестован, меня отозвали из Армии в Центральный Комитет и сказали, что посылают в Министерство Госбезопасности Грузинской ССР. Берия недавно арестовали и в Грузии дела плохи. Я ответил товарищам из ЦК, — не беспокойтесь, грузины из — за Берия восстания не устроят, он столько принес им горя, что грузины его ненавидят.

Перерыв окончился и мы вернулись в зал.

Вечером, новым руководством ряд товарищей, в том числе и я, были приглашены на ужин. Я отказывался, но вновь избранный секретарь и председатель райисполкома обратились к товарищу Инаури и попросили, чтобы он пригласил меня. Он, действительно пригласил меня и я пошел, хотя я уже много лет не ужинаю, а тем более, если этот ужин сопровождается выпивкой.

Как водится во время ужина были произнесены тосты, в том числе и за И.В. Сталина.

После торжественного ужина мы тепло распрощались, Инаури уехал в Тбилиси, а я отправился к себе домой.

26 октября, 1971 г.

25 октября 1971 года Бебнисское государственное питомническое хозяйство посетили делегации иностранных ученых и Советского Союза, прибывших в Грузию для участия в чествовании Президента Академии Наук Грузии Николоза Мухелишвили в связи с его 80-летием.

В три часа дня шесть автобусов остановились у верхней площадки лесопарка. Первым из автобуса вышел сопровождающий делегацию ученых Ректор Тбилисского Университета, академик Академии Наук СССР — И. Векуа. Он подошел ко мне поздоровался и сказал:

— Акакий Иванович, здесь находятся ученые из США, Франции, Англии, Италии, ФРГ, ГДР, Швеции, Норвегии, Дании и из республик Советского Союза, Москвы, Ленинграда и Киева. Как предусмотрено программой, они приехали осмотреть Ваше хозяйство.

Все прибывшие, выйдя из автобусов направились ко мне. Мы обменялись приветствиями. Подошел видный ученый Грузии — Элефтер Андрионикашвили, и тепло поздоровался со мной.

Я сказал, что для встречи, все подготовлено так, как было задумано.

Вскоре приехали первый и второй секретари райкома партии.

Все спустились по лестнице к роднику. С видимым удовольствием шли по дорожкам и аллеям. Любовались красивым оформлением родника, перешли живописный мостик в виде дуги и оказались у длинного стола, на котором стояли корзины с фруктами, шампанское, коньяк и шоколад.

На танцевальной площадке перед гостями выступил детский ансамбль песни и пляски Карельского района. Гости им горячо аплодировали.

Был устроен импровизированный митинг и И. Векуа представил меня гостям.

Я сказал, что очень рад приезду в наше хозяйство дорогих гостей из — за рубежа и Союзных Республик, — больших городов — Ленинграда, Москвы, Киева и вкратце ознакомил с нашим хозяйством, предложил им отведать дары нашей земли.

И. Векуа коротко поблагодарил нас за такую радушную

встречу и, обращаясь к гостям сообщил, что это хозяйство в Республике показательное.

Гости, в особенности американцы и немцы сделали очень много фотоснимков и через две — три минуты показывали всем очень удачно заснятые фотокарточки.

Гости осмотрели фруктовые сады и поля роз. Затем Элефтер Андроникашвили подошел ко мне и сказал: "Акакий Иванович, гости очень благодарны Вам за прием и хотя бы попрощаться".

Ко мне начали подходить представители делегаций.

Когда церемония прощания была закончена и гости должны были направиться в Кинцвиси, вдруг неожиданно И. Векуа попросил меня также поехать с ними. К его просьбе присоединились секретари райкома Ш. Махароблидзе и Ш. Эцадшвили.

Я спросил, — удобно ли это. И Векуа ответил, что всем приедем будет приятно Ваше присутствие, настолько большое впечатление произвел на них ваш радушный прием. Я охотно согласился и мы поехали в Кинцвиси. Во дворе монастыря был накрыт грузинский стол для делегаций. За столом И. Векуа и я сидели в одном ряду. Тамадой был И. Векуа. Первым долгом он выпил за здоровье районного руководства. Вслед за этим, И. Векуа произнес тост в мою честь и направился в мою сторону. Я пошел ему навстречу, мы чокнулись и он осушил свой бокал. Я был очень тронут таким вниманием.

Далее И. Векуа поочередно провозглашал тосты за здоровье ученых Америки, Англии, Франции, ФРГ, ГДР и др. Он говорил по русски.

Представители делегаций благодарили на своих языках, а представитель ученых Дании ответил на русском языке. Его жена, видимо изучив несколько грузинских слов, благодарила на грузинском.

За столом было непринуждено и весело.

Супруга датского ученого, интересная кстати женщина, подседа к И. Векуа шутливо флиртуя, а жена Векуа, которая сидела поодаль, жеманно прикрылась платочком, делая вид будто не видит этого, что прибавило оживление за столом.

Тамаде принесли два "канци" для очередного тоста. Он выпил за грузинский народ, сыном которого является юбиляр,

Президент Академии Наук Грузии Николоз Мухелишвили, Присутствовавшие с удовольствием присоединились, а иностранцы даже сфотографировали "канци".

Играл самодеятельный оркестр, гости танцевали.

К восьми часам вечера обед закончился, делегации расселись по автобусам и отбыли в Тбилиси...

За последние полтора десятка лет в моей жизни эта встреча с мировыми талантами была самой яркой и интересной. У меня мелькнула мысль – какой одаренный грузинский народ. Он дарит миру выдающихся ученых, и среди них Николоз Мухелишвили, не первый и не последний.

В тот вечер моей гордости за Грузию не было предела.

Никогда, за все время существования Бебниси не было такого большого форума ученых почти со всех стран мира на роднике, который был построен в честь 800-летия со дня рождения Шота Руставели и назван мною "Шотас цкаро" и неизвестно когда такой большой коллектив ученых еще раз соберется здесь, на этом месте.

9 ноября, 1971 г.

6-го ноября 1971 г. в 12 час. 30 мин. пополу^дни на кроличью ферму Бебнисского государственного питомнического хозяйства прибыли Первый секретарь ЦК КП Грузии, Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС В.П. Мжаванадзе, Председатель Совета Министров Грузинской ССР Г.Д. Джавахишвили, Секретарь ЦК КП Грузии Ш.И. Чануквадзе и министр совхозов Грузии М.Б. Гвинджилия.

Эта ферма строилась по последнему слову техники и строительство ее заканчивалось именно сегодня, 6-го ноября в первой половине дня.

В отличие от предыдущих двух, эта ферма механизирована и уход за 1200 кроликами будет обеспечен всего 4-мя работниками.

Последнюю неделю строительство шло в очень напряженном темпе — с 6 часов утра до 12 часов ночи. Трудились все рабочие, инженерно-технический персонал, агрономы, зоотехники и ветврачи.

Министр совхозов М.Б. Гвинджилия подчинил мне всех работников центра и периферии, которые вели строительные и монтажные работы и облек меня своими правами, сказав: — Акакий Иванович, руководите и распоряжайтесь, как министр, я передаю Вам свои полномочия на этой стройке. Разверните и организуйте работу так, чтобы 6-го ноября строительство было закончено, так как 6 ноября ферму хочет посетить Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КП Грузии В.П. Мжаванадзе. Других он не назвал.

Я заверил Гвинджилию, что задание будет выполнено. И оно было выполнено. Ровно в 12 часов 30 минут 6-го ноября прибыли на ферму В.П. Мжаванадзе, Г.Д. Джавахишвили, Ш.И. Чануквадзе и сопровождающий их М.Б. Гвинджилия. Я их встретил на территории фермы. Василий Павлович поздоровался со мной и спросил: — Акакий Иванович, Вы уже побрились?

— Да, — ответил я, немного удивленный. Видимо, М.Б. Гвинджилия рассказывал ему как я не отлучаясь ни на минуту со стройки руководил этой работой.

— Василий Павлович, — вмешался в разговор М.Б. Гвинджилия, — я не думал, что Акакий Иванович в такой короткий

срок сможет построить ферму с таким размахом и закончить ее строительство в срок. Вы знаете, что в Кумиси четвертый раз срывают сроки. Вчера же я приехал сюда в 8 час. 30 мин вечера, чтобы предварительно проверить ход работ и был поражен, что все они уже закончены, оставалось только озеленить территорию и убрать строительный мусор.

— Товарищ министр, — доложил я, — мусор убран и озеленение закончено.

— Вот, видите, — ответил М.Б. Гвинджилия.

Мы пошли осматривать ферму. "Вот это здорово" — вырвалось у Василия Павловича когда он вошел в помещение. И озеленено, и чисто, стадо укомплектовано и вся ферма выглядит замечательно.

— А сколько Вы думаете вырастить кроликов в будущем году? — спросил Василий Павлович.

— Не менее 20 тысяч, — ответил я.

— Он вырастит и больше и перекроет показатели всех ферм, имеющихся в Советском Союзе. Это он из скромности называет такую цифру — вмешался Гвинджилия.

Все осмотрев мы вышли из фермы и гости поехали на строительство кролиководческой фермы в совхозе Дедопали.

Я остался на центральной усадьбе совхоза.

— Мы с вами не прощаемся, — сказали остальные присутствующие.

Спустя минут сорок за мной приехали на "Волге" и сообщили, что Василий Павлович просит меня приехать в дом Кипшидзе, где секретарь райкома устроил обед.

— Мы Вае ждали, сказал Мжаванадзе, как только я вошел.

Тамадой был сам Василий Павлович. Настроение у него было хорошее. Первый тост он произнес за здоровье Гиви Дмитриевича Джавахишвили, второй — за мое здоровье; (он произнес более обширную речь из которой я привожу отрывки, так как считаю нескромным воспроизвести все дословно) "Акакий Иванович, за Ваше здоровье, Вы были руководителем республики, сейчас Вы работаете директором совхоза, но тогда и сейчас пользуетесь одинаковой любовью и авторитетом. Даже можно сказать, что сейчас Вы пользуетесь еще большим авторитетом и любовью".

Гиви Дмитриевич бросил реплику: "Да, да, Василий Павлович, сейчас его любят еще больше".

Чануквадзе тоже добавил: "Да, да".

Гвицджалия сказал: "Я еще не встречал человека, который не любил бы и не уважал его".

Василий Павлович продолжал: — У нас в Советском Союзе, не только в Грузии, много было руководителей, занимавших высокие посты, но, когда в силу создавшейся обстановки они были смещены, ни один из них не смог показать себя на низовой работе, все они провалились как только очутились — директорами предприятий, совхозов, научно — исследовательских институтов и т.п. Вы единственный в Советском Союзе, прекрасно работаете директором совхоза, очутившись там после поста секретаря ЦК КП Грузии. Даже недруги изменили отношение к Вам, они вынуждены признать, что Вы настоящий коммунист и крупный организатор, а ведь в свое время они нашептывали совершенно иное в ЦК.

Далее Василий Павлович продолжал: — Ведь это хозяйство было небольшим, но убыточным, я же знаю, а сейчас оно стало крупным и рентабельным, показательным не только в Грузии, но и во всем Советском Союзе. Я повторяю, только один Вы, Акакий Иванович, не ведете себя так, будто Вы обижены, как это, мол, посмели меня освободить с руководящего поста. Вы не жалуетесь и не проявляете недовольства. И хорошо руководите хозяйством. Это я объясняю не только Вашим талантом и организаторскими способностями, но и также большой силой воли. В этом я вижу Вашу глубочайшую партийность и партийный подход ко всем вопросам.

Все присутствующие подтвердили эти слова Мжаванадзе.

А он продолжал: — я очень рад, что бываю у Вас, мне приятно осматривать Ваше хозяйство, Ваши сады, лесопарк, парки, мощные полезащитные полосы. Все это создано под Вашим руководством, по Вашей инициативе. А, вот, рядом совхозы, они только начинают переимать Ваш опыт работы и методы руководства. Наконец — то, они раскачались, а им надо было раньше, подражая Вам развернуть у себя такую работу. Они от Вас отстали, во многом отстали, а было время, когда самым отсталым хозяйством в этом районе и в Грузии был Бебнисский плодопитомнический совхоз.

— Так, что для того, чтобы иметь авторитет и чтобы любили в народе, одна должность недостаточна. Мы в этом убедились на Вашем примере. Вот, я и желаю Вам крепкого здоровья, желаю быть таким молодым, как Вы сейчас выглядите и, чтобы Вы работали еще несколько десятков лет.

К панегирику подключился Джавахишвили: — Я полностью присоединяюсь к тому, что говорил здесь Василий Павлович и должен еще от себя добавить, что у Акакия Ивановича удивительная энергия и способности, он может изучить любой предмет и разговаривает со специалистами как знаток дела. Часто слышишь, — одни говорят, что по образованию он инженер, другие — что он агроном, третьи — архитектор, а на самом деле, Акакий Иванович, как мы все знаем, юрист — правовик.

Я хочу пожелать Акакию Ивановичу крепкого здоровья и еще раз подчеркнуть, что он создал такое прекрасное хозяйство недалеко от Гори.

Затем поднял бокал Ш.И. Чануквадзе: “Я знаю Акакия Ивановича еще из комсомола, мы росли под его руководством, я говорю мы — потому, что нас было много, и он всегда был для нас примером, эталоном, а какой он работник, — об этом говорили здесь Василий Павлович и Гиви Дмитриевич и мне не следует повторяться. Но я хочу подчеркнуть, что куда бы его не послали, даже на самое голое место, он и там создаст образцовое хозяйство. Так было в Самгори, где только что провели оросительную систему. За девять месяцев на пустом месте он основал прекрасный виноградарский совхоз, который Вы, Василий Павлович посещали не раз. За Ваше здоровье Акакий Иванович, — обратился он ко мне.

Потом слово взял Михаил Багратович Гвинджилия: “Я благодарен Акакию Ивановичу, за то что он защищает своего министра и дает возможность привозить сюда, в это прекрасное хозяйство таких высокопоставленных руководителей, и они уезжают отсюда довольными. Это сглаживает то, что мы видели в других хозяйствах. Крепкого Вам здоровья!

— Я мог бы рассказать много эпизодов о встречах с Вами и о Вашей работе, но здесь уже было сказано многое, я только хочу вспомнить эпизод с эвкалиптами, когда Вы точно, за каких нибудь три часа доставили их на Сухумский аэродром и мы погрузили их для отправки в Крым. Когда Вы сказали, что в час дня эвкалипты будут на месте, я не хотел этому верить, но Вы человек слова. Когда — нибудь, Василий Павлович, я Вам расскажу об этом эпизоде. А в смысле конкретности и оперативности, дай бог, чтобы это было у всех в такой дозе как у Мгеладзе. За Ваше здоровье, Акакий Иванович!

Поблагодарив всех, я ответил, что постараюсь оправдать доверие моего народа, ибо его интересы я всегда ставил превыше всего.

Тосты продолжались...

В отличие от прежних встреч Василий Павлович тост за Сталина не произнес, а выпил за здоровье Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного и Председателя Совета Министров А.Н. Косыгина.

Размышляя о встрече на ферме и о словах Василия Павловича во время обеда на Кипшидзеvской даче я думал, а искренен — ли был Мжаванадзе. Не потому ли это происходило что он вынужден считаться с общественным мнением и что умные люди советуют ему изменить позицию в отношении меня.

Я не злопамятен и предаю забвению события и людей, которые причинили мне зло. Но довольно сложно забыть его пылающее возмущением лицо, когда он с благословения Хрущева, без всякого на то основания клеветал на меня и исключал из партии. А сегодня он излучает любовь и безграничное уважение. Этого я забыть не могу. Поэтому, и Хрущева и Мжаванадзе я считаю вероломными людьми и, несмотря на то, что Мжаванадзе так тепло говорил обо мне, меня все же не покидает сомнение в его искренности.

Клевета, преследование и чудовищные унижения, которые я перенес разбудили во мне еще большую энергию и преданность своему народу. Вот почему в хозяйстве, в котором мне приходится работать есть чем гордиться и что показать.

11 июня, 1972г.

В субботу 10-го июня, совершенно неожиданно, около двух часов дня к конторе хозяйства подкатило несколько легковых машин. В них сидели: только что избранный Президент Академии Наук Грузии — И. Векуа, вице — президент Академии Наук Грузии — поэт И. Абашидзе, недавно назначенный ректор Тбилисского Университета — Д. Чхиквишвили, член — корреспондент Академии Наук Грузии — Ш. Дзидзигури, поэт Джансуг Чарквиани и другие.

Встреча была радостной и волнующей. Мы обнялись и расцеловались как старые друзья.

Ираклий Абашидзе сказал: — Нам всем очень хотелось повидаться и побеседовать с Вами. В Тбилиси о Вашем хозяйстве ходят легенды. Тут в разговор вступил Илия Векуа: — Не только говорят, но так оно и есть. Я уже осматривал это хозяйство.

Д. Чхиквишвили так же уже побывал у меня в совхозе.

Машины двинулись в сторону родника.

И. Векуа и Д. Чарквиани уже побывали в нашем хозяйстве а Ираклий Абашидзе, который впервые приехал в Бебниси, всю дорогу восхищаясь увиденным приговоривал, — " Как чудесно, как красиво, видите, что можно сделать руками человека... Кто поверит, что здесь было болото и комары? Об этом парке и роднике нам рассказывали в Тбилиси."

— Люди могут творить чудеса, — вставил И. Векуа.

Улыбнувшись его словам Ираклий Абашидзе продолжал развивать свою мысль, — все это могло быть не только здесь, но и по всей Грузии. — Гладкий асфальт, прекрасные фруктовые сады, парки, благоустроенный родник, памятник погибшим в Отечественную войну 1941 — 45 г.г., — все это привлекает внимание и невольно вспоминаешь разбитые, ухабистые улицы Тбилиси, протекающие крыши домов и запущенные старые парки столицы. Да, как часто судьба бывает превратна, не стоит говорить об этом, — закончил он.

Пока мы осматривали парк, по моему заданию, работники нашего хозяйства принесли роскошные букеты роз, которые преподнесли супруге Ираклия Абашидзе и другим присутствовавшим женщинам. Не сдержав своего восторга они воскликнули: "Боже, откуда такие изумительные розы?!"

— Это — Бебнисские розы. У нас в хозяйстве очень много

розариев, они раскинулись на площади 5 гектаров. — объяснил я.
Осмотр лесопарка вызывает у всех оживленные комментарии. Тенистые аллеи из плакучих ив, серебристых канадских и тибетских елей производят на гостей огромное впечатление. Я делюсь планами о дальнейшем расширении парка и показываю там же подходящее к концу строительство небольшого дома для приема гостей типа грузинской "ода".

И. Векуа вспоминает, как приезжал сюда с учеными почти всего мира в дни юбилея Мухелишвили. Иностранцы сделали не одну сотню снимков, увезя их в различные страны. Я знаю что, парк этот имеет пятилетнюю историю, но надо представить его через 10—20 лет, каким он станет роскошным.

Я в ответ улыбнулся и сказал, — конечно, если внимание к нему не будет ослаблено. Когда эти деревья поднимутся в высоту на 40—50 метров, это будут красавцы, на которых не налюбуйешься.

Осмотр закончился.

Первый секретарь Карельского райкома партии Ш. Махароблидзе приглашает всех поехать в Кинцвиси, посмотреть исторические места и там же пообедать.

Так и сделали. Шота Дзидзигури был избран тамадой. Он веселый человек, с большим умом, умеет вести стол на высоком уровне.

Приступив к исполнению своих обязанностей Ш. Дзидзигури провозгласил тост за встречу друзей в Кинцвиси, за нашу Родину, за чету Абашидзе, поздравил И. Векуа с избранием на пост президента Академии Наук Грузии. Этот последний тост все выпили стоя.

— В лице Ильи Векуа, — сказал я, — мы имеем крупнейшего ученого, известного во всем мире. Я это хорошо почувствовал, когда уважаемый Илья был у нас в Бебниси с учеными зарубежных стран, принимавших участие в юбилее Н. Мухелишвили, в связи с его восьмидесятилетием. Все с таким уважением говорили и обращались к И. Векуа, что мы его соотечественники не могли этим не гордиться. Думаю, не ошибусь, если скажу, что Илья Векуа достойный преемник Н. Мухелишвили.

Присутствующие произнесли много теплых и задушевных слов в его адрес.

Илья Векуа коротко поблагодарил всех сказав, что он до сих пор находится под впечатлением того приема, который был

оказан ученым, побывавшим в Бебниси и в Киндвиси, учение до сих пор пишут ему в своих письмах, что только грузины так высоко ценят и умеют так радушно встречать гостей.

Следующий тост, несмотря на мой энергичный протест, провозгласили за меня. Тамада очень высоко оценил мою скромную работу. Он в превосходной степени отозвался о моей деятельности в Абхазии, в Кутаисской области, в Грузии.

Илья Векуа особо отметил мое пребывание в Абхазии. Я полностью одобряю все то, что там было сделано в тот период, я думаю, Вы понимаете, что я имею в виду. Я был у Акакия Ивановича на приеме два раза и ушел очень довольным решив все вопросы положительно. Я особо коснулся Абхазии, не потому, что не хочу сказать, что и по Грузии он сделал очень много хорошего. Я полностью одобряю его деятельность. То, что его позиция была правильной, это мы ощущаем и сегодня.

Иракий Абашидзе приятно удивил меня одним своим воспоминанием двадцатилетней давности.

— Вы все хорошо знаете нашего видного писателя Константинэ Гамсахурдия, — сказал И. Абашидзе, — слышали о некоторых особенностях его характера. Очень многие в Москве, да и в Тбилиси, расценивали его писательскую деятельность как националистическую и критиковали за это. Делалось это еще до избрания Акакия Ивановича секретарем ЦК и после него. Официальная ситуация требовала этого, но Акакий Иванович проявил неожиданно правильный подход к Константинэ Гамсахурдия. В самый напряженный момент он написал ему личное письмо, которое Гамсахурдия, по его словам, хранит в своем архиве.

В этом письме, Акакий Иванович высоко оценивает творчество писателя и выразил пожелание, чтобы он обратился так же и к теме современности. Гамсахурдия был очень обрадован. Не каждый секретарь ЦК в тот напряженный момент отважился бы написать такое письмо. Для этого требовалось большое гражданское и политическое мужество. Так появилась книга "Цветение лозы".

Акакий Иванович всегда высоко ценил писателей всех жанров. Его любили и любят сейчас. Я должен быть откровенным до конца и сказать, что мы приезжаем в Бебниси не для того, чтобы осмотреть сады и парки, как бы хороши они не были, а для того,

чтобы увидеть, поговорить и пожать руку Акакию Ивановичу.

Пожелав мне здоровья Ираклий Абашидзе осушил свой бокал. В своем тосте благодарности я подтвердил, что то, что рассказал Ираклий Абашидзе действительно имело место.

— Тут был затронут вопрос, на котором я хочу остановиться. В своем тосте Ираклий Абашидзе рассказал об одном эпизоде. Действительно, в 1952 году я написал личное письмо К. Гамсахурдия с целью высказать то, что мне велело мое сердце и морально поддержать его в той политической ситуации. Я лично всегда высоко ценил творчество Гамсахурдия и никогда не путал его патриотизм с национализмом.

По — человечески говоря, мне очень было приятно услышать от Ираклия Абашидзе, что, оказывается, Гамсахурдия хранит мое письмо. И в моем архиве так же хранится его ответное письмо в знак глубокой благодарности за мою поддержку. Письмо было предназначено ему одному, но, как видно, он ознакомил с ним и Ираклия Абашидзе.

— Да, только мне он показал и прочел это письмо, — добавил Ираклий Абашидзе. — Ваши первые слова "пативцемуло Константиэнэ..." по тому времени означали очень многое...

Тосты продолжались.

За молодежь, которая присутствовала за столом — Резо Амашукели и инженера Кодуа с супругой — выпили особо.

Джансуг Чарквиани очень много смешил всех особо искусно копируя Ираклия Абашидзе.

После всего, тамада вышел за здоровье обслуживающего персонала.

По инициативе Д. Чхиквишвили, мы все выпили за здоровье тамады, поблагодарили его за то, что он был хорошим тамадой, сказали ему очень много теплых слов, отметили его деятельность как ученого и как тамады.

Вскоре все встали из — за стола и собрались уезжать. В это время ко мне подошел Кодуа, схватил мою руку и хотел поцеловать. Естественно, я категорически запротестовал. Тогда он сказал, — "Акакий Иванович, Вы спасли моего отца. Я сын того Кодуа, который строил здание Грузугля. На бюро ЦК обсуждался вопрос об этом строительстве. В проекте постановления было предложено снять Кодуа с работы и отдать его под суд. А, Вы, выслушали моего отца, инженера — строителя, разобрались во всем,

а затем, осмотрели это строительство сказав, что никаких нарушений и незаконных действий на стройке нет, что Кодуа оставляет впечатление хорошего инженера и хозяйственника, а то обстоятельство, что со стороны Московской улицы предусмотрена отделка болнисским туфом, то это нельзя ставить ему в вину. Наоборот, это украсит уголок города там где начинается Московская улица и стоит памятник Шота Руставели. Вы предложили составить дополнительную смету на эту работу и сказали, что напишите Министру угольной промышленности тов. Засядько и попросите его поддержку. Решение было принято. Мы, дети, ждали отца. Он мог бы вообще не вернуться если бы прошло предложение одного из секретарей ЦК.

— Я действительно помню Кодуа — отца, он оставил на меня хорошее впечатление. Я разобрался в этом вопросе, убедился в том, что он прав и защитил его правду. Это входило в мои обязанности.

Молодой человек опять схватил мою руку, но я расцеловал его и он прослезился.

— В нашей семье часто говорят о Вас и я рад, что встретил Вас сегодня здесь. Когда я хожу на могилу своего отца, всегда вспоминаю этот эпизод. Мой покойный отец с восхищением рассказывал нам детям о Вас и привил любовь к Вам. Я для Вас готов пойти в огонь и в воду.

Он еще раз обнял меня, и я опять его расцеловал.

— Я сказал все, что было у меня на душе, Акакий Иванович, — произнес молодой Кодуа.

В это время к нему подошла его супруга и спросила — ты все рассказал Акакию Ивановичу?

— Акакий Иванович, что я могу сделать для Вас? Я работаю Управляющим строительного треста, иду по стопам отца, — сказал Кодуа.

Я ответил ему, — “Вы уже сделали для меня хорошее и приятное тем, что Вы хороший инженер, толковый молодой человек, управляющий трестом. Для такого человека как я, это много значит. Мы пожали руку друг другу на прощание.

Гости уехали в Тбилиси, а я и секретарь райкома Ш. Махароблидзе вернулись в Карели. Затем я поехал в Бебниси, где меня ждали супруга и внучка.

24 июня, 1972 г.

В субботу, 22-го июля, в одиннадцать часов утра, заехал нарсудья Карельского района Хр. Сухишвили и поинтересовался, буду ли я завтра, в совхозе? Он сообщил, что Давид Бакрадзе^Х, собирается навестить меня. Он просил передать, что давно Вас не видел, очень соскучился и хочет повидать.

— Если бы я даже предполагал куда-либо выехать, с удовольствием останусь. Мы большие друзья и я буду очень рад встрече с Давидом, — ответил я.

Хр. Сухишвили так и передал все это Давиду Бакрадзе. И вот, в воскресенье 23-го июля, к двум часам дня я подъехал к роднику, где мы предварительно договорились встретиться. Не прошло и нескольких минут, как я услышал грохочущий голос Давида, который спускался по лестнице вниз. Мы обнялись, расцеловались, а затем, несколько минут молча смотрели друг на друга. Видимо, и он, и я мысленно вспоминали пройденный путь. Вместе с Давидом приехала его супруга, недавно перенесшая инфаркт, ее сопровождали две приятельницы. Давид сказал, что его жена восемь месяцев не вставала с постели, но узнав, что он едет ко мне, тоже решила непременно поехать. Я ей преподнес большой букет роз.

Все сели на скамейку. Разговор перескакивал с одной темы на другую. Хотелось сказать о многом и воспоминания наплывали друг на друга.

Прошло полчаса пока все улеглось. Давид осмотрел родник, лесопарк, все ему очень понравилось: Другого я и не ожидал увидеть — сказал он.

Я показал ему большой стол, сделанный из мраморной крошки, второй круглый стол и третий около родника. В свое время Бакрадзе выделял этот материал нашему хозяйству по моей просьбе.

— Еще бы, не выполнить твою просьбу! Я вижу как прекрасно все сделано. Все это мне очень приятно видеть — воскликнул Давид.

Гуляя, мы беседовали о внутреннем положении нашей

Х) Легендарный партизан Отечественной Войны. Герой Советского Союза

страны, о ее международном положении, о Коммунистической партии Советского Союза, о международном коммунистическом движении. Беседа приняла очень серьезный характер.

— Трудно, очень трудно понять, — сказал Д. Бакрадзе, — что происходит у нас в стране да и в международных отношениях. Нет такого человека как Сталин, который мог бы ясно и коротко, сжато рассказать, все объяснить. Вот был человек! Выступит, скажет и каждому ясно в каком положении мы находимся, что нужно сделать и что ожидает нас.

— Да, меняются времена, меняются люди, меняются лидеры, летят кабинеты, объявляются новые режимы и политика меняется. — ответил я. — Попрежнему совершаются убийства лидеров, дворцовые перевороты, но, в новых условиях они совершаются более утонченно и не каждому ясно, что происходит на этой планете. Однако одно ясно, что каждый лидер и каждый кабинет стремится взять под свое влияние народ, воздействовать на него политически, с точки зрения своего мировоззрения и иногда это удается, порой удается поставить на ложный путь целый народ. Несмотря на пробуждение и революционные взрывы в массах преобладает рабство мысли, рабство ума, рабство человеческого духа.

— Акакий, скажи, будет ли такой человек как Сталин? — спросил Давид Бакрадзе.

— Каждая эпоха выдвигает своих великих людей так, что я не могу сказать, будет ли такой человек как Сталин, но великие люди будут.

— Вот посмотрите и Сталин был генеральным секретарем нашей партии и Хрущев был генеральным секретарем нашей партии — воскликнул Давид — Разве это не ирония судьбы?

— Да, нельзя их сравнивать. Один великий государственный, политический и военный деятель, второй — просто дурачок.

Дурачок то дурачок, да десять лет возглавлял государство.

— Что ж бывает, ведь и соколы летают и мухи тоже.

Давид заметил, — история учит, что искусство политического руководства самое сложное и самое трудное. Инженерному делу можно научиться, а чтобы стать политическим деятелем для этого нужна одаренность, врожденная талантливость. Ныне именно этого не хватает у многих политических и государственных деятелей.

Нашу беседу прервали, пригласив нас к столу. Там уже находились приехавший первый секретарь Карельского райкома партии Ш.А. Махароблидзе с семьей, Председатель исполкома Карельского районного совета В. Шубитидзе с дочерью, Деканосидзе с женой, моя супруга и внучка.

Обед прошел приятно и оживленно. Закончился в 8 часов вечера. Все тепло распрощались и гости уехали в Тбилиси.

30 июля, 1972 г.

В субботу утром, 29-го июля, мне на квартиру позвонил первый секретарь Карельского райкома партии И. Ш. А. Махароблидзе и сообщил: "К Вам едут в гости коммунисты из Франции и Бельгии."

— Я готов. Когда их ждать? — спросил я.

— От двух до трех часов дня, — ответил Махароблидзе.

И вот, в два часа гости приехали. Познакомились. Женщинам преподнесли букеты роз.

Среди приехавших оказались: члены ЦК французской и бельгийской компартии.

Гостей интересовало все, тщательно обработанные плодовые сады, питомники, кролиководческая ферма, самая образцовая и благоустроенная в Советском Союзе и наш лесопарк, который посещают почти все делегации, приезжавшие в СССР и, в частности, в Грузию.

Всем нравится этот лесопарк, его родник и недавно построенная в национальном духе — "ода" (дом).

Но больше всего гостей интересовало экономическая сторона нашего хозяйства.

Они забросали меня вопросами. Оставшись довольными моими ответами, поблагодарили от имени всей делегации, отметив, что они и раньше знали, что Грузия культурная страна, имеющая замечательную историю и, что грузины мужественный, талантливый и трудолюбивый народ и, сегодня, посетив это хозяйство, они еще раз убедились в этом.

Затем делегацию пригласили посетить церковь св. Николая в Кинцвиси.

В роли гида пришлось выступить мне и я постарался дать как можно больше информации о моей стране. Грузию разрушали — объяснял я — несметное количество иноземных захватчиков, они были безжалостны и огнем и мечом уничтожали все на своем пути, не жалели даже беременных женщин, чтобы они не рожали грузин. Но грузинский народ сохранил себя и свою материальную культуру. Яркий пример тому эта церковь, построенная в начале XIII века, в которой на одной из стен, изображен портрет нашей выдающейся царицы Тамары, при которой население Грузии составляло 12 миллионов... Я все

рассказывал, рассказывал, а гости старались не пропустить ни одного слова переводчика.

В это время к нам подошел один из сопровождающих и сказал, что гостей просят к столу.

По моему предложению тамадой был избран Резо Амашукели — молодой поэт, работающий в ЦК КП Грузии. Он сопровождал делегацию в путешествии по Грузии. Выпили за Францию, Бельгию, за Грузию.

Гости замечательно пели, ели с аппетитом, танцевали, обнимали и целовали грузин — мужчин и женщин.

Вдруг, совершенно неожиданно, тамада произнес тост за мое здоровье.

Вообще, всем делегациям, которые нас посещают я представляюсь как директор хозяйства и только, а тут Реваз Амашукели, возможно, на него подействовало вино, рассказал о моем прошлом, то, что я был первым секретарем Абхазского и Кутаисского обкомов партии, первым секретарем ЦК КП Грузии, депутатом Верховного Совета СССР, членом Политбюро и т.д. и т.д.

Я все подавал знаки, чтобы он замолчал, но он продолжал говорить и в заключении объявил, что мы грузины всегда любили и любим Акакия Ивановича Мгеладзе как видного деятеля и т.д.

Я почувствовал себя очень неудобно потому, что зарубежным гостям это вовсе не надо было знать.

Остальные сопровождающие подлили масла в огонь, сказав, что я знал лично Мориса Тореза^Х и беседовал с ним когда бывал у Сталина.

Французы и бельгийцы встали и начали аплодировать. Сопровождающие их москвичи вынуждены были сделать то же самое, хотя судя по выражению их лиц, вряд ли им это понравилось.

Отступать было некуда, всем все было ясно, гости выпили за мое здоровье, сказав в мой адрес очень много теплых слов. Когда дошла моя очередь — выпить тост благодарности — я постарался сгладить ситуацию, заявив, что благодарен нашей партии, что в преклонном возрасте мне предоставили спокойную работу, где я имею больше времени для отдыха и чтения и имею возможность заняться мемуарами.

Х) М. Торез — генеральный секретарь компартии Франции

Французы и бельгийцы хором заявили — мы это видели в вашем хозяйстве.

— Я действительно был знаком, и горжусь этим, с деятелем французской коммунистической партии. Припоминаю, как в 1933 году я слушал речь Марселя Кашена, посетившего в то время Советский Союз и приехавшего в город Сухуми в день открытия партийной конференции. В 1936 г. в Варшаве на вокзале я познакомился с Морисом Торезом. Мы, делегация ВЛКСМ ехали в Женеву на Всемирный конгресс молодежи — за мир.

После этого, я неоднократно встречался с Морисом Торезом в Москве и на Черноморском побережье Грузии, в Сухуми, где он вынужден был пребывать в силу особых обстоятельств.

Когда я бывал у товарища Сталина, то видел у него Мориса Тореза, видел как тепло относился Сталин к нему и какие советы он давал ему в отношении деятельности французской Коммунистической партии.

Мы часто встречались с Раймоном Гюйо, который являлся Председателем Коммунистического Интернационала Молодежи. Он тоже был на Конгрессе в Женеве от имени КИМ — а. Знаком был и с его женой.

Всей делегацией мы поднимались на Монблан. Сейчас мне все это очень приятно вспоминать.

Когда обед подходил к концу, ко мне подсел член ЦК компартии Бельгии Ниезон Фелисьен. Наполнив свой и мой бокалы он наклонился к моему уху и на ломанном русском языке сказал: "Выпьем за Сталина. Я член Коммунистической партии Бельгии, но я сталинец; многие коммунисты остались верными Сталину. Что — то говорят об ошибках. Конечно, в них никто по серьезному не разбирался. Мы считаем, что ошибки Берия не следует приписывать Сталину, и потом, кто не ошибается, ошибается любой человек, который работает. Сталин совершил великие дела в период руководства Русским Бюро ЦК РДСРП. После смерти Ленина он привел партию к блистательным победам. В СССР под его руководством был построен социализм. В годы войны Сталин как Верховный Главнокомандующий обеспечил победу над немецкими и японскими агрессорами. Такого человека история не забудет. Давайте выпьем за него.

Официально тоста за Сталина никто не произнес, но все присоединились к нам.

Наблюдая эту картину, я вспомнил о том, как о Наполеоне говорили полушепотом его верные генералы, государственные и политические деятели, и в особенности солдаты, которые скрывали свою любовь к нему. Полушепотом потому, что разговоры могли окончиться репрессиями. Но, шли годы, и через пятьдесят лет отдавая дань его величию прах Наполеона был торжественно перенесен в Париж. История повторяется, обычно на новом витке. Ничего не исключено.

Наконец, был выпит последний тост за тамаду. Воздавая ему должное, подчеркивали его человеческие качества и поэтическое дарование. Потом гости собрались уезжать. Мы пожелали им счастливого пути, они уехали в Тбилиси, а мы поехали по своим домам.

3 сентября, 1972 г.

საქართველოს
ხალხთა
რესპუბლიკის
ხალხთა
წიგნების
სამართლები

В субботу, 2-го сентября 1972 года наше хозяйство посетила американская профсоюзная делегация медиков.

Мое внимание привлекло то, что почти половина состава делегации были негры. Но никакой враждебности в их взаимоотношениях я не заметил. Наоборот, они были любезны друг с другом, шутили и смеялись.

Осмотр мы начали с новостроек — здания средней школы, Дома культуры и жилых домов. Я объяснил, что строительство в основном, ведется за счет прибылей хозяйства.

По пути к ферме недалеко от дороги имеется благоустроенный родник, в стене которого вмонтирован портрет Сталина, раскуривавшего трубку. С автобуса этот родник хорошо виден. Руководитель делегации В. Тэйлор обратил на это внимание своего соседа, тот указал другому и таким образом, вся делегация повернулась в сторону родника. Они что-то оживленно заговорили вполголоса и по их лицам было видно, что они довольны увиденным.

Вскоре машина подъехала к роднику. Гости с удовольствием прогуливались по парку, а за это время был накрыт стол. Договорились, что стол будем вести по грузинским традициям.

Гости единогласно решили избрать меня тамадой.

Первый бокал был поднят за здоровье женщин, как положено по нашей традиции и это произвело очень хорошее впечатление на гостей, в особенности на женщин. Они говорили, — посмотрите, как в Грузии уважают женщин. Мы об этом слышали, но, теперь воочию убедились в этом.

Затем я провозгласил тост за здоровье руководителя делегации Вильяма Тэйлора, пожелал ему крепкого здоровья, поблагодарил за то, что делегация решила посетить именно наше хозяйство, за то, что они пересекли моря, океан и горы, чтобы попасть к нам. Если гости останутся довольны и не будут считать те часы, которые провели здесь потерянными, то нам будет приятно.

Вильям Тэйлор поспешил ответить, что им очень и очень приятно и, что они никогда не забудут часы, которые провели в нашем хозяйстве.

— Очень рад, — сказал я, — Я пью за здоровье, за любовь. Может быть удастся когда нибудь иметь одно правительство во

всем мире, которое обеспечит дружную жизнь всех народов, жизнь в достатке, жизнь, где не будет преследований ни национальных, ни социальных, чтобы люди дружили, любили друг друга, трудились производительно и жили культурно.

Вильям Тэйлор сказал — дай бог, дай бог!

Обменялись сувенирами.

И совершенно неожиданно, глава американской делегации, а затем и его спутники подняли бокалы и предложили тост за Сталина.

Они сказали: "Мы всегда уважали этого великого человека, ценили его и ценим. Нельзя предать забвению то, какую роль он сыграл в годы войны против фашизма. Сталин сын грузинского народа и такого сына мог дать только грузинский народ потому, что у него великая и древняя культура. Мы предлагаем выпить этот тост за Сталина.

Разумеется, мы все согласились. Нам это было особенно приятно, так как никто из нас не только не намекнул, но и в течении тех часов, которые мы были вместе, не произнес этого имени.

Тэйлор продолжал, — Мы знали Россию и то, что она из себя представляла когда во главе ее стояли русские цари. Россия стала сильнейшей страной в мире, когда во главе ее находился Иосиф Сталин. Это великий государственный деятель, сын Грузии.

— Каждый цивилизованный человек, который знаком с историей, знает, что Грузия была героической страной, для своего времени имеющей хорошо развитую экономику, государственность, военное дело, что эта страна дала многих видных деятелей литературы, искусства. Коротко говоря, я хочу сказать, что это страна, имеющая древнюю, богатую, высоко развитую культуру, — закончил свой тост Вильям Тэйлор, — такой ее знает цивилизованный мир.

Я слушал и думал: ведь сколько грязи свои же вылили на этого человека, а вот американцы по своей инициативе поднимают за него бокал.

Мы просидели за столом до 10 часов вечера, затем гости распрощались и уехали.

26 сентября, 1972 г.

Республиканская
национальная библиотека

25-го сентября был осенний, теплый день. Фруктовых садах – горячая пора. сбор фруктов. Урожай в этом году обильный. У всех хорошее настроение, а когда настроение хорошее, то и работа спорится. В этот день к нам в гости приехала довольно многочисленная группа туристов из ГДР.

Я приветствовал их, сказав, что мне очень приятно принимать немецких друзей из ГДР, и что я к их услугам и готов ответить на любые их вопросы.

Гости заинтересовались, когда было организовано это хозяйство, сколько гектаров оно занимает, какие сорта яблок имеются у нас в садах, каким яблокам мы отдаем предпочтение.

После осмотра хозяйства я пригласил немцев в наш лесопарк и угостил их яблоками. "Возьмите с собой несколько яблок нашего сорта "Картули синапи" и "Кехура" – сказал им я – Вы сможете довести их до Германии и они не испортятся в дороге. Туристы моментально воспользовались моим предложением и стали наполнять яблоками карманы, платки и сумки. В парке за столом завязалась дружественная беседа.

Надо отметить, что в глаза бросается высокий технический уровень образования немцев. У них большие познания в этой области и это результат работы естественно, не одного или двух десятков лет. Мне вспоминаются слова Сталина, сказанные им однажды на совещании хозяйственников: "Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. А должны пробежать это расстояние в течении – десяти. Либо мы это сделаем, либо нас сомнут". Произнося эти слова из всех европейских стран Сталин подразумевал главным образом Германию.

И подумать только! Наша страна была разорена в первой мировой войной и коммунистам досталось тяжелое наследие. Достаточно вспомнить, что на "Красной Площади" 7-го ноября 1924 года в военном параде принимали участие пулеметные тачанки, в то время как в Германии, Америке и Англии уже была достаточно развитая промышленность, и на оснащении их вооруженных сил были самолеты, танки и другое совершенное вооружение. У нас же самолетов было несколько да и то – , тихоходных.

Какую же титаническую работу пришлось проделать народу, под руководством И.В. Сталина, чтобы подняв нашу страну

на высокий уровень, выйти победителем в войне с Германией. Некоторые современные, так называемые критики Сталина, винят Советский Союз в техническом отставании. Но они забывают о том, что в распоряжении Сталина было всего лишь тринадцать более или менее мирных лет, чтобы осуществить индустриализацию страны, реконструировать сельское хозяйство, поднять общий технический уровень, продвинуть вперед науку, технику и культуру. Было бы несправедливым и неблагодарным винить Сталина, а заодно наших специалистов, конструкторов, изобретателей в отставании.

Ведь каковым, в общем, был технический уровень страны. Всего за один десяток лет до начала войны у нас только лишь учились как нужно водить грузовики и как прокатывать броневую сталь. Незадолго до начала войны мы ставили первые палатки у подножья горы Магнитной.

Сталин неустанно говорил, что сегодня техника и кадры решают все, ценой огромного напряжения творческих и физических сил партии и народа И.В. Сталину удалось уже в ходе войны перестроить индустрию, поднять ее на более высокий уровень и блестяще завершить Великую Отечественную войну.

Вот какие мысли возникали у меня, когда я смотрел на этих немцев...

Гости были тронуты нашим теплым приемом и записали очень много хороших слов в Книге впечатлений нашего хозяйства, которые гид нам перевела вслух.

Немцы настоятельно приглашали меня приехать в ГДР сказав, что непременно пришлют визу.

Мы тепло распрощались и они уехали.

9 октября 1972 года

8-го октября (разумеется мы были заранее предупреждены), наше Бебнисское хозяйство посетила часть участников международного симпозиума, посвященного 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик в составе 51 человек. Это были люди со всех континентов земного шара.

Церемония знакомства происходила следующим образом: их подводили ко мне и произносили г-дин из Америки, из Англии, из Германии, из Японии, из Непала и т.д.

Приехавшие оставляли хорошее впечатление, видно было, что это люди толковые, развитые. Кого тут только не было. И черные, и желтые, и белые. Беседовали они между собой дружески, улыбались.

Сопровождающие гостей москвичи и тбилисцы попросили меня быть гидом.

Начали осмотр хозяйства. Первое, куда я их повез — это на кролиководческую ферму. Ферма гостям очень понравилась. Большое впечатление на них произвело озеленение территории. Некоторые гости отметили смеясь, что в их странах нет таких парков для людей, так, что наши кролики живут совсем не плохо. Кое — кто из гостей пошутил, — даже лучше чем люди в некоторых странах.

— Господин директор, вот вы разводите кроликов, столько расходуете на них средств и труда, а мы не знаем, как их уничтожить. У нас стоит проблема не развития кроликов, а их уничтожений. — отметили некоторые приезжие.

После фермы мы проследовали по нашим садам. А сады в Бебниси действительно хороши.

Гостей интересовало, как шло развитие садоводства в Грузии.

Увидев "кехуру" они поинтересовались что это за сорт. Узнав что это яблоко может пролежать два года, очень удивились.

— Пожалуйста, пробуйте сколько угодно, — сказал я.

Гости начали пробовать и они им очень понравились.

Осмотр садов был закончен. Мы подъехали к питомникам и я коротко рассказал, что при плане производства двухлетних стандартных саженцев 16.000 с гектара, производим ежегодно 23 — 24 тысячи, сорта яблок, наших аборигенов — "Кехура", "Абилаури",

"Турашаули", "Лимонис вашли" и т.д. Из европейских и американских сортов — "Делишес", "Голд Делишес", "Джонатан", "Старк Пингсон" и др. Из косточковых, — у нас персики, — главным образом — знаменитые горийские. И кроме этого, у нас — тринадцать сортов лучших слив, четыре сорта черешень, три сорта вишень и абрикосов.

Узнав цены на наши саженцы, гости сказали, что это очень дешево и что в некоторых странах они стоят в 10—15 раз дороже. Поинтересовались они и доходами рабочих. Я ответил — наш рабочий в среднем в месяц зарабатывает 140 р., что само по себе уже неплохо. В конце года, когда мы сдаем баланс то от прибыли каждый рабочий получает премию, на один рубль — рубль за каждый месяц. Кроме того всем рабочим хозяйство продает яблоки по 5 коп. за килограмм при гос.цене 8 коп. А их детям в возрасте до одного года раздается бесплатно по литру молока...

Затем я пригласил гостей осмотреть зону отдыха нашего хозяйства, наш лесопарк и родник им. Ш. Руставели.

Несмотря на то, что октябрь месяц — осенний, в лесопарке все было зеленым и очень красиво выглядели все насаждения: и хвойные, листопадные, а розы просто покорили гостей.

Я рассказал гостям, что когда — то здесь было болото, а кругом на возвышенных местах почва была эрозирована. Фактически там были одни камни и мы кирками и ломami выкорчевывали их и в освободившиеся ямы насыпали землю и туда сажали деревья; таким образом получается, что деревья как бы сидят в кадках. Но, видите, как они хорошо разрослись.

Затем я повел гостей в сторону большого стола, который уже был накрыт для приема.

По пути мы осмотрели памятник погибшим в Отечественной войне. Гости спросили, что за надпись на памятнике. Я ответил, что здесь написаны фамилии тех, кто не вернулся с фронта. Гости сняли шапки и почтили память погибших.

Я добавил также, что внизу, под фамилиями написана цитата из приказа И.В. Сталина, в которой говорится: "Вечная память и слава погибшим за честь и независимость Родины".

Каждый из гостей произнес на своем языке — Сталин, Сталин, они обменивались мнениями. Я заметил, что все они с симпатией относятся к имени Сталина.

Мы сделали несколько шагов и оказались у стола. Увидев

накрытый стол, гости пришли в восторг. Они, видимо, не ожидали такого приема. Один за другим переводчики подходили ко мне и говорили, что такое возможно только в Грузии. Всем известно, что грузины гостеприимные люди, что у них высокая и древняя культура. Заговорили о грузинской кухне. Я попросил всех к столу сказав, что мы будем очень рады, если каждый проведет время так, что оно у него останется в памяти.

Гости сели за стол и начали с аппетитом есть. На столе была форель, различная зелень, вареное и жареное мясо, — говядина и свинина, поросята и все остальное, чем богат грузинский стол. Гости не скрывали свое восхищение.

Завязалась оживленная беседа.

Гости пили вино. Русские товарищи предпочли водку и коньяк.

Тосты следовали один за другим.

Принесли "канци" и выпили из них несколько значительных тостов. Неожиданно ко мне подошли сопровождающие из Москвы и Тбилиси. Они сказали, что эти "канци" очень понравились японцу и немцу и они готовы заплатить любую цену.

Я ответил, что "канци" лично мои.

— Но раз так складываются дела, не разочаровывайте их. Скажите немцу и японцу, что я дарю им эти канци.

Их радости не было предела. Японец подошел ко мне, расцеловал и сказал — господин директор, я пришлю вам визу, я приглашаю вас в Токио. Мы вас примем так, как никого еще не принимали, ни одного президента, ни одного премьера. Дайте слово, что вы приедете.

При этом разговоре присутствовал один из москвичей, который кивнул мне головой, дав понять, чтобы я дал согласие.

Я ответил, что с радостью приму его приглашение и если будет возможность, я обязательно приеду.

— А что вам может помешать? — спросил японец.

— За последнее время я часто хвораю. Я очень люблю Японию, очень много о ней читал, знаю, что Токио один из интереснейших городов мира, я приеду с удовольствием.

— Большое спасибо, за такой драгоценный подарок, — сказал японец, — я буду по большим праздникам выносить его к столу и показывать своим друзьям.

— Я преподнес его вам от всей души и буду очень рад, когда ваши друзья узнают, что это грузинский "канци", что грузины из него пьют вино за здоровье самих любимых и уважаемых людей. Пусть ваш дом посещают самые уважаемые и любимые люди, — сказал я.

— Вот таким вы и будете, господин директор, — ответил японец.

Затем подошел немец и очень взволнованно поблагодарил меня, — Господин директор, все что мы увидели у вас — прекрасно. Но не это меня удивило сегодня в Грузии. Будучи у вас в гостях, господин директор, меня удивила ваша тонкая политика. Не тому надо учиться у вас как хозяйничать или как озеленять, а быть тонким политиком. Я вам очень благодарен за такой дорогой подарок. Я вам очень благодарен за ту тонкую политику, которую вы проводили здесь за столом, которая стала поучительной для меня.

Конечно, при себе у меня нет такого достойного подарка, но, разрешите мне вам преподнести вот этот нож в знак сегодняшней нашей встречи. Его делали немецкие рабочие. Как вы видите, он красив и оригинален.

Более достойный подарок, — продолжал немец, с вашего разрешения и с разрешения соответствующих властей я вам пришлю из Германии.

— Грузины сильные и культурные люди. Большое спасибо, — Он обнял меня и расцеловал.

Наступил момент прощания.

Ко мне подошел непалец, поблагодарил, снял свою шапку и подарил ее мне.

— Я хочу ее подарить в знак дружбы, я сидел в этой шапке за столом, — в знак благодарности за такой теплый прием. Затем, он вынул пачку папирос и спички. Эти спички, — сказал он — сделаны на нашей фабрике, а десять лет тому назад, у нас не было этих фабрик, сейчас они у нас есть.

Тепло поблагодарив его, я сказал, что буду их хранить как память.

Попрежнему слышится оживленный смех, гости очень довольные подходят ко мне, прощаются, рассаживаются по автобусам, я им машу рукой, они мне аплодируют и потом все одновременно трогаются уезжая в сторону Тбилиси.

14 января, 1973 г.

Как в обычные дни, 13 — е января у меня начался столото, что мы ремонтировали сельскохозяйственные машины. Целью дня я был занят этим. В конце дня я просмотрел почту и задержался у себя в кабинете до 8 часов вечера. Затем я направился к себе домой. На полдороге меня нагнала уборщица и сказала, что мне звонят из ЦК. Я ответил, что сейчас вернусь и уборщица побежала вперед в контору, чтобы предупредить, что я сейчас подойду. Когда я подошел к телефону связь была уже прервана. Раздосадованный больше фактом отвратительной работы этой отрасли Министерства связи Грузии и его периферийных органов, я отправился домой.

В это время подъехал второй секретарь райкома партии Шота Эцадшвили. Он сказал — с Вами хотели говорить из ЦК, но ввиду того, что прервалась связь, связались со мной. Отар Черкезия, кандидат в члены Бюро ЦК и заведующий партийным отделом, просил передать, чтобы вы приехали завтра к 9 — ти часам утра в ЦК КП Грузии, пропуск будет в комендатуре.

На другой день в 7 часов утра я выехал в Тбилиси и ровно в 9 часов был в ЦК.

Секретарь доложила о моем прибытии и Черкезия тут же вышел из своего кабинета, взял меня под руку и завел в себе. Попросив сесть, он сказал: "Акакий Иванович, не я пригласил Вас сюда сказал он, Вас просит первый секретарь ЦК КП Грузии Эдуард Амвросиевич, он хочет с вами встретиться.

— Я сейчас сообщу ему о вашем прибытии — сказал тов. Черкезия

" Ну что ж, я тут".

Подняв трубку, Черкезия позвонил Шеварднадзе и сказал ему: — "Эдуард Амвросиевич, Акакий Иванович тут, Вы можете его принять?"

Затем обернувшись ко мне произнес — Акакий Иванович, Эдуард Амвросиевич просит подняться к нему.

Вместе с Черкезия мы поднялись на третий этаж и вошли в кабинет. Секретарша уже была предупреждена, так как она открыла нам дверь и попросила зайти. Я вошел в кабинет.

Черкезия остался в приемной. Шеварднадзе вышел из — за стола, подошел ко мне и пожал руку. Как Ваше здоровье? — спросил он.

- Спасибо, чувствую себя хорошо.
- Сколько лет вы работаете в Бебниси?
- Восемнадцать лет и восемь месяцев.
- Мы попросили Вас в ЦК чтобы побеседовать по важному

вопросу. У нас очень плохое положение со снабжением населения гор. Тбилиси и Рустави, да и всей Грузии овощами, молоком, молочными продуктами, мясом и мясными изделиями. Мириться с таким положением нельзя. Рабочий класс Тбилиси питается очень плохо. Они не могут приобрести по государственной цене то, что им нужно. В других республиках, даже соседних, положение намного лучше...

– У нас тяжелое положение – продолжал Эдуард Амвросиевич – очень широко распространено взяточничество, казнокрадство, расхищение социалистической собственности, воровство. Чтобы бороться со всем этим, мы поручили соответствующим органам представить проект закона относительно усиления борьбы с воровством и хищением, Москва поддерживает наше предложение. Так что сегодня трест овощно – молочных совхозов для нас не просто трест, – это политика. Мы все, секретари ЦК будем помогать Вам. Вы сможете прямо звонить мне и я буду Вам звонить. 47 совхозов, которые входят в состав этого треста, решают судьбу снабжения сельскохозяйственными продуктами Грузии, в частности, ее столицы – Тбилиси.

Теперь вы уже знаете какое значение придает Центральный Комитет этому тресту. Что вы скажете о назначении Вас на пост управляющего этим трестом?

– Прежде всего я должен сказать, что я не специалист по овощам. А потом, вы наверное помните, что я 1910 года рождения?

– Мы все это знаем. Нам нужен большой организатор, человек, у которого государственный подход к каждому делу.

– Ну раз так стоит вопрос, я пойду туда, куда скажет мне ЦК. Когда – то Центральный Комитет сказал, что я должен пойти работать директором Бебнисского хозяйства, и я пошел. Пойду и сюда работать. Не пожалею сил и энергии, знаний и умения для своего народа.

– Очень хорошо. Акакий Иванович, Вы в чем – нибудь нуждаетесь? Может быть вам нужна квартира?

– Нет, спасибо, у меня она есть.

– Может быть нужна лучшая квартира?

— Нет. Мне хватает и та которая у меня есть.

— Может быть в чем нибудь нужно помочь?

— Нет. Я теперь думаю о том, чтобы ознакомиться с новой работой. Прежде всего нужно добиться улучшения условий жизни населения, а моими личными вопросами успею заняться потом. Так я считал всегда и считаю сейчас.

— Верно, — ответил Шеварднадзе. — таким Вас знают в Грузии. И не только в Грузии.

Внезапно, в эту минуту я подумал о том, что же это происходит у нас в стране? Хлеб мы закупаем в Канаде или в Америке, мясо, порошковое молоко, кур, консервы разные тоже завозим из — за границы. На бумаге все выполняется, все есть, а в магазинах ничего нет. У нас сейчас если не больше, то и не меньше сельскохозяйственной техники чем было двадцать лет тому назад. Рабочие, интеллигенция те же что были, их число не уменьшилось, а наоборот увеличилось, а с сельскохозяйственной продукцией дело обстоит плохо. В чем дело, чего не достает? Увы, как видно нам не достает одного Сталина.

Шеварднадзе нажал кнопку звонка и попросил в кабинет Черкезия.

— Акакий Иванович, — сказал Эдуард Амвросиевич, — с Вами хотят встретиться второй секретарь ЦК тов. Чуркин и секретарь ЦК — тов. Патаридзе, а также председатель Совета Министров — тов. Джавахишвили. Вас проводит к ним тов. Чуркезия.

Я попрощался с тов. Шеварднадзе и вместе с О. Черкезия вышел из кабинета. Мы направились к тов. Чуркину. Чуркин побывал один раз у нас в совхозе, так, что мы с ним уже знакомы.

Как только мы вошли в его кабинет, он сразу поднялся из — за стола, поздоровался. Первый вопрос он задал о том, сколько лет я работаю в совхозе?

Я ответил : около девятнадцати лет.

Тов. Чуркин заметил: давно Вас надо было взять оттуда.

Я молчал.

— Как Вы чувствуете себя, как Ваше здоровье, Акакий Иванович?

— Не плохо, — ответил я.

— Да, долго Вас держали в Бебниси. И все это напрасно, и, вообще, нужно сказать, что то дело против Вас тоже было неправильное.

— Акакий Иванович, — продолжал Чуркин, — может быть Вам нужна квартира?

Я ответил: — Спасибо, я доволен своей квартирой.

— Может быть все же необходима лучшая? — еще раз переспросил Чуркин и улыбнулся.

— Нет, спасибо, хватает та что есть.

— Эдуард Амвросиевич с Вами говорил?

— Да, говорил.

— Что же Вы ему ответили?

— Я сказал, что я не специалист по овощам, и что я 1910 года рождения.

— Это ничего. Мы все будем вам помогать, Вы не считайтесь ни с какой субординацией, и прямо звоните мне, если что надо будет. То, что я могу сделать, как второй секретарь ЦК Грузии, я сделаю и помните это, если что либо нужно будет из Краснодарского Края, это я Вам обеспечу. Мы все уверены, что Вы этот трест поднимете и у нас улучшится снабжение сельскохозяйственными продуктами Грузии.

В Бебниси мне понравилось, — продолжал он. — Вы здорово там поработали. Это одно из лучших хозяйств не только в Грузии, но и в Советском Союзе. Все сделано со вкусом и чувствуется высокая культура производства.

Я молчал.

— Насколько там увеличилось производство фруктов, Акакий Иванович?

— До моего назначения производство фруктов составляло 8—10 тонн, а в прошлом году мы сдали 2.500 тонн.

— Ого!

— При том, 95 процентов фруктов высшего качества. Килограмм яблок обошелся в 8 коп., прибыль, видимо составит 667 тысяч руб. Это я знаю по предварительному подсчету. Производство саженцев возросло более чем в 10 раз. Если раньше производили 30.000—40.000 саженцев, то сейчас производим 500—600 тысяч, а основной упор делается на производство карликовых саженцев. Вообще, Бебнисское хозяйство вышло на новые рубежи!

— Поэтому мы и посылали к вам делегации, которые прибывали в Грузию — сказал Чуркин. — Да, вот, что значат кадры. Затем скось зубы процедил: — но таких конечно мало.

— Очень хорошо Акакий Иванович, — продолжал Чуркин, —

значит Вы уже знаете, какое мы придаем значение этому тресту. Этот трест для нас — политика и мы все секретари ЦК будем им заниматься.

Мы попрощались и я пошел дальше, к секретарю ЦК Патаридзе.

Как только мы пришли, тов. Черкезия открыл дверь в его кабинет и сказал, — вот Акакий Иванович.

— Что вы, я его знаю, — ответил Патаридзе, — садитесь Акакий Иванович.

Как и во всех других случаях, Черкезия вышел.

Беседу со мной Патаридзе начал со следующего: "Я должен извиниться перед вами, Акакий Иванович, что я до сих пор не приехал к Вам в совхоз и не повидался с Вами. Когда Вы были первым секретарем ЦК КП Грузии, я тогда был студентом, учился здесь в Тбилиси. Мне очень нравилось, также как и всем тогда, все, что Вы делали. Сейчас пытаемся навести порядок. Как Вы думаете, у нас получится чтонибудь?"

— Конечно, получится. Народ Вас поддержит, если Вы поведете решительную борьбу против всяких антинародных явлений, — сказал я.

— Нам Ваше мнение очень ценно.

— Далее, — продолжал он, — я окончил ВУЗ, работал на предприятиях, затем был первым секретарем Чиатурского горкома партии. Я стеснялся тогда приходить к Вам. Затем, пять лет пробыл в Москве, работал в аппарате ЦК КПСС. Конечно, когда я вернулся и начал работать в ЦК КП Грузии, мог заехать к Вам повидаться но не сделал этого, за что приношу свои извинения.

— Что Вы, Вы ведь так перегружены, — ответил я.

— Нет, это не может послужить оправданием.

— Вообще дела у нас идут плохо. Вот и в Абхазии сложилось тяжелое положение. Я был там, и мне много говорили о Вас. О Вас ходят легенды. Мне рассказывали о том, как Вы руководили сельским хозяйством, промышленностью, как занимались градостроительством, как благоустраивали Сухуми, Вы все умели. Если где потухла электрическая лампочка, Вам это уже было известно, и Вы принимали меры. Рано утром и поздно ночью Вы обходили город. Мне рассказывали о том, что приезжие, даже рижане восхищались чистотой Сухуми и говорили: мы думали, что Рига чище всех городов Советского Союза, оказывается, мы ошибались, Сухуми чище Риги.

Я молчал.

— Мы все, секретари ЦК и члены Бюро ЦК договорились попросить Вас возглавить названный трест. Наверное Эдуард Амвросиевич уже говорил с Вами. Что вы ему сказали?

— Я ему сказал, что я не специалист по овощам.

— Но, Акакий Иванович, Вы не были инженером — нефтяником когда работали управляющим трестом Грузнефть. Однако, Вы блестяще справились с работой и спустя даже тридцать лет этот трест не достиг и одной десятой доли того, что представлял собой в те годы. А возглавляет этот трест инженер — нефтяник. Так, что для такого человека как Вы это не имеет значения.

Ничего не ответив на это Патаридзе, я напомнил ему что я 1910 года рождения.

Мы будем Вам оказывать всяческую помощь. У нас в Грузии более трудной работы нет, мы все это хорошо понимаем.

Я встал и выходя, сказал, — разрешите попрощаться. Я вам очень благодарен за обещание помочь мне.

Я и Черкезия должны были проследовать дальше — к председателю Совета Министров Г. Джавахишвили.

Черкезия сказал: — зайдем ко мне, я позвоню тов. Джавахишвили. Мы зашли в его кабинет, он позвонил по правительственному телефону, и сообщил, что мы идем к нему. Но оказалось, что в комендатуре ждал специальный человек, который должен был проводить меня, так что Черкезия остался в своем кабинете.

Я отправился в Совет Министров, и действительно, в комендатуре меня ждал знакомый мне ответственный работник, который и проводил меня в кабинет Джавахишвили.

Гиви Дмитриевич встал, подошел ко мне и поздоровался. Мы сели за стол, в стороне от письменного стола.

— Акакий Иванович, — сказал Джавахишвили, — мне просто интересно было узнать как Вы отнесетесь к этому предложению.

Я сказал, — Гиви Дмитриевич, я так воспитан, что куда меня пошлет партия туда я и иду. Я сказал, что я не специалист по овощному делу, напомнил о своем годе рождения, но в ЦК сочли, что это не является препятствием для моего назначения.

— Вам наверное очень жалко расставаться с Бебнисским хозяйством? Все там сделано вашими руками. — А как Вы закончили год? — спросил Джавахишвили.

— Мы его закончили неплохо, значительно перевыполнили план производства фруктов и саженцев, снизили себестоимость, имеем 600.000 с лишним руб. прибыли.

— Да, хорошее, культурное хозяйство. Джавахишвили видимо чувствовал себя неловко, беседа со мной.

На прощание он сказал: „ამ ტრესტს ამიერიდან კი ემელება“^{XX}

* * *

18 лет 7 месяцев и 15 дней я жил и работал в Бебниси. Мои близкие друзья иногда в шутку, иногда и всерьез говорили, что все это было годами ссылки.

Ну что ж, мне повезло хотя бы в одном, — моя жизнь стала немного похожа на жизнь тех мыслящих людей, которых как неугодных, государи ссылали в деревню.

Годы пребывания в Бебниси не были легкими, но об этом знала лишь моя жена Эмилия.

Все эти годы меня поддерживала и вдохновляла любовь к Родине, к моей Грузии и я работал не покладая рук, чтобы сослужить ей хоть какую — либо службу и здесь в Бебниси.

Когда я пишу эти строки, мне хочется сказать, что вопреки всему будь у меня свобода выбора, я снова прожил бы такую жизнь до конца, и, единственное, чтобы мне хотелось, это воспользоваться преимуществом, которым обладают писатели, выпуская второе издание своей книги, — они корректируют и исправляют недостатки, допущенные в предыдущем.

На этом я закрываю свою книгу — Бебнисские дневники.

X) Теперь то в этом тресте дела пойдут хорошо

Еще две записи сделанные отцом после переезда в Тбилиси.

16 июля, 1973 г.

15 июля, вдова Шалва Нуцубидзе, — Кетеван, вместе со своими детьми отмечала юбилейную дату — 85 лет со дня рождения мужа и отца. Я вместе с моей супругой Эмилией был любезно приглашен на это торжество.

Несмотря на то, что в субботние и воскресные дни я был прикреплен от ЦК КП Грузии к Гардабанскому и Марнеульскому районам для обеспечения завоза овощей в Тбилиси, я постарался в короткий срок проделать возложенную на меня работу чтобы в освободившееся время посетить эту прекрасную семью и еще раз почтить память великого философа.

В четыре часа дня мы были уже у них. Народу было немного — только родственники и заместитель председателя комитета по печати при Совете Министров Грузии — Джибо Ломашвили.

Кетеван Нуцубидзе повела нас осматривать дачу, где Шалва Нуцубидзе провел последние годы своей жизни, показала его кабинет и одежду, которую он носил. Все это хранится как реликвия. Мы прошли по саду, где растут деревья посаженные самим Шалва, которые он подрезал и лечил. Показала нам Кетеван и могилу маленького сына, похороненного возле дома. Рядом с могилой стоит небольшой памятник Шалва Нуцубидзе. Кетеван пояснила, что Шалва очень хотел, чтобы его похоронили здесь. Он говаривал, — рассказывала она, — что, возможно на мои похороны никто не придет^х а, здесь, ты просто столкнешь меня в яму и засыпешь сверху землей, но, как Вы знаете, решено было его похоронить на территории Тбилисского государственного Университета."

В рассказе Кетеван не чувствовалась грусть или подавленное состояние, наоборот сквозило мужество и сила воли. Несмотря на все муки, перенесенные Шалва, он всегда оставался оптимистом и мужественным бойцом своего народа и своей страны.

Х) Официальные власти создали невыносимую обстановку вокруг философа.

Мы вернулись к дому. Кетеван пригласила всех к столу. Сын Шалва Нуцубидзе Тамаз поднял бокал, поблагодарил всех, кто пришел почтить память его отца и совершенно неожиданно меня руководить столом. Мне казалось, что раз присутствуют близкие и родственники то кто – нибудь из них должен быть тамадой, но все присутствующие настаивали и мне пришлось подчиниться.

Первый тост я поднял за Шалва Нуцубидзе, не как за умершего, а как бы присутствующего за нашим столом. — Это — великий ученый философ, который безгранично любил свой народ, свою страну, человек, который наиболее ярко представлял талант, совесть, мужество и героизм своего народа. С полным основанием можно сказать, что он известен не только у себя на родине и в Советском Союзе, но и во всем мире. Все мыслящие люди Европы, Америки и Азии знают кто такой Шалва Нуцубидзе, поэтому мы имеем полное право сказать, что он один из великих ученых — философов нашего времени. Испытания, которые выпали на его долю могли многих свести на нет, а он, наоборот, всегда оставался оптимистом, мужественным бойцом науки, преданным своей Родине.

— Сидя на Лубянке^X, он переводил “Вепхис Ткаосани” на русский язык и по сей день, этот перевод считается одним из лучших.

— Творческое наследие Шалва Нуцубидзе до сих пор достойно не оценено, но я верю настанет время, когда день рождения этого большого философа будет отмечаться не только в узком кругу, но и общественностью Грузии и далеко за ее пределами.

— Многие еще хочется сказать в его адрес, но не перечислить все его заслуги, поэтому, я предлагаю выпить за Шалва Нуцубидзе, за его супругу Кетеван, его детей, всех близких и всех тех, кто всегда ценил и ценит талант Шалва Нуцубидзе.

Затем было выпито за здоровье всех остальных присутствующих.

В тот день меня ждал еще один сюрприз, Кетеван передала мне записку Шалва Нуцубидзе на имя директора института литературы им. Шота Руставели. В ней в очень сжатом виде рассказывается о том как он работал над переводом “Вепхис Ткаосани” на русский язык, как интересовался и занимался этим переводом Сталин.

Эта записка хранится в моем архиве.^{XX}

X) Тюрьма МВД

XX) Приводим эту записку без изменения, в том виде в каком она была передана отцу и следовала за его описанием визита в семью Нуцубидзе

აქა მინდა მოვკვე ჩემი ცხოვრების ნაკვეთის შესახებ, რამდენიმე ჩემს მიერ ნანატრ რუსთაველის თარგმანს უკავშირდება. ეს ისტორია იმდენად ბუნდოვან პირობებში მიმდინარეობდა, რომ ქრონოლოგიური სისწორის გარანტია დღეს ჩემთვის ერთგვარ სიძნელეს შეიცავს. მაგრამ საქმის ისტორიული არსება მაინც გადმოცემულად მიმაჩნია, თუნდაც დაახლოებთ.

თარგმნა დაიწყო 1937 წელს და იმდენად წარმატებით მიმდინარეობდა, რომ საკმაოდ დიდ ნაკვეთს უკითხავდი მსურველთ თავსუფალ აუდიტორიებში.

მოულოდნელად დამიჭირეს და რამდენიმე დღის შემდეგ, უკვე მოსკოვში, ლუბიანკაზე ვიყავი ჩასახლებული. ჩემი თარგმანის ნაწყვეტები, ქართული დედანი რუსთაველისა და ზოგიერთი განმარტებითი ხასიათის ნაშრომები ჩამომართვეს და თბილისში დარჩა.

გავიდა დრო, არც ისე დიდი. ჩემი სულისკვეთების შემცველი ნაშრომები ჩემს ახალ მასპინძელს და მეც, მათ მოულოდნელ სტუმარს, თითქმის დაგვაიწყადა, ყოველ შემთხვევაში, მათი გახსენებით თავს არავინ იწუხებდა და არც მე მაწუხებდა.

ერთი გამოძახების დროს მკითხეს:

- მართლა გაქვს სურვილი რუსთაველის პოემის თარგმნისა?

- თქვენ ეს რატომ გაწუხებთ და რა იცით ამის შესახებ? -

ვუპასუხე მე.

- როგორ არა! მე ვიცი, რომ თქვენ რუსთაველის პოემის თარგმანს დროგამოშვებით კითხულობდით და ხალხიც გესწრებოდათ. ჩვენ მოგცემთ საშეაღებას რუსთაველის თარგმანის დამთავრებისა...

ამ ფრაზის რედაქცია მაინცა და მაინც არ მომეწონა, მაგრამ სხვა გზა არ იყო, თანხმობა განვაცხადე და მეორე დღესვე ჩემს კამერაში იდო რუსთაველის ქართული გამოცემა, ხოლო სადილი არესტანტის სასადილოდან კი არა, თანამშრომელთა სასადილოდან შემოიტანეს.

ასე დაიწყო ჩემი ახალი ცხოვრება. ერთ კვირის განმავლობაში გაკეთებული თარგმანი, შაბათობით მიქონდათ და, როგორც შემდეგ დანამდვილებით გავიგე, ამ მასალას სტალინი კითხულობდა.

დრო გადიოდა. ერთ დღეს ამბავი ქობულთაში გადმოვიცა. თურმე სტალინიმა ჰკითხა ერთ თავის დიდ თანამშრომელს:

„მაშვი თუ იცი რა ფრინველია?“

„ბევრი იცის, ბატონო, ჩვენში და მრავლადაც მინახავს და მომისმენია“ო- უპასუხა მობაასემ.

„გალიაში მოძღვრალი მასზე თუ მოვისმინა“ - არ მოეშვა ხტადონი მობაასუს, რომელიც ოდნავ დაიბნა. „არც კამერაში მოძღვრალი მტოლანი არსებობს“ - განაგრძო მან. „თუ მართლაც გსურს მივიღოთ რუქისგან პოემის თარგმანი, გაუშვი გალიიდან, რომელშიც შენ მას ამღერებ“

გავიდა რამოდენიმე კვირა. განთავისუფლების იმედი თანდათან ქრებოდა. ერთ საღამო უკმს ქობულოვმა გამომიძახა, არ დაავიანა ეთქვა, რომ არსებობს სტალინის განკარგულება თქვენი განთავისუფლებისა, რუსთაველის პოემის თარგმანის გარკვეულ ვადაში შესრულების პირობით.

- ეს უნდა მოხდეს ციხეში, თუ ციხის პირობის გარეთ? - გავბედე შემეკითხა.

- მოლაპარაკებას გააჩნია - მიპასუხა მან.

ძნელი იყო პასუხი. მართალია „ვეფხისტყაოსნის“ ტექსტი სანახევროდ უკვე გაკეთებული მქონდა, მაგრამ წელიწად ნახევრის აღიარება თარგმანის დამთავრების მიჯნად, მაინც ცაბედე გაუკვრდათ, რადგან ასეთი პასუხი თავისუფლებას მიზღუდავდა.

-გავათათ - სთქვა ქობულოვმა - გავიშვებთ, მაგრამ გავსოვდეს რომ რუსთაველის თარგმანი იყო და არის შენი გადარჩენის პირობათ.

იმ საღამოსვე გამომიშვეს. სოკოლნიკში დამასახლეს ციხისა და საგიუის შუა. ეს ის ადგილი იყო, რომლის შესახებ ჩემს სანახავად მოსულ კონსტანტინე გამსახურდიას ექსპრომტით მიემართე:

იქით ციხე და აქეთ საგიუე

აჰა, რით მართობს მე ეს სოფელი.

ვდგევარ მათ შორის შეუპოვარი,

ვხარხარებ როგორც მეფისტოფელი.

რუსთაველის თარგმანი ვერ მიდიოდა მოსალოდნელი სიქარით. საგანგებო მეთვალყურენი ხანდისხან კუთილი სურვილითაც მაჩქარებდნენ.

როცა 1939 წელი პირველ მაისს მიუახლოვდა, რუსთაველის თარგმანი გავათავე, მაგრამ იმ დღიდან მე ის არ მინახავს, ვიდრე სტალინიმა არ დაიწყო საბოლოო კორექტურა სტამბურად აწყობილი ტექსტისა, რომელიც მე რუსთაველის სახელობის ინსტიტუტის დირექტორს, აკად. ბარამიძეს ჩავაბარე. თანახმად მისი თხოვნისა.

ასე მომზადდა მასალა, რომელიც სტალინის სურვილის თანახმად, უნდა გამოდგეს „ვეფხისტყაოსნის“ ტექსტად, რომელიცა სტალინის მიერ კორექტირებულ თუ რედაქტირებულ ტექსტს იძლევა. სტალინს აზრათაც არ მოსდიოდა „ვეფხისტყაოსნის“ კორექტორობა ანუ რედაქტორობა, მაგრამ მისი მდგომარეობა და სიტუაცია, რომელშიც იგი ისტორიამ რუსთაველის პოემას დაუკავშირა, უნებლიეთ ქმნიდა რაღაც გარკვეულობის შეტანას ამ ვითარებაში. მეორე მხრივ სტალინს

თავისი აზრიც უნდა ჰქონებოდადა „ვეფხისტყაოსნის“ ტექსტზე. ამ ორ გარემოებათა გამო ორი დოკუმენტი არსებობს: ერთი წერილი ბ-რიასადმი, რუსულ ენაზე, ცისფერი ფანქრით დაწერილი ხანს, რომ ამ ადრესატს სტალინმა დაავალა ამ წერილის ჩემთვის ჩვენება, რადგან გამოჩნდი თუ არა ლუბინკაზე. მასპინძელმა სტალინის წერილი ხელში მომცა. აი, ეს წერილი რუსულად, სტალინის ნებართვით გადმოწერილი ჩემს მიერ:

“До последнего времени я считал, что лучший перевод Руставели на русский язык – перевод Петренко. Ознакомившись с переводом Нуцубидзе, я считаю, что он не только лучше Петренко, но само по себе выдающееся литературное явление.

Мне не понравилось одно место из перевода Нуцубидзе – 1416. Я предлагаю мое исправление этого места. Хорошее надо заменить лучшим.”

მეორე წერილი ეკუთვნის გამომცემლობა “Гослитиздат”-ის დირექტორს-ჩაგინს. ამ წერილში სტალინი კატეგორიულად მოითხოვს: “Я требую, чтобы мое имя не упоминалось в предисловии к “Витязю”.

ეს წერილები აშკარად ყოფენ, რომ სტალინი მხარს უჭერს ნუცუბიძის თარგმანს და არა სურს რომ ის იყოს დასახელებული პოემის ტექსტის რედაქტორად. ამ რიგად, სტალინის განცხადებით, პოემის მთარგმნელია ნუცუბიძე, რედაქტორი - გოროდეცკი. ის საგანგებოდ ასწორებს რუსულ “Шалвы” და გარკვეულად სწერს:

“Перевод с грузинского Шалва Нуцубидзе. Редакция – Сергей Городецкий.”

ამით სრული გარკვეულობაა შეტანილი ტიტულის გაფორმებაში და ამავე დროს სტალინი მხარს უჭერს ხატაელთა ბრძოლის ორივე ეტაპს და ხვარაზმელთა ეპიზოდს.

ამით საბოლოოდ გამორკვეულია, რას უჭერს მხარს სტალინი პოემის აღნაგობაში და საზოგადოდ როგორია მისი პრეტენზიები, რითაც საბოლოოდ გამორკვეულია „ვეფხისტყაოსნის“ ფორმის საკითხი. ერთი უდიდესი სარედაქციო საქმე სტალინისა არის დიდი ხნის განმავლობაში გაურკვეველი სათაურის შესანიშნავი გაფორმება, რასაც ხშირად მის წინამორბედთა ხელში მახინჯი ხასიათი ჰქონდა. ამ მხრივ დახვეწილი ხასიათი მისცა „ვეფხისტყაოსნის“ სახელდებას უცხო ენებზედაც. ამდენად ხატაელთა და ხვარაზმელთა ეპიზოდების წინააღმდეგ გადადგმული ნაბიჯები აშკარად ანტისტალინური ნაბიჯებია.

თუ მხედველობაში იქნება მიღებული მისი მოკრძალება „ვეფხისტყაოსნის“ წინასიტყვეობაში და სხვა, მისი პოზიცია სავსებით

ნათელი და კეთილშობილიურია, რაიც ჩვენის მხრიდანაც მოითხოვს
სამსახედო მიდგომას.

აღნიშნულისა გამო ვთხოვ ინსტიტუტის დირექტორს დაწინაურება
კრება, სადაც განხილული იქნება ყველა წამოჭრილი საკითხი, რაც
საჭიროებს და გვაფაღებს მისი კეთილშობილი პოზიცია.

ამასთანავე ვადგენ ხვარზმელთა ეპიზოდის რუსულ თარგმანს,
რომლის განხილვაც აგრეთვე საჭიროა რუსთაველის სტალინური
გამოცემისათვის.

აკად. შ. ნუცუბიძე

5. XI. 68

8-го мая 1977 года

В тот день с утра я поехал на работу в Объединение. Просмотрел почту и подписал несколько приказов. Позвонил по Правительственному телефону первому секретарю ЦК КП Грузии Эдуарду Амвросиевичу Шеварднадзе.

После взаимных приветствий я сказал, что хотел бы с ним встретиться.

Через двадцать минут я уже был у него в кабинете.

После взаимных рукопожатий, мы сели и начали беседу.

Первым с чего мы начали был вопрос о создании Аграрно — промышленно — торгового объединения в Абхазии. Я отметил, что решение ЦК КП Грузии оказалось половинчатым, — к сожалению когда это решение принималось меня здесь не было.

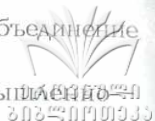
— Я находился в Москве по вызову заместителя Министра сельского хозяйства СССР — тов. Поморцева

— В решении сказано: — создать Агро — торговое объединение. Это уже неправильно. А как быть с продукцией, которая не будет реализована в магазинах, ее надо вернуть в консервную промышленность для переработки. Следовало бы в этом объединении обязательно иметь один или два консервных завода, на одном из этих заводов построить цех переработки зелени, потерявшей товарный вид.

Производство в этом объединении также на очень низком уровне. Все пять совхозов, производящих овощи не специализированы и напоминают "Ботанический" сад. Так нельзя вести дело. Мы предлагаем создать там дополнительно пять совхозов на базе колхозов и производство овощей поднять до 21 тысячи тонн, а производство раннего картофеля до 2 тысячи 500 тонн. Территориально, эти совхозы должны быть расположены вокруг курортной зоны Абхазии — т.е., Сухуми, Гагра, Гудаута. Все материалы у меня готовы, Эдуард Амвросиевич, они лежат перед Вами в этой папке.

— Мы подготовим проект постановления, — сказал я, — в котором будет предусмотрено резкое увеличение производства овощей и раннего картофеля по Абхазии, передаче им хотя — бы двух консервных заводов и торговой сети Сухуми, во всех курортных городах и промышленных центрах Абхазии. Тогда полноценнее и полнокровнее будет работать овощной конвейер в Абхазии, входящий

в Республиканское Аграрно – промышленно – торговое объединение Грузии.

Второй вопрос – это создание Аграрно – промышленно – торгового объединения в Кутаиси.

Как известно там оставили только управление, в Западной Грузии имеются промышленные центры, Чиатура, Ткибули, Зестафонский ферросплавный завод, да и Кутаисская промышленность достаточно мощная. Их нужно снабжать регулярно овощами. Они ждут этого и говорят, что в Тбилиси и Рустави дело налажено, а Кутаиси, – как беспризорный. Этот разговор я слышал на одном из совещаний когда был в Кутаиси. Поэтому я предлагаю, и у меня готовы материалы (я положил перед Эдуардом Амвросиевичом папку с материалами) создать Кутаисское аграрно – промышленно – торговое объединение.

Для этого нужно:

Во – первых, создать новые совхозы на базе колхозов вокруг Кутаиси и специализировать их;

во – вторых, изменить структуру посевов в некоторых хозяйствах, за счет зерновых и

в – третьих, подняв культуру земледелия резко увеличить производство овощей на каждый гектар пашни.

Разумеется, в это объединение должны войти все совхозы Западной Грузии (без Абхазии, ибо там будет свое объединение), консервные заводы Кутаиси, Самтредия и торговая сеть Кутаиси, Цхалтубо, Чиатура, Ткибули и других промышленных центров, а также курортной зоны.

– Таковы наши предложения по Кутаиси.

– Так лучше для дела, – сказал я.

И, наконец, Тбилиси. Как Вам известно, вокруг районов города Тбилиси проведена большая работа по специализации и концентрации, но она далеко не доведена до конца. Поэтому задача дальнейшей специализации районов вокруг города Тбилиси, таких как – Болнисский, Марнеульский, Гардабанский, Мцхетский, Тетри – Цкарыйский – является задачей номер один.

Миллионное население Тбилиси, до 200 тысяч население Рустави ежедневно ждут от нас высококачественных и свежих овощей, фруктов и картофеля и всю эту все возрастающую потребность, при умелой организации дела, можно удовлетворить. Поэтому я предлагаю провести дальнейшую специализацию. Для

этого необходимо во всех этих районах создать тресты, а штаты определить в зависимости от масштабов, ибо существующие Управления сельского хозяйства не могут обеспечить руководство выросшими и окрепшими совхозами этих районов.

Ведь производство овощей в этих районах увеличилось в четыре раза, раннего картофеля в семь раз, а таких культур как лук, чеснок и зелень — в шесть — семь раз. Поэтому управления уже сыграли свою положительную роль и они должны быть заменены трестами, которые будут обладать правами планирования, финансирования и будут принимать балансы. Это облегчит работу и Республиканского объединения, оно немножко высвободит себя для того, чтобы работать над решениями перспективных вопросов внедрения достижений передовой науки и практики и в созданных совхозах — улучшения материально — технической базы. А это, как Вам известно, очень важные вопросы.

Вопрос о создании трестов в этих районах у нас подготовлен (я положил перед ним папку с этими предложениями). В Министерстве сельского хозяйства колеблются, поэтому слово за Вами.

Эдуард Амвросиевич посмотрел на меня и сказал: "Я полностью поддерживаю эти предложения. Подготовьте их и внесите".

— А теперь самый важный вопрос для меня, — сказал я, внутренне чуть волнуясь и переживая и у меня получилась пауза.

Эдуард Амвросиевич перехватил инициативу. Он поднял голову, посмотрел на меня и сказал: "Акакий Иванович, я никогда не спрашивал Вас ни о чем, но сейчас хочу спросить, Вы часто бывали у товарища Сталина, скажите, как он относился к Берия в последние годы?"

— Сталин к Берия? — переспросил я — Могу привести некоторые его высказывания.

Однажды Сталин сказал мне, когда я был у него в гостях на Ново — Афонской даче, — что у Берия амбиции в мировом масштабе, а амунции не на грош.

Когда я произнес эти слова, Эдуард Амвросиевич заметно оживился: "Да!" — произнес он вполголоса.

Затем припоминаю, — продолжал я, — Сталин говорил, что Ежов пьянчужка, а этот Берия что — то "создает" и "открывает" много "дел", хотя социальной базы для их существования нет. Вот,

посмотри — говорил он, — какую войну выиграла, какую сплоченность продемонстрировали, а у Берия — то ленинградское дело, а теперь вот какое — то московское дело готовит. Я ему говорю, что надо МГБ очистить от людей, не заслуживающих доверия, что судьбы многих людей зависят от честной работы чекистов, а Берия все это или не выполняет или же выполняет плохо.

Сталин рассказал один анекдот о Берия, который описан так же в мемуарах авиаконструктора Яковлева в книге "Цель жизни". Вы, конечно, читали ее. Сталин "потерял трубку", она куда — то завалилась. Сталин рассказал об этом Берия. Через несколько дней Сталин нашел трубку и сообщил об этом Берия, на что тот ответил — не может быть, уже раскрыты три группы, похитившие трубку, они уже сознались.

Сталин продолжал комментировать этот анекдот, — это народ сочинил, мы искали автора, но не нашли. Народ напрасно не сочиняет, вот, я и опасуюсь, что Берия, вот так и создает враждебные "организации".

Припоминаю и такой факт. Как — то, когда я был в гостях у Сталина, он мне сказал (я услышал об этом впервые), что Серго Орджоникидзе покончил с собой. Я невольно ахнул. Сталин спросил меня: "Вы об этом не знали?"

Я сказал, — нет.

— Вы должны были знать. Напрасно Вам об этом не сказали. До сих пор не могу установить причину самоубийства Орджоникидзе. И вдруг, без всякой связи сказал: "Ох этот Берия, Берия!".

Это было сказано таким тоном, что у меня не оставалось сомнения в том, что Сталин что — то подозревал в действиях Берия, выдел в нем если не главную, то одну из причин заставивших Орджоникидзе решиться на такой шаг.

Я точно не знаю, Эдуард Амвросиевич, — сказал я — но думаю, что когда Сталин уже постарел, в руководстве появились такие группировки, которые боролись за то, кому достанется власть после его смерти. Тут и Берия, и Хрущев, и Маленков, и другие играли немаловажную роль. Мне об этом мало что известно, но один штрих я могу привести.

Как — то Чарквиани, в сентябре 1951 года отдыхал в Гагра. Я был у него в гостях и когда мы с ним беседовали, вдруг открылась

дверь и вошел Барамия — тогдашний второй секретарь ЦК КП Грузии. Он очень весело приветствовал К. Чарквиани и меня и сразу начал рассказывать каковы дела в Москве (он только что вернулся оттуда), сказал, что принял участие в комиссии по составлению проекта постановления о строительстве Кутаисского автомобильного завода, а также по ряду других вопросов.

Был он и у Вознесенского — тогдашнего первого заместителя председателя Совета Министров СССР и председателя Госплана СССР.

— И вот, — рассказывал Барамия, — в то время когда я был у него, пришли два секретаря обкомов из Российской Федерации. Вознесенский им сказал: что вы ходите в ЦК, беспокоите людей по таким вопросам, которые можно решить в Госплане. Пришли бы ко мне и решили бы это дело. После этого я был у Берия — продолжал Барамия, — и рассказал ему об этом факте. Берия воскликнул: "ага", значит он запрещает секретарям обкомов ходить в ЦК? Вот, ты посмотри на него. Он взял телефонную трубку, набрал номер Маленкова и сказал обращаясь ко мне — ну — ка, расскажи, как Вознесенский отчитывал секретарей обкомов за то, что они ходили в ЦК по каким — то вопросам.

— И Маленкову и Берия очень понравился мой рассказ — хвастал Барамия.

Я заметил, что по первой информации Барамия получалось, что Вознесенский сказал, что не надо беспокоить людей в ЦК, когда вопросы можно решить в Госплане, а по второй его информации получилось, что Вознесенский запретил секретарям обкомов бывать в ЦК.

После ухода Барамия я спросил Чарквиани: Кандид Несторович, что в этом такого, если Вознесенский сказал — зачем ходить в ЦК по таким вопросам, когда можно решить в Госплане и почему Барамия все переиначил, когда говорил с Маленковым. Мне это очень не нравится. Чарквиани мне ответил по — грузински: აკაკი, აქ სხვა რამეა და სხვა (здесь совсем другое дело)

Припоминаю и другие детали.

Эдуард Амвросиевич который внимательно слушал меня, сказал: "Акакий Иванович, Вы все это записывайте." Я ответил, что частично, вчерне, у меня записано.

— Все это надо записать. Это очень важно. Сейчас в ЦК КПСС работает комиссия по расследованию и изучению вопроса о том, как через десятые руки подбрасывали документы Сталину. Все это сейчас выясняют. Например, А.Н. Косыгин рассказал, что однажды Сталин, ни с кем не советуясь вдруг на Политбюро сказал: — Руководство органами безопасности и внутренних дел поручить секретарю ЦК КПСС — А.А. Кузнецову.

— Это нас всех ошеломило, — отметил Косыгин, — я сказал тогда Кузнецову, а он приходился мне близким родственником, что Берия ему этого не простит. Вскоре в ЦК начали поступать на имя Сталина анонимки. Сталин долго не обращал внимания на них, но когда поступила девятая анонимка, он наложил резолюцию — расследовать. И, Вы знаете, чем это кончилось, кто приложил руку к этому расследованию.

— Так что Акакий Иванович, есть очень много интересного. Вы записывайте и берегите эти записи, — закончил Шеварднадзе.

— Теперь я все же возвращаюсь к своему вопросу, — сказал я — обсудим вопрос о товарище Мгеладзе.

Эдуард Амвросиевич спросил: — что?

Я повторил — о тов. Мгеладзе. — Эдуард Амвросиевич! Я еще раз настоятельно прошу Вас о моем освобождении от занимаемой должности. Мне уже пошел 68 — ой год, да и состояние моего здоровья очень неважное, а я такой человек, что работая забываю все, даже о своем здоровье. Да и супруга у меня прихвывает. Дочь и зять молодые, работу бросить не могут, а внучка — ходит в школу. Так что, мы, старики должны присмотреть друг за другом.

Эдуард Амвросиевич задумался и очень серьезно сказал:

— Акакий Иванович, мне очень тяжело решить этот вопрос. Я очень много думал, перебирал кандидатуры. Где мне найти такого человека, знающего, авторитетного, с которым все будут считаться. Может быть еще годика два поработаете?

Если бы не трудное положение, я никогда бы этого вопроса не ставил, Эдуард Амвросиевич, ответил я.

Он нервно встал, а потом опять сел. Я подумал, как трудно ему решить этот вопрос, но у меня нет другого выхода.

— Ну что ж, давайте, Акакий Иванович, искать кандидатуру, — сказал он.

Я ответил — Очень Вам благодарен, — но он возразил, что он еще не решил вопроса об освобождении и пока нечего благодарить. Тогда я его спросил — могу ли я надеяться? Он улыбнулся, но ничего не сказал, но по выражению его лица я понял, что он может решиться на это.

Мы долго беседовали на эту тему. Было около 3-х часов дня, когда я встал.

Эдуард Амвросиевич спросил меня — Вы читали книгу Патоличева "Испытание на зрелость" ?

Я ответил, что читал, книга интересная, но у меня материал еще более интересный.

— У него будет вторая книга о Белорусии. Там будет более подробный материал.

— Так — что пишете, Акакий Иванович.

Мы очень тепло попрощались и я ушел.

* * *

...Сегодня утром я взглянул в зеркало и посмотрел на свою седину, которую вижу каждый день. Она невольно навела меня на размышления, давно минувшие годы, когда у меня были густые, зачесанные назад каштановые волосы и когда, по свидетельству моих друзей, я был стройным молодым человеком. Увы! Это было в прошлом, а казалось бы — так недавно.

Наше поколение было динамичным и сильное духом, вся наша жизнь была пронизана романтикой и трудом. Это поколение училось на рабфаках и трудилось на заводах и фабриках. Оно дало нашей стране замечательных партийных, государственных и военных деятелей, литераторов, художников, мастеров культуры, конструкторов. И вот сидишь иногда и вспоминаешь друзей. Этот погиб на войне, тот — при испытании нового самолета, другой умер естественной смертью на повседневной работе. Всякое бывает — железный закон природы в действии. Одни уходят, другие приходят.

Я верю в грядущие поколения, потому, что никогда не оскудеет талантами грузинская земля и достойные сыны прославят ее во веки веков.

Я хочу закончить книгу словами:

Слава тебе моя прекрасная Родина Грузия!

Я счастлив, что все эти годы был вместе с тобой и если я смог что — то сделать, то это только благодаря тебе и для тебя.

Мой отец был скромным человеком, никогда, ни при каких обстоятельствах он не выставлял на первый план свою личность. Рассказывая о добрых делах других, сам старался оставаться в тени.

А между тем...

Когда в далекой молодости не сбылась его мечта поехать учиться в ВУЗ в Москву, он по возможности стал посылать туда своих сверстников, молодых людей, в которых замечал искру таланта и влечение к знаниям. Находясь на любой ответственной работе и используя свои права, он создавал условия и давал возможность молодым людям работать над собой, повышать свой профессионализм, открывая им дорогу для продвижения вперед.

Сам обладая незаурядным талантом, он всегда стремился к знаниям. Да простит мне читатель это лирическое отступление но... Мне представляется как в его детстве, в один из вечеров, семья собирается сесть за ужин. Уже спечен мчади и сварено лобио. Хватились Акакия, зовут, зовут, а его все нет. Ну где же он еще может быть, как не на улице под фонарем с книгой в руках. Ох уж этот Акакий! И мачеха второпях бежит за ним, чтобы поскорее накормить и уложить спать неугомонного мальчишку. Старший сын в семье особенно настойчив и целеустремлен. Хотя детство тяжелое и перед тем как сесть за уроки, надо помочь отцу — забить в десять пар чувяков деревянные гвозди или прополоть кукурузу — он не сдастся.

Удаются ему все предметы, но особенно — математика. Вспоминаю, что уже даже в преклонном возрасте мой отец устно производил математические операции с трехзначными числами, держал в уме всевозможные цифровые показатели, будь — то в — сельском хозяйстве или в промышленности, без труда составлял любой годовой баланс.

Обладая прекрасной памятью и пытливым умом, он в короткий срок смог детально разобраться и изучить многие сферы человеческой деятельности — нефтяную промышленность, чаеводство или табаководство, строительство, политику, кролиководство и картофелеводство, промышленность, культуру или военное дело.

Вспоминается мне такой случай. В совхоз приехал один уважаемый деятель, много раз ездивший за границу. За обеденным столом речь зашла о Японии, где гость побывал несколько раз. Заговорили о японских обычаях. Отец упомянул один из них, довольно редкий, не очень известный, и гость ответил, что к сожалению не бывал так часто в этой стране, чтобы знать об этом.

— А я там вообще никогда не бывал — заметил отец.

Он очень любил книги. Даже в те моменты, когда нашей семье бывало материально трудно, он всегда откладывал деньги на книги, покупая новые или букинистические издания. Собранная им богатая библиотека свидетельствует о разнообразии его интересов.

Отец любил людей, детей и взрослых. Приведу один пример — с 1943 по 1953 год он регулярно пересылал в Гантиадский Детский Дом (Абхазия) все причитающиеся ему гонорары, а они по тем временам были немалые, на которые детям — сиротам, их было 220 человек покупали подарки к праздникам, подкармливали и старались хоть как — то скрасить их обездоленное детство. У нас в доме очень долго хранились три подушечки, трогательно вышитые крестиком, присланные в знак благодарности отцу и альбом, который еще цел, сделанный руками детдомовцев.

Забота о людях, мысль о том, чтобы помочь им никогда не покидала отца. В бытность его первым секретарем ЦК КП Грузии, когда он работал по двадцать часов в сутки, оставляя себе только лишь четыре часа для сна, он приказал установить прямую телефонную связь ЦК с городом, и каждый рядовой гражданин после двенадцати часов ночи мог без помех позвонить ему, изложив просьбу или какое — нибудь предложение. Он так же лично разбирал огромную почту и один раз в неделю принимал посетителей...

Помню, как вдруг в Тбилиси поднялся удивленный шум — орденами награждали дворников города за примерную работу и прилежание в своем деле. Возможно, они были не так уж и прилежны, но представляю, с каким воодушевлением стали они работать своими метлами, после того как побывали "в правительстве" и почувствовали, что они значительные люди и без их труда городу не обойтись.

Однажды переработавшись, отец просто не смог поднять с подушки голову и пойти на работу. Ровно через час раздался звонок Сталина:

– Что – нибудь случилось?

– Нет, товарищ Сталин, просто мне нужно выспаться.

– Берегите себя, пожалуйста, отдохните, если нужно, поезжайте на курорт, не переутомляйтесь, если нужна помощь, скажите.

Отец, естественно, никуда не поехал, а выспавшись в тот день, продолжил работу.

Очевидно, именно такой самозабвенный труд на благо людей принес ему огромную популярность.

Помню, как после того, как его сняли с поста первого секретаря ЦК КП Грузии, когда радио каждый день выливалось на него ушат грязи, оголтело объявляя врагом народа, к нам домой, не побоявшись официальной линии правительства, стали приходиться люди, чтобы выразить отцу свою моральную поддержку и глубокое уважение. Среди них были и те, которым в свое время он помог выкарабкаться из тяжелых ситуаций, и те которых он вообще никогда не видел и не знал.

Отзвуком этой популярности и любви было требование людей, молодых, что особенно приятно, и взрослых, собравшихся у памятника Сталина девятого марта 1956 года – Верните нам Мгеладзе!

В то время отец находился в Москве по вызову КПК, где в очередной раз “разбирались в его враждебной деятельности”. Представляю, как сожалели официальные лица, что в этот момент Мгеладзе не было в Тбилиси. Ему тут – же приписали бы инспирирование этой акции и с облегчением тотчас бы расстреляли.

Помню, как в один из тех дней молодые люди пришли к нам домой, чтобы пригласить отца к памятнику Сталина, где непрерывно шел митинг. На квартире никого не оказалось. Нам об этом сообщили соседи. На второй день я возвращалась из школы и уже около дома меня окружили видимо те же молодые люди.

– Вы дочь Мгеладзе?

– Да.

– Где Ваш отец?

– Он в Москве.

– Это правда? – усомнились они.

– Пойдемте со мной к нам домой и Вы сами убедитесь в этом – предложила я.

Пойти они отказались и извинившись ушли в направлении набережной...

Помню, как в том же тяжелом 1956 году скончался мой дедушка Иванэ Мгеладзе. Несмотря на то, что всего лишь год назад отец был исключен из партии и за ним еще тянулся длинный "шлейф преступлений", на похороны собралось очень много народу. Но не об этом я хотела бы рассказать. Через несколько дней после похорон, житель одного высокогорного села случайно оказался в Гудаута. Узнав о кончине Иванэ Мгеладзе, он пришел к нам выразить недоумение и обиду – почему им в горы не сообщили об этом. Наша семья принесла извинения, мотивируя свой поступок нежеланием беспокоить людей, тем более, что это было связано с дорожными трудностями.

Человек ушел. А через несколько дней прибыли представители высокогорных абхазов, незнакомые нам люди. Они вошли в дом, попросили брюки и фуражку моего деда, разложили все это на его кровати, попросили присутствующих выйти, закрыли дверь и громко, по законам "абхазского зари" оплакали Иванэ Мгеладзе.

Потом их, естественно, пригласили к столу и они добрым словом помянули моего только что ушедшего деда...

... Вспоминается мне так же и случай, происшедший в те же тяжелые годы.

Однажды, в семье брата отца Иосифа, поздно вечером кто – то позвонил в дверь. Дядя был на встрече с друзьями и моя тетя, решив спросонья, что вернулся муж, быстро открыла дверь и повернулась, чтобы вернуться в спальню. Вдруг, то ли заметив краем глаза, то ли интуитивно почувствовав что – то неладное, она остановилась и увидела в дверях двух бородатых, заросших мужчин явно криминального вида. Тетя, естественно, испугалась, но дверь прикрыть уже было поздно.

Один из них произнес:

– Мы воры, но Вы не должны нас бояться. Сегодня мы обокрали женщину, которая, очевидно, была кассиршей. Вместе с деньгами у нее лежала в сумке ведомость, на которой была подпись И. Мгеладзе. Мы знаем, – продолжал мужчина, – что Иосиф Мгеладзе является братом Акакия Мгеладзе. Вот мы и решили вернуть эти деньги, дабы каким – то образом не причинить ему зла.

Мужчина протянул сверток с деньгами и больше ничего не сказав, они ушли.

Естественно, об этом происшествии рассказывалось шепотом и только в кругу очень близких людей...

...Тесная дружба связывала отца со многими выдающимися людьми того времени, и среди них со знаменитим певцом Давидом Гамрекели. Он неоднократно бывал в совхозе и у нас дома в Тбилиси.

Однажды отец с матерью были приглашены певцом на юбилейный вечер в ознаменование 60 – летия со дня рождения и 35 – летия сценической деятельности, состоявшимся в Тбилисском театре оперы и балета. Театр был переполнен. Неожиданно к ним подошел молодой человек, повел их в партер и усадил в третьем ряду. Видимо Датка (как его с любовью называли) знал, что отец любит сидеть в третьем ряду. Через некоторое время к ним подошел Зураб Анджапаридзе, сказав, что ему поручено проверить, все ли в порядке.

Юбилейный вечер прошел хорошо, но у отца осталось чувство неудовлетворенности. Считая что такой большой певец достоин большего, он решил отметить 60 – летие Давида Гамрекели у себя в совхозе.

И вот, 30 июня 1972 года Датка с супругой Бубусей, братом Борисом и племянником Ия прибыли в Бебниси. Стол накрыли у родника «Шотас цкаро». Приехало много гостей. Искренне восторженным тостам не было конца. Датка был «в ударе», его все еще мощный прекрасный голос привольно разносился над цветущими садами и полями Картли.

Отец преподнес Давиду сделанные по заказу на Кутаисском хрустальном заводе крушееницу со стаканами и подносом и фруктовую вазу – подарок истинно большому грузинскому певцу, сделанный из грузинского хрусталя грузинскими рабочими и специалистами...

Родник “Шотас цкаро”, которым так гордился мой отец, постепенно стали называть “Мгеладзис цкаро”, так же как и лесопарк, раскинувшийся вокруг и сам совхоз – “Мгеладзис парки”, “Мгеладзис меурнеоба”.

Воздавая дань глубокому уважению и в знак огромной благодарности бебнисцы установили барельеф отца у родника, там, где так часто встречались прекрасные люди того времени.

...В архиве отца осталась обширная переписка с известными грузинскими и русскими деятелями. Это письма с поздравлениями, наилучшими пожеланиями, приглашениями, благодарностями за оказанную помощь, и просто письма присланные из – за желания пообщаться с умным человеком. Эти письма написаны в разные периоды жизни корреспондентов. Назову их имена: Ната Вачнадзе, Давид Гамрекели, Ак. Васадзе, М. Чиаурели, Дмитрий Мchedлидзе и Вера Давидова, Зураб Анджапаридзе, И.Сухишвили и Н. Рамишвили, Константинэ Гамсахурдия, Иосиф Гришашвили, Г. Леонидзе, Ир. Абашидзе, Иосиф Нонешвили, К. Лордкипанидзе, Резо Джапаридзе, Хута Берулава, Ираклий Андроников, Анна Антоновская и ее сын Борис Черный, Мосе Тоидзе, Отар Тактакишвили, Шалва Мшвелидзе, Григол Кокеладзе, Вахтанг Палиашвили, академики Ав. Зурабашвили, Ив. Бериташвили, Н. Мухелишвили, Арн. Чикобава, известный цветовод из Мцхета Мих. Мамулашвили, Сергей Михалков, Николай Тихонов, главный маршал авиации СССР Голованов, генерал – лейтенант Хижняк и др.

В нашей библиотеке хранятся книги с дарственными надписями многих людей, среди них такие как: Арн. Чикобава, Г. Церетели, Симон Джанашия, А. Барамидзе, Ш. Радиани, Бесо Жгенти, Нико Кецховели, Галактион Табидзе, Г. Леонидзе, Ир. Абашидзе, Реваз Маргиани, Ак. Белиашвили, Ладо Авалиани, Кетаван Нуцубидзе, Тэдо Сахокия, Дмитрий Аракишвили, Корнелий Санадзе, Тамар Абакелия, Г. Мдивани, Паата Гугушвили, профессоров Университета Сосо Боцвадзе и Акакий Урушадзе, генерал Н. Таварткиладзе, Константин Симонов, Мариэтта Шагинян и многие, многие другие...

Среди обширнейшего фотоматериала архива я, случайно, обнаружила одно любопытное фото, на котором изображен скульптурный портрет Чахрухадзе работы Я. Николадзе с дарственной надписью, которую я, без каких – либо комментариев, воспроизвожу дословно, в таком виде, в каком она была сделана:

“25/Х. 50

პატრივკემულ აკაკი ივანეს ძეს მგელაძეს ვუძღვნი ჩემს
ნამუშევარს. აკადემიკ.
ი. ნიკოლაძე“^x

X) “Уважаемому Акакию Ивановичу посвящаю свою работу.

Академик Я. Николадзе.

Заканчивая воспоминания, мне хочется сказать несколько слов о моей матери. Она была вернейшей супругой и вернейшим другом и если бы не стойкость ее характера, неизвестно, как сложилась бы судьба нашей семьи...

...Сегодня, оглядываясь на пройденный путь отца, мне вспоминается общеизвестный постулат: — человек полноценно прожил жизнь, если он родил ребенка, написал книгу и посадил дерево.

Что ж, мой отец произвел меня на свет, написал книгу, воздвигнул множество зданий и посадил много, много деревьев

Значит жизнь была прожита не напрасно.

Человек уходит, человек остается.

Натела Мгеладзе.

Отец Иване Мгеладзе

Мать Ольга Шарадзе

Сыновья Иосиф и Акакий

Акакий Мгеладзе

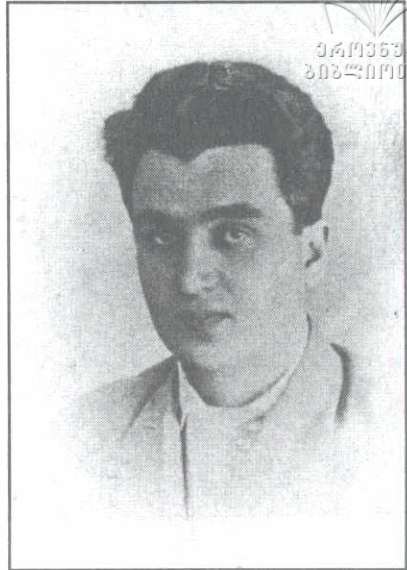
Супруга Эмилия Хелман

Акакий Мгеладзе с дочерью Нателой и внучкой Наной

საქართველოს
კომუნისტური
პარტია

Комсомол

Управляющий Трестом Грузнефть

Война

Абхазский период

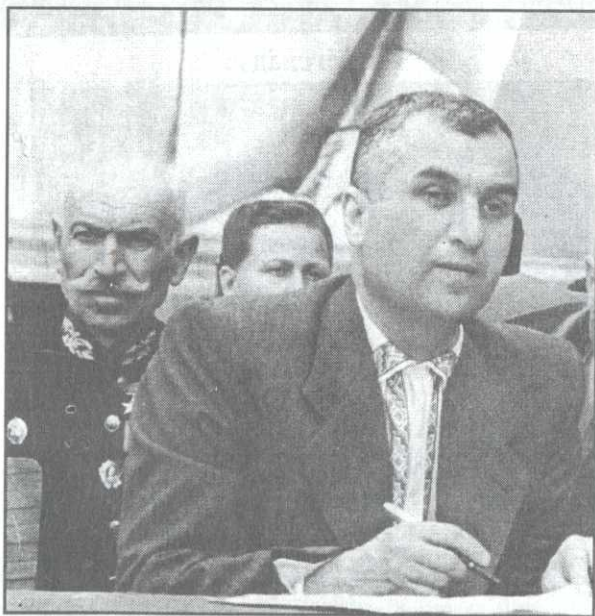
А. Мгеладзе

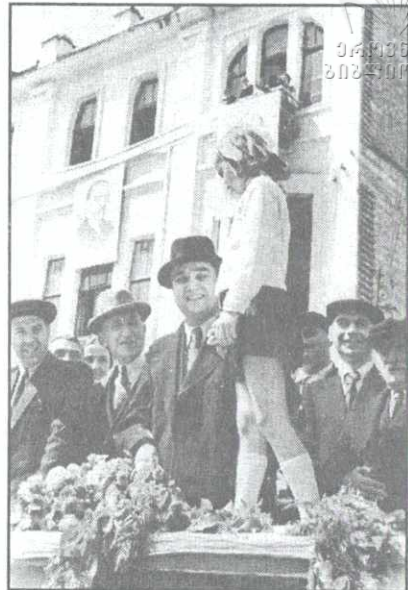
А. Мгеладзе, Ш. Гетиа

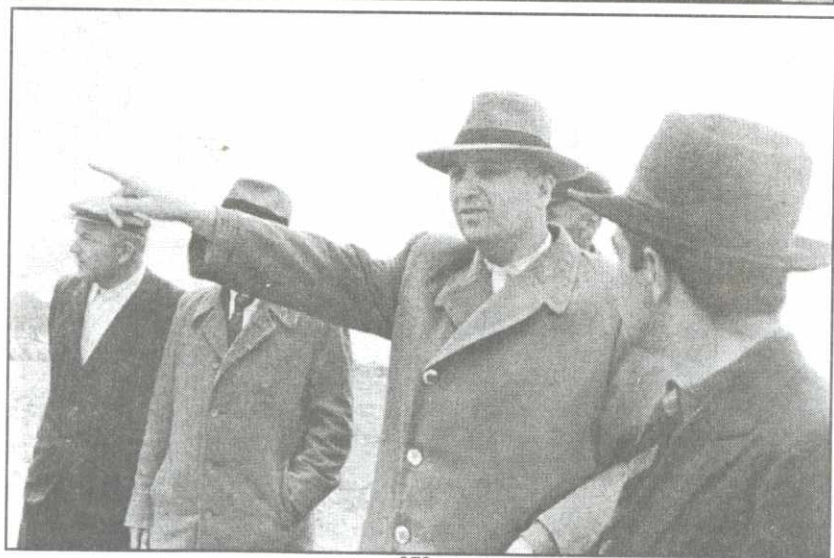
А. Мгеладзе А. Тарба

А. Мгеладзе

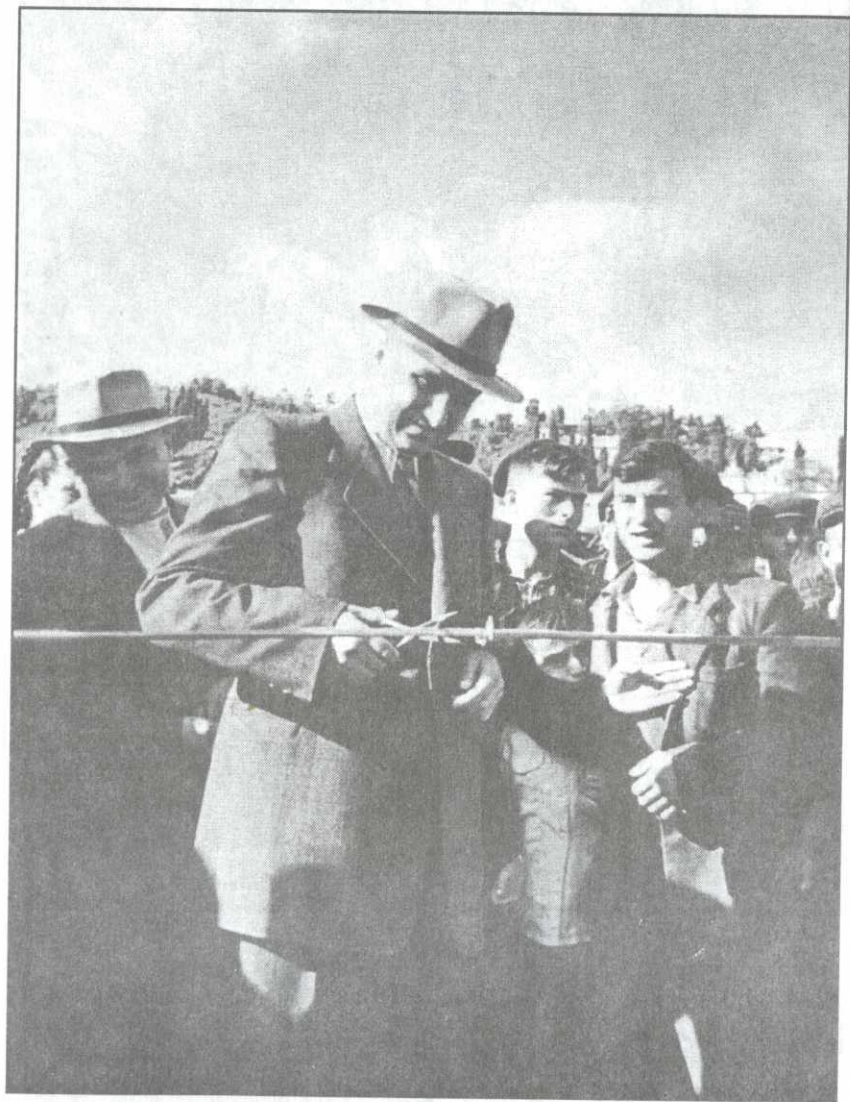

Строительство парка на Сухумской Горе

Открытие парка на Сухумской Горе

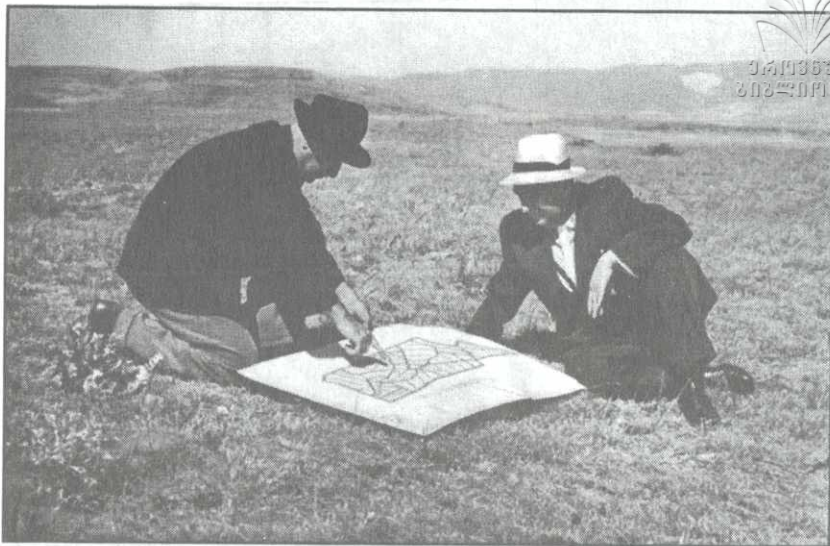

А. Мгеладзе
Первый Секретарь Ц.К. Компартии Грузии

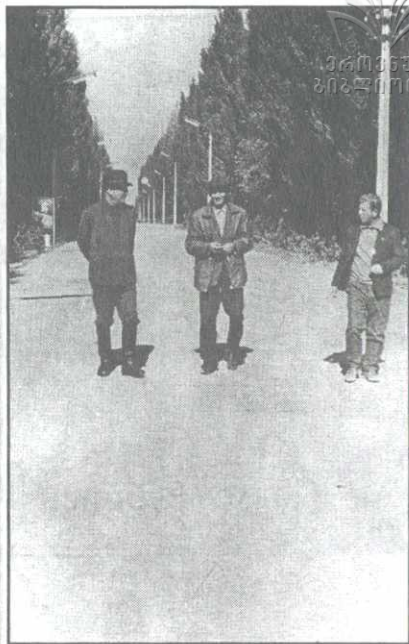
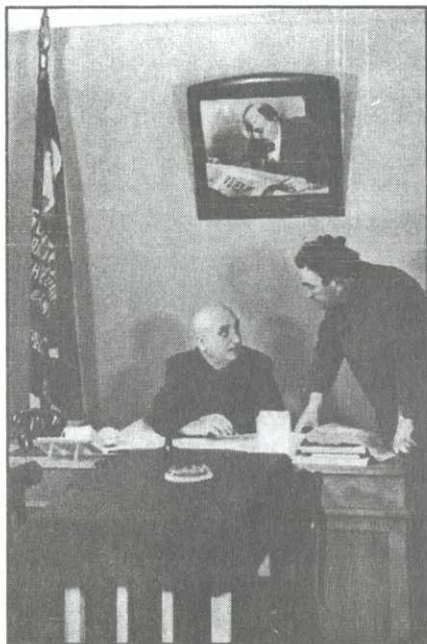
საქართველოს
 ეროვნული
 ბიბლიოთეკა

Самгорская долина, Территория будущего
виноградорского совхоза

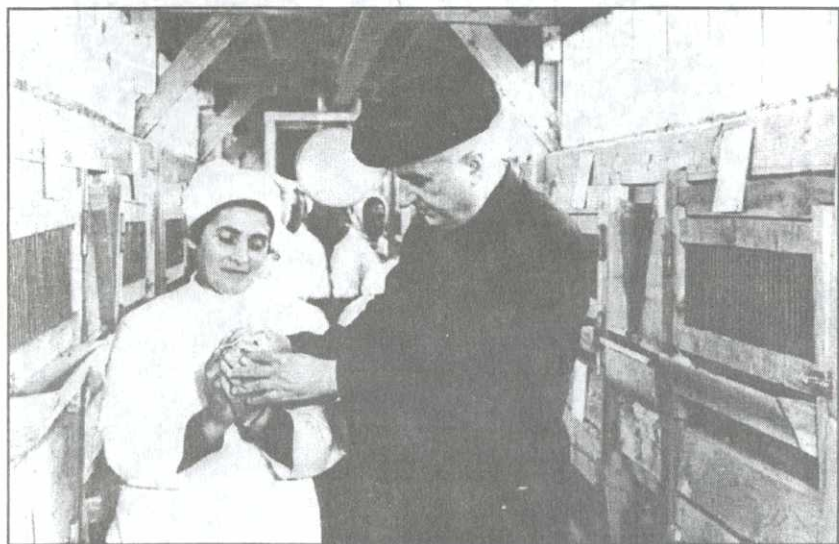

Совхоз Бебниси

საქართველოს
საგარეო ურთიერთობების
სამსახური

Совхоз Бибниси

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՊԵՏԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

Совхоз Бибниси

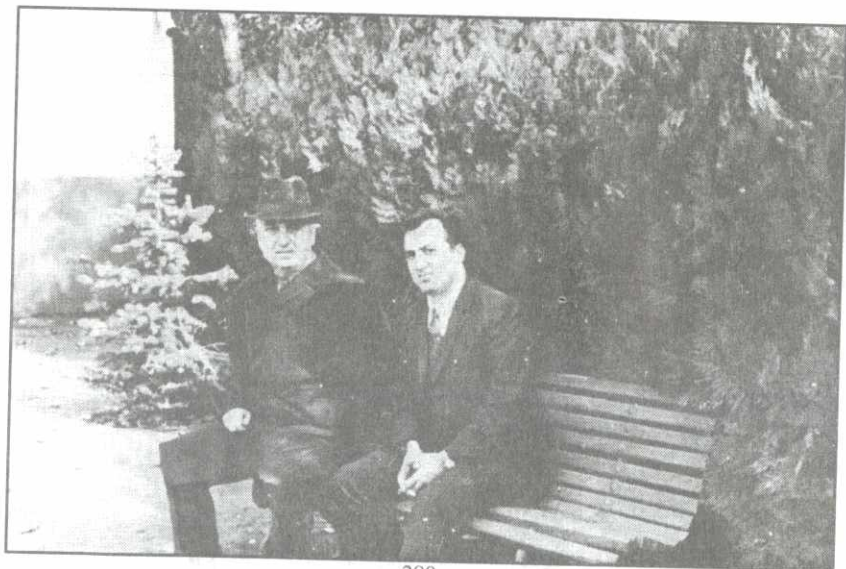

Բեբնիսի

Бєбниси

Совхоз Бибниси

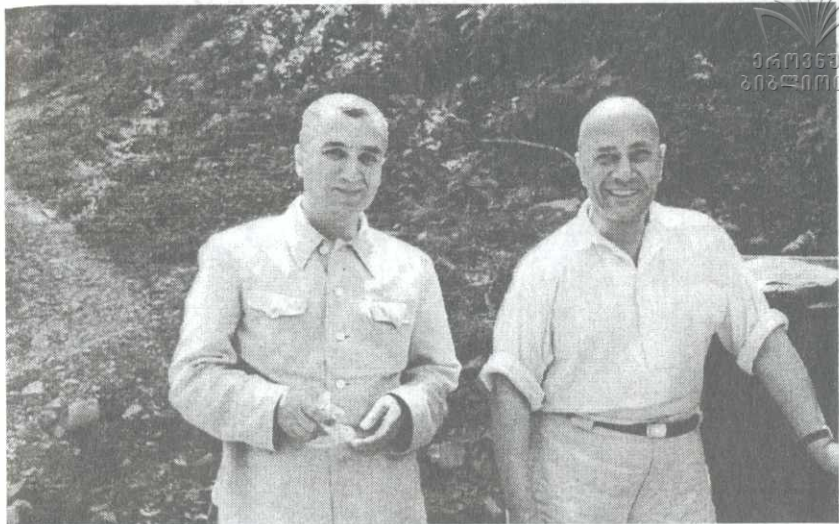
Встречи

Актер Михаил Геловани, А. Мгеладзе

Встреча с деятелями культуры и литературы

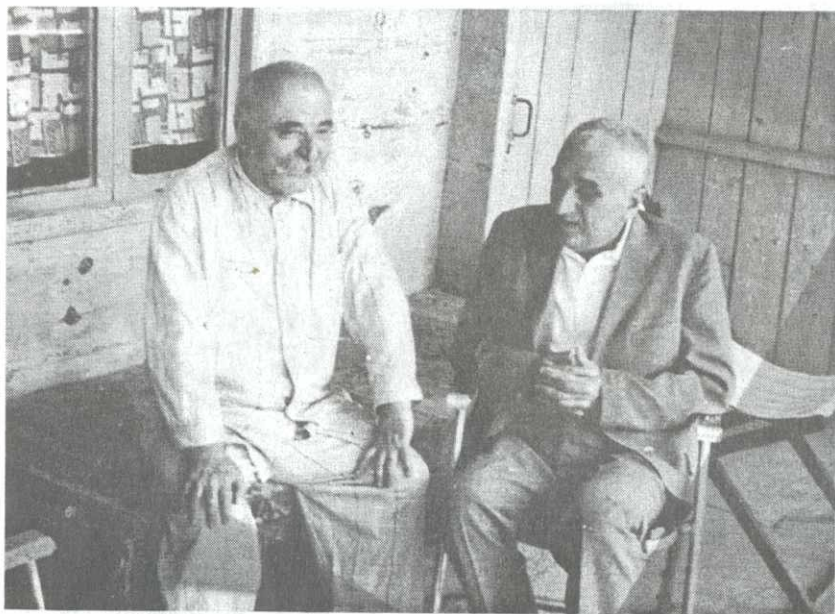
Актер А. Хорава, А. Мгеладзе

А. Хорава, Г. Чоговадзе, А. Мгеладзе, А. Васадзе

В центре Кетеван Нуцубидзе

Ак. Ав. Зурабашвили, А. Мгеладзе

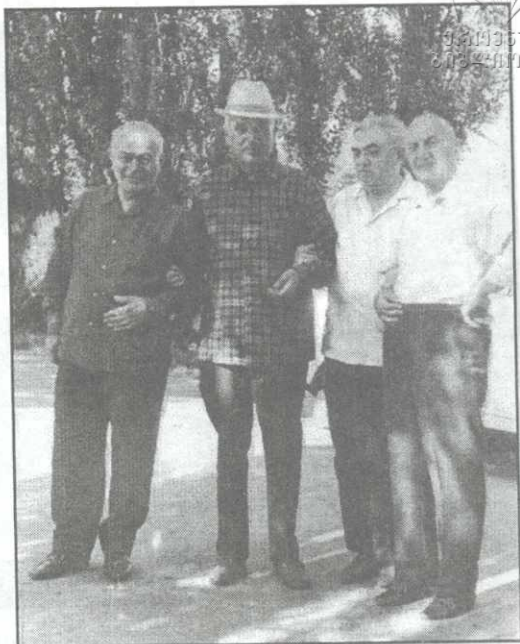

Встреча с грузинскими генералами

А. Мгеладзе с И. Нонешвили и Р. Лагидзе

Композитор
Ш. Мшвелидзе,
А. Мгеладзе,
Проф. В. Палиашвили,
Композитор
Р. Кокеладзе.

Певец З. Анджапаридзе, А. Мгеладзе, директор
тбилисского театра оперы и балета Д. Мчедлидзе.

А. И. Мгеладзе

Автор книги "Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого" Акакий Иванович Мгеладзе на разных этапах жизни являлся высоким партийным руководителем, а также занимал различные должности на государственной и хозяйственной работах в период существования Грузинской Советской Социалистической республики.

Предлагаемая книга – рассказ о многочисленных, неизвестных в мемуарной литературе, личных встречах со Сталиным и другими выдающимися людьми того времени.